

Battle BULL

THE
WHITE RHINO
HOTEL

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА

Отель
Бартл Булл
«БЕЛЫЙ НОСОРОГ»

«Мужчины и женщины на бескрайних просторах Африки. Фантастические приключения, похоть, злодеи, герои и антигерои... От повествования захватывает дух. Обязательно следует прочесть». Что еще можно добавить к этому восторженному отзыву «Лайбрэри джорнэл» о романе «Отель "Белый носорог"»? Только одно: обязательно следует купить и прочесть!

- [Бартл Булл](#)
  - [Коротко об авторе](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
    - [Глава 23](#)
    - [Глава 24](#)
    - [Глава 25](#)
    - [Глава 26](#)
    - [Глава 27](#)
    - [Глава 28](#)
  - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
    - [Глава 29](#)
    - [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)

- [Глава 32](#)

- [Глава 33](#)

- [Глава 34](#)

- [Глава 35](#)

- [Глава 36](#)

- [Глава 37](#)

- [Глава 38](#)

- [Глава 39](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

- [Глава 40](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

Бартл Булл

Отель «Белый носорог»

Бартл Булл

После бурного успеха, выпавшего на долю его первого произведения, «Сафари» — хроники ста пятидесяти лет африканских сафари, — Бартл Булл задумал описать захватывающие приключения на «черном континенте». В результате на свет появился «Отель «Белый носорог».

Более тридцати лет Булл изучал Африку. Его отец во время второй мировой войны служил в гвардейских частях «Колдстрим» в Эфиопии, Ливии и Египте, а дед дружил с Генри Райдером Хаггардом, автором первого значительного произведения на африканском материале — романа «Копи царя Соломона».

Бартл Булл — юрист, живет с сыном в Нью-Йорке.

«Отель «Белый носорог» гостеприимно распахивает двери перед охваченными «земельной лихорадкой» переселенцами, устремившимися в Восточную Африку после первой мировой войны. Здесь, уставший от условностей большого света, аристократ лорд Пенфолд радушно принимает гостей, пока его стареющая супруга стремится удовлетворить свой сексуальный аппетит. Здесь хитроумный карлик, бармен Оливио Алаведо, обуреваемый страстями и жаждой мести, изобретает все новые способы

ублажать пресыщенных дам. Здесь чувствуют себя желанными гостями предприимчивый, воспитанный цыганами английский юноша, ослепительная уроженка Уэльса, братья-ирландцы с темным прошлым, американский ковбой и африканский вождь, разрывающийся между двумя цивилизациями, португальский шулер и его обольстительная сестра. Их влекут в Африку золото, земля, свобода, приключения и любовь — да мало ли что нужно человеку под обжигающим солнцем, и мало ли какие страсти бушуют в похожем на джунгли человеческом сердце!

Бартлу Буллу есть о чем рассказать, и он делает это в прямой, откровенной, запоминающейся манере. Никаких розовых очков! В романе действуют живые люди... и много секса».

«Вашингтон Пост»

ПРОЛОГ

12 ноября 1918 года

Глава 1

Отель «Белый носорог». Наньюки, Кения

Похожий на краба, Оливио карабкался вверх по стремянке позади широкой освинцованной стойки. Он подтягивался на руках до тех пор, пока крохотные ножки в сандалиях не нащупали полку. Тогда карлик вытащил из-за шафранового кушака льняное полотенце и, кое-как балансируя, заскользил по ней до конца стойки, внимательно осматривая ее поверхность: не осталось ли следов вчерашней попойки, окурков сигар или пятен кларета.

Послышался громкий свист — кто-то звал Оливио на второй этаж, дую в пустую латунную гильзу от маузера седьмого калибра. Бармен извлек из ледника последнюю бутылку шампанского и, поставив вместе с бутылкой темного пива и парой стаканов на поднос, обтянутый кожей носорога, стал подниматься по лестнице, держась маленькой ручкой за перила.

Приблизившись к четвертому номеру, Оливио приставил широко раскрытый глаз к двери. На полу валялись два белых платя. Слышался мелодичный звон крохотных колокольчиков. Черные Тюльпаны! Оливио облизнулся и склонил голову набок, чтобы в поле зрения попала кровать. Ему хотелось во всех подробностях рассмотреть, как прекрасные сомалийские близнецы выполняют свой профессиональный трюк: подвергают клиента танталовым мукам разжигания и утоления страсти без проникновения.

— Прочь отсюда, урод!

Изнутри комнаты на дверь обрушился тяжелый ботинок. Ручка расцарапала карлику висок.

Богатый опыт работы в ночных клубах Бомбея и Британской Восточной Африки подсказал Оливио: нужно сматывать удочки. Англичане весьма чувствительны во всем, что касается их отношений с африканскими женщинами — насколько вообще могут быть чувствительны англичане.

Он отомстит — потом. Как многие гоанцы, Оливио Фонсека Алаведо вел длинный счет обидам. Вот уже четыреста лет португальцы оккупируют его родину — остров Гоа у берегов Индии. Когда-нибудь им дадут пинка под зад. И он, Оливио, еще проучит этого наглого англичанина, мистера Губку Хартшорна — на свой особый манер.

Только англичанин мог построить в предгорьях центральной Кении отель, пристанище всех фермеров с воспаленными глазами и странствующих охотников за слоновой костью от Найроби до Абиссинии. Что они смыслят в цивилизации?

Хотя во всей Британской Восточной Африке насчитывалось не более двух тысяч гоанцев, Оливио и его соотечественники построили Гоанский институт — одно из первых каменных зданий в Найроби. Три с половиной столетия назад, когда забитые английские крестьяне, как дикари, тряслись от холода в жалких лачугах с соломенными крышами, португальские мастера инквизиции уже очищали от еретиков Западную Индию. Отец Оливио — подумал он с гордостью — наверняка был побочным сыном покойного архиепископа Гоа, дона Тиаго де Кастаньеда-и-Фонсека.

Оливио представил себе предполагаемых родственников — португальских вельмож, пользующихся всеми привилегиями своего класса и даже не помышляющих о его существовании — и стал прикидывать величину наследства.

Рожденный в тени кафедрального собора, возведенного португальцами в шестнадцатом веке на острове, где индусы и мусульмане на протяжении многих столетий плодились и воевали, пока наместник короля дон Альбукерк в 1511 году не уничтожил последнего магометанина, Оливио научился с первого взгляда распознавать варварство. И сейчас дикий голос варварства долетал до него с просторной деревянной веранды, сопровождаемый стуком костей на столе для игры в триктрак.

— «Ява»! Кофе! — выкрикнул хриплый голос. — Шевелись, парень! Одна нога здесь, другая там!

С черным кенийским кофе на подносе Оливио не спеша двинулся к веранде. Проходя мимо бара, он залюбовался делом своих рук — сверкающей стойкой. Шагнув через порог и вдохнув напоенный пьянящими ароматами ветер африканского утра, он на мгновение замер. Прислушался к перекличке хохлатых удонов. Птицы весело порхали кругом, охотясь на червей и ящериц. Временами Оливио, как индеец, был всем сердцем на стороне ящерицы. А то вдруг в нем разыгрывал дух конкистадоров, и он болел за охотника.

Ночью играли в триктрак. Как обычно, ставкой была земля. Никакие деньги не продержали бы неотесанных фермеров за столом всю ночь напролет. Проигравший (как правило, ставили десять акров за раз) предпринимал отчаянные усилия вернуть свою ферму.

Карлик давно усвоил: англичан интересуется одна земля. Даже Африка казалась им тесной — а ведь здесь можно топтать много дней подряд и не встретить ни души. Если у этих людей дома была земля, они рвались в колонии за деньгами на ее содержание. А если не было, устремлялись к чужим берегам за самой землей. Теперь, когда кончилась война, они будут убивать друг друга из-за земли.

Оливио подошел к игральному столику. С легким поклоном вручил победителю счет. На морщинистом, багровом от возбуждения лице фермера проступила усталость. Он протер глаза и, вытащив кипу смятых расписок, вручил одну изумленному бармену.

— Откуда у меня деньги, Оливио: я же фермер. На вот, расплатись за меня. Остальное возьми себе — на память об окончании войны. Чертова ферма Амброза не стоит и фартинга. Какой дурак станет там жить?

Обходя территорию отеля, бармен задержался во дворике позади двухэтажного здания, возле вывезенного из Англии розового куста. Не обращая внимания на шипы, он погрузил лицо в душистые ветви и, зажмурившись, вдохнул божественный аромат. Как все-таки мало люди пользуются своим носом!.. Оливио оборвал источенные насекомыми листочки. Носком сандалии раздавил белую ракушку и безжалостно расправился с ее обитательницей улиткой. И строго-настрого наказал мальчику-садовнику поливать куст так, словно это последний кукурузный стебель на плантации его отца.

Семь лет назад, когда отель был уже построен, а жестяную крышу еще не привезли, хлынули апрельские ливни и залили комнаты. Тогда-то Адам Пенфолд и посадил этот розовый куст, доставленный вместе с землей из его родового поместья в Уилтшире. Спустя несколько месяцев, обеспокоенный слабостью молодых побегов, Пенфолд приказал выкопать у основания яму и привести быка, страдающего клещевой лихорадкой. Из ноздрей животного сочился гной, бока стали похожими на рыбий скелет. Пенфолд выстрелил ему в ухо из «уэбли» сорок пятого калибра и, подтолкнув агонизирующее животное в свежерытую могилу, собственноручно засыпал ее и утрамбовал землю. Оливио нянчился с кустом, как с щенком, и тот наконец покрылся белыми цветами. Его светлость страшно гордился тем, что обеспечил кусту четыреста фунтов ходячего удобрения и таким образом

спас этот маленький уголок Англии.

Оливио стряхнул с себя воспоминания и полез в карман, пришитый к внутренней стороне широкого кушака, — за распиской.

«Я, нижеподписавшийся, передаю подателю сего десять акров поливных земель на ранчо «Антилопа канна» у излучины Эвасо-Нгино. Ричард Амброс, 12 ноября 1918 года».

Когда-нибудь пригодится.

Оливио подошел к открытой двери кухни. Оттуда, держась за руки, выскочили две стройные фигурки. Белые платья из хлопка давали достаточно полное представление об остроконечных грудях. Точеную шею каждой девушки туго охватывало кольцо из серебряных колокольчиков.

Весь во власти неудовлетворенного желания, Оливио повернулся в сторону деревни. Там, среди акаций, жило племя кикую. Внимание карлика привлекла стайка молодых девушек. Сощуриив глубоко посаженные глаза, он долго рассматривал их с видом знатока. Но где же та, которую он ищет?

Из-под плоских камней для приготовления пищи выбивались языки пламени и курился дым. Женщины плели корзины. Мальчишки пасли скот. Несколько мужчин слонялись близ круглых, крытых соломой хижин в ожидании приятного момента, когда жены принесут им выдолбленные тыквы с густым медом — ньохи. Оливио заговорил с одним из них; тот сразу бросился на поиски вождя — приятное подтверждение раболепного уважения, с которым жители деревни относились к карлику. Они знали: от бармена зависит распределение благ, перепадающих им от отеля.

После небольшой, но досадной задержки из своей хижины вышел вождь Китенджи. Худой, угловатый, как саранча, он медленно шел, опираясь на резной посох красного дерева. Остановившись у едва заметной черты, отделявшей деревню от территории отеля, старик присел на бревно. Ясно: не хочет, глядя сверху вниз, раздражать карлика. А за глаза, как и прочие дикари, называет его Чура Ньякунда — Желтая Лягушка.

Оливио приготовился отражать попытки хитрого африканца что-нибудь вытянуть из него, не поступаясь ни малейшей толикой собственного имущества или власти. Кончится тем же, чем и всегда: подношением. Правда, сегодня Оливио имел в виду кое-что получше.

— Приветствую тебя, великий Баба, отец моей деревни.

— Где мои замечательные шкуры, старик? — прошипел Оливио. — Где корзины, которые мне обещали сплести твои старухи?

— Шкуры? Это какие же, Баба? — спросил вождь, возвышая голос и закатывая водянистые глаза. — Вчера я дал тебе фасоль и крупные тыквы. А шкуры? Откуда я возьму шкуры? Моим людям запрещено охотиться.

— Шкуры — на антилопах, иди и сдери. Обработай как следует и принеси мне — иначе не получишь воды из источника его светлости.

— Не получу воды? Но, возлюбленный Баба, ведь тогда мои дети не смогут служить тебе. А мужчины, которых я отдал тебе, когда началась война? Вспомни, Баба: восемнадцать крепких носильщиков для английских солдат. Им пришлось идти далеко-далеко, в страну злых дикарей, львов и болезней. Разве мои братья вернулись домой? Разве их дети сыты, а жены — согреты? Если они вернуться, станут ли почитать своего вождя после всего, что вытерпели от англичан: носили их на своем горбу, голодали и много, много раз прощались с жизнью? Какими глазами они будут смотреть на меня, бесценный Баба?

— Я, что ли, начал войну, старик? — возразил карлик, ни на минуту не забывая о цели

своего визита. — Я забрал себе этих людей? Заставил носить себя на закорках? Нет. Это все англичане. Жены? Покажи мне хоть одну, оставшуюся в одиночестве. Нет, они, как и прежде, приносят детей. От тебя потребовали двадцать пять мужчин — семерых я выторговал обратно. Умолил знакомого его светлости. Так что ты еще должен мне семерых, или трех молодых девушек, или одну — особенную.

Оливио почувствовал, как оцетинился вождь.

— Твоя дочь Кина. Только она может спасти твоего несчастного сына, подлого Кариоки. Ей уже почти двенадцать. У нее нежные, гордые грудки. Самое время...

Вот оно — то единственное, в чем вождь до сих пор отказывал Желтой Лягушке! Китенджи обернулся и кликнул:

— Нгери!

В голове Оливио молнией пронеслось воспоминание о том довоенном дне, когда Кариоки помешал ему позабавиться со своей сестрой. С тех пор Оливио проявил бездну терпения — ждал, когда она созреет.

Нехотя подошел Нгери. Он заранее знал, чего потребует Китенджи. С точки зрения колониальных властей, Нгери был злостным браконьером, зато жители деревни считали юношу своим лучшим охотником. В его жилах смешалась кровь землепашцев-кикуйю и обитателей джунглей, непревзойденных строителей засад — нанди.

— Ступай, Нгери, принеси бесценному Баба две прекрасные шкуры — все, что у нас осталось.

В это время к отелю подъехал автомобиль. По-прежнему сверля Китенджи острым взглядом, Оливио машинально прислушался к шуму двигателя. Старый седан «напье». Два раза просигналил рожок. Леди Пенфолд. Придется отложить свои дела на потом.

Вождь понял: на этот раз пронесло, и почтительно склонил голову. Карлик побрел к отелю. Нетрудно догадаться, каких услуг потребует хозяйка.

С тех пор как леди Пенфолд убедилась в способности карлика — после соответствующей подготовки — целиком погружать руку в ее плоть, она не давала ему прохода. Даже сегодня, возвращаясь домой после бурно проведенной ночи, леди Пенфолд время от времени закрывала глаза и представляла, как крохотный, но подвижный кулачок Оливио, словно тропический цветок, распускается в ее жарких глубинах.

Еще в юности Оливио постиг нехитрую истину: человек с физическими недостатками должен трудиться. И он постоянно совершенствовал свое мастерство, чтобы соответствовать доставшейся ему роли. Чем большее отвращение он внушает женщинам, тем изощреннее должны быть его ласки. Другие завоевывали женщин благодаря эффектной внешности, власти, деньгам или обаянию. Большинство мужчин, будь то англичане или кикуйю, шли к женщинам за своим кратковременным удовольствием. Мало кто, особенно из англичан, заботился о том, чтобы подарить наслаждение самой женщине. Зато карлик только об этом и думал. Давая женщинам то, чего они не получали от других мужчин, он стал предметом их грез, объектом неутолимой страсти.

Оливио вошел в прихожую и поклонился хозяйке. Высокая, еще больше исхудавшая, леди Пенфолд не удостоила его взглядом, но, проходя мимо, уронила несколько распоряжений — быстрее, чем кикуйю бросали семена в борозду:

— Скажи, чтобы мне приготовили ванну. Сам хорошенько вымойся и приходи со счетами.

За многие годы Оливио научился распалять женщину и никогда не удовлетворять

полностью. Он, как всегда, подчинился. Подождал, пока леди Пенфолд разомлела в ванне, и только после этого предстал перед ней в горячих клубках пара, как джинн, со счетами в одной маленькой ручке и кремом для массажа в другой. В серых глазах карлика появилась отрешенность. На какие-то несколько минут он станет лордом Пенфолдом. «Но почему, — думал Оливио, с тайным неудовольствием глядя на распаренное, костлявое тело одной женщины и мечтая о другой — юной, прелестной, как цветок, — почему меня всегда ждут не за той дверью?»

Глава 2

Большой Виндзорский парк. Беркшир, Англия

Старый заяц-самец гордо стоял на задних лапах и оживленно фыркал. Длинные белые усы гордо пошевеливались на пронизывающем ноябрьском ветру. Наконец заяц немного сместил центр тяжести, подвинув одну лапу к кусту можжевельника. При этом он едва не угодил в петлю из зеленой лески, оставленную на тропе. Счастливо избежав западни, рыжевато-коричневый зверек жадно обгладывал иголки и шаг за шагом углублялся в кустарник.

Распластавшись на земле среди крепких корней тиса, примерно в тридцати футах от зайца, лежал юноша и не отводил от зверька напряженного взгляда. От голода у него свело желудок. Всякий раз, когда стихал ветер, до его слуха доносилось потрескивание иголок, которые хрупал заяц. Юноша завидовал теплой заячьей шубке и представлял себе шиллинг, который дали бы за зайца на Виндзорском рынке. Всего один шиллинг — за восемь фунтов мяса и шкуру! Но до чего же медленно старик ест свой ужин!

«Терпение, — говаривал его наставник-цыган. — В нашем деле главное — терпение!» Однако время было дорого. Энтон знал: за ним тоже охотятся. Самые ушлые в Англии егери — крестьяне с хитрецой в глазах — превратили Большой Виндзорский парк в западню для браконьеров. Они ненавидели тех, кто ставит капканы. В неполные восемнадцать лет Энтон мог не бояться тюрьмы, но побить — побьют. Его здесь слишком хорошо знают, чтобы рассчитывать на поблажку. Он не мог без ужаса представить себе еще одну унижительную порку. Хуже того — возобновятся гонения на табор. И, конечно, цыганам это не понравится.

Энтон издал горловой звук, точную копию хриплого покашливания горноста. Голос извечного врага потряс заячье сердце. Зверек обернулся и запутался в петле. Молодая березка, которую Энтон пригнул к земле, взвилась, как пружина; зайца подбросило в воздух. Он беспомощно закувыркался и заверещал, точно обиженный ребенок.

Юноша метнулся к нему и, схватив визжащего зверька за уши, с силой ударил его ребром ладони по хребту. Ножом пользоваться нельзя. Заяц дернулся и затих. Энтон подавил в себе чувство уважения и раскаяния, охватывавшее его всякий раз, когда ему случалось убить животное. Он отвязал от березы леску и спрятал за подкладку шапки. Затолкал зайца в клеенчатый мешок за спиной вельветовой куртки, перевел дух и побежал домой.

Неожиданно из-за дуба выскочил бородатый мужчина и саданул Энтон в грудь стволом дробовика. Ошеломленный юноша упал и услышал звон далеких колоколов. Задышавшись, он сел на земле; в глазах было темно. Егерь направил на него ружье.

— Это опять ты!

Энтон кашлянул и отвел со лба прядь прямых светлых волос. В ушах барабаном пульсировала кровь. Колокола звонили со всех сторон. Им вторили залпы из мелкокалиберной пушки. Юноша наконец-то сообразил: это Конная артиллерия устроила салют по случаю окончания войны. Он просительно посмотрел на своего врага.

— Сегодня счастливый день для Англии — а стало быть, и для тебя, мальчуган, — растрогался лесничий. Он похлопал Энтон по плечу и почувствовал под рукой теплое заячье тельце. От улыбки морщины на лице стали глубже. — Оставь себе свой ужин да приготовь повкуснее. Для скольких парней колокола звонят слишком поздно!

— Спасибо, сэр, — выдохнул Энтон.

— Послушайся доброго совета, мальчуган. Держись подальше от этих мест. Не для тебя это — шастать по лесу. За все сорок лет, что я охочусь за браконьерами, ты — лучшая добыча. Тот смуглый черт вышколил тебя на славу. Но лес — не твой, так же, как и не мой. Оставь Виндзор, оставь Англию. На этом чертовом острове ты никогда не станешь свободным. В мире есть другие страны: Канада, Австралия, да хоть Восточная Африка. Земли там хватит на всех, да и золотишка, и дичи — тоже. А теперь — гони во весь дух, и чтоб я тебя больше не видел!

* * *

По вечерам изо рта у цыган валил пар, но они веселились и пили под звуки скрипки. Энтон сидел отдельно от других на крутых узких ступеньках одной из разбросанных по опушке леса кибиток — вардо. Вход в кибитку был расположен спереди, чтобы в пути можно было разговаривать с кучером. По обе стороны от него в землю были воткнуты деревянные оглобли. Сзади шел пар от установленного на трех колышках котелка, где до сих пор булькали на догорающих углях остатки варева из зайца.

Энтон поднял воротник куртки над завязанным узлом дикло — цыганским шейным платком, который он носил вместо шарфа, и, устремив взгляд в ночное небо, прищурился, стараясь различить в вышине свои любимые звезды. Правой рукой он теребил золотое кольцо, висевшее на кожаном шнурке у него на шее. То была ушная серьга Ленареса, обучавшего его премудростям бродячей жизни. Вскоре после рождения Энтон его мать сошлась с Ленаресом, а когда он погиб, стала часто мотаться в Лондон, оставляя мальчика одного в кибитке. Чтобы начать новую жизнь — ласково объясняла мать, — ей нужна свобода действий. Однажды она не вернулась. Может, она искала, утешал себя Энтон, но потеряла след табора. Он придумывал для нее все новые оправдания. С исчезновением матери исчезла и надежда когда-либо узнать, кем был его отец — и каким. Красивым? Сильным? Любил ловить рыбу или охотиться?

Энтон вспомнил дни и ночи, когда они с Ленаресом вместе промышляли рыбной ловлей или браконьерством в лесу, как цыган учил его охотиться на зверя без ружья и ловить рыбу без удочки. Главное — иметь терпение, залечь и не шелохнуться — «срастись с землей», как выражался Ленарес.

Теперь Ленареса нет: в первые дни войны вместе с товарищами подорвался в Монсе. Перед уходом на фронт он впервые за многие годы снял серьгу.

— Обручальное кольцо моей бабушки. Дедушка сделал ей к шестнадцатилетию из украденных монет. Оно счастливое — лучше кошачьего зуба. — Ленарес поцеловал кольцо и передал Энтону.

Воспоминания искрами вспыхивали во мраке и исчезали в прохладной вышине вечернего неба. Энтон представил себе: сегодня школьники по всей стране отмечают окончание мировой войны. У них есть школы, дома и семьи — то, чего он никогда не знал и не узнает. Мать кое-чему научила его — он единственный в таборе умел читать. И его — в виде исключения — не учили красть. Другие мальчишки смеялись над ним, застав с книжкой.

Изгой из изгоев, Энтон часто пристраивался на ступеньках повозки с высокими колесами и с головой уходил в чтение заветных книг. У него была своя библиотека — целая

полка, прибитая над резной дверью кибитки. Здесь стояли книги Чарльза Диккенса — единственного писателя (говорила мама), которого любят все до одного англичане.

Однажды вечером он спешил домой, чтобы скорее взяться за любимую книжку. Герои Диккенса стали его семьей: Пеготти, Эмили, мистер Микобер... Запыхавшись, Энтон подбежал к кибитке и поискал книжку глазами.

«Дэвид Копперфилд» валялся в грязи под лесенкой. Энтон опустился рядом на колени. На глаза навернулись слезы. Первая обложка сторела. Страницы прожжены насквозь, так что видна последняя обложка. Потом он наткнулся на небрежно намалеванные углем стрелу и крокодила: цыганский знак дурных новостей и тяжелого оскорбления. Энтон стиснул зубы. Почему его не оставят в покое?

По-прежнему глядя в огонь и стараясь извлечь из кладовых памяти хоть что-нибудь хорошее, Энтон перебрал все, чему успел научиться — конечно, не в школе. Ловкость рук, торговля лошадьми, приемы вольной борьбы. Умение со свистом бросать нож, выигрывать в кости, гадать на картах, предсказывать судьбу, показывать фокусы и резать по дереву. Ощущение близости к природе. Умение сосредоточиться, достичь предельной остроты чувств, как у животного. И еще один важный дар: привычка к бродячей жизни и способность всюду чувствовать себя как дома.

Закутавшись в несколько одеял, Энтон лежал под повозкой с гладкой серьгой в руке; к спине, согревая ее, прижались две дворняжки. Одна хрустела костями недавно пойманного ежа. Другая подняла голову и принялась вылизывать котелок, подвешенный ко дну повозки. Прямо над Энтоном на тупых железных крючьях висели сковородки и корзины для цыплят — когда повозка трогалась в путь, они болтались внизу. Он выглянул наружу из-за деревянных спиц и ног щипавших траву ослов. Бронзоволицые цыганки пели об одиночестве и строили планы на будущее, когда они починят кибитки и отправятся домой, в Европу. Теперь, после окончания войны, их братья вернутся в родные места — в испанские горы и румынские леса. Пора уже. Пора, мысленно повторил Энтон, мне тоже пора. Здесь, в Англии, я никогда не стану свободным.

Глава 3

Немецкий лагерь в Касаме. Северная Родезия

С наслаждением вдыхая запах кофе и любуясь сверканием росы на колючих кустах, окружающих лагерь военнопленных в восьмиста милях южнее его отеля «Белый носорог», Адам Пенфолд спросил фон Деккена:

— Подходящее утро для войны, не правда ли, капитан?

— Для войны любой день годится, милорд, — буркнул немец и нагнулся — ослабить ремешки на кожаных крагах.

Для лорда Пенфолда и капитана фон Деккена мировая война еще не кончилась. В шортах защитного цвета и выдавшей вида форменной куртке африканских конных стрелков, Пенфолд лежал на носилках, стараясь не обращать внимания на жжение в забинтованной правой ноге, которая все еще ныла от застрявшей в ней шрапнели. Он откинул назад тронутые сединой волосы, пригладил усы и длинные крылья бровей над карими глазами и повернул к немецкому офицеру грубое, словно высеченное из гранита, лицо с орлиным носом.

Капитан, дородный мужчина с желтым от малярии лицом, сидел, откинувшись на спинку походного брезентового стула и сжав ладонями гладко выбритые виски. Теперь, когда он из-за болезни не мог руководить налетами, снискавшими ему прозвище Бвана Сакарини — Свирепый, — фон Деккен отвечал за идущих с немецкой колонной пленных.

Будучи старшим по званию, Пенфолд представлял интересы пленных перед противником. И даже начал получать удовольствие от этих регулярных встреч, обычно происходивших за завтраком.

— Что будете делать потом, капитан? — О своем будущем Пенфолд предпочитал не думать.

— Что значит «потом»?

— После капитуляции вашего кайзера.

— Сначала наведаюсь в Моши, где я родился, в предгорьях Килиманджаро. Буду потягивать с папашей яблочный шнапс; посмотрю, что осталось от плантации. Малость постреляю. Покувыркаюсь с женским полом.

— А дальше?

— Дальше, милорд, вцеплюсь в свой кусок Африки. Как сегодня нога?

— Ваши парни гораздо искуснее загоняют металл внутрь, чем извлекают наружу. Чертов баварский эскулап обещает, что эти последние осколки так и останутся в ноге. Как раз то, что нужно для торговли джином!

Пенфолд отпил глоток конфискованного у португальских плантаторов в Мозамбике превосходного черного кофе и продолжил наблюдение за уткнувшимся в карту местности фон Деккеном.

Вот уже восемь месяцев Пенфолд участвовал в большом переходе с немецкими войсками и перенес три операции в полевых условиях. Командующий немцев, генерал фон Леттов-Форбек, целых четыре года — то пешком, то на белом муле или велосипеде — водил по Африке свою колониальную армию и всякий раз ухитрялся ускользнуть от англичан, преследовавших его через всю Германскую Восточную Африку, Северную Родезию и Португальский Запад, как англичане называли Мозамбик. И сегодня, наблюдая за тем, как

фон Деккен, скособочившись над картой, с удовольствием разглядывал главного союзника своего командующего — бескрайние просторы Африки, — Пенфолд ловил себя на желании помочь немцу, недавно напоровшемуся правым глазом на колючую слоновью траву.

Пенфолд допил свой кофе, и его отнесли обратно в полевой госпиталь. Временами, когда боль становилась невыносимой, он переступал через свою гордость и просил драгоценного спирта или морфия — зная, что обрекает на мучения кого-то другого.

Не было европейца, который бы не страдал от ран и болезней. Сегодня они получали по бутылке португальского вина — вместо лекарства.

Когда Пенфолда несли обратно от аптечного пункта (лекарство — бутылка сладкого белого портвейна — лежало рядом на носилках), из госпитальной палатки донесся протестующий голос африканца:

— Нельзя, бвана! Только для операций!

Последовали два хлопка — два удара. Из палатки выскочила темная фигура в грязном полотняном костюме и налетела на носилки. Ногу Пенфолда пронзила боль. Носильщики с трудом удержали носилки лорда.

— Что за шум, Фонсека?

В устремленных на него черных, глубоко сидящих глазах португальского плантатора Пенфолд не заметил и тени раскаяния. И в который раз подивился: как у этого грубияна может быть такая обворожительная сестра?

— Что все-таки случилось?

— Ничего. Поганый кафр вечно путается под ногами!

Португалец сжимал в кулаке какие-то маленькие штучки. Когда он разговаривал, мясистые губы кривились над прокуренными зубами. Пенфолд обратил внимание на его ботинки. Типичная обувь знатного европейца: слишком изящная, чтобы лазать по кустам, с острым носком и на изрядном каблуке.

Из палатки вышел санитар-африканец с разбитой губой. Из рваных сапог выглядывали обмотки. Рубашка — в пятнах запекшейся крови. Он сплюнул кровь в сторону и произнес всего одно слово:

— Морфий.

— Покажи, что у тебя в руке, Фонсека, — приказал Пенфолд.

— Не твое дело. — Португалец сунул кулак в боковой карман куртки.

— Я отвечаю за всех пленных.

— Я — не твоя английская шваль.

— Сейчас же покажи, или, клянусь, будешь иметь дело с генералом.

Васко Фонсека вытащил руку из кармана. Дрожа от ярости и сверля англичанина злобными глазами, разжал пальцы. Когда он передавал санитару пять крошечных ампул, Пенфолду бросились в глаза его длинные холеные ногти. Он приподнялся на локтях и тихо, но внятно произнес:

— Наркотик предназначен для умирающих, а не для любителей острых ощущений. И еще. Ты не на Португальском Востоке. Не смей поднимать руку на африканцев. Если мои парни узнают, что ты поднял руку на санитаря, семь шкур спустят. Был бы я здоров, сам бы тебя отдубасил.

— Что ж, Пенфолд, мы не последний день в Африке. Я тебе этого не забуду.

— Я тоже, — ответил англичанин. Слава Богу, после войны он больше не увидит эту скотину. А как же Анунциата? Вот было бы здорово, если бы в один прекрасный день она

появилась в «Белом носороге»!

Анунциата много рассказывала о своем хитром и жестоком брате. В Африке Васко удерживало тщеславное желание стать крупным землевладельцем. Отгрохать роскошную фазенду. Владеть богатейшим поместьем, где бы он мог править как принц — как его предки правили в Мозамбике и Амазонии.

Пенфолд стиснул зубы. Носильщики понесли его к палатке фон Деккена.

— Выпьете со мной, капитан, пока повар осмотрит мою ногу на предмет паразитов?

— Не могу же я допустить, чтобы старый солдат пил в одиночестве. — Фон Деккен открыл портвейн и налил в две жестяные кружки. — Стыд-позор, что вы выбрали такое молодое вино. Англичане ничего не смыслят в выпивке.

— Может, я еще усвою эту науку.

Пенфолд поднял свою кружку.

— Почему бы вам, капитан, не оставлять за собой каменные указательные столбы, по примеру Седьмого легиона?

— Что за Седьмой легион?

— Древние римляне. Крутые были парни, точь в точь как вы: вечно искали, с кем подраться на дальних рубежах империи. Наверное, воображали себя столпом цивилизации. Преследовали и порабощали варваров. И всюду оставляли памятные вехи: «Здесь прошел Седьмой легион!»

— Мы оставляем другие памятники, — взгляд фон Деккена скользнул по склону горы, где похоронная команда из африканцев вбивала в землю деревянные кресты рядом с холмиками из камней.

Пенфолд молчал. Один за другим оставались позади указательные столбы старушки Кении. Ему было ясно: эта война — не для пожилых фермеров. Как и многое в Африке. Пусть молодежь играет в эти игры. Где бы они ни разбивали лагерь, взгляд наткнулся на частокол крестов — но это не надолго. Иногда, покидая на носилках лагерь, Пенфолд не успевал произнести слова молитвы, как на кладбище уже хозяйничали откормленные пятнистые гиены.

Вспомнив о Риме, он в сотый раз пожалел о своем Гиббоне с пометками на полях. В минуты скуки или когда что-нибудь не ладилось: ржа портила пшеницу, жена Сисси начинала брюзжать, — «История упадка и разрушения Римской империи» становилась его отдушиной. Подобно любви и земледелию — двум человеческим увлечениям, в которых Пенфолд отчаялся когда-либо преуспеть, — война сводилась к элементарным вещам. Ответит ли женщина на ласку? Пойдет ли дождь? Сколько протопает за день измученный воин?

Бессонными ночами, когда боль в ноге пульсировала в унисон с цикадами, Пенфолд закрывал глаза, чтобы не видеть колдовского неба над головой. А затем, если не приходила прекрасная португалка, вызывал в памяти карту с маршрутами пунических войн.

Парнишка-ординарец начал брить фон Деккена лицо и голову. Внезапно с берега реки донеслись выстрелы и громкие возгласы. Подбежал возбужденный солдат — туземец из племени аскари — и, отдав честь, сообщил новость:

— Бвана Сакарини! Гиппопотамы! Много — больших и жирных!

Отлично, подумал Пенфолд, значит, люди вновь разделят торжественную трапезу — возможно, в последний раз. Каждый изголодавшийся воин мечтал о любимом блюде. Для фон Деккена это, скорее всего, пухлые клецки, брусника и мелкая кислая смородина с

берегов Рейна. Сам Адам Пенфолд обожал горячие «самоса» — треугольные индийские пирожки с острой начинкой. Фирменное блюдо «Белого носорога». А также рубленую брюссельскую капусту, мясо газели Томсона и собранные после дождя на склонах горы Кения крошечные лесные грибы, запеченные в костном мозге антилопы канны, с тамариндовым соусом собственного приготовления. И еще — сдобные бутерброды с тетеревиным паштетом... Пенфолд закрыл глаза.

Немцам, их союзникам-аскари и пленным нередко приходилось голодать вместе. Чтобы выжить, люди пекли хлеб из батата и риса. Жгли мангровые кусты и употребляли золу вместо соли. Жевали кожаные ремни. Пенфолду начало казаться, что на свете нет ничего такого, из чего при соответствующей обработке нельзя испечь буханку хлеба или — еще лучше — скрутить сигару. Когда, после дальнего патрулирования, в лагерь возвращались немцы и аскари, их было невозможно различить. От жажды все лица сморщились, как изюм; никто не мог разлепить обескровленные губы. Некоторые пили собственную мочу или кровь пернатых.

Каждый день у Адама Пенфолда сменялись жизнерадостные — несмотря ни на что — носильщики. Колонны черных и белых людей с заброшенными через плечо ружьями растягивались на многие мили. Продираясь сквозь кусты, они горланили походный марш «Гей, сафари!». Даже пленные проникались его боевым духом.

Посасывая гальку, чтобы хоть немного утолить жажду, Пенфолд зажмурился и попытался вызвать в памяти дивные пейзажи своих далеких поместий. Англия и Кения, Уилтшир и Белые горы переплелись в его воспоминаниях.

Будущая жизнь после войны представлялась Пенфолду отвесной скалой, неприступной вершиной. В глубине души он страшился испытаний мирного времени. Долги, нескончаемая работа, страх потерять землю. Сможет ли он хотя бы просто выжить, избежать катастрофы?

С окончанием войны ему будет нечем оправдывать унылое прозябание, отказ от деятельной жизни. Он и так уже потерял большую часть своей английской недвижимости, погнавшись за состоянием в Африке. Знает ли Сисси, что они разорены и им даже не на что вернуться домой? Год за годом он распродал куски родового поместья, чтобы иметь возможность возделывать землю в Африке. Впрочем, он не так уж и плохо устроился. Земля, слуги и занятия спортом здесь довольно дешевы, и можно поддерживать видимость приличного образа жизни. Обтрепанная куртка соответствующего фасона запросто сойдет в Наньюки, но не в Белгравии.

Он часто спрашивал себя: пригодится ли в мирной жизни опыт этих изнурительных переходов? Умение приспособливаться, терпеть и импровизировать. Жалко, думал Пенфолд, что я не могу руководить фермой и «Белым носорогом» так, как колбасники разрабатывают свои военные операции. Зато теперь, после победы над этими дьяволами, перед нами откроются новые перспективы. А потом — новая драка. Мы как сорвавшиеся с цепи мальчишки, высыпавшие после уроков на спортплощадку. Может, объединить Кению, Танганьiku и Уганду в одну процветающую колонию — что-нибудь вроде Индии, или Канады, или Америки, как ее задумывали?

Каждый день на глазах у Пенфолда таяло германское колониальное войско. Сначала воинов Великой Германии и преданных им аскари, вкуче с немецкими поселенцами и матросами, поддерживали прибрежные арабы. Но, подобно тому, как умирающее от голода животное в первую очередь теряет мягкие ткани, после первых же сражений ряды арабов существенно поредели, а потом и вовсе сошли на нет. Ныне армия походила на обглоданный

скелет или истончавшее от многократного употребления (и ставшее еще острее) лезвие. Пенфолд подсчитал: от трех тысяч немцев осталось сто пятьдесят человек. Правда, в лагерях вдоль реки были рассеяны пять тысяч аскари, плюс обслуга, плюс родившиеся в походе детишки и молодые африканцы, принадлежащие арабам. Сегодня будет пир горой: солдаты колониальной армии захватили у португальцев больше вина и шнапса, чем могли унести.

— Я вижу, вы больше не берете в плен португальцев, — заметил Пенфолд.

Немец рыгнул.

— А, пусть себе, как цесарки, шныряют в буже. Они больше едят, чем передвигаются. Вы, англичане, хотя бы идете наравне со всеми. А кстати, милорд, почему ваши офицеры отказываются брататься с пленными португальцами?

— Нам не нравится то, что они несут с собой.

— Несут? Я еще не видел ни одного португальца, который бы что-либо нес. И какова же их ноша?

— Сифилис.

— Верно. Но их пороки подчеркивают наши достоинства. После трех веков португальского ига туземцы приветствуют нас как освободителей.

С берега Замбези вновь донеслись радостные крики. Пенфолда отнесли на склон и дали взглянуть вниз, на кровавую бойню.

В завихряющейся, розовой от крови воде барахтались два самца-гиппопотама. Солдаты-африканцы палили в них из маузеров. Раны животных в водных струях распускались, точно алые цветы. Еще четыре смертельно раненных гиппопотама медленно уходили на дно; выпученные глаза перископами выглядывали из воды. Через три-четыре часа туши всплывут на поверхность. Единственная самка лежала мертвая на берегу — ее подстрелили при попытке скрыться в убежище. Из огромной разинутой пасти хлестала кровь. Выше по течению вода была розовой по другой причине: солдаты полоскали бинты.

К Пенфолду подбежал курьер и отдал записку.

«Дорогой майор Пенфолд!

Прошу Вашу светлость оказать мне честь и принять участие в праздничном богослужении по случаю немецкой оккупации Северной Родезии — первой британской территории, которую солдаты великой Германской империи отвоевали в этой мировой войне.

Мы также приглашаем к нашему столу вашего португальского товарища по оружию, сеньора Васко Фонсеку с сестрой.

П. фон Леттов-Форбек».

* * *

Ближе к вечеру туши гиппопотамов, вздувшиеся от газа из-за брожения попавших в желудок трав, начали выскакивать на поверхность, точно резиновые игрушки в ванне. Каждый зверь весом в три тысячи фунтов сулил не только гору мяса, но и большое количество белого жира, столь любимого африканцами. Топленый жир был таким чистым и густым, что таял на солнце, как масло. Когда рядом никого не было, Пенфолд чистил им сапоги и портупею.

Во время марша на обед давали черствый хлеб, намазанный жиром гиппопотама. Из кожи, в дюйм толщиной и жестче, чем у носорога, изготавливали ремни, обувь и плети. Некоторые мужчины вырезали себе искусственные зубы из клыков гиппопотама — прочнее слоновой кости. Другие привязывали к поясу полоски языка этого могучего зверя — сушили про запас.

Чтобы вытащить туши на берег, аскари принесли веревки. Из страха перед крокодилами к реке подходили чрезвычайно осторожно, под прикрытием товарищей. Засверкали лезвия. Надрезы делались сначала вдоль живота, затем от горла до подбородка и вдоль каждой конечности. Когда отделили кожу от мяса, многим показалось, будто внутри гиппопотама жило другое существо. Каждая туша превратилась в мясную лавку; мужчины резали и рубили, отделяли жир; их руки стали липкими, а одежда покрылась кровью. Они вычерпывали содержимое трехкамерного желудка и кромсали истерзанные туши до тех пор, пока не осталось ничего, кроме потрохов, вынутой из желудков травы, отрубленных хвостов и огромной лужи крови. Аскари взваливали увесистые куски скользкого мяса на плечи и несли к общему костру. Растопленный жир собирали в миски. Кровь подогревали и помешивали до тех пор, пока она не становилась густой.

Повар генерала фон Леттова ждал тушу самого маленького гиппопотама. Все это действие доставило ему огромное удовольствие. Рядом стояли шустрые повара с мешками.

Как только разрезали тушу, повар растолкал конкурентов, восклицая: «Для генерала!» Несколько молниеносных движений — и у него в ладонях оказалось сердце гиппопотама; повар держал его бережно, словно собираясь свершить жертвоприношение. Потом вставил в пасть зверя лопату, чтобы не закрывалась, и вырезал язык — любимое лакомство командующего. Бросил сердце и язык в мешок и приказал поваренку охранять их, как свои собственные. Под конец повар вырезал ребра и отрубил особенно толстые передние ноги — ведь им приходилось поддерживать тяжелую грушевидную голову.

По крайней мере, в Африке знаешь, что ты ешь, подумалось Пенфолду. Не то что в Лондоне: кухарка приносит готовое блюдо, и кто его знает, что там намешано.

Вернувшись к костру, повар сгреб горячие угли в две ямки — запечь ноги гиппопотама. Он счистил с них остатки кожи и натер солью. Потом завернул ноги в дикий лук и опустил в ямки. Засыпал горячей золой и углями и оставил печься. А сам занялся языком.

Голодный, с тоской поглядывая на пустую бутылку, Пенфолд попросил отнести носилки к его палатке, по соседству с генеральской.

Он застал командующего за приготовлениями к торжественному обеду. Худой и более чем обычно похожий на ястреба, фон Леттов теребил обтрепавшийся край чистого, пожелтевшего от времени кителя. На левой стороне поблескивал Железный крест, лично посланный в Африку кайзером Вильгельмом.

— Я вам рассказывал, милорд, как танцевал в этом кителе с баронессой Бликсен на борту «Адмирала», когда мы в 1914 году плыли в Африку? И о том, почему я ношу его в джунглях?

— Не помню, генерал. Но я нисколько не сомневаюсь, что у вашего кителя богатая история.

— Я ношу его, майор Пенфолд, дабы мои солдаты не забывали о высоких немецких принципах. Личный пример гораздо эффективнее порки или казни.

Подошедший капитан фон Деккен щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание командующего. Позади него стояли два туземца с пленным мотоциклистом.

— Мой генерал, мы только что перехватили английского связника. В планшете — зашифрованное послание.

— Вольно, капитан. — Окинув внимательным взглядом пленного офицера, командующий достал из запыленного кожаного планшета конверт, надрезал перочинным ножом и дважды прочел письмо.

Перед тем как он повернулся и направился в свою палатку, Пенфолду показалось, что он расслышал сказанное шепотом: «Ну вот и все».

* * *

Закончив одеваться, фон Деккен распрямил могучие плечи и двинулся впереди носилок Пенфолда на поляну под акациями, где должно было состояться торжественное собрание. Стульями служили ящики с боеприпасами. Между двумя кострами воткнули бамбуковый флагшток. Черный орел Гогенцоллернов трепыхался на ветру.

Пенфолда обрадовал вид напитков, расставленных на сорванной с петель двери, которая поочередно служила операционным столом, стойкой бара и обеденным столом. Офицеры привыкли подолгу стоять, дожидаясь, когда сотрут песком кровавые пятна. Но до чего же расщедрились португальцы! Вино, мадера, портвейн — пожалуй, всего даже не выпить.

Огромный красный солнечный шар медленно погружался в оседающую пыль. И вдруг, как всегда неожиданно, африканская ночь простерла над землей иссиня-черное покрывало. Офицеры прифрантились — насколько позволяли условия. На каждой латунной пуговице сверкал германский орел — на этот раз его не стали в маскировочных целях залеплять грязью. Никто не был экипирован полностью, как положено. Некоторые были не в силах стоять. Но зато, как требовал генерал, каждый был гладко выбрит. Взгляд Пенфолда выхватывал из темноты изможденные лица товарищей. Некоторых он знал даже слишком хорошо.

Фон Деккен слегка наклонил голову.

— Мое почтение, майор Пенфолд. Могу я предложить вам чашечку вашего любимого рубинового портвейна, герр фон Суэка? Как дела у давних союзников?

— Нормально, — буркнул португалец и некоторое время молча буравил немецкого офицера тяжелым взглядом черных глаз, в котором, как всегда, проглядывало высокомерие. — Моя фамилия — Фонсека. Но позвольте спросить, капитан: с какой стати в этой вонючей пустыне мы с вами общаемся по-английски? И почему, лорд Пенфолд, вы с таким тщанием зубрите туземные диалекты, но не удосужитесь выучить хотя бы один язык цивилизованной Европы?

Фон Деккен молча пил.

— Поздравляю с отменным вином, Фонсека, — произнес Пенфолд и обратился к немцу: — Послушайте, капитан, давайте оставим раненым. Мне бы не хотелось, чтобы все выдули тыловики. Как вам нравится эта часть Британской империи? Жарковато, вы не находите?

— Мы, немцы, должны привыкать ко всякому климату.

«Надеюсь, скоро такая необходимость отпадет», — мысленно возразил Пенфолд. Теперь он уже знал, чем кончилась война.

Слуги наконец-то очистили «стол». Поставили ящики с боеприпасами и один походный стул. Фон Леттов и шестеро офицеров приготовились сесть. Носилки Пенфолда поместили

позади импровизированных стульев, справа от генерала. Остальные устроились вокруг костров. Стоя во главе «стола», генерал покосился на незанятое сиденье слева от себя.

— Где же наша прекрасная гостья?

— Сеньора Фонсека ухаживает за ранеными, генерал, — ответил полковой врач. — Сейчас она приведет себя в порядок и присоединится к нам. Она просила не ждать ее.

— Завидую раненым, — пробормотал капитан фон Деккен.

Фонсека поигрывал золотыми карманными часами с поясным изображением охотника. Пенфолд узнал подарок Сисси. Эти часы Фонсека выиграл у него в карты. Пенфолд питал слабость к азартным играм, и, разумеется, это не ускользнуло от искушенного в таких делах португальца. Будучи доверчивым, Пенфолд слишком поздно подметил закономерность: Фонсека предпочитает играть с теми, кто страдает от лихорадки или истощения.

Над столом повисло молчание. Изголодавшиеся мужчины жадно рвали на куски свежеиспеченный хлеб и запивали неразбавленным красным вином «Эстремадура». За этим последовали печеные яблоки и хрустящая жареная свинина — напоминание о Германии и последнем стаде свиней, пригнанном с Португальского Востока. Вскоре с молодой свиньей было покончено. Откупорили новые бутылки. Пенфолд почуял знакомый крепкий запах гиппопотама — слуги ставили на стол тарелки с жареным мясом. Генерал поднялся и отставил свой стул. Пенфолд скосил глаза в сторону.

Из темноты выступила стройная, длинноногая, очень женственная фигура в латаных военных брюках и облегающей рубашке цвета хаки. У Пенфолда в который раз дрогнуло сердце при виде густых темных волос и сочных, многообещающих губ.

— Прошу прощения, генерал. Офицеры оставили даме поесть?

— Конечно, Анунциата, — опередил генерала фон Деккен, отвечая страстной улыбкой на взгляд ее огромных карих глаз и наполняя оловянную кружку.

Вскоре вниманием гостей завладела нога гиппопотама. Генерал лично нарезал язык тонкими ломтями. Пенфолд заметил: Фонсека, как всегда, положил себе больше, чем положено, — особенно сочного костного мозга. Подавшись вперед на своем ящике, фон Деккен обратился к брату красавицы:

— Пусть вино и свинина поступили от португальцев, зато гиппопотам — из Родезии, британской колонии, и, стало быть, немецкий трофей. Да, фон Суэка?

— Фонсека, — поправил португалец, жадно обсасывая липкие от костного мозга пальцы. — Фонсека.

— Как вам будет угодно. Один вопрос. В Германской Африке мы на своем опыте убедились — даже такой грубый солдафон, как я, — что на туземцев — а они непосредственны, точно дети, — больше действуют цивилизованные методы, а не жестокость, насилие и лень, если вы улавливаете мою мысль. Однако на вашей плантации мы увидели хлысты, чернокожих в кандалах и ни одного работающего португальца. Вы считаете такой порядок действенным, фон Суэка, или он просто доставляет вам удовольствие?

— Фонсека, капитан. Действенным, говорите? Что значит — действенность? Разве вы не поднажали бы, если бы при каждой заминке по вашей спине гулял кнут? Небольшое физическое воздействие не повредит. Но не вам, немцам, удивляться. Разве не вы проявили вкус к истреблению черномазых?

— Мы убиваем, когда велит долг, — парировал фон Деккен.

Фонсека наставил на него обвиняющий перст.

— Черный для вас — всегда черный! Зато для нас образованный африканец — тот же португалец. Бывая в Лоренсу-Маркише, я вожу свою мулатку в шикарные рестораны; ее принимают в обществе. А вы, немцы и англичане, не разрешаете чернокожей женщине прислуживать вам за столом.

— Передайте вино, — попросил фон Деккен.

— У нас далеко идущие планы. Мой дед испокон веку защищал интересы Португалии в Африке. И мы будем продолжать в том же духе. Мы разводим сахарный тростник. Вы потребляете сахар. А вы что разводите?

— Во всяком случае, не маленьких черненьких ребятишек, — фон Деккен громко расхохотался и оскалил зубы.

— Простите глупую женщину, — вмешалась Анунциата Фонсека. — Что немцы и англичане построили в Африке? Дар-эс-Салам и Найроби — большие деревни. В нашем Лоренсу-Маркише — и музеи, и рестораны, и кафедральный собор, и арена для боя быков. Когда окончится война, джентльмены, мы с братом сделаем все, чтобы восстановить родовой замок в Африке. Вы, немцы, вчера пришли, а завтра, может быть, уйдете.

— Да, я немец, — припечатал фон Деккен. — Но также и африканец. Увидите — я тоже останусь.

Все вернулись к еде и выпивке. Фон Леттов что-то шепнул санитару. Тот обошел все костры, и вскоре несколько сотен мужчин — белых и черных, арабов и африканцев, одни на костылях, а другие с помощью товарищей — собрались в единый круг под акациями и раскидистыми хинными деревьями.

Фон Леттов встал. Его китель в темноте белел, как привидение. Отблески огня подчеркнули морщины. Все затаили дыхание. У генерала заблестели глаза. Он обвел взглядом окружающих и посмотрел вверх, на четыре яркие звезды Южного Креста. На какие-то несколько секунд воцарилась мертвая тишина — только пронзительно стрекотали цикады да где-то вдалеке слышался львиный рык.

— Кончилась наша война, — возвестил генерал, глядя в ночь и словно адресуясь к ветру. — Я получил донесение: в Европу вернулся мир. Но мы здесь, в лагере, не считаем себя побежденными. Этим вечером мы пьем за его императорское величество, кайзера Вильгельма.

Лежа на носилках, Пенфолд слышал хор голосов, поддержавших тост: «За кайзера!» Васко Фонсека стоял, поджав губы; его сестра сидела. В глубокой тени справа от генерала, позади женщины, Пенфолд пробормотал: «Боже, храни короля!» — и опорожнил кружку. Смуглые пальцы коснулись его руки, а затем погладили обнаженную ногу. Пенфолд зажмурился.

— Все мы будем скучать по этому мужественному переходу, — продолжал генерал. — Несмотря на боль и утраты, мы нигде больше не встретим такого товарищества, такой близости к этой колдовской земле. Возможно, нам еще придется воевать на африканских просторах. Но так или иначе завтра для каждого из нас начнется новое приключение.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1919–1920

Гвенн Луэллин подняла воротник поношенной военной шинели и, прислонившись к стене, сжалась в углу заброшенной часовни, одной из сотен на холмах Уэльса. Грубая ткань не спасала от сырости. Гвенн кое-как затянула негнушимися пальцами шарф и подняла зеленые глаза к открытому люку. Проплывавшие над склонами облака просачивались через дверь и окна часовни. Казалось, сырость навсегда повисла в воздухе. Дождь не имел направления, а также начала и конца. Гвенн облизнула губы — и ощутила дождевую влагу.

Во время войны, во Франции, она молилась Богу, чтобы в ее жизнь вернулась холодная чистота Денбишира — вместо грязных, разбитых дорог Западного фронта.

И вместо шума. Никогда ей не забыть этот шум. Стоны и крики раненых, надсадное кряхтение двигателя и нервный стук колес, когда она в отчаянии нажимала на тормоза и перегруженная «скорая» замирала, подобно вышколенному солдату. Кто-нибудь из ходячих раненых садился рядом — непривычно застенчивый, готовый оказать посильную помощь. Однажды она подобрала раненого, не заметив, что он истекает кровью. Немного погодя, когда «рено» хорошенько трянуло, труп качнулся вперед и ударился мертвым лицом о ветровое стекло. Гвенн опустила глаза и увидела, как грязь на его сапогах блестит от еще не засохшей крови.

Слава Богу, этот кошмар кончился. Никогда больше она не увидит человеческое тело с разверстыми ранами. И Алан жив, хотя и пострадал. Он все еще на чужбине, в госпитале.

Гвенн потеряла обручальное кольцо и достала из кармана пальто конверт с телеграфным сообщением. Длинные серые полоски с отпечатанными словами были наклеены на лист бумаги.

Как ни странно, послания военного времени — будь то телеграмма военного ведомства о ранении Алана в Месопотамии или обычное, хотя и прошедшее через цензуру, письмо мужа — не сближали, а делали разлученных людей еще более далекими. Без этих клочков бумаги Гвенн могла живо вспоминать сумбурные, исполненные болезненной чувствительности шесть недель их брака. Но раздражающе безликие, всегда несвоевременные писульки вносили разлад в ее душу. Она развернула смятый листок.

СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ ВЫПИСЫВАЮСЬ ГОСПИТАЛЯ
ДЕМОБИЛИЗУЮСЬ БОМБЕЕ ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ЛУЧШЕ ПЛЫВУ
ВОСТОЧНУЮ АФРИКУ ПОПЫТАЮСЬ ВЫИГРАТЬ ФЕРМУ СОГЛАСНО
ПЛАНУ ЗАСЕЛЕНИЯ ВЕТЕРАНАМ РАЗДАЮТ УЧАСТКИ ЗЕМЛИ
РАЗЫГРЫВАЮТ ЛОТЕРЕЮ ТЕЛЕГРАФИРУЮ ИЗ НАЙРОБИ МОЛИСЬ ЗА НАШ
СЧАСТЛИВЫЙ ШАНС НАДЕЮСЬ ТЫ ДОБРОМ ЗДРАВИИ ЛЮБОВЬЮ АЛАН.

Гвенн надела варежки. Ей припомнилось их первое свидание — в этой самой покинутой часовне. Был погожий весенний день, каких жители Уэльса ждут весь год. От болот и насквозь пропитавшегося водой вереска под нежданно жаркими лучами поднимался пар. Лишайник на камнях — и тот казался приветливее. Гвенн смотрела, как стройная фигура Алана поднимается по холму ей навстречу. Он, как всегда, опаздывал и, приблизившись к горбату каменному мосту, ускорил шаг. Вскинул голову. Помахал рукой. И тут вдруг его внимание привлекли камни. Гвенн улыбнулась. Алан любовно гладил блестящие гладкие каменные плиты, окаймлявшие мостик. Его чрезвычайно заинтересовал

серо-стальной монолит, застывший в торжественной задумчивости на полпути к вершине холма. Их было несколько таких — выстроившихся в прямую линию, указывающую на север. Алан нагнулся и поднял гладкий овальный камень. Обтёр его вереском, очищая от овечьей шерсти и черного помета. Потом поспешил к Гвенн и, чмокнув в щеку, протянул ей камень со стеснительной улыбкой.

— Другой нарвал бы колокольчиков или примул, — упрекнула она.

— Камни вечны. — Алан откинул назад длинные темные волосы и вперил в нее взгляд поэта. — Оставим его здесь и будем каждый раз добавлять по одному. Потом, если ты согласишься взять меня в мужа, Гвенни, это будут делать наши дети и внуки, пока не сложат настоящую пирамиду.

Он рассказал ей о своем дедушке. Тот зарабатывал на жизнь в каменоломне: добывал известняк и кашлял, надыхавшись густой серой пылью скал, все равно что шахтеры — черной угольной. С этого холма, учил дед, открывается панорама, отражающая всю историю Уэльса. Мегалиты древних жрецов-друидов. Римский путь вниз, в долине. Далекий форт норманнов. Заброшенные раскольничьи часовни. И крутые темные горы шлака, окружающие деревни, как черные стены адской крепости.

В тот раз Гвенн предложила Алану остаться с ней, укрыться в часовне и полюбоваться звездами — такая возможность нечасто выдается в Уэльсе. Если рассвет будет ясным, они увидят море. Это было бы неправильно, возразил Алан, и они спустились в низ, держась за руки. В небе носились стрижи с серповидными крыльями — словно кто-то метал в насекомых длинные лезвия.

Гвенн вернулась в сегодняшний день. Стемнело. Она присела на пятки в углу часовни. Ее тревожило ранение Алана и то, как оно отразится на их совместной жизни. Стало холодно. Гвенн посмотрела на белеющий во мраке дверной проем. Встала, похлопала руками по бокам. Тело слегка покалывало; нервы натянулись. Ей захотелось спеть школьный гимн — его любили в долине. Гвенн задумалась о тяжелой деревенской жизни. Что будут делать члены общины, когда солдаты вернутся домой? Уже сейчас бастуют шахтеры и рабочие сталелитейных заводов. Социальный нарыв угрожает вот-вот прорваться. Демобилизованные воины рыщут в поисках работы.

Что ждет ее мужа? И ее самое? А с другой стороны, если Алану посчастливится выиграть ферму, как-то они заживут в незнакомой Африке?

Перед глазами прошли картины безрадостной шахтерской жизни в долине, до поры состарившей ее мать. Они с трудом наскребали несколько фартингов на мясо и обувь; дни проходили в ожидании мужчин из забоя и в постоянном страхе услышать пронзительный рев парового гудка — сигнал об очередной катастрофе. И ненавистная черная пыль в складках белья и на только что вымытых тарелках...

После всех приключений во Франции Гвенн боялась, что деревенская жизнь покажется ей еще более унылой. Она скомкала телеграмму в кармане и попыталась представить себе, что их ждет в Африке.

Одно было ясно. Что бы ни случилось, явись хоть сам дьявол, но где-нибудь она создаст семью — теплый, уютный дом, их собственную крепость.

Гвенн охватила руками колени и, смежив веки, принялась молиться.

Ей пригрезилось: тощие друиды подкрались и следят за ней из-за каменных столбов. Они размахивают длинными посохами. Плащи раздуваются, будто папоротник-орляк на ветру. Приблизилась отара. Жалобно заблеяла овца: волк утащил оставшего ягненка.

Лохматое животное с длинной шерстью повернулось в сторону Гвенн и понеслось к ней. Она почувствовала его теплое дыхание.

Гвенн очнулась: шершавый язык лизнул ее лицо. Овчарка. Друг. Она обняла собаку и, с трудом подняв одеревеневшее тело, побрела к выходу. Серые, жирные, в мелких кудряшках, овцы жались к подветренной стене часовни. Утренний туман начал рассеиваться. Там, где извивались вагонетки с углем, курился черный дымок. На горизонте четко выделялись острые углы норманнской башни. Безбрежный морской простор притягивал взгляд и властно манил к себе.

* * *

— Чертовы твои глаза, парень! — завопил мастер. — Хватит витать в облаках и пялиться на ящики — подставляй хребет!

Энтон больно закусил губу: не выносил, когда на него кричали. Однако нельзя допустить, чтобы его вышвырнули из дока. Он скользнул взглядом по рядам деревянных ящиков, тянувшихся в тумане вдоль одного из каменных пирсов Портсмута, или Помпи, как его называли матросы. В свое время от этого причала — рассказывали старые портовики — первые в мире боевые танки и британские канистры с отравляющим газом отплыли в Шербур и Гавр. Теперь грузы изменились, а портами назначения стали Сантьяго и Сидней, Калькутта и Кейптаун. На этот раз они загружали корабль до Момбасы, Британская Восточная Африка.

— Есть, сэр, — ответил Энтон и принялся за работу, одновременно давая волю воображению. Перетаскивая на своем горбу громоздкие металлические конструкции, он пытался представить себе судьбу каждого ящика с инвентарем и приправами. Внимательно изучал бирки с указанием груза и получателя. Вот полногабаритный бильярдный стол от «Райли», средство от бессонницы, белые теннисные туфли из лосиной кожи и консервированная сельдь в томатном соусе; получатель — «Каримджи Дживанджи лимитед» в Найроби. Чайники из пушечного железа, лотки для промывания золотоносного песка, остроконечные кирки, сепараторы и патроны — для Центрально-Африканской торговой компании в Момбасе. (Неужели в Кении и впрямь есть золото?) Дальше шли трактора-фордзоны и кукурузные сеялки.

Перед этим Энтон и другие докеры три дня разгружали щедрые дары Восточной Африки. Ломило спину, но сердце пылало надеждой на будущее. Целый день по сходням двухмачтовика «Гилфорд-касл» сновали грузчики. Сначала на берег доставили костлявого льва с черной гривой — надменного и апатичного, в грязной клетке. Огорченный жалким видом узника, Энтон отвернулся и стал, затаив дыхание, рассматривать ящики с грузом. На ярлыках значилось: семена кунжута, кедровые доски, пекановые орехи, шкуры антилопы, перья страуса и слоновая кость. Пятидесятифунтовые мешки с кофе свалили на одну сторону; от них доносился отчетливый запах. На каждом мешке был трафаретный рисунок — горы, а чуть выше — надпись: «Кенийский кофе лимитед». Энтон вперил восхищенный взгляд в изображение двуглавой вулканической горы Кения. Однажды он ее увидит.

Даже названия компаний-отправителей ласкали взор. Кора австралийской акации и шерсть с «Экваториального ранчо»; рогатые трофеи от «Ньюленд энд Тарлтон»; чай и лен с

плантации «Тетеревятник» — на каждом контейнере искусно нанесен профиль летящего ястреба. От короткокрылых птиц веяло немислимой свободой. Энтон спрятал в карман клочок промасленной оберточной бумаги, на котором тщательно скопировал ястреба. Это будет его эмблема.

Теперь трюмы этого британского почтового корабля опустели; нужно загрузить их заново. Как сказал десятник, кругосветные путешествия — привилегия крыс. В соседнем доке стоял почти невидимый в тумане «Гарт-касл» — брат-близнец разгружаемого судна. До Энтон доносились стук и лязг — механики и клепальщики ремонтировали довоенное судно.

Вскоре «Гарт-касл» отправится в Африку. И Энтон окажется среди людей, которые не знают его как цыгана или гаучо.

Над головой зависла большущая пустая сетка — как паутинообразный саван с небес. Сбившись в центре, она опускалась, качаясь на стреле подъемного крана. Энтон вовремя отступил в сторону.

— Загружай ее, ребята, — приказал десятник. — Да побыстрее — опаздываем! Сначала — трактор и кофемолки. Кровельную жечь и все, что полегче, — вверх: чтобы не болталась.

Края сети затащили вокруг груза и вновь прицепили к крюку. Энтон и старший докер взобрались на вершину тяжелого груза. Ботинки застревали в ячейках сетки. Возбужденный работой, Энтон держал закрепленный на палубе расчаливающий канат. Другой рукой он схватился за погрузочный крюк. Седовласый докер с багром поднял свободную руку и описал в воздухе две окружности. Энтон прищурился, всматриваясь в туман. В это время включили корабельную лебедку, и крюк начал подниматься. Энтон наслаждался скрипом растягивающихся канатов.

Груз поднялся на четыре фута над причалом и завис. Под ногой Энтон кровельная жечь съехала на одну сторону. Груз качнулся. Нижний край сети висел всего лишь в нескольких дюймах над палубой.

— Пошла! — крикнул десятник, проверив, держится ли груз. Он поднял руку, и лебедка заработала.

В пятидесяти футах над пирсом листы жести рассыпались, будто колода карт; центр тяжести сместился. Старый докер потерял точку опоры. Он выронил багор и с криком упал. Энтон успел освободить буксировочный канат и подхватить падающего человека.

С минуту Энтон удерживал докера, уцепившись правой рукой за его ремень. Нагруженная сеть болталась из стороны в сторону, как безумная. Под ногами обоих мужчин острые края листовой жести резали канатную сеть. Лебедка дернулась и остановилась. Энтон услышал треск разрываемых веревок. Докеры понеслись в безопасное место. Трактор, контейнеры с кофемолками и жечь обрушились на пирс. Одного докера зажало между двумя контейнерами. Другого резануло краем листа жести по лицу.

Не обращая внимания на разыгравшуюся внизу трагедию, Энтон стиснул крюк левой рукой и держал до тех пор, пока старый докер не ухватился за вращающуюся сеть и спасся.

* * *

— С меня бутылка рома, юный Райдер. Ну и хватка у тебя — как у железнодорожного

зайца!

Седой докер улыбнулся Энтону и татуировщику с полосатой, как у зебры, кожей. Те ждали его за столиком в глубине кафе «Старый Помпи». Старик держал за руку молодую женщину с утомленными глазами, забывшую о своей молодости, но все еще привлекательную.

— Девочка поможет тебе отвлечься. Ты только предоставь Хетти свободу действий — и не почувствуешь иголки.

— Спасибо, — смущенно пробормотал Энтон. Хетти поймала его взгляд и улыбнулась, словно между ними возникло что-то общее. Энтон потупился, больше нервничая из-за девушки, чем из-за иголок.

На столе перед Зеброй лежал мятый клочок промасленной оберточной бумаги с ястребом-тетереvятником. Рисунок расправили и закрепили на поверхности стола четырьмя маленькими чернильными пузырьками. Энтон закашлялся от дыма. Лицо без возраста и лысый череп татуировщика были сплошь покрыты зигзагообразными черными и белыми полосами. Они спускались к шее и исчезали под вязаным свитером с высоким воротом, из которого голова мужчины выступала, как голова черепахи из панциря. И вновь появлялись на запястьях и кистях рук.

Энтон вцепился в дальний край изрезанного стола. Долго ли будет больно? Женщина подвинула свой стул и положила руки ему на плечи. Пальцы коснулись шеи. Энтон напрягся. Что у нее на уме?

Зебра открыл обитый медью ларец из камфорного дерева, в котором хранил иглы. Выбрал одну — из китового уса. Раскупорил бутылочки с черными, серыми и темно-синими чернилами. Полосатой рукой туго натянул кожу; Энтон приготовился терпеть. Зебра вонзил ему иглу в правое предплечье, а тем временем женщина гладила бока до самых бедер. Собрав все свои силы, преодолевая боль, Энтон безмолвно боролся с обоими ощущениями, стараясь сосредоточиться на работе мастера.

Не отвлекаясь, поочередно тыча иглой то в бутылочку, то в кровоточащую плоть, Зебра совершал методичные движения. Девушка прижалась худым телом к спине Энтонa. Потом взяла в одну руку стакан матросского рома и поднесла к его губам. Другая рука скользнула в карман его брюк.

— У тебя есть терпение, — похвалил Зебра, закручивая пробки. Потом сбрызнул татуировку ромом и жесткой рукой стер алкоголь вместе с кровью. — Бывают слюнтяи — еще не успеешь уколоть, а они уже вопят, будто их режут.

Гордый и счастливый, Энтон залюбовался птицей. Хетти пересела к Зебре.

— Зачем тебе эта татуировка? Когда ты шевелишь мускулами, кажется — ястреб летит.

— Чтобы не забыть, зачем я отправляюсь в Африку.

Про себя Энтон молился, чтобы ему не пришлось пожалеть. Прощайте, леса, прощай, цыганский табор — все, что до сих пор составляло его жизнь! По ночам он не мог уснуть: пытался представить Африку.

— И зачем же?

— Хочу увидеть всех этих зверей. Хочу стать свободным и богатым. В Помпи нет приличной работы. Стоит кому-нибудь покалечиться, десяток демобилизованных дерется, чтобы занять его место. Хочу верхом на собственной лошади объезжать собственную землю!

Швейцар клуба «Мутхайга» в Найроби почтительно наклонил увенчанную чалмой голову:

— С возвращением, бвана, милорд!

— Ты все еще в строю, Хавилдар?

Адам Пенфолд качнулся на костылях и похлопал старого сикха по плечам. Этот белобородый сержант по-прежнему носил полосатые ленты давней викторианской кампании.

— Не задерживайся, мое сокровище, — предупредила леди Пенфолд, проходя в вестибюль впереди мужа и устремляя взгляд светлых холодных глаз в большое настенное зеркало. Она поджала губы и разгладила ладонями цветастое платье, свисавшее с угловатых плеч.

— Боюсь, что не все члены клуба сегодня сдадут тебе ружья и тропические шлемы, — продолжил Адам Пенфолд.

— Увы, милорд. Девятнадцать человек сложили головы во славу короля.

Сухопарый, прямо держащий спину индус бросил взгляд в дальний конец подъездной аллеи, туда, где алые бельгийские маки окаймляли мемориальное сооружение в честь павших воинов.

— Грустно, Хавилдар. Только львы да малярия унесли больше жизней, если не считать захлебнувшихся джином.

— По крайней мере, мы исполнили долг перед отечеством, — бормотал про себя Пенфолд, входя в широкие двери. — «Расслышали за морями трубы Англии...»

Процент потерь среди европейского населения Кении, до войны составлявшего семь с лишним тысяч человек, был самым высоким в Британской империи. Из двухсот человек, отправленных воевать во Францию, уцелело всего семь десятков. Клуб «Мутхайга» лишился половины своих членов.

— Слава Богу, они не стали наводить марафет, то есть переворачивать все вверх дном, — с облегчением заметил лорд Пенфолд, опускаясь в свое любимое кресло — глубокое и удобное, с потрескавшейся сафьяновой обивкой.

— Если я согласилась терпеть этот задрипанный бар, — раздался над ухом голос жены, — надеюсь, ты не станешь целый вечер обсуждать со старыми занудами, чем травить овечьих паразитов и кофейных клещей.

— Кофейных клещей не существует, — спокойно ответил Пенфолд, доставая трубку.

Сисси проигнорировала реплику.

— До войны это был нескончаемый треп о львах. Потом — целых четыре года — кто взял в плен больше колбасников. Теперь все помешались на борьбе с саранчой. Почему обязательно нужно кого-то убивать?

— Хочешь «Пиммс», дорогая?

Пенфолд постучал костылем по паркету, подзывая официанта. А заказав выпивку и арахис, в который раз задумался о том, почему он предпочитает «Матхайгу» лондонским клубам. Там тоже царила атмосфера доброжелательности и уважения к маленьким слабостям каждого. Но здесь к ним добавились терпимость к излишествам и ребяческой лихости. Как будто это тоже Англия, но не совсем. К примеру, можно бить посуду и

разбрасывать бильярдные шары, если выдался плохой урожай — или, наоборот, хороший.

Пенфолд перевел взгляд на массивный камин, согретый до войны столько вечеров! На каменной поверхности кто-то вырезал надпись на суахили: «Я приношу удачу». Скольких друзей и однокашников он больше никогда не увидит!

Пенфолд вздрогнул. От стойки бара донеслось насмешливое: «Сердце Ронни вернулось в Африку, а ноги остались в Бельгии».

Мысли леди Пенфолд витали в другом месте. Притихнув — только лед звенел в бокале, — она наблюдала за тем, как муж опустошает тарелку с неочищенными земляными орешками. Он совсем не изменился. «Мужчины — большие дети, — любила повторять мать Сисси, — падкие на лесть и сладости». Сладости бывают разные — это Сисси усвоила много лет назад.

Но до чего же странно, думала она, оглядывая обшарпанные обои и с сожалением вспоминая об их первоначальном цвете, что ее добрый, надежный муж, все еще интересный мужчина, не способен удовлетворить ее ненасытное тело, в то время как отвратительный карлик заставляет ее корчиться от наслаждения. Да и сам Адам — нельзя не признать — не особенно нуждался в ней, предпочитая возиться с оловянными солдатиками. Когда супруги Пенфолд лежали рядом в постели, температура их тел понижалась до могильной. Зато стоит ей подумать о безобразном Оливио, ее бросает в жар. Маленькие мужчины — учила мать — самые лучшие любовники. Но этот карлик — что-то особенное!

— Неужели этого паразита приняли в клуб? — удивленно воскликнул Пенфолд, зайдя в дверях Губку Хартшорна, и отвернулся, чтобы не встретиться с ним взглядом. Сисси не удостоила мужа ответом. Тогда он продолжил: — Этот проходимец ни разу не заплатил за выпивку. Клуб должен учредить приз за мошенничество — специально для него.

Он заметил наконец, что Сисси не слушает, но по инерции пробурчал:

— Этот субъект — из тех, кто всю жизнь носит галстуки чужого колледжа. Корчит из себя щеголя, а вкуса ни на грош. Типичный государственный служащий, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Теперь Пенфолд развлекался тем, что делил арахис на две неравные кучки: с двумя ядрышками — налево, с одним — направо. Ему попался орех с тремя ядрышками. Поколебавшись, он отправил его в рот. Мысли по-прежнему были обращены к Губке Хартшорну.

Вот ведь что интересно. В Найроби Хартшорн занимает положение, о котором в Лондоне не мог даже мечтать. И уж конечно, Губка не слышал «труб Англии». Благодаря службе в Министерстве по делам заморских территорий, его война была тихой, абсолютно не опасной. Время от времени Хартшорн натягивал перчатки и отправлялся встречать поезд с больными и ранеными, прибывающими в Момбасу и Найроби. А главное — медленно, но верно распространял свое влияние на земельную политику — ключ к будущему Кении.

Будучи сам членом земельного управления, Пенфолд прекрасно понимал его игру. На долю этого органа выпала щекотливая задача распределения участков на площади, вчетверо превышающей территорию Англии, между белыми поселенцами и сорока двумя племенными группами. Благословенная в каждой своей части, от ледника до пустыни, поначалу Кения щедро оделяла землей всех желающих.

Пенфолд вспомнил то утро в 1907 году, когда он впервые поднялся на центральное нагорье. Ветер донес до него специфический аромат задолго до того, как он подъехал к последней горной гряде. Его кобыла скидывала голову и пританцовывала от нетерпения. С

горы Кения нисходила бодрящая свежесть почти шотландского бриза — только гуще, насыщеннее, с обещанием тепла, резким запахом ясенника и горных цветов, зарослей шалфея и кедровых лесов. Как молоды они тогда были!

Плато на высоте 6000 футов над уровнем моря казалось идеальным местом для фермы европейского образца — с пшеницей и овцами. Возможно, он добавит к ним кофейные и чайные плантации. Пенфолд соорудил мазанку, потом коттедж, продал еще несколько мелких ферм в Англии и вызвал Сисси. Он был уверен: жена полюбит эти места. А какой это будет рай для ребятишек!

По вечерам прямо возле крыльца бродила дичь — самая великолепная и разнообразная в мире. Главное — не нужно было вытеснять черных. Территория оказалась практически необитаемой — больше антилоп, чем африканцев. Только масаи время от времени надменно шествовали мимо: здесь было слишком высоко и холодно для их скота и образа жизни.

Адаму Пенфолду и другим первым поселенцам Кения сулила рай земной. Однако действительность оказалась суровой. У одних не хватило сил. Другие не смогли приспособиться. Недомогания и болезни не обошли ни одну семью, ни одно поле и ни одно стадо. Изнурительный труд и затраты казались бесконечными. Потом началась борьба за землю. Переселенцам пришлось столкнуться с местной традицией общинного владения землей, сезонной миграцией и правом сильного. Древние племенные обычаи схлестнулись с европейским уважением к праву собственности. Английские фермы стали буферами между владениями враждующих племен.

Война 1914 года отодвинула решение спорных вопросов, сгладила противоречия, вернула фермам их первоначальный вид: мужчины ушли на фронт. Теперь же, после окончания войны, крупным землевладельцам пришлось спорить из-за будущего страны с Министерством по делам заморских территорий в попытке примирить права демобилизованных с эффективным землепользованием. Пенфолд, который представлял интересы переселенцев и в то же время сочувствовал африканцам (чему чиновникам еще предстояло учиться), знал, как трудно начинать с нуля и как нуждается этот край в семьях, сочетающих выносливость с капиталом. Взятые по отдельности, выносливость и капитал ничего не значили. Самому Пенфолду — как он успел убедиться — не хватало ни того, ни другого.

Завидев Пенфолдов, Хартшорн двинулся к ним — со свойской улыбкой на широком добродушном лице. Казалось, его рот никогда не закрывается. Глаза были широко распахнуты и немного выпучены, словно он во что-то вглядывался.

— Добрый вечер, милорд, леди Пенфолд.

— Хартшорн, — уронил Адам.

Сисси не откликнулась на приветствие. Однако за неимением других развлечений бросила на Хартшорна оценивающий взгляд. Его холеные, отполированные ногти вызвали у женщины раздражение. Потом она отметила оттопыренные уши и покатые плечи. Этому рыхлому, нездоровому типу чего-то не хватало. Чересчур экспансивен для гомосексуалиста — однако ни единого намека на мускулы. Зато она обнаружила в Хартшорне ловкость, заменяющую силу. Окончательный вердикт был таким: не Бог вещь кто, но целеустремлен и не без претензии нравиться. Пройденный этап для самой Сисси. Чего-то он ждет от сегодняшнего вечера?

— Завтра — ваш великий день, — без особого энтузиазма произнес Пенфолд. — Посмотрим, насколько вы, парни из Министерства колоний, разбираетесь в местной

специфике. Ваш план солдатских поселений либо спасет страну, либо угробит ко всем чертям.

— Правильно, милорд. Это — величайшая земельная лотерея в истории Африки. Мы поставили перед собой цель расселить полторы тысячи ветеранов на трех миллионах акров невозделанных земель — главным образом в буше, в сотне с лишком миль севернее «Белого носорога». Вам же станет веселее. Или нет?

— Возьмите орешек. Для новых поселенцев это будет та еще увеселительная прогулка. Им понадобится помощь.

В душе Пенфолд волновался: хоть бы Хартшорн не взял последний орех с одним ядрышком — симпатичный такой, пузатенький!

— Не нужно им ничьей помощи, — возразил Хартшорн (он таки не унизился до арахиса). — Им и так чертовски повезло. Сейчас Министерство по делам заморских территорий ставит во главу угла интересы дикарей. В Лондоне это называют «правом первородства».

— Смотря кого считать дикарем. Масаи, например, получили свой кусок. Пятьдесят тысяч нилохамитских бездельников слоняются по резервации больше Уэльса.

— И еще жалуются! А тем временем другие племена считают эту землю своей. Как прикажете работать с подобными троглодитами? Если бы не мы, они бы сожрали друг друга.

— Мы тоже хороши, — буркнул Пенфолд, вспомнив о кайзеровской бойне, и почесал трубкой орлиный нос. Хартшорн внимательно изучал свои ногти — растопырив пальцы ногтями вверх, а не сложив в кулак, как делают мужчины.

— Как ты можешь курить эту гадость! — не глядя в его сторону, упрекнула мужа Сисси. Обычно женщины находят точку приложения своих сил в детях, незлобиво подумал Пенфолд, или в брэнчании на пианино, а Сисси — в брюзжании. Ни дать ни взять Ксантиппа — сварливая супруга Сократа.

Неужели это та самая девушка, с которой он познакомился на развеселой вечеринке в Гемпшире, где они все, до одури молодые, встречали новый, 1900 год. Первый день Новой эры. Уже тогда в ее внешности было что-то лошадиное, но школьнице это даже шло — а в седле Сисси прямо-таки поражала изяществом. В канун Нового года они галопом пронеслись по тропе под яркой полуночной луной. В деревне ударили в колокола. Им никогда больше не было так хорошо вдвоем. А теперь и подавно нечего делить, разве что старческие невзгоды — и то в будущем. Возможно, если бы у них были дети...

Сисси услышала громкий голос с характерными американскими интонациями и посмотрела в сторону стойки.

— Двойное виски со льдом!

Это был Рэк Слайдер, белый охотник-янки. Долговязый и вездесущий. Он изогнул спину дугой, чтобы опереться на прилавок, и, постукивая по медной подставке для ног стоптанным каблуком ковбойского сапога, лениво разглядывал честную компанию.

— Побросаем кости, а, Губка? — оживился он, завидев Хартшорна.

Тот подошел к нему и, взяв кожаный стаканчик для бильбоке, покатал по столу.

— Ставки как всегда. Будь добр, называй меня Джеймсом.

В тот самый момент, когда из стаканчика на прилавок высыпались пять кубиков из слоновой кости, в дверях показалась смуглая женщина в сопровождении такого же бронзоволицего мужчины в сшитом на заказ белом костюме. Длинные ноги, густые темно-каштановые волосы и элегантно льняное платье, облегающее стройные бедра и всю

соблазнительную фигуру португалки, приковали взгляды всех мужчин в баре и привели Сисси в раздражение: она почувствовала, как в ее апатичном муже шевельнулась звериная похоть. Адам был до того изумлен, что не пошевелился, даже когда красавица уверенно направилась к их столику, оставив своего спутника у стойки.

Опомнившись, Пенфолд поспешно встал и протянул руку. Анунциата Фонсека чмокнула его в щеку, оставляя след алой помады.

— Дорогая, — пробормотал покрасневший как рак Адам Пенфолд, — позволь представить тебе мисс Фонсека, моего боевого товарища с Португальского Востока. Моя жена, Сисси Пенфолд.

Он нервно пригладил брови. У стойки, за спиной Анунциаты, Васко Фонсека здоровался с Хартшорном. Что нужно этому мерзавцу в Найроби?

— Очень приятно, миссис Пенфолд. Ваш муж много сделал для пленных во время нескончаемого перехода.

— Не сомневаюсь, — сквозь зубы процедила Сисси. Она не преминула отметить гладкую, без единого изъяна, оливковую кожу португалки и темные бархатные глаза. Красотка явно создана не для бриджа и возни в саду. — Странная кампания, не правда ли? Хотите выпить?

— Благодарю, мне пора возвращаться к брату. Он ведет деловой разговор с приятелем.

Пенфолд беспомощно наблюдал за удаляющейся Анунциатой, гораздо более эффектной и обольстительной, чем ее образ, запечатлевшийся в его памяти. Он вспомнил, как впервые погладил ей ногу, когда она остановилась рядом с его носилками. И то, как, прежде чем склониться над ним, Анунциата расстегнула блузку. А теперь она сидит за маленьким столиком и деловито что-то обсуждает с братом и Хартшорном. Какого черта португальцы превращают клуб в офис? Пенфолд раздраженно выколотил трубку.

— Какие у Хартшорна могут быть дела с иностранцами? — с напряжением в голосе спросила Сисси.

— Какие-нибудь земельные махинации, — ответил ее муж, наблюдая за тем, как Фонсека развернул карту и что-то показал Хартшорну. — Эти двое вместе — комбинация хуже не придумаешь.

Гости все прибывали. Слышались оживленные голоса и хлопанье пробок. Хартшорн со Слайдером возобновили игру. Наконец американец перевернул кожаный стаканчик вверх дном, залпом опорожнил стакан с виски и хлопнул Хартшорна по плечу.

— Деньги твои, приятель. Надеюсь, ты найдешь им применение.

* * *

Дождаясь своей очереди в коттедже для гостей клуба «Мутхайга», две ладные девичьи фигурки не спеша облачались в школьную форму. Они застегнули белые блузки и натянули серые фланелевые шорты. Надели длинные зеленые шерстяные гольфы и джемпера в тон, аккуратно завязали галстуки в зеленую и желтую полоску, а затем шнурки на практичных мальчиговых ботинках. Посмотрелись в зеркало. Сдвинули на один глаз школьные береты. Потом, повернувшись друг к другу лицом, принялись обниматься, тереться носами, облизывать и посасывать друг другу уши. Одна запустила руку в шорты другой. Вдруг послышался звук ключа, поворачиваемого в замочной скважине. Кто бы это мог быть? —

безмолвно спросили друг друга Черные Тюльпаны. Необузданный американский охотник? Или бледный англичанин с приятным лицом и любовью к извращениям?

* * *

Королевский театр резко выделялся из всех окрестных зданий — непрезентабельных, крытых жестью домов на единственном проспекте Найроби. Здесь шли любительские спектакли и проводились собрания общественности. О Королевском театре до сих пор судачили в связи со скандальной премьерой «Школы злословия». А сегодня, в соответствии с планом солдатских поселений, здесь намечалось провести земельную лотерею.

Рабочий день начинался в девять, однако люди с пяти часов стали занимать очередь. Алан Луэллин и еще четвереста жаждущих отхватить кусок Африки, переминались с ноги на ногу. Остальные, утомленные долгой дорогой, спали в запряженных быками повозках и фургонах с высокими колесами, растянувшись вдоль пыльной улицы до голубых эвкалиптов за чертой города. Некоторые протопали на своих двоих тысячу миль от Северной Родезии. Алан Луэллин и еще несколько человек, напрягая зрение в неярком утреннем свете, изучали вывешенный на двери театра бюллетень земельного управления. Там же красовались афиши, извещавшие о чемпионате Восточной Африки по боксу, премьере спектакля «Ты масон?» и «Иммигранте» — комедии Чарли Чаплина.

— Что ты раньше выращивал, парень? — спросил сосед по очереди.

— Ничего, — честно ответил Алан, безуспешно стараясь принять такую позу, чтобы центр тяжести пришелся на левую ногу. Почечная лоханка казалась раскаленным камнем и ни на минуту не давала забыть о себе. — Я им солгал. До войны я работал в шахте.

— Для Министерства колоний мы все — фермеры. Сам-то я был почтальоном. Но, говорят, здешняя земля — такая плодородная, что нужно только бросить горстку семян или посадить чайные кусты — и жди себе, пока не вырастут деньги. Эй, парень, что с тобой?

Алан прислонился к каменной стене и закрыл глаза. Он весь вспотел. По ноге неудержимо текла струйка мочи. Он заскользил вдоль стены и, приземлившись на тротуар, вытянул перед собой ноги.

Вот так же он сидел в запряженной мулами санитарной повозке, когда они отступали от стен Багдада в Кут. Цеплялся за грубо сколоченный борт повозки, чтобы не сползти вниз. Изнутри кололи сломанные ребра. Три дня подряд лишённая рессор повозка тряслась по каменистым дорогам; кровь привлекала мух и москитов. По ночам холодные дожди Месопотамии начисто отмывали повозку.

Боль отступила. Горячий пот сменился холодным. Алан встал и прислонился к стене. Вспомнил Гвенн, их долину в Уэльсе. В его роду три поколения мужчин работали в шахте; угольная пыль въелась в кожу и заполнила легкие, стала частью их организма — как ребра и почки. Их отцы и братья, один за другим, становились жертвами завалов и легочных болезней. Как шутили его однополчане из Уэльских стрелков: «По крайней мере, в окопах умираешь на свежем воздухе, разве что тебя отравят горчичным газом». Для Алана, с его хрупким сложением и ранением в почечную лоханку, страшнее угля не было ничего на свете. Ему повезло: окончание войны застало его в Бомбее. Он тотчас сел на пароход и отправился через весь Индийский океан в Момбасу. Гвенн не подведет: будет крепиться и даст ему шанс начать новую жизнь в Африке. Сегодня все решится.

Подобно Алану, почти каждый европеец в Найроби оставил родной дом и пустился за тысячи миль в надежде обрести клочок земли в Восточной Африке. По слухам, в Кении не было ни одного предприятия, фермы или плантации, которые бы не зависели от расклада в сегодняшней лотерее, где разыгрывался первый миллион акров «земель Британской короны». Если прибавить пять миллионов акров, уже официально переданных европейцам, к концу лотереи пять процентов плодороднейшей кенийской земли будут заселены белыми.

Для африканцев ставки также были высоки. Годами крупные племена вели между собой войны. Одни, как масаи, пользовались поддержкой со стороны белых; другим — например, вандоробо и вальянгулу — приходилось рассчитывать на свои силы. Малочисленные, разобщенные вандоробо довольствовались сбором меда и выслеживанием дичи в густых бамбуковых и кедровых рощах и не нуждались в признании. Неутомимые жилистые вальянгулу — прекрасные стрелки из лука и искусные охотники на слонов — также старались сохранять дистанцию. Найроби был для них таким же чужим, как Лондон. Сторонясь белых и не интересуясь их планами, кочевые племена придерживались своих традиций, не всегда отдавая себе отчет в том, что в ближайшем будущем они могут лишиться значительной части своей территории. Объявив эти земли необитаемыми, англичане не приняли в расчет интересы кочевников.

Одни лишь кикуйю поняли правила игры. Наделенные большей гибкостью, знающие свою выгоду, всегда готовые работать на белых землевладельцев и промышленников, они больше других выигрывали от принесенных европейцами мира и духа предпринимательства. Десятилетиями их грабили и гоняли с места на место более воинственные племена; нанди и масаи жгли их хижины, уводили с собой детей и домашнюю скотину. И теперь кикуйю, подобно вождю Китенджи и его племени, селились на принадлежащих европейцам землях при условии, что они будут не только работать на хозяина, но и возделывать собственные участки. Впервые за многие десятилетия они почувствовали себя в безопасности.

Этим утром группа кикуйю, собравшись в кружок у небольшого костра, мирно подтрунивала над «зловонными» масаи. Если повезет, у извечных врагов кикуйю отберут ворованную землю.

Взошло солнце; вдоль улицы протянулись длинные тени. Двое фонарщиков начали гасить масляные лампы у входа в государственное здание. Очередь к Королевскому театру росла и привлекала всеобщее внимание. Сюда начали сходить зеваки, группируясь по расовому и племенному признакам. Торговцы-арабы предлагали слоновую кость и серебряные брелоки. Индийские купцы посылали к стоящим в очереди слуг с чаем и печеньем на медных подносах. Верхом на зебре явился первый фотограф Найроби; сзади трусил помощник с тяжелой камерой. Репортеры из «Восточно-африканского штандарта» и «Ассошиэйтед пресс» расплачивались за интервью напитками. Они называли предстоящую лотерею величайшей — после броска на Оклахому — сделкой с недвижимостью.

Седобородый писарь-сикх, которому чалма придавала величественный вид, поставил свой стол под палисандровым деревом, удобно расположив на нем письменные принадлежности. Заказчик, которому понадобилось написать родственникам в Бомбей, склонился над стариком и оперся локтем о стол, закусив нижнюю губу и подперев ладонью подбородок. Потом воздел глаза к небу и начал диктовать нечто выпренне-лирическое: ученый индус поправит, если что не так.

Все оживились, когда к голове очереди проследовали четыре женщины — единственные представительницы слабого пола, допущенные к участию в лотерее. Эти

женщины служили в Добровольных санитарных частях — как Гвенн Луэллин, перевозили раненых. Огрубевшие от непосильной работы, привыкшие под артобстрелом сражаться с перегруженными «рено» и «фордами», а по прибытии на перевязочные пункты вытаскивать своих окровавленных пассажиров вперемешку с трупами, эти женщины были достойны жизни в Африке.

Около девяти часов прибыл Джеймс Хартшорн в губернаторском автомобиле с опущенным верхом. Его сопровождали двое молодых секретарей из Министерства по делам заморских территорий. Они привезли с собой пузатый бочонок. Восемь черных констеблей в коротких, безукоризненно отутюженных брюках и сверкающих кожаных куртках заставили очередь перед двойными дверями театра посторониться. На чиновнике земельного управления были тесный полотняный костюм-тройка, галстук в полоску и тропический шлем.

— Простите, сэр, можно взглянуть на карту? — обратился к нему один солдат. Хартшорн не удостоил его ответом. Когда констебли захлопнули за ним двери, он осмотрел зал и с неудовольствием отметил, что в каждом окне за ним во все глаза наблюдают африканцы. В глубине зала расположилась узкая сцена. Считая кресла в ложах и бельэтаже, а также скамьи в партере и оркестровой яме, Королевский театр вмещал двести человек.

— Поставьте у двери несколько столов, — распорядился Хартшорн. — Требуйте от каждого, чтобы предъявил демобилизационное удостоверение и свидетельство из отборочной комиссии. Я не могу верить всем подряд. Эта шпана глазом не моргнет — убьет за клочок земли.

После проверки участники лотереи должны были по очереди подходить к установленному на сцене вращающемуся барабану. Проигравшим достанутся чистые карточки. Выигрышные были пронумерованы от одного до четырехсот: эти цифры указывали порядковый номер, под которым счастливицы будут выбирать участки из каталога, подготовленного ведомством Хартшорна. В каталоге указывались площадь угодий, высота над уровнем моря, арендная плата, технические характеристики и рекомендации по использованию. На выбор предлагались две альтернативы: «земледелие и скотоводство» и «выращивание льна или кофе». Никаких сведений об африканском населении и местных обычаях. Крупные племена уже получили свои резервации, а мелкие по-прежнему селились где попало.

Земельные участки разделили на две категории. Небольшие фермы площадью до ста шестидесяти акров отдавались даром, если не считать символической арендной платы: одна рупия за десять акров в год. Во вторую категорию вошли фермы покрупнее, по цене фунт стерлингов за три акра, или тринадцать рупий. Из тысячи трехсот ферм семьсот должны были распределяться по лотерее в Найроби, а остальные шестьсот — в Лондоне. Все участки сдавались в аренду сроком на 999 лет; владельцам вменялось в обязанность вкладывать средства в постройки и культивацию земли.

Алан Луэллин твердо решил претендовать на большую ферму. Перед этим ему пришлось пять дней вести изнурительный торг с жирным ростовщиком из Гоа Раджи да Сузой.

«Один заем — за саму ферму, под залог права владения, — втолковывал да Суза Луэллину, грозя пальцем и диктуя текст договора писцу-сикху. — А второй — естественно, за большие проценты — за содержание и развитие. Под залог твоей пенсии по ранению — хотя ее и недостаточно».

Так как индийцам и гоанцам не разрешалось приобретать недвижимость за городской чертой, да Суза и его соотечественники были вынуждены пробираться к цели окольными путями. Сам да Суза выступал как банкир и маклер от лица многих азиатских ростовщиков и коммерсантов, среди которых не последнюю роль играл гоанец из Наньюки Оливио Фонсека Алаведо. Эти люди вкладывали деньги как кредиторы, а не как владельцы. Со временем они найдут способ узаконить право владения землей.

«Англичане называют это честной игрой, — желчно размышлял да Суза. — Перевезти в Восточную Африку тридцать тысяч индийских кули на строительство железной дороги — при этом тысячи надорвались и погибли. Разрешить привилегированной индийской касте — гоанцам — открыть свое дело. Однако лишить их возможности владеть богатством из богатств — землей — под тем предлогом, что это огорчило бы африканцев». Сам лицемер, да Суза не мог не считать это верхом лицемерия. Его восхищало представление британцев о «землях Британской короны» — иначе говоря, колониях. Это же надо придумать: будто землей в Африке — и во всем мире — владеет никому не известный островной король!

Устремив взгляд через улицу, стараясь не смешиваться с грязными кикую, Раджи да Суза внимательно наблюдал за очередью, особенно Луэллином и другими своими клиентами. Как это английские солдаты пропустили женщин вперед?

Луэллин вызывал у да Сузы большие сомнения. Кожа да кости — не слишком подходит для предстоящих трудностей. Если выиграет, придется за ним присматривать. В то же время, этот ветеран наивен и безнадежно честен. Случись ему вытянуть счастливый билет, он вызовет жену и будет вкалывать, не поднимая головы, как осел у колодца. Как говорил отец да Сузы: «Бывает, самый худой осел идет дальше *всех*».

В Индии англичане брали деньги и не смотрели, кто покупает землю, лишь бы индийцы вкалывали. Здесь же, в Африке, да Сузе придется покрутиться.

— Откройте дверь и запускайте этот сброд — только не всех сразу, — распорядился Хартшорн.

Толпа рванула к входу. Констебли с трудом сдерживали ее напор, впуская по одному, пока в зал не набилось четыре сотни возбужденных претендентов. Остальные отмечались у дверей и присоединялись к разгоряченной, взволнованной массе.

— Лейтенант Джордж Хеннел, капитан Генри Дьюберли, доктор Гарольд Фицгиббонс, — выкликал Хартшорн, вытаскивая карточки с именами и бросая помощникам. Крики радости и стоны отчаяния заполнили театр и рвались на улицу. С каждым счастливым номером оставалось меньше шансов на выигрыш.

Ближе к вечеру все было почти кончено. Плотно подкрепившись за кулисами светлым пивом и бутербродами, Хартшорн наблюдал за регистрацией новоявленных счастливиц. Обводя взглядом толпу суетящихся оборванцев, он дивился: почему это он работает, а они получают землю? Разве он не имеет права на свою часть Африки? И он ее получит — даже если для этого придется иметь дело с темными личностями наподобие плантатора из Мозамбика. Корчит из себя португальского аристократа — будто такие существуют в природе! Как иностранцу, Фонсеке приходилось иметь дело с земельным управлением. И недаром.

— Алан Луэллин, — вызвал Хартшорн одного из последних участников. Ошеломленный Алан схватил свой счастливый билет и устремился к выходу.

На улице его ждал Раджи да Суза. Четверо или пятеро его клиентов уже проиграли и с горя ринулись по улице Виктории в бар отеля «Нью-Стэнли».

Он увидел Алана Луэллина. Тот ошалело моргал: солнечный свет ослепил его. Заметив гоанца, он поднял вверх карточку с номером. Да Суза обрел победителя! Но для тщедушного жителя Уэльса даже счастье стало непосильной ношей. Он был все так же бледен. Темные волосы свисали на воспаленные глаза.

Да Суза повел его вдоль по улице, одолжил несколько монет на телеграмму жене и спешно связал его долговым обязательством на кабальных условиях. Впрочем, напомнил себе да Суза, у Луэллина должно сложиться впечатление, будто он — полновластный хозяин фермы. Иначе кто же будет стараться? А присматривать за Луэллином будет знакомый да Сузы — африканец по имени Артур. Пусть поработает на его подворье.

Следующим этапом стал выбор фермы. Луэллин был сорок седьмым. И тут уж все зависело от того, чтобы знать об участке больше, чем написано в каталоге.

Да Сузе сроду не приходилось слышать, чтобы кто-то честно описывал свой товар, даже если это была обыкновенная приправа. От приятелей и должников среди правительственных служащих (главным образом индийцев и гоанцев) он знал: и сегодня не ожидается исключений из древнего правила. С их помощью он провел свое расследование — не сказать доскональное, но объективнее каталога. Слушая, что выбирали первые сорок шесть очередников, он вычеркивал пункт за пунктом — то цедя сквозь зубы проклятия, то удовлетворенно кивая.

— Наша очередь! — жарко прошептал да Суза на ухо Луэллину и схватил за руку, но тотчас отдернул: это же не рука, а голая кость! Часы показывали половину десятого вечера. Фонарщики только что закончили обход.

— Если вам нужны мои деньги, мистер Луэллин, вы возьмете участок номер восемьдесят восемь. Он у воды; вы непременно разбогатеете.

Измученный, чувствуя, как пульсирует кровь в жилах, Алан Луэллин молча кивнул. Он вновь вошел в Королевский театр. Думая о Гвенн, выбрал участок номер восемьдесят восемь. Две тысячи двести акров земли на реке Эвасо-Нгиро. Он вложил — с помощью да Сузы — семьсот тридцать три фунтов стерлингов в будущее его семьи в Африке. И не пожалеет усилий.

Пароход «Гарт-касл» уверенно держал курс на юг, мимо берегов Франции, Испании и Португалии. Его палубы вместили четыреста двадцать человек — переселенцев и прочих пассажиров. Он вошел через Гибралтарский пролив в Средиземное море. После загрузки углем в Порт-Саиде прошел Суэцкий канал и двинулся дальше на юг: по оживленному Красному морю и открытым водам Индийского океана, — чтобы в конце концов бросить якорь в восточно-африканских портах Момбасе и Дар-эс-Саламе.

Энтон Райдер нанялся младшим стюардом и зарабатывал на проезд, надраивая умывальные комнаты и столовые на этой выдавшей виды посудине. Его заставили подписать контракт на «туда и обратно»; разумеется, он скрыл от вербовщика, что намерен сбежать в Момбасе. Среди вони и грязи, сопутствующих его нынешней профессии, Энтон мог думать только об одном: как он явится свободным человеком в Африку. Ему исполнилось восемнадцать; он вытянулся и возмужал, а проработав год портовым грузчиком в Портсмуте, стал обладателем рук и плеч профессионального боксера.

По вечерам, заканчивая уборку (по палубе в это время слонялись изнемогающие от жары пассажиры), Энтон забирался на место впередсмотрящего на передней мачте, где приходилось постоянно уклоняться от копоты из единственной дымовой трубы. Далеко внизу подрагивало битком набитое судно, а черная равнина моря сливалась с черной равниной ночного неба. Куря сигарету и любуясь луной и звездами южного полушария, юноша забывал обо всем на свете. После того как они миновали Судан и Эфиопию, ночное небо стало будто бы даже яснее и просторнее.

Однажды ночью, после более чем трехнедельного плавания, их пароход приблизился к берегу, чтобы обогнуть мыс Сомали. Фосфоресцирующий океан сверкал и искрился. Ветер доносил до них горячее, благоухающее дыхание пустыни. Вздымались валы. Энтон упивался ароматами Африки.

Он закрыл глаза и припомнил путевые дневники бывалых охотников, которые некогда читал при свете масляной лампы. Девятнадцатилетний Фредерик Селоуз пустился один за тысячи миль, имея при себе двустволку и пару фунтов чая. Гордон Кемлинг с одним лишь ножом и кожаным ремнем нырнул в Лимпопо, чтобы вытащить раненого гиппопотама. Выпадут ли на его долю такие же приключения? Готов ли он к встрече с ними? Иногда в такие моменты Энтон ощущал холодок под ложечкой. Он хорошо знал биографию Селоуза — тот учился в английской школе-интернате и ложился спать на деревянном полу рядом с кроватью. Однажды его застал директор и спросил, в чем дело. Селоуз объяснил: «Сэр, я мечтаю поохотиться в Африке и усиленно закаляюсь: ведь придется спать на земле».

Энтон вздохнул. Уже сейчас он в воображении видел перед собой бескрайнее, поросшее пыльным сухим кустарником пространство — буш — и экзотических животных.

В его мечты ворвалось чье-то пение. На нижней палубе несколько человек — очевидно, ирландцев — от души выводили старинную солдатскую песню:

«Она была нежной и милой,
Но злая подкралась напасть:
Девчонку навеки сгубила
Эсквайра преступная страсть».

Энтон знал: паровое судно «Гарт-касл» было построено в 1910 году для рейсов дальнего плавания: Саутгемптон — Бомбей и обратно. Имея грузоподъемность 7600 тонн, оно было рассчитано на перевозку двухсот семидесяти пассажиров двух классов — первого и третьего. В 1914 году, приспособленное для военных нужд, судно доставляло в Англию свою долю индийских солдат (всего миллион человек), а на обратном пути честно отвозило домой раненых. Возвращаясь в Бомбей, индийцы уносили с собой два самых ярких воспоминания от метрополии: полные грязной Жижи окопы Франции и проржавевшие больничные каюты «Гарт-касла».

В 1919-м Министерству по делам заморских территорий понадобился транспорт для доставки солдат-переселенцев и их семей в Африку. «Гарт-касл» идеально подходил для этой цели.

Разместившись на нижней палубе, где из-за постоянной вибрации от двигателей раскачивались гамаки и на переборках ослабевали заклепки, товарищи Энтон по плаванию обсуждали индийцев.

— Если даже задраить бортовые иллюминаторы, — сказал один матрос, — здесь еще долго будет вонять гангреной и карри. Я не удивлюсь, если в трюме еще валяются трупы.

— А я, — подхватил другой, — как запрут двери, так и слышу, как они охают и что-то там лопочут на хинди.

Кроме замужних женщин, на борту находилось сорок пять невест, по собственному почину пустившихся в плавание к своим женихам, обосновавшимся в Момбасе или Найроби. Не успело судно выйти из Гибралтарского пролива, как за каждой из них уже отчаянно ухлестывали холостые бывшие солдаты.

Однажды вечером со своего наблюдательного пункта Энтон увидел беспалубную спасательную шлюпку. Подвешенная на цепях, белая деревянная шлюпка раскачивалась, словно гигантская колыбель. Внутри устроились солдат и чья-то нетерпеливая невеста. Мятая блузка девушки валялась рядом с мужскими брюками на носу лодки. Лежа на спине, девушка глянула вверх и заметила Энтон. К его величайшему удивлению, она улыбнулась и помахала рукой.

На другой день она дружески заговорила с Энтоном на палубе:

— Это ты сидел на небе или мне померещилось?

— Вам не померещилось, мисс.

— Откуда мне знать: ждет меня Чарли или нет? — оправдывалась девушка. — Не оставаться же в Африке одной — и без земли, и без мужчины. Как думаешь?

— Да, наверное.

— Подруга называет эту поездку последним шансом весело провести время. Хочешь, познакомлю?

Энтон залился краской, а девушка по-прежнему дружелюбно смотрела на него. Он с волнением вспомнил, как белы и соблазнительны были ее груди в спасательной шлюпке.

— Ты в ее вкусе, — ободрила девушка.

Однако позднее, встретив обеих подруг, Энтон абсолютно ничего не почувствовал, и знакомство не состоялось.

Гвенн Луэллин стащила через голову шерстяную фуфайку. Слава Богу, соседка по каюте ушла на палубу. Оставшись в одном корсете, чулках и туфлях, Гвенн посмотрелась в висевшее на стене треснувшее зеркало. Обычно у нее не было ни времени, ни желания любоваться своим отражением. Но на борту «Гарт-касла» ей, впервые с тех пор, как началась война, выпало несколько свободных часов. Она тревожилась за мужа, за их будущее. Найдет ли Алан ее по-прежнему привлекательной?

Тусклое освещение как будто задалось целью щадить ее самолюбие. Она чувствовала себя далеко не в лучшей форме. В душевной каюте в центральной части судна было нечем дышать. В столовых и туалетах накурено — и пропасть народу. Все у всех на виду. Невозможно даже толком помыться. Одна радость — стоя на палубе, любоваться океаном. Но и там трудно уединиться.

Один из пассажиров не давал Гвенн проходу. Их было двое братьев — выпивох и, как поговаривали, бандитов. Тот, что ухлестывал за ней, пугал ее дикой напористостью. Он будто бы воевал вместе с ее мужем — и под этим предлогом следовал за ней по пятам. Каждую минуту она ожидала какой-нибудь выходки.

За время путешествия ее лицо и руки обрели свой природный цвет. Кожа на высоких скулах посвежела, но щеки оставались впалыми. Пухлые губы побледнели. Круги под глазами не стерлись полностью. Война еще не отпустила ее. А Алана?

Гвенн выпрямила спину и перевела взгляд на длинную шею и угловатые, немного мальчишеские плечи. Потом на груди — вот они несколько не изменились. Не слишком велики, но по-прежнему упруги и красивой формы. Нижние ребра немного выступали над плоским животом и точеной талией. Гвенн нахмурилась. Стоит ей похудеть, как начинают выпирать ребра. Хорошо бы набрать несколько фунтов до встречи с Аланом. Но вообще-то и так неплохо для двадцати семи лет. Временами на Гвенн накатывало чувство неприкаянности — тело тосковало по мужчине. И по ребенку.

Она облизнула, а потом немного покусала губы — они порозовели. Поправила рыжеватые волосы. Повернула голову в одну, другую сторону, задрала подбородок. Вгляделась в свои глаза — по уверениям бабушки, самое красивое, что у нее было, — но не смогла толком определить цвет.

У двери послышался шум. Гвенн замерла, остро ощущая свою наготу. Потом вскочила и сдернула с узкой койки халат. Кто-то замолотил тяжелым кулаком по металлической двери. Спohватившись, Гвенн бросилась задвигать щеколду, но было поздно. Ручка повернулась. Господи, хоть бы не он!

— А вот и я, — возвестил ирландец, рывком отворяя дверь. — Мик.

Гвенн осталась стоять в узком проходе. Слава Богу, она успела туго завязать пояс халата. Крупный рыжеволосый мужчина заполнил собою дверной проем. Гвенн преградила ему дорогу. Он наклонился и стиснул ее плечо.

Гвенн дернула плечом, чтобы стряхнуть его лапищу. От мужчины несло перегаром и кислым потом.

— Я просила оставить меня в покое, мистер Рейли.

— Мы только посидим на твоей койке и выпьем. — Рейли осклабился и вытащил из кармана бутылку. Гвенн старалась не замечать его неровные желтые зубы. Свободной рукой он облапил ее талию.

Женщина вздрогнула, но осталась стоять на пороге, чтобы не дать ему войти и захлопнуть дверь. К счастью, по коридору кто-то шел. Это была ее соседка с двумя

матросами.

— Всего хорошего, мистер Рейли, — громко произнесла Гвенн. — Прощайте.

— Не беспокойся, детка, я еще вернусь, — посулил он и, потрепав ее по щеке, отчалил.

* * *

Энтон упорно искал среди членов экипажа таких, кто мог бы рассказать ему об Африке. Большинство знали только порты: Момбасу, Лоренсу-Маркиш, Порт-Элизабет да Кейптаун, и то их воспоминания не шли дальше нескольких развеселых денечков на берегу. Один лишь судовой врач мог поделиться полезными сведениями.

— В Момбасе будет ничуть не легче, чем в Помпи, мой мальчик, — изрек этот седовласый джентльмен, пальцем мешая виски. — Вся знакомую тебе работу — то есть тяжелую физическую — выполняют черные. Белому трудно устроиться — разве что на ферме, а какой смысл, если это не твоя земля? Что ты еще умеешь?

— Охотиться, — ответил Энтон. — А как насчет добычи слоновой кости? Или золота?

— Если говорить о золоте, то покамест находят только разрозненные крупницы — в одном, другом месте. Зато золотоискатели прибывают пачками, с каждым пароходом. Бедняги! А слоновая кость перестала быть прибыльным делом. Это раньше слоны так и путались под ногами — знай добывай бивни. Сегодня еще можно разбогатеть на львиных шкурах и мясе антилоп, но у этого промысла нет будущего. Опять-таки, раньше можно было наняться проводником к богачам, прибывающим на сафари, но с началом войны и эта лавочка закрылась. Ни у кого нет таких денег.

— Что-нибудь придумаю, — откликнулся Энтон. Как бы там ни было, в Африке вряд ли будет хуже, чем в зачуханной клетке — Англии.

Однажды вечером, после беседы с доктором, Энтон спускался по трапу, соединяющему пассажирскую палубу с нижней. Внезапно до его ушей донесся душераздирающий женский крик. Он замер, прислушиваясь. Крик повторился — на этот раз приглушенный, но не менее ужасный. Энтон в несколько прыжков добежал до каюты.

Он рванул дверь и увидел рыжего верзилу, который всей своей жирной тушей навис над распростертой на полу женщиной, бившейся в истерике.

Насильник с размаху хлестнул свою жертву по лицу. Она ударилась головой о стальную палубу. Растерзанная блузка валялась под голыми коленями мужчины — там же, где его ремень и брюки. Длинная юбка и изодранное в клочья белье сбились у женщины на животе. Он все еще был у нее внутри.

— Пошел вон! — гаркнул Энтон, делая шаг вперед. — Оставь ее в покое!

Мужчина освободил одну руку и сильно надавил женщине на грудь, пригвозждая ее к полу. Другой рукой он схватил ее вздетые над головой запястья. Женщина продолжала вопить и отчаянно извиваться. Зеленые глаза яростно сверкали сквозь растрепанные, песочного цвета волосы.

После секундного замешательства Энтон почувствовал, как всем его существом овладевает гнев. Мускулы отвердели.

— Катись к чертовой матери! — прорычал верзила.

Юноша обхватил руками его мокрую от пота голову и впервые в жизни ощутил душливый запах секса. Локтем правой руки он защемил мерзкую рожу противника Бандит

уцепился за его ремень и попытался повалить Энтона на пол. Юноша ухватил его за бычью шею — что-то хрустнуло. Насильник заорал благим матом и отделился от женщины. Она откатилась к металлической койке.

Разъяренный насильник с трудом поднялся на ноги. Мясистое, в складках жира и мускулов, его тело было сплошь усеяно веснушками и покрыто липкой рыжей шерстью. Энтон загородил собой женщину и, сжавшись в пружинистый комок, выхватил свой цыганский нож — чури. Насильник ринулся вперед, но промахнулся. Лезвие полоснуло его по подбородку. Он с трудом развернулся в тесной каюте. Маленькие прищуренные глазки не отрывались от ножа. Громила стоял, тяжело пыхтя и глядя в синие глаза юноши.

— Добавить? — спросил тот.

— Ну, парень, я тебе припомню! Ты мне еще заплатишь!

По шее насильника текла кровь. Он влез в свои брюки и потопал к двери.

— Проговоришься — убью!

Энтон укрыл рыдающую женщину простыней и уложил на койку. Она со стоном отвернулась к стене и, плохо сознавая, что делает, с силой ударила кулаком о металлическую переборку. В Энтоне боролись боязнь показаться назойливым и желание помочь. Он неуверенно направился к двери. Тело женщины все еще сотрясали рыдания, и она молотила по стене кулаками.

— Я за водой, — тихо произнес Энтон.

Едва он вышел, Гвенн вырвало на стену.

Энтон принес ведро, мыло и полотенце и оставил в каюте, настояв, чтобы женщина заперла за ним дверь. Когда она потянулась за полотенцем, перед ним на какую-то долю секунды мелькнул ее обнаженный торс. Пристыженный, он поспешил уйти.

На другой день, занятый своей обычной работой, Энтон увидел на открытой палубе группу рогочущих «томми» и среди них — знакомую тушу ирландца. Рядом стоял еще один рыжий исполин, похожий на этого. «Братья, что ли?» Бандит с поцарапанной физиономией поднял голову и вонзил в него заплывшие жиром глазки. Энтон отвернулся.

Вечером он увидел в столовой третьего класса одиноко сидящую жертву. Пораженный ее красотой, он невольно припомнил тепло и аромат ее кожи, упругую девичью грудь. Ему стало стыдно. Да и она ли это?

У нее были ясные глаза цвета зеленых яблок. Высокая, стройная, с нежным овалом лица, женщина казалась на шесть-восемь лет старше него. Она была прекрасна — даже синяк на скуле не мог этого изменить. Энтон неловко закружил по залу со стопкой грязных тарелок. Женщина встала и подошла к нему.

— Я должна вас поблагодарить. Это какой-то кошмар. Не могу поверить, что это действительно произошло. — Она подняла на Энтона полные слез глаза. — Вы так молоды. Меня зовут Гвенн Луэллин.

— Энтон Райдер.

Гвенн пришлось сделать паузу, чтобы справиться с волнением. Воспоминания о пережитом позоре были слишком свежи в памяти. Она вспыхнула, однако уже через минуту овладела собой. Нельзя позволить этому мерзавцу сломать ей жизнь! И она почти спокойно добавила:

— Я еду к мужу в Восточную Африку. Прошу вас никому и никогда не рассказывать. Дайте честное слово. Этот подонок встречался с моим мужем на фронте. Говорят, они с братом убили двух человек в Голуэе и на другой день завербовались. Будьте осторожны!

Несмотря на занятость, Энтон явственно ощущал, как пассажирами овладевает приятное возбуждение: близилось Рождество. И Момбаса.

— Семейные, — расфилософствовался как-то доктор, — находятся в гораздо более сложном положении, чем ты, мой мальчик. Ты всего лишь скитаешься по свету, как охотники былых времен, в поисках свободы и приключений. Ты, Энтон, все еще сосунок, хотя и большой. А они пожертвовали всем, что составляло их жизнь — как говорится, сожгли мосты. Многие уже не молоды. Африка — их последняя надежда.

Охваченный нетерпением и не зная, куда себя деть, однажды Энтон свернул в узкий коридор на нижней палубе. Навстречу топал громила — брат Мика Рейли. Позади раздался грохот шагов по металлу. После года в доках Помпи, Энтон не могла удивить встреча с насилием. Он выхватил нож и прижался спиной к переборке. Дыхание сперло. Он обернулся и увидел самого Мика.

— Перо тебе больше не поможет, молодой петушок! — осклабившись, Рейли сорвал со стены огнетушитель. Его брат ринулся вперед. От удара огнетушителем правая рука Энтон повисла, как плеть. Он рухнул на палубу, роняя нож. Бандиты открыли дверь вспомогательной котельной и потащили туда отчаянно сопротивлявшегося Энтон. Ему удалось толкнуть старшего из братьев так, что тот ударился головой о стальную переборку, но они все-таки втоптали его в тесное помещение и захлопнули за собой дверь.

В комнате было полутемно. Старший Рейли поволок Энтон к паровой трубе, приводившей в движение брашпили и лебедки. Рейли похлопал ладонью по трубе.

— Как раз то, что нужно, Пэдди. Прямо пышет жаром.

Пэдди подтащил Энтон к оголенной части трубы и заломил здоровую руку за спину. Содрал с правого плеча рукав рубашки. И прижал сгиб локтя к трубе.

— Нет, ты только посмотри на татуировку! — воскликнул он. — Скорим птичке немного жареного мяса?

Энтон скорчился от невыносимой боли и лягнул Мика Рейли в пах. Тот согнулся пополам. Брат Мика обрушил на голову юноши тяжелый, как дубинка, кулак и вновь приложил его руку к раскаленному металлу. Запахло горелым мясом. Из раны потекла кровь. Когда Пэдди отнял руку Энтон от трубы, на металле остались кровь и ошметки кожи. Бандит удовлетворенно осмотрел рану.

— Ну что, он спекся? — спросил Мик Рейли.

— Не совсем. — Пэдди в третий раз приложил руку Энтон к трубе. Юноша потерял сознание.

— Ну, хватит, — произнес Мик Рейли. — Сопляк получил урок на будущее. Пусть только еще раз мне попадется — убью!

Братья швырнули Энтон на пол и вышли из котельной. В коридоре Пэдди подобрал цыганский нож.

Энтон разбудила боль. Внутренняя поверхность руки представляла из себя месиво из черной запекшейся крови, сырого мяса и волдырей. Он поднялся, хватая ртом воздух. Поискал чури — безрезультатно. И заковылял к доктору.

— Мой мальчик, ты взрослешь на глазах, но «Гарт-касл» и не такое видывал.

Старик дал Энтону стакан виски и осмотрел изувеченную руку.

— Надо же — перед самым Рождеством! Как тебя угораздило?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, доктор, — ответил Энтон и стиснул зубы от жгучей боли: врач обрабатывал рану. Он пообещал Гвенн молчать об изнасиловании — и даже виски не развязало ему язык.

Ночью злая, пульсирующая боль не давала Энтону уснуть. Черт, горько размышлял он, стоило уезжать из Англии, чтобы его опять избили! Но больше он этого не допустит. В Африке никто — ни егеря, ни десятник и ни старший стюард — не посмеет им командовать. Он обретет свой мир свободы и приключений. Будет путешествовать пешком или в седле, с винтовкой за плечами. Ночевать где заблагорассудится. У него будет много денег и друг или девушка, чтобы посидеть рядом у костра. Перед глазами возникла нарисованная на мешках с кофе двуглавая вершина горы Кения.

Остаток дня Энтон сторонился Гвенн. Правая рука была на перевязи и болела. Он стремился избежать расспросов.

Ночью на судне не спали: праздновали канун Рождества. Мачты украсили национальными флагами Великобритании. Ветераны — особенно ехавшие с семьями — болтали и пели под брезентовым навесом на тесных палубах. Энтон заметил в тени несколько парочек: будущие новобрачные прощались со своими временными кавалерами. Утром капитан обвенчал девушку из спасательной шлюпки, и теперь она и свежее испеченный супруг искали, где бы уединиться.

Люди передавали друг другу переписанные от руки экземпляры рождественского гимна. Ребятишки, забравшись в спасательные шлюпки, горланили подходящие к случаю народные песни. На Энтонна накатило чувство тоски и одиночества. Вспомнились жаркие цыганские костры на снегу. Он не был плаксой, но не принадлежал и к тем, из которых слезу нипочем не вышибить.

Он бродил по правому борту и вовсю напрягал зрение, чтобы различить долгожданный берег. Потом подсел к вентилятору (там горела лампочка) и, вытащив из кармана вельветовой куртки книжку, отыскал нужный отрывок.

«Долгая, мрачная ночь окутала меня, и сколько призраков былых упований преследовали меня в этой ночи, сколько призраков дорогих мне воспоминаний, ошибок, горестей, бесполезных сожалений! Я уехал из Англии...»

— Что вы читаете? — послышался женский голос.

— «Дэвид Копперфилд». — Энтон повернул голову и от восхищения вскочил. Какая же она красавица! — То место, где он покидает родину.

— Что у вас с рукой?

Он замялся.

— Свалился с трапа. До свадьбы заживет.

Гвенн дотронулась до повязки.

— Правда?

«Пошли вам Бог счастья, джентльмены! — грянул хор голосов. — И пусть вас ничто не огорчит!»

Энтон потупился. Гвенн не спешила убрать руку. Он любовался длинными, тонкими пальцами с голубыми жилочками.

— Погадать вам?

— Не знаю... Почему бы и нет? — Она протянула ладонью вверх правую руку.

От прикосновения к этой бархатной руке у Энтонна закружилась голова. Он подвел

Гвенн ближе к свету и немного согнул ладонь — линии стали отчетливее.

Он сразу пожалел о своем порыве. Безмолвно оторвал взгляд от ладони молодой женщины и погрузил его не в зеленые — скорее серые в тусклом свете лампы — озера ее глаз.

— Скажите, что вы увидели!

— Наверное, нельзя заниматься этим в канун Рождества.

— Пожалуйста, скажите правду.

Энтон разволновался. Но Гвенн казалась такой спокойной, что он послушался.

— Главное — линия ума. Она у вас прямая, четкая и глубокая. Вам присущи ясный ум и целеустремленность. В то же время она не пересекается с линией жизни, опоясывающей бугорки Венеры и Марса. Это значит, что вы независимы, отважны и не отступаете от цели.

— А сердце?

— Линия сердца проходит между большим и указательным пальцами, начинаясь от угла Юпитера. Ваши привязанности — глубокие и постоянные. Вы склонны жертвовать собой и не ждете от жизни слишком многого.

Он запнулся и снова посмотрел ей в глаза.

— Энтон, а что меня ждет в будущем?

— Линия судьбы берет начало от линии жизни и тянется к вершине руки: вы добьетесь своего и будете счастливы. Но...

Он различил угрожающий островок, разбивший линию судьбы на равнине Марса. Любой цыган знает, о чем говорит искривленная линия ее брака.

— Но что? — Гвенн побледнела. — Энтон! Скажите мне все как есть.

— Но сначала вас ждут страдания.

— Ну что ж... Будем надеяться, что вы ошиблись.

Стоя рядом, они вглядывались поверх поручня в быстро светлеющее небо. Потом взгляд Гвенн упал на палубу. Рейли с братом пьянствовали на носу судна.

Гвенн похолодела; к горлу подступила тошнота. Она чувствовала себя оскверненной. Убить бы это животное! Интересно, что бы она тогда почувствовала? Можно ли таким способом избавиться от гнева и унижения?

Дети угомонились — щенятами уснули на дне спасательных шлюпок. На горизонте показалась светлая полоска. «Гарт-касл» приближался к берегам Африки.

Стоя бок о бок, Энтон и Гвенн молча смотрели вдаль; их руки на перилах почти соприкасались. Энтону захотелось накрыть ее руку своей ладонью.

В рассветных лучах им раскрыла свои объятия гавань Килиндини в Момбасе. Их приветствовали кокосовые пальмы и манговые деревья, беленые стены домов, красные черепичные крыши и арабские жилища. Корабль бросил якорь за рифами. С берега к нему устремились многочисленные лодки и лихтеры. На необъятном песчаном пляже собралась толпа: поселенцев встречала вся Момбаса.

От волнения Энтон потерял дар речи. Наконец-то он в Африке!

— Где вы будете жить? — спросил он немного погодя.

— У подножия горы Кения.

Он несказанно обрадовался знакомому названию.

Не дождавшись ответа, Гвенн повернулась к Энтону, и у нее захватило дух от голубизны его глаз. Сколько в нем жизни, как он отличается от ее сдержанного мужа!

— Наша ферма — у реки, севернее Наньюки.

— Надеюсь, еще увидимся, — сказал Энтон и представил двуглавую гору. — Может, сойду в Дар-эс-Саламе.

— Удачи вам. И счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества. — Он наклонился и поцеловал молодую женщину в щеку. — До свидания.

— Кому на берег, садитесь в лодки! — проорал боцман.

Гвенн тепло улыбнулась.

— До свидания. Может, и правда увидимся.

И ушла собирать свои жестянки и потертые кожаные чемоданы. Потом она спустилась по сходням в лодку, и та понеслась, разрезая волны, к берегу. Дул свежий ветер. Гвенн оглянулась и помахала рукой. Энтон не видел ее глаз — только светлые, развивающиеся на ветру волосы.

— Не вздумай сойти на берег, Райдер! — гаркнул старший стюард. — Работы полно. Мы опаздываем. Вам, новичкам, заплатят только в Помпи. Так что марш драить каюты!

Оливио услышал вопрос леди Пенфолд, обращенный к Анунциате Фонсека, и уловил в нем непривычные нотки вкрадчивого дружелюбия пополам с любопытством:

— Что привело вас с братом в нашу глушь?

Видно, дамочка заподозрила муженька в возобновлении фронтовых шашней. Может, застучала его светлость, когда он ночью крался по коридору. Иначе с какой стати ей выказывать интерес к другой женщине?

Ах, как хотелось Оливио оказаться на месте лорда Пенфолда и обладать не его женой, а любовницей! Вот это был бы шик! Однако пора идти наверх и заняться багажом гостей. С тех пор как окончилась война, в «Белом носороге» становится все интереснее. Мало ли что может случиться! Особенно сейчас, когда его светлость на берегу — встречает новых поселенцев.

Карлик взял пустой кофейник и принялся не спеша вытирать стол. Дамы не обращали на него внимания.

— Васко понадобилось осмотреть северные участки, — ответила Анунциата, — и он взял меня с собой. Считает эти места перспективными.

— Я бы очень удивилась, — сказала Сисси Пенфолд.

Женщины поднялись из-за стола. Карлик попятился, давая им пройти, а затем сошел с веранды и направился к бунгало Пенфолдов. Проходя мимо конюшни, он зажал ноздри, чтобы не вдыхать омерзительный конский запах. Он всегда сторонился этих гигантских животных, боялся их длинных ног и возмущался показной элегантностью наездников.

— Вы часто катаетесь верхом, дорогая? — спросила Сисси, подходя вместе с Анунциатой к конюшне.

Она не могла не заметить, как отлично сидят на португалке ее собственные брюки из саржи. У Анунциаты был высокий таз — достаточно круглый, чтобы привлечь внимание мужчин, и достаточно упругий, чтобы возбудить зависть женщин. Хуже того: у нее оказалась более тонкая, чем у Сисси, талия. А груди под спортивной рубашкой казались спелыми плодами — вот-вот лопнут. Сколько же лет смазливой сучке? Прикидывается, будто двадцать шесть — двадцать семь. Но гусиные лапки вокруг глаз и рта выдают тридцать два — тридцать три, а то и тридцать четыре. У этих смуглых шлюх морщины появляются позже, предупреждала мать. Но уж зато когда такая начнет расплываться, то превращается в гору коричневого студня.

Сисси считала, будто имеет полное право вынюхивать, что связывало ее муженька с этой смуглой вампиршей. Независимо от ее собственных грешков (карлик, разумеется, не в счет), нельзя допустить, чтобы Адам блудил в их отеле!

— Иногда мы объезжаем нашу плантацию в Мозамбике, — ответила Анунциата. — Но меня пугает манера Васко ездить верхом. Он грубо обращается с лошадьми.

— Почему бы вам не прокатиться на Удаче? Она не слишком высока ростом, и у нее легкая рысь.

И галоп тоже, мысленно добавила Сисси, всегда уделявшая отбору лошадей особое внимание. Выращивать кофе и школить тупых туземных слуг — то еще удовольствие! Зато во всем, что касалось собак, лошадей и плотских утех, Сисси чувствовала себя знатоком. Она вспомнила выступление трехлетней Удачи в Сомали на состязаниях по скачкам с

препятствиями. Это было незадолго до войны. Охваченная почти истеричным азартом, Удача сразу после взмаха флажком, не обращая ни малейшего внимания на жокея-араба, устремилась вперед и пришла второй. Это было великолепное, захватывающее дух зрелище! Посмотрим, подумала Сисси, умеют ли идеальные португальские ножки управляться с чем-нибудь, кроме мужчин.

Перед тем как взобраться на своего гунтера [2], Сисси бросила взгляд на отель и увидела, как в окне ее спальни дрогнула занавеска. Уж не Оливио ли прячет свою уникальную круглую голову? И кого же он выслеживает: ее или португалку? Грум удлинил для Анунциаты стремяна. В сопровождении трех гончих наездницы понеслись по пыльной дороге.

Ага, подумал Оливио, чертовы дворняги тоже слиняли. Будь проклят тот день, когда этих жутких тварей привезли из Англии! То был последний раз, когда хозяин с хозяйкой вместе чему-то радовались. Возбужденные, словно дети, валандались со слюнявыми зверюгами. Самая страшная, Джиневра, в первый же день пребывания в «Белом носороге» дважды сбила Оливио с ног. Любвеобильная и экзальтированная, она так и бросилась на карлика — выставила его на посмешище. Прямо при слугах положила передние лапы ему на плечи и лизнула лицо длинным тонким языком. По прошествии нескольких дней ему ничего не оставалось, как отравить ее медленно действующим ядом, более других пригодным для симуляции симптомов болезни. Из людей один только повар заподозрил Оливио, догадался, кто свершил правосудие. Зато собаки поняли намек и оставили карлика в покое.

Женщины ехали рысью по холмам позади отеля, между рядами кофейных деревьев. Под ногами стелился белопенный ковер из лепестков: десятилетние деревья наконец-то начали плодоносить. Сисси это не волновало. Нет спору, некоторые деревья были красивы, с парными глянцевыми вечнозелеными листочками и кистями тяжелых зерен. Но других — с жалкими, сморщенными, как изюм, пупырышками — было гораздо больше.

Краем глаза Сисси наблюдала за Анунциатой. Как только Адам может спать с этой «прости-Господи»? Бедрям португалки было тесновато в бриджах, когда она плавно приподнималась в такт с лошадью. Анунциате не хватало элегантности. Она чуть заметно сутулилась, а маленькие ступни казались параллельными земной поверхности — никакого подъема! Но ей не откажешь в кошачьей грации.

Гончие — вот еще одна, более серьезная проблема. Даже для этой породы собаки были слишком худы, короткошерстны и чувствительны. В этом гиблом краю все их природные качества развились до максимума. Выпирающие ребра делали их похожими на птичью клетку. У вожака по кличке Ланселот через все левое плечо шел безобразный шрам. Из четырнадцати собак уцелело только три — а ведь когда-то была лучшая свора во всем Уилтшире! Как почти все, вывезенное из Англии, гончие оказались слишком хороши для Африки. Из поколения в поколение их обучали поднимать оленя или зайца. Чуткие, легкие на подъем, собаки были просто не способны отказаться от погони. Их губило Хорошее воспитание.

Четыре особи за какие-то считанные секунды погибли на глазах у хозяйки во время охоты на льва, которая поначалу напомнила ей ирландскую охоту на хищников. Преследуя в долине громадного зверя с темной гривой, свора истощила его терпение. Лев остановился и подпустил их поближе. И вдруг — молниеносный выпад — и гончая с перебитым хребтом летит вверх тормашками, как волан. Прежде чем Адам, никогда не отличавшийся снайперскими достоинствами, уложил его из своей винтовки — и то с четвертого

выстрела! — лев умертвил еще троих. Не говоря уже о том, что последняя пуля прикончила раненую!

Еще двух собак, подсчитывала Сисси, задрала гиена, когда они тащили из густых зарослей подстреленную антилопу. Еще одну утащил леопард — прямо с охотничьей стоянки. Как она надрывалась, бедная, когда гигантская урчащая кошка волокла ее в буш! И надо же — другие собаки отказались броситься в погоню. Остальные смерти были не столь драматичны: болезнь, перебитая лапа, змеиный укус.

Даже теперь три оставшиеся собаки с короткой памятью стрелой неслись впереди наездниц, бросаясь то вправо, то влево, фыркающая и вынюхивающая дичь. Сисси прищпорила лошадь, пуская ее в легкий галоп. Удача тотчас отреагировала — резко набрала скорость. Анунциата покачнулась. Вскоре лошади уже неслись во весь опор. Собаки начали травить. Удача натягивала удила, норовя захватить лидерство.

Сисси первая заметила блестящую черную стрелу, летящую низко над землей. Шакал! Вот теперь посмотрим, умеет ли шлюха ездить верхом!

Она видела: Анунциата дает лошади неправильные команды. Движимая одним-единственным стремлением удержать равновесие, наездница привстала в стременах и наклонилась вперед, к лошадиной холке. Не чувствуя тяжести седла — так бывало, когда жокей пускал лошадь в галоп, — Удача всей душой отдалась бешеной скачке.

Шакал, гончие и лошади, точно безумные, неслись сквозь колючий кустарник — буш. Совсем как настоящая английская охота, подумала Сисси, вот только в финале не будет приличной еды и выпивки — отпраздновать победу.

Шакал изгибался и вилял, используя как укрытие каждый куст и каждую выбоину, каждый камень и каждое дерево. Собаки бежали, низко пригнув головы и вытянув морды вперед. Впалая грудь ходила ходуном, словно кузнечные мехи. Гончие неслись во весь опор по дикой местности, преодолевая препятствия. Колючий шип пропорол Ланселоту нос и выколол левый глаз; однако пес, ни секунды не мешкая, бросился вместе с братьями на штурм следующих кустов. Сисси придержала свою лошадь. Опытный наездник прищпоривает на открытой местности и сдерживает скакуна в густых зарослях. Зато Удаче никто не мешал. Она вся покрылась потом; из пасти показалась пена; глаза округлились и горели, когда она неслась по прямой за гончими. Анунциата больше старалась удержаться в седле, чем контролировать лошадь; может быть, даже рассчитывала возглавить гонку. Собаки разделились, чтобы обогнуть высокое, все в колючках, дерево. Заставив свою лошадь податься немного в сторону, Сисси не оставила Удаче пространства для маневра. Анунциата что было сил прижалась щекой к взмыленной шее лошади. Ее левое колено зацепило ствол. Женщина вскрикнула и вылетела из седла.

Сисси резко осадил лошадь и, описав круг, подъехала к Анунциате. Оглушенная падением и онемевшая от боли, та застонала и прикусила губу.

— С вами все в порядке, дорогая? — спросила Сисси. — Я волнуюсь за собак.

— Наверное. Только нога болит. Оставьте меня, поезжайте. Задержите мою лошадь.

Сисси нахмурилась и потрусил за Удачей и гончими. Теперь шлюха несколько недель проваляется в постели. «После стольких лет прозябания в "Белом носороге", — подумала Сисси, — я имею право на небольшую потеху».

Пальцы мясистой руки Оливио шарили в карманах белого мятого пиджака. Он с заботливостью часовщика вынимал каждый предмет и клал на место. Чувство опасности и пугало, и будоражило. Оливио вспомнил тот единственный случай, когда его поймали с поличным. Жалкий гоанский беспризорник, увечный и неприкаянный, он не гонял с индийскими мальчиками мяч на улице или с португальскими — во дворе школы. У него была своя игра — перебирать содержимое ящиков стола или комода, запоминая точное расположение каждой вещи и оставляя каждую книгу или шарф сложенными в точности, как раньше.

Но однажды Оливио дал маху. Работая коридорным в меблированных комнатах Бомбейского клуба, он нашел под стопкой шелковых сорочек записную книжку в переплете из свиной кожи. Но сначала он занялся рубашками. Разворошив их радужное многоцветье, выбрал одну, голубую, гладкую, как потаенные местечки его первой девушки, и, расстегнув пуговицы, напялил поверх мешковатой униформы. Закатал рукава — а то они свисали и делали его похожим на пугало. Зато воротничок идеально облегал его короткую толстую шею.

Карлик впился взглядом в свое отражение в зеркале, любясь идеально круглым черепом. Гордо вздернул подбородок и победоносно ухмыльнулся. Потом вернулся к записной книжке с вклеенными фотографиями. И, уйдя с головой в созерцание восхитительных картин другой, незнакомой жизни (чай в кругу семьи на зеленой лужайке, сцены охоты), не заметил, как в номер, расстегивая на ходу португею, вошел высокий военный — и разразился руганью. Это был настоящий великан — его ярость заполнила комнату; глаза метали молнии. Он стегнул Оливио ремнем по лицу и сильно порезал лоб.

Откуда офицеру было знать, что последнее слово останется за Оливио?

Ибо, подобно тому, как некоторые люди наделены от природы талантом дружить, Оливио обладал редкостным даром мщения. И бомба замедленного действия произвела разрушительный эффект; жаль только, ему не довелось при этом присутствовать. Зато он лишний раз убедился в надежности Королевской почты.

Оливио вскрыл над паром письмо офицера к молодой жене, оставшейся в Корнуолле, и дополнил парой любовных записок и фотографиями его бихарской наложницы, не забыв и несколько счетов за подарки. Письмо пересекло моря и океаны, а с обратной почтой пришло известие о том, что молодая женщина пыталась отравиться. Ее удалось спасти — чего нельзя сказать об их неродившемся сыне.

Этот случай лишний раз показал Оливио достоинства шпионажа, и он довел выслеживание и вынюхивание до степени искусства. Как другие искусно перевязывают артерию или играют на пианино, так Оливио мог виртуозно обыскать комнату либо выпотрошить и уложить обратно содержимое чемодана. Слишком гордый, чтобы красть, и слишком любопытный, чтобы оставить чемодан необследованным, он собирал информацию, как другие — урожай. Этим утром, убираясь в баре, он наткнулся на белый полотняный пиджак кого-то из посетителей.

В карманах оказались испещренная пометками карта Центральной Кении, четыре сигары в потрепанном кожаном портсигаре, колода карт, золотые карманные часы и горсть монет: индийских, английских и португальских. И конверт с двумя выцветшими фотографиями, выполненными в сепии. Оливио повертел часы. Да это же лорда Пенфолда! Он открыл крышку и ухмыльнулся, прочитав надпись: «Вечно твоя Сисси».

На одной фотографии была изображена шикарная вилла с несколькими террасами и

крыльцом с колоннами. Кругом простирались холмы и виноградники. Меж виноградных кустов маленькие фигурки склонялись над круглыми корзинами. Другие работники несли полные корзины с поля, сгибаясь под их тяжестью. На втором снимке — старом, с оторванными уголками — были сфотографированы двое мужчин — судя по всему, братья. Бросались в глаза их массивные носы, толстые губы и колючие маленькие глаза под широкими бровями. Один стоял, выпрямившись во весь рост, в белом военном мундире с наградными знаками и при шпаге. Надменный португальский офицер. Сеньор Фонсека собственной персоной!

Опершись одной рукой на эфес шпаги, другой он обнимал за плечи своего спутника, сильно уступавшего ему ростом. Шея этого другого утонула в высоком, тугом воротнике священника. Этот человек показался Оливио знакомым. Он носил огромный блестящий крест на тяжелой цепочке. Длинная мантия и украшенный кистями кушак кардинала доставали до ботинок с пряжками. Облачение архиепископа? Карлик всмотрелся в решительные, глубоко посаженные глаза этого человека. Протер фотографию манжетой. Потом положил оба снимка обратно в конверт. Повесил пиджак на спинку стула.

Он привычно взобрался по стремянке на свою полку и начал полировать освинцованную стойку. Однако в мыслях он то и дело возвращался к фотографиям из конверта, на обороте которого виднелся герб с фамилией «Фонсека». Второе имя Оливио — тоже Фонсека. Вдруг это его родичи?

* * *

— Держитесь крепче, мэм-саиб! — покрикивал жизнерадостный африканец-лодочник, когда лодка взрезала носом волну.

Наконец-то Африка стала для Гвенн непосредственным впечатлением! И сама она уже не была сторонним наблюдателем, томящимся в ожидании писем от Алана или пассивно сидящим на палубе, пока носильщики управляют с багажом. Белая гребная шлюпка то и дело ударялась о поднимаемые ветром буруны. Четверо гребцов синхронно орудовали веслами и переговаривались на суахили. Лодка благополучно протиснулась между двумя коралловыми рифами.

С широко открытыми глазами, вцепившись обеими руками в деревянное сиденье, Гвенн любовалась опрятной белой униформой гребцов и кружением чаек над волнами. Теплые брызги промочили ее шерстяное пальто. Она вспомнила дожди и туманы Уэльса и со смехом слизнула с губ морскую соль. Потом обернулась туда, где остался «Гарт-касл», но не увидела застенчивого юношу, который поцеловал ее на прощанье.

Примерно в сорока ярдах от берега лодка наткнулась днищем на белый песок и, как всякого новоприбывшего, поставила Гвенн перед выбором: брести к берегу вброд или позволить африканцам доставить ее туда на закорках. Она взяла туфли в руку и спрыгнула в воду. Длинная юбка кувшинкой раздулась вокруг талии. Гвенн двинулась к берегу, глазами отыскивая Алана.

Других пассажиров встречали друзья и родственники; люди обнимались, целовались, сгребали в охапку детишек. Гвенн дважды прошла взад-вперед по длинному пляжу, стараясь не обращать внимания на счастливые пары. Разочарование мешалось с тревогой. Неужели Алан настолько плох? Окончательно убедившись, что ее никто не встречает, она

взяла из кучи сложенных под гигантской пальмой вещей свои чемоданы.

Теперь, когда схлынула эйфория, ей открылось, что поднять в Африке семью будет не так-то просто. Гвенн села на старенький чемодан и отряхнула ноги от песка. Зашнуровала тяжелые туфли и побрела вверх по склону, к видневшейся за пальмовыми рядами полоске твердой красной земли.

Там на узких путях стояли местные трамваи: шесть маленьких тележек, укрытых от солнца полосатым брезентом; на двух обращенных друг к другу скамейках могло усесться четыре пассажира — как в гондоле карусели в городском парке. Эти трамваи — гордость Момбасы — перевозили людей от причала до железнодорожной станции. Их толкали группы весело горланящих песни африканцев. Пассажиры, которым повезло — их встретили, — с помощью друзей и слуг первыми набились в вагончики. Перегруженные трамваи медленно тронулись с места.

Гвенн обнаружила, что у нее пропал один чемодан. И еще — что за ней следует приятный на вид африканец.

— Я — Мальва. Давайте помогу.

Он смотрел на нее умными, живыми глазами. У него были приплюснутый нос, решительный подбородок и правильные черты лица. Он стоял перед ней в поношенной голубой гимнастерке Королевских африканских стрелков и брюках цвета хаки. Вместо ремня брюки поддерживала завязанная узлом веревка. Из ботинок — сапог с отрезанными голенищами — выглядывали пальцы ног.

— Я родом из племени вакамба, мэм-саиб, это далеко отсюда. Могу работать. За еду или за деньги.

Не зная, куда идти, Гвенн обратилась к молодой парочке, чьи вещи как раз грузили на запряженную мулами двухколесную тележку. У мужчины один пустой рукав был приколот к рубашке.

— Вы не могли бы мне помочь? Меня зовут Гвенн Луэллин.

— Прыгайте в двуколку, — живо откликнулась девушка, немного ошалевшая от дороги коренастая блондинка. — Будете моей подружкой.

Она представила Гвенн своего спутника:

— Это мой жених, Тони Бевис. А меня зовут Джилл, и мы прямиком направляемся в церковь, правда, Тони? Правда?

— Конечно, дорогая, — подтвердил Бевис. У него были каштановые волосы, причесанные на прямой пробор и двумя аккуратными дугами обрамлявшие лоб.

Отчаявшись найти пропавший чемодан, Гвенн вместе с Джилл и Бевисом взобралась на сиденье. Она уже знала: женихов и невест венчают без всяких проволочек, сразу по прибытии. Нельзя же девушке путешествовать одной или в компании мужчины, который не является ее мужем. Мальва закинул наверх ее пожитки. Он показался Гвенн заботливым и добросовестным работником. Возчик — индус в чалме — обращался исключительно к англичанину.

— Готово, саиб? Церква?

Джилл захихикала. Тони Бевис кивнул и пожурил невесту:

— Нет ничего смешного, дорогая. Эти черти хотя и коверкают слова, зато говорят на четырех или пяти языках — не то что мы.

Возчик взобрался верхом на тяжелое дышло и, заверещав на хинди, привел сонных животных в чувство. Гвенн поморщилась: поводьями служили вдетые в ноздри быков

веревки. Мальва следовал на расстоянии, вертя в руке посох из красного дерева с набалдашником в виде пениса.

В этот день англиканская церковь бурлила не хуже карнавальной площади. Деревянная, с белеными стенами и стрельчатыми готическими окнами, она казалась в собранном виде доставленной сюда из дома. Ни дать ни взять — церковь Святого Златоуста в Денби, где Гвенн венчалась с Аланом пять лет назад. Окна узкого нефа были открыты. Ветер доносил благоухание красного жасмина и гибискуса. Алтарь был увит белыми лилиями.

Церковь заполнилась гудением голосов пятнадцати брачующихся пар и их сопровождающих. Каждая группа дожидалась своей очереди. Девственная белизна удачно гармонировала с тропической одеждой; каждая невеста и каждый жених надели хоть что-нибудь белое. С пробковых шляп с широкими полями свисали белые кисейные косынки или плиссированные шарфики из муслина — заменяя собой строгие английские вуали. Гвенн и Джилл с Тони сели на скамью со спинкой в одном из первых рядов.

С началом службы уныние Гвенн рассеялось. Венчались по три пары одновременно. Гвенн поймала себя на том, что улыбается, разделяя их радость. Тучный священник безбожно путал имена.

— Согласен ли ты, Гарольд, взять в жены Лидию?

— Вообще-то нет. Моя невеста — Розмари.

Гвенн и Джилл нервно захихикали. Один свидетель шепнул приятелю:

— Как думаешь, разводиться их будут тоже по три пары за раз?

Настал черед Бевисов. Гвенн тоже шагнула к алтарю. Побледнев, как мел, Тони повернулся к ней и в ужасе зашептал:

— Послушай, извини — у тебя есть кольцо?

— Кольцо?

— Ну да. Я же должен надеть ей кольцо на палец.

— О... у меня только свое. Но я могу одолжить. — На Гвенн накатила романтический порыв. И — сразу вслед за ним — холодный душ дурного предчувствия.

Стоя перед алтарем, она казнила себя виной перед Аланом и в то же время усиленно лизала безымянный палец. Наконец ей удалось снять кольцо — впервые после того, как надела. Служба продолжилась. Бевис с трудом надел кольцо на пухлый палец невесты.

— А теперь куда? — спрашивали новобрачные своих друзей, выходя на улицу и щурясь от яркого африканского солнца. Гвенн уже знала: в Момбасе почти некуда пойти.

— Поехали в клуб, отметим, — предложил Тони Бевис. — Один приятель обещал замолвить словечко.

Гвенн чувствовала себя лишней, но ей было некуда деться, и она согласилась.

Клуб располагался в районе старой португальской гавани. В холле, создавая уют, красовалась огромная кадка с казуариной; на поникших ветвях висели картонные ангелы. В баре и на веранде гостей приветствовали, уставившись стеклянными глазами, точеные головы сернобыков и грустных бизонов. Багроволицые члены клуба в вечерних костюмах — черных брюках и коротких белых кителях — уставились на новоприбывших поверх старых английских газет.

Гвенн и Бевисы начали с шампанского и гигантской жареной креветки. Мальва остался сторожить вещи.

Ровно в семь, когда перед ними только-только поставили мясо антилопы, в зал вбежал гордый своей миссией парнишка-сомалиец в белой феске. В одной руке он держал

колокольчик, а в другой — табличку с надписью: «Не для дам!» Официант срочно вручил Бевису счет. Англичанин непонимающе посмотрел на него. Пришлось официанту объяснить: по местным правилам, в семь часов дамы должны покинуть клуб. Изумленно бормоча: «Да-да, конечно», — Бевис стер с подбородка соус и нацарапал имя своего поручителя. Голодные, они вышли из клуба и поехали в «Гранд-отель».

Названный так на манер европейских собратьев, но за двадцать лет основательно запущенный, «Гранд» держался на плаву лишь благодаря конкуренции. Уличная аркада не пропускала свет в окна. Под грязной облупившейся краской виднелись трещины на стенах. Гвенн и Джилл подождали в холле, пока Бевис вел переговоры у конторки. Гвенн рассеянно прикидывала, каких же размеров должен быть паук, соткавший в углу устрашающую паутину. Из бара, держа в каждой руке по высокому бокалу, вышел мужчина — очевидно, один из проживающих в отеле.

— Да будет мне позволено заметить, — сказал он, оглядывая женщин, — здесь не так плохо, как кажется. Здесь гораздо хуже. В сезон дождей больше крыс, чем прислуги. Причем некоторые крысы даже крупнее.

Тем временем Бевису сказали, что все номера заняты, но можно взять одеяла и переночевать на полу в бильярдной. Он попросил дам подождать и отправился наводить справки относительно других гостиниц — «Африка» и «Цецилия». Гвенн вышла и дала Мальве флорин. Потом они с Джилл посидели в баре, потягивая джин с индийским тоником и стараясь не обращать внимания на пристальные взгляды мужчин. Если бы Алан ее встретил, ей не пришлось бы мириться со всеми этими неурядицами. Кажется, дорога в Найроби будет долгой.

Бевис устало взобрался на запряженную верблюдом двуколку. В ответ на просьбу отвезти его в отель «Африка» возчик-индус снисходительно улыбнулся.

— Если заблудитесь, саиб, нос всегда приведет вас к «Африке» — и даже не по одному, а по многим запахам сразу.

Построенная из вонючих стволов мангрового дерева, широкая и приземистая «Африка» показалась Бевису противной жабой на обочине. Здесь пахло канализацией, тухлой едой и свалкой. Колодец был до краев заполнен густым акульим жиром, которым смазывали сапоги (для прочности) и стены (в качестве защиты от древооточцев). В холле трое матросов, сидя на груде антилопных шкур, тянули джин прямо из бутылки. Края шкур пожелтели, задубели и загнулись, словно древние свитки. Бевис подошел к ключющему носом портье и спросил, нет ли свободной комнаты.

— Он в отключке, — подсказал один матрос, — и не кумекает по-английски. Если бы даже у него нашлась комната, так непременно без двери — вряд ли вас устроило бы.

Утомленный поисками, чувствуя боль в ампутированной руке, Бевис понял: ему ничего не остается, как провести брачную ночь на бильярдном столе в «Гранд-отеле».

После нескольких рюмок и тушеного мяса буйвола Гвенн обратилась к Бевисам:

— Если вы не против, я почитаю на стуле в баре.

Прихватив масляную лампу, одеяла и бутылку бренди, молодожены удалились в бильярдную. Все еще сердясь на Алана, раздраженная тем, что весь день прошел среди чужих радостей, Гвенн закрыла глаза и попробовала помечтать о будущем.

Внезапно до нее донесся запах ароматного трубочного табака. Она вспомнила отца и услышала стук трости по деревянному полу.

— Прошу прощения, — послышался дружелюбный, прекрасно поставленный голос

английского джентльмена, — но так не пойдет.

Гвенн вздрогнула и открыла глаза. Перед ней, опираясь на бамбуковую трость, стоял седовласый мужчина аристократического вида. Он вынул изо рта трубку и, сощурился глазами в улыбке, представился:

— Адам Пенфолд. Пожалуй, будет лучше, если я посижу в баре, а вы — в моей комнате. — Он протянул руку, помогая ей встать.

— Вы очень добры. Мое имя Гвенн Луэллин. Я приехала утром, но муж почему-то не встретил.

— Должно быть, он ждет в Найроби. Нам пришлось отправить туда часть встречающих: железная дорога и без того перегружена. — Пенфолд поднял ее небольшой саквояж. — Я из земельного управления, заскочил в Момбасу посмотреть, как идут дела. Завтра отправим вас к месту назначения.

Энтон обратил внимание: лишь немногие члены экипажа цеплялись за свое одиночество — хотя в свое время оно-то и погнало их в море. Большинство обзавелись постоянными приятелями, с которыми можно было выпить, перекинуться в картишки и потолковать. Объединялись, как правило, по вахтам или смежным профессиям: кочегары и судовые механики, стюарды и повара.

В каждой вахте были свои записные игроки. Эти ставили на карту все до единого пенса и просаживали жалованье, иногда даже не успев получить. После пары дней плавания становилось ясно, кому везет, кто честно платит, а кто отлынивает. Всего одна ночь, и заработка за несколько недель каторжного труда как не бывало. Вист, джин, покер, двойной черт — во всем этом Энтон чувствовал себя как рыба в воде.

— Мы идем как бы на двух разных судах, — сказал однажды судовой врач. — Пассажиры — на одном «Гарт-касле», команда — на другом.

— Следи за другими игроками, — наставлял его Ленарес, подкрепляя слова жестами и гипнотизируя своего двенадцатилетнего ученика взглядом печальных темных глаз. Тасуя карты, он рассказывал о нажитых и утраченных состояниях. — Учись читать по губам, глазам, коже — особенно по коже: это труднее контролировать. Смотри, как она натянулась или на ней выступил пот. Руки никогда не солгут!

На пароходе играли ради острых ощущений или чтобы снять напряжение. Но Энтон цыгане учили другому. Для них это была та же охота: выслеживание и подкрадывание, сочетание инстинкта и дисциплины, привычка голодать и терпеть. Они знали приемы, но также и то, когда от них выгоднее воздержаться. Их правилом было — выждать, проигрывать понемногу и никогда слишком много не выигрывать.

К тому времени, как «Гарт-касл» вышел из гавани Килиндини в Момбасе и на всех парах двинулся на юг, чтобы за ночь преодолеть расстояние до Дар-эс-Салама, Энтон выиграл ровно столько, на сколько отважился. Он знал цену золоту (может, сам найдет его в Африке) и при каждом удобном случае обращал долги в купюры, а купюры — в золотые соверены, иногда немного теряя при обмене. В специальном кармашке у него на поясе было зашито сорок фунтов стерлингов золотом и пятерками.

До сих пор Энтон избегал садиться за карточный стол с другими стюардами, остерегаясь своего босса — старшего стюарда. Он ждал удобного момента. Но сегодня, когда большинство пассажиров высадились на берег, бдительность стюардов должна была притупиться, а кошельки лопались от чаевых.

Во время полуночной вахты Энтон задержался в туалете. Он расстегнул высокий потертый воротничок форменного кителя, вымыл волосы и сполоснул лицо теплой водой. Поморгав, стряхнул с ресниц липкую соленую воду и бросил оценивающий взгляд на свое отражение в зеркале. На счастье завязал на шее цыганский шейный платок — дикло — и оставил воротничок расстегнутым. По его расчетам, к этому времени мелюзга должна была уже отсеяться, и игра велась между «акулами». Энтон почувствовал приятное возбуждение. Он обставит их с такой же легкостью, как простых деревенских парней.

Он вошел в столовую первого класса, служившую по вечерам кают-компанией. Это просторное помещение с расколотыми зеркалами и поломанными стульями имело убогий, но уютный вид. За столиком в углу резались шестеро мужчин. На столе перед ними

красовался натюрморт из стаканов, крошек табака и денег. Остальные клевали носом, откинувшись на стульях или облокотившись на столы.

— Прошу прощения, джентльмены, — учтиво произнес Энтон, подходя к круглому столу, куда его жестом пригласил один из игроков, — как называется эта игра?

— Покер. Ничего страшного. Ставки на столе. Рост ограничен, — отрывисто произнес старший стюард, не отрывая взгляда от карт и мусоля во рту погасшую сигару. — Хочешь играть — бросай соверен на стол, бездельник.

Левой рукой (правая еще болела) Энтон отсчитал четыре фунта монетами по шиллингу и полкроне, положил на стол и, не говоря ни слова, сел на незанятый стул слева от сдающего. Второй стюард передал ему колоду. Круглолицый мужчина справа снял.

К тому времени, как пароходный гудок дважды прорезал тишину и «Гарт-касл» вошел в гавань, из пятерых игроков за столом двое вырвались вперед. Энтон был осторожен: ограничился вторым местом. На столе перед ним лежало тридцать четыре новеньких фунта, включая двухнедельное жалованье старшего стюарда.

— Последняя сдача, — объявил босс и выплюнул окурок в пустой стакан. — Цинциннати. Каждый ставит пять шиллингов.

Один игрок выбыл из игры из-за нехватки денег. Осталось четверо. Маловато для хорошей игры, подумал Энтон и встал.

— Сядь, Райдер, — скомандовал старший стюард и, вытащив застрявшую между зубами крошку табака, щелчком отбросил ее на дальний конец стола. Двое других игроков поставили по пять шиллингов. — Сядь.

Энтон вновь занял свое место и поставил на кон две полкроны. Глаза его соперников осоловели; сказала ночная усталость. Замечательно.

Стюард сдал каждому по пять карт, а еще пять положил в центр стола.

Энтон знал: чтобы выиграть в Цинциннати, нужна крепкая карта. Скажем, полный дом или что-нибудь получше, потому что каждый игрок имеет право выбрать лучшие из десяти карт, которые может посмотреть. Очевидно, будет пять кругов торга — по одному после того, как откроют очередную карту в центре стола. Он внимательно взгляделся в свои карты. Три четверки, дама и пятерка. Для начала неплохо, но у кого-нибудь может оказаться лучше.

Он знал правило: если у тебя сильная рука, не раскрывай ее слишком рано, при первых же ставках. Подержи соперников в подвешенном состоянии. Пусть другой начнет делать ставки, твой удар впереди.

В центре стола лежали пять ничейных карт вниз лицом. Старший стюард, как сдающий, открыл одну карту. Пятерка. Пригодилась бы Энтону для полного дома из трех четверок и двух пятерок.

Он обдумал положение. Если остальные будут играть до конца, у кого-нибудь может оказаться такая же или даже более сильная рука, чем у него. Банк равнялся всего одному фунту. Энтон внимательно наблюдал за игроками.

— Пас, — объявил круглолицый.

Энтон тоже спасовал. Посмотрим, как поступят остальные. Слева от него сидел свехрочник с оливковой кожей и узким крючковатым носом; приятели называли его Хукером. Он тоже объявил пас. Сдающий — старший стюард — последовал его примеру и открыл следующую карту.

«Проклятье!» — мысленно выругался Энтон. Никто не хочет играть, а в банке — сущая ерунда. Но если он пойдет по крупной, это насторожит игроков.

Следующей в остатке оказалась шестерка. Энтону это ничего не давало, зато могло усилить руку кого-нибудь из соперников.

Все еще раз дружно спасовали по кругу. Дважды проклятье! Сдающий открыл третью карту из остатка. Дама. Интересно, но без толку — даже несмотря на то, что у него теперь был полный дом, а три четверки бьют двух дам.

Круглолицый добавил соверен. Остальные сделали то же самое. Теперь в банке было уже пять фунтов. Это уже кое-что. Все заплатили за право увидеть еще одну карту.

Это оказалась последняя четверка. У Энтона екнуло сердце. Теперь ему светит набор из четырех карт одного достоинства. Забойная карта! Однако он постарался не показать своей заинтересованности. Круглолицый спасовал. Энтон последовал его примеру, рассчитывая, что следующий игрок поднимет ставку.

Хукер почесал нос и бросил на стол пятифунтовую бумажку. Очевидно, у него тоже сильная рука.

— Смотрю твои пять и добавляю два. — Старший стюард положил в банк семь фунтов.

— Слишком шикарно для меня. — Круглолицый выругался и сложил свои карты.

Старший стюард стрельнул в Энтоня пронзительным взглядом воспаленных глаз. Тот без единого звука бросил на центр стола семь фунтов. Хукер добавил еще два — стало двадцать шесть. Что же у них на руках?

— Ставки сделаны. — Старший стюард открыл последнюю карту из остатка. Дама. Вокруг его рта чуть заметно натянулась кожа. В остатке теперь были пятерка, шестерка, четверка и две дамы.

— Моя партия, сопляк! — Старший стюард бросил оценивающий взгляд на кучку денег перед Энтонем. Потом с торжествующим видом отсчитал четыре банкноты по пять фунтов и бросил в центр стола.

В комнате воцарилась мертвая тишина, не нарушаемая даже храпом закемаривших мужчин.

Энтон потерял свои банкноты. У него осталось около тридцати фунтов. Он наверняка выиграет. Четыре четверки — отличная комбинация. Но он тянул с ответом, изучая руки соперника. Поскольку у него самого одна дама и одна пятерка, у босса не может быть четырех дам или пятерок. И вряд ли у него окажутся четыре карты другого достоинства. Скорее всего, еще одна дама из остатка укрепила позиции старшего стюарда, и теперь он рассчитывает на полный дом с дамами — вместо пятерок или шестерок. Хорошая карта, но у Энтоня лучше. А что у Хукера? Может у него быть сильная рука? Что-то он слишком уж безучастно следит за торгом. Энтон заколебался, бессознательно теребя красный дикло.

«Смотри, — внушал Ленарес, — всегда оставляй что-нибудь в лесу или за карточным столом: будет к чему возвращаться».

Пробило шесть склянок. Конец ночной вахты. Четыре часа утра.

— Твоя партия. — Энтон кивнул и, положив свои карты на стол, поднялся.

Старший стюард подался вперед, чтобы сграбастать деньги.

— Минуточку, — устало проронил Хукер, ковыряя в носу.

Старший стюард побагровел, но отдернул руку. Все замерли. Хукер сложил свои карты стопкой вниз лицом и напряженно уставился на старшего стюарда. Потом перевел взгляд на пять карт остатка.

— Смотрю твои. — Хукер отсчитал двадцать фунтов из лежащих перед ним на столе и добавил в банк.

Выражение лица старшего стюарда снова неуловимо изменилось. Он выругался и нехотя открыл свои карты. Две пятерки, тройка, валет и дама пик. Мертвая карта, как говорят цыгане. Энтон порадовался тому, что вышел из игры.

— Полный дом. Дамы перебивают пятерки, — буркнул старший стюард.

Хукер открыл три свои карты: сплошь шестерки.

— Четыре шестерки, — объявил он, потянувшись за шестеркой из остатка. — Недурная карта, скажу я вам.

Действительно недурная, мысленно согласился Энтон и возблагодарил Ленареса за науку.

Итак, у него осталось двадцать пять фунтов — и трудная проблема: как бы смыться на берег? И стать свободным.

Он пошел на правый борт и стоял до тех пор, пока в той стороне, где должна была быть Танганьика, не появилась светлая розовая полоска. С замиранием сердца следя за игрой красок в рассветном небе, Энтон вспомнил другой рассвет — три года назад в Англии.

На нем не было ничего, кроме кепки из твида. Он стоял, дрожа всем телом, у замерзшего края декоративного озера в Мидленде. Пальцы на ногах заоченели. Щурясь от первых солнечных лучей, он всматривался в голые ветви вязов на островке в центре озера. Гнезда цапель на верхушках деревьев казались огромными черными корзинами. Энтон знал: цапли одними из первых выют гнезда, и, должно быть, в каждом гнезде уже лежит по несколько яиц. Он закусил нижнюю губу и шагнул в окутанную туманом воду. Через несколько месяцев — лето, и можно будет разбросать по всему озеру ловушки — маленькие плоты с леской и крючком. А в итоге — свежая щука, запеченная и фаршированная пудингом.

Некоторое время Энтон ступал по дну, а затем бесшумным брассом переправился на остров. Там он вышел из воды и стал карабкаться на дерево. Жалко, что не дуб: они пониже, и больше сучьев — удобнее лазать. Не переставая дрожать, Энтон задрал голову вверх и различил улетающих цапель. Зато в гнезде дожидались четыре крупных голубых яйца. Он положил две штуки в кепку вместе с пригоршней защитных веточек из гнезда. Потом проделал то же самое с другим гнездом. И снова вошел в воду с зажатой в зубах кепкой.

Он плыл себе спокойно, глядя на туманный берег, и вдруг увидел, как из леса вышел какой-то человек и остановился рядом с его одеждой. Это оказался рыжий паренек его возраста. Он разделся до трусов, сунул одну ногу в воду и присвистнул. Энтон рассмеялся — и еле успел подхватить кепку с яйцами. Парнишка вздрогнул, но тотчас успокоился.

— Ну, ты даешь! — восхищенно воскликнул он. — Ты кто?

— Энтон Райдер.

— А я — Стоун. Четвертый класс, Рагби ^[3]. А ты где учишься?

Энтон смутился.

— Что, тоже коллекционируешь яйца? Дать одно?

Мальчик оделся и с удовольствием выбрал одно яйцо. Вытащил из кармана рогатку. Потом сел на бревно и заостренным кончиком рогатки проделал на каждом конце яйца аккуратные отверстия. Подул в одно отверстие — из другого потекло содержимое. Облизал губы. Вытер подолом рубашки яйцо и конопатый подбородок.

Следующие пять недель Энтон и Стоун встречались каждое воскресенье. Вместе совершали набеги на гнезда сорок, грачей и дроздов. Ставили капканы и обдирали водяных крыс и куропадок. Складывали пустые яйца в дупло ясеня.

Иногда они рассказывали друг другу о своих приключениях. Стоун охотно делился школьными новостями. Не желая рассказывать о страхе и унижениях кочевой жизни, Энтон переводил разговор на охоту или учил нового друга бросать нож.

— Что вы сейчас проходите? — спросил как-то Стоун, складывая башню из камешков.

— Диккенса.

— Мы тоже. Что тебе больше всего нравится?

— «Дэвид Копперфилд». Но у меня пропала книжка.

Сердце сжалось от боли и злости. Энтон подобрал увесистый бульжник и в сердцах швырнул в воду.

Утром Вербного воскресенья они встретились в последний раз.

— На следующей неделе пасхальные каникулы, — запинаясь, проговорил Стоун. — Не хочешь погостить несколько деньков у меня в Мэнтоне? Будут еще двое из нашего класса.

Энтон был польщен, но, конечно, не мог не понимать, что будет белой вороной. В лесу то они на равных, но в Мэнтон-холле...

— К сожалению, не смогу. Я должен побыть с родными. (Ах, если бы это было правдой!) После Пасхи увидимся.

— Вряд ли. Я участвую в соревнованиях по крикету. — Стоун достал из кармана книгу и протянул Энтону. — Думаю, это тебе понравится.

Полгода спустя Энтон увидел Стоуна на цыганской лошадиной ярмарке в Нортгемптоне. Тот возмужал и выглядел весьма элегантно в черной визитке и жилете (тогда как на Энтоне были испачканные навозом сапоги). Стоун расхаживал с важным видом, вместе с двумя однокашниками с лихо сдвинутыми набок цилиндрами.

Рядом с Энтоном цыгане-барышники показывали бдительным крестьянам двух гарцевавших кобыл. Каких-нибудь пару недель назад это были измученные клячи с ободранной шкурой и пустыми глазами, выдававшими привычку к тяжелой работе. Зато теперь кобылы лоснились, словно от сытой, довольной жизни. Один цыган, щеголявший в высоких сапогах, плисовом жилете и длинном черном пальто, с небрежным видом потер перед мордой лошади пригоршню камешков-голышей. Глаза животного загорелись. Кобыла дернулась и вскинула голову с живостью годовалого жеребчика. Каждый день этот мошенник трещал у нее перед носом галькой в жестянке, доводя до безумия. Другая кобыла резко всхрапнула и раздула ноздри. Энтон знал: ее свежее дыхание — от розмарина, который ей натолкали в специально просверленные отверстия в зубах. А еще он видел, как барышники натолкали лошадям под хвост имбиря: от этого лошадь рвалась встать на дыбы и гордо задирала хвост.

Он с ужасом думал о том, что будет, если какой-нибудь крестьянин разоблачит цыган на глазах у Стоуна.

Стоун заметил его и принужденно улыбнулся.

— Надо же — Райдер! Как там наша коллекция?

— Кто-то их все разбил. Куница, наверное.

Стоун отвернулся и помахал кому-то в толпе. И ушел, как другие. Для цыган, подумал Энтон, я — гаучо. Для друзей Стоуна — цыган или неотесанная деревенщина. На глазах выступили жгучие слезы унижения.

В Африке все будет по-другому. Но при всем страстном желании начать новую жизнь, Энтон почувствовал спазм в желудке: в зареве рассвета обозначилась Танганьика.

Отчаянно стремясь сойти на берег в Даре и зная, что стюарды уже не так нужны, Энтон

сказал первому помощнику капитана, что он опытный портовый рабочий. Помня, что парню не заплатили, помощник не опасался, что он сбежит. А поскольку рука у Энтон была на перевязи, этот доброжелательно настроенный офицер поручил ему руководить одной из разгрузочных бригад, когда судно встанет на якорь.

Вскоре после рассвета «Гарт-касл» пришвартовался возле старого немецкого пирса, на чьей каменной поверхности до сих пор были видны следы от попадания снарядов с британских крейсеров, штурмовавших гарнизон фон Леттова в 1914 году. Энтон увидел узкие рельсы, на которых ждали своего часа легкие подъемные краны. Группки мускулистых африканцев с лоснящейся кожей стояли вокруг, готовые немедленно приняться за работу.

Мгновенно открыли люки; заскрипели лебедки; стрелы корабельных кранов вынесли контейнеры с бензиновыми двигателями и гигантские катушки медного телеграфного кабеля. На причале Энтон расставил по местам дюжину рослых африканцев во главе с десятником — арабом, немного говорившим по-английски. Нужно было рассортировать и уложить груз, пока приемщики подпишут транспортные накладные. Денек выдался жаркий. А в конце рабочего дня первый помощник отозвал Энтон в сторонку.

— Пошли, Райдер, пропустим по стаканчику. А потом я покажу тебе, что делать завтра.

Энтон небрежно (однако позаботившись о том, чтобы из кармана не выпал подаренный Стоуном «Дэвид Копперфилд») перебросил куртку через плечо и последовал за первым помощником капитана мимо отеля «Кайзерхоф» и ряда магазинов с белеными стенами и тонкими деревянными колоннами. Владельцы — арабы и индусы — наперебой предлагали прохожим-англичанам медные подносы, отрезы набивного ситца и фигурки из слоновой кости. Шагнув на тротуар, первый помощник капитана провел Энтон через занавес из разноцветных бус в прохладное помещение, куда свет проникал сквозь щели в толстых, оштукатуренных стенах. Там они увидели судового врача: восседая на парчовой подушке, он помешивал пальцем напиток и выражал восхищение серебряными браслетами, которые держала на подносе арабка в чадре.

— Добро пожаловать в бар «Рамси», — приветствовал их доктор, поглаживая ногу женщины; она же не обращала на это ни малейшего внимания.

Они подсели к доктору за низкий медный столик.

— Что здесь подают? — любопытствовал Энтон.

— Все, о чем только может мечтать нормальный мужчина. — Врач просунул одну руку между ниспадающими полосками хлопковой ткани, закрывавшими пухлый зад арабки. «Неужели ей это нравится?» — подумал Энтон, имея в виду главным образом то, что палец у доктора — в виски. — Они работают даже во время артиллерийского обстрела. Бывало, только колбасники выйдут и запрут за собой заднюю дверь, как старик Рамси раздвигает бусы и впускает посетителей-англичан. Виски?

— Пиво, пожалуйста. — Энтон вздрогнул, услышав женский смех в соседней комнате.

— Хочешь заглянуть туда?

— Лучше пошли, салажонок, отдохнем перед завтрашней сменой, — вмешался первый помощник капитана, залпом опорожня свой стакан и поднимаясь из-за стола. — А то этот старый развратник доведет нас до беды.

Офицер подвел Энтон к узкому длинному строению, где располагался товарный склад. Они постучали кулаками в дверь с латунными ручками, и старый араб с седой бородкой клинышком впустил их внутрь. На старике было что-то вроде белого балахона, подпоясанного шелковым кушаком. Держа над головой масляную лампу, он пристально

вглядываясь в посетителей. Первый помощник капитана представился.

Араб повел их на склад. Когда глаза Энтон привыкли к темноте, он различил несколько вделанных в стены железных колец, с которых свисали ржавые цепи и что-то похожее на кандалы. Многие доставали до пола, но попадались и короткие, легкие — как будто предназначенные для детей. Вдоль стен бежали пустые каменные желоба, как в коровнике.

— Невольники, — с усмешкой объяснил араб. — Черное золото. Но это уже в прошлом. — Он снял с крюка длинный гибкий кнут с острым концом.

— Любимый школьный учитель моего отца, эфенди, вырезал это из хвоста морского дьявола — гигантского ската.

Старик сделал неувловимое движение рукой. В воздух взметнулась пыль. Щелчок кнута показался Энтону оглушительнее выстрела.

— Во времена моего отца, — продолжал сторож, — по этим желобам бежала жидкая каша. Не пропадало ни капли. И ни одно место не пустовало. Их были сотни — каждый в воротнике и браслетах. Бурунди, нгони, даже вагого. Однако потом ваш королевский флот покончил с этой профессией. Весьма печально. Теперь у нас есть только белое золото — слоновая кость, — но даже его не удастся вывезти из-за вашей нечестивой войны.

— Завтра удастся, — посулил первый помощник капитана.

Араб поднял лампу. Затрепыхались и разлетелись по дальним углам летучие мыши. Свет лампы заблестел на сложенных рядами бивнях; те, что остались в тени, белели, как привидения. Их было несколько сотен — может быть, даже тысяч. Некоторые были сложены в десять рядов; самые крупные стояли вертикально, составленные громадными пирамидами. И все разные — как люди. Одни — толстые и короткие. Другие — тонкие. Много толстых и длинных, с закругленными или отбитыми кончиками. Попадались с желтыми или коричневыми пятнами, словно зубы курильщика. В конце длинного — не менее сорока ярдов — коридора из слоновой кости Энтон различил верстаки и шлифовальные круги. В деревянных тисках тоже были зажаты бивни, терпеливо ожидающие резца.

Сторож показал им самую роскошную пару — два длинных и толстых бивня. Энтон поставил один вертикально. Нижняя часть — высотой примерно два фута — оказалась светлее и грубее всего остального.

— Это основание — оно находилось в пасти слона, — объяснил араб. Бивень был почти одного с Энтоном роста: шесть футов два дюйма. Старик предложил юноше поднять его.

Энтон поднял — обеими руками. Бивень оказался на удивление тяжелым: где-то около ста семидесяти или ста восьмидесяти фунтов. Энтон провел рукой по гладкой, как жемчуг, поверхности, ощущая кожей каждую крошечную бороздку, каждую зазубринку. Слоновая кость как будто оживала у него под рукой. Энтону стало не по себе, словно он совершает кощунство. Он обратился мыслями к самим слонам. Какие они? Что, если бы все исполинские животные, чьи бивни собраны на этом складе, воскресли и медленно двинулись через джунгли, ломая ветви и фыркая, невозмутимо трубя о своем приближении?

Перед уходом первый помощник капитана пообещал прийти завтра — договориться насчет погрузки.

— Здесь пахнет смертью, — сказал Энтон и поежился.

— Давай вернемся к Рамси, а то док там все разнесет.

— Если не возражаете, сэр, я хотел бы вернуться на судно.

— Спокойной ночи, парень, и с Новым годом!

Они расстались. Первый помощник капитана поспешил к Рамси, а Энтон зашагал по направлению к доку. Немного погодя он остановился и посмотрел в небо, на Южный Крест. И, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошел прочь от берега.

В бурлящей толчее вокзала в Момбасе беспрестанно кричали индусы:

— Деньги! Деньги! Рупии, фунты, пенсы!

Гвенн огляделась и увидела древние грузовики и запряженные волами повозки с новыми партиями переселенцев. С платформы соскочили носильщики и поспешили на помощь.

Проводники-сомалийцы в белой накрахмаленной униформе из хлопка и красных фесках продавали билеты: первый класс — для европейцев. Африканские женщины торговали на улице плодами манго, папайями и бананами, доставая их из широких мелких корзин. Европейские женщины из церковной общины предлагали чай и лимонад с тележки; слуги разливали чай и присматривали за чашками. Гвенн вспомнила Киплинга.

Тревожась из-за обмена, она приобрела у менялы индийские рупии. Потом взяла билет и купила завернутые в банановый лист орехи кешу. На дальнем конце платформы показался Адам Пенфолд. Он помогал супружеской паре с багажом.

Она залюбовалась довоенными вагонами угандийской железной дороги, удачно перекрашенными в кремовый и светло-шоколадный цвета. Из-под громадных колес «болдуинов» — американских локомотивов — повалил пар: поезд готовился преодолеть триста тридцать миль до Найроби. Гвенн забралась внутрь и отыскала свое место. После чего, опустив окно, выглянула наружу.

— Надеюсь, вы благополучно доберетесь до Найроби, — с улыбкой сказал Пенфолд, стоя на платформе и салютуя тростью. — У старика «болдуина» героическое прошлое. Он дважды сходил с рельсов, подорвавшись на минах фон Леттова, и с тех пор от него постоянно идет пар. Как от меня. Он уже не способен карабкаться от Найроби вверх до озера Виктория, только и остается, что гонять его до Момбасы и обратно.

— Я уверена: все будет хорошо. Еще раз спасибо за ночлег. Жалко, что вы не позволили мне заплатить.

— А мне жалко, что я не могу составить вам компанию. Нужно встретить и отправить следующую партию. Может, еще догоню вас по пути на север. Там только одна дорога.

Паровоз дважды просвистел. Заскрипели буфера. Поезд медленно потащился прочь от Момбасы, увозя в четырех маленьких вагончиках девяносто пять усталых поселенцев.

После трех дней в Момбасе Гвенн и Бевисы стали закадычными друзьями. В баре клуба их усердно потчевали информацией и советами, и они особенно тщательно выбирали места. Первой напастью была пыль. Большую часть пути приходилось укреплять рельсы балластом, но это оказалось не слишком эффективно. В сезоны дождей состав поднимал фонтаны жидкой грязи и качался из стороны в сторону на рельсах, идущих по раскисшей земле, больше похожей на болото. Зато в засушливые периоды земля затвердевала, точно скала, и колеса подпрыгивали, как ненормальные.

Сейчас был как раз засушливый период. Когда поезд пересекал пустыню Тару, красная латеритная пыль даже при закрытых окнах проникала в вагоны, особенно хвостовые, и окутывала пассажиров слепящим облаком.

В отличие от современных вагонов с узкими проходами, купе здесь (недаром их называли «лошадиными стойлами») открывались прямо наружу. На ночь в каждом купе откидывались четыре полки, однако в переполненных поездах, чье расписание было

приурочено к прибытию парохода, пассажирам приходилось спать либо по очереди, либо сидя — на протяжении всех тридцати часов до Найроби. Кроме Бевисов, соседями Гвенн по купе оказались Голты — сильно нервничающая супружеская пара с двумя маленькими девочками. Мальва, очевидно, уже считающий себя частью домашнего обихода Луэллинов, устроился в багажном вагоне в хвосте поезда, отдыхая среди кучи корзин и чемоданов в обществе других африканцев и «зайцев» из числа европейцев.

Дочери Голтов — восьми и десяти лет от роду — засмотрелись на банановый лист в руках Гвенн, из которого на пол упали два орешка кешу. Старшая нарисовала на красном от пыли лице сестры что-то непонятное.

Кряхтя и пыхтя — вот когда в полной мере сказался возраст! — локомотив начал карабкаться на прибрежное плато. Гвенн развернула банановый лист и угостила попугачиков орешками. Когда поезд сбавил ход на подъеме, она хорошо рассмотрела иссушенную почву, покрытую чахлым кустарником.

Вечно страдающий от жажды, «болдуин» чуть не каждую минуту бросал вызов машинисту. Спустя час после того, как они оказались за пределами Момбасы, стрелка водомера резко пошла вниз. Среди кустов за окнами стали попадаться обгорелые: искры от паровоза зажгли мини-пожары. На семидесятой миле машинист затормозил возле громадного резервуара с водой.

Гвенн увидела длинную трубу, по которой вода из водоема, расположенного примерно в девяноста ярдах от железнодорожной колеи, поступала в возвышающийся над землей большой деревянный бак. Потные кочегары спрыгнули на землю. В поезде открыли все двери. Пассажиры тоже вышли из вагонов — размяться. Для большинства это было первое знакомство с африканской растительностью. Гвенн с удовольствием вдыхала ее резкий запах, немного похожий на запах шалфея.

Девочки Голтов в мятых клетчатых юбочках выскочили из купе и понеслись вдоль состава — догонять двух мальчишек, которые бросали камни в суслика. «Смотрите, змея!» — вскрикнул один мальчик. Миссис Голт бросилась к детям, громко взывая о помощи.

Мальва в мгновение ока оказалась рядом с детьми. Палкой, похожей на рогатину, он пригвоздил змею к земле, а затем поднял за хвост и показал детям извивающееся чудовище. Родители пришли в ужас. Змея стала вертеть головой, поворачивая ее в одну сторону, пока ее туловище не превратилось в штопор. Она вдруг сбросила кончик хвоста и, снова свободная, юркнула в кусты.

— Не бойтесь, — произнес Бевис, успокаивая миссис Голт. — Это всего лишь песчанка. Во время войны в окопах мне приходилось видеть, как они охотятся на крыс. Рацион лучше нашего. Песчанка безобидна. Вот кого следует остерегаться, так это мамбы: она бежит быстрее человека и посылает в нокаут почище маузера.

— Ты не должен был делать ей больно! — закричала на африканца десятилетняя Анна Голт, трясая запыленными косичками. Голубые глазенки гневно сверкали. Она вырвала из рук Мальвы змеиный хвост. — С хвостом было красивее.

— У нее вырастет еще один, мисси, — успокоил ее африканец и подмигнул Гвенн.

Три часа спустя поезд остановился на станции Вои, как раз напротив столовой. Грубые деревянные шесты, словно колонны, поддерживали жестяную крышу. Гвенн поразил контраст между убогой обстановкой и прекрасным обслуживанием. Сама деревня Вои — скопление одноэтажных строений — расположилась в сотне ярдов от станции. Один из четырех населенных пунктов между Момбасой и Найроби.

— Назарет рад приветствовать вас! — весело произнес хозяин-гоанец, кланяясь и широко разводя руками, приглашая путешественников в свое заведение. Гвенн заметила: то, что хорошо для Назарета, плохо для обслуживающего персонала. Не успевшие отдохнуть после обслуживания двух предыдущих поездов, в замызганных белых перчатках, официанты-индусы помогли женщинам и детям рассесться. Мужчины, больше томимые жаждой, чем голодом, взяли из бадей с холодной водой бутылки с пивом «Таскер» и пошли пить его на свежем воздухе, любуясь быстро догоравшей полоской закатного неба.

— Раньше здесь было интереснее, — разглагольствовал Тони перед группой новичков, угостивших его виски «Сэнди Макдональд». — Был случай — в девяносто девятом — итальянец, немец и англичанин устроились на ночлег в спальном вагоне, стоявшем на запасной ветке недалеко отсюда, в Цаво. Они не закрыли дверь, чтобы дышать свежим воздухом. Колбасник забрался на верхнюю полку. Макаронник растянулся на полу. Англичанин сидел у окна, высматривая людоеда, за которым они и приехали в эту глушь. И что вы думаете? Итальянец проснулся и обнаружил, что лев поставил одну лапу ему на спину и как раз намеревается схватить англичанина!

Бевис промочил горло и продолжил свой рассказ:

— И вот, значит, колбасник прыгает с полки прямо на хищника, а тот хватается зубами англичанина и сигает в окно — попить на свежем воздухе. Заметьте — лев был крупным специалистом: людоед старой закваски!

— А правду говорят, — спросил один солдат, тараща глаза, — что львы предпочитают европейцев: вроде бы у нас мясо более соленое?

— А что бы сделал ты на его на месте? — ответил Бевис, приканчивая виски. — Видишь ли, у этих людоедов из Цаво выработался вкус к иностранцам. Обычно они начинают с задницы, сдирают кожу жесткими, как наждак, языками, лакают кровь — и только после этого принимаются за мясо. Передайте «Таскер», пожалуйста.

Назарет зажег висящие над столами газовые лампы; к ним тотчас устремились жирные мотыльки и полчища москитов. Анна пальцами выудила из тарелки с супом хлопающего крыльями мотылька. Бережно держа трепыхающееся насекомое за брюшко, девочка вытерла его салфеткой и нежно подула. И страшно расстроилась, когда клочки хрупких крылышек осыпались на скатерть, словно старый пергамент.

— Неужели было бы лучше дать ему утонуть? — воскликнула она сердито.

Саманте Голт повезло еще меньше: она лишь глубже вдавила бабочку в жирный кусок бомбейского масла.

— Не волнуйтесь, дорогая, — сказала другая мамаша в утешение миссис Голт. — Эта тухлятина ни на что больше и не годилась. Она старше поезда — смотреть противно.

— К счастью, — гнул свою линию Бевис, пока остальные мужчины время от времени отлучались порыться в багаже и возвращались с бутылками и флягами, — ни один томми не отправляется на прогулку без того, чтобы основательно проспиртоваться. Людоеды от этого не в восторге.

К тому времени, когда пришел черед мужчин садиться за столы, от супа из хвостов антилопы канны, пудинга с папайями и пива ничего не осталось. Уложив детей, Гвенн и другие женщины болтали в тени, гадая о будущем, а если и вспоминали об Англии, то не слишком. Завтрашний день и новый дом в Африке волновали их гораздо больше.

Мужчины набросились на жаркое и жареную цесарку.

— Слышал я о мясе импалы, — сказал один, — но, черт побери, это самая

восхитительная грудинка, какую я когда-либо пробовал.

— Вообще-то это не импала и уж во всяком случае не грудинка, — авторитетно заявил Бевис, перегибаясь через соседа, чтобы угоститься джином Голта. — Это козел. Верхняя часть. Держу пари, ангорский.

Наконец спиртное иссякло, и официанты убрали со столов. Пассажиры разошлись по вагонам — спать. Все стихло. Несколько человек растянулись на замызганном полу под навесом. Не в силах уснуть, Гвенн Луэллин сидела у окна в своем купе, держа на коленях голову Анны. Устремив взгляд в темноту, она машинально потирала палец без кольца и думала. Найдет ли она Алана в Найроби? Что с ним сделала война? Что они почувствуют в миг встречи: радость или неловкость? Или ничего? Можно ли рассказать Алану об изнасиловании? Временами этот ужас казался бесконечно далеким — словно и не было.

Но иногда по ночам или когда она видела мужчину, схожего с Рейли телосложением или лицом, она заново переживала гнусное надругательство. Вспоминала позор унижения, когда он разорвал на ней одежду и шарил по ее телу мерзкими ручищами. Смрадный запах пота и алкоголя, когда приблизил к ее лицу свою гнусную рожу. Свою унижительную беспомощность и невозможность отмыться после того, как он грубо использовал ее. Гвенн содрогнулась и вознесла молитву: только бы обошлось без последствий! И без того проблем по горло. Она уже поняла: лучше держать изнасилование в секрете.

Она старалась не думать о пророческих словах Энтона. «Но сначала вас ждут страдания», — сказал он, глядя ей прямо в глаза синими глазами.

Гвенн приподняла головку Анны и погладила гладкую, как лепесток, щечку. Потом встала и уложила девочку на свой маленький саквояж. В детстве она так же заботливо перекладывала к стенке уснувшую сестренку, чтобы самой лечь с краю.

Гвенн вышла в ночь. Барак-столовая и Вои были по другую сторону поезда. Она пошла прочь от вагона. Величественная африканская ночь простерла над ней свой шатер, и поезд показался совсем маленьким. Глядя в глубокое, иссиня-черное небо, ослепленная блеском и неповторимостью каждой из звезд, Гвенн преисполнилась благоговейного чувства. Никогда еще она так полно не наслаждалась великолепной картиной ночи. Поезд остался далеко, превратился в темный задник, на котором время от времени вспыхивали табачные искры.

Гвенн закрыла глаза и помолилась о мирной, счастливой жизни, о семье, которую надеялась вместе с Аланом создать в Африке. Но будет ли у них все по-прежнему после такой долгой разлуки? Разделяет ли он ее страстное желание иметь детей? Внезапно до ее ушей донесся отрывистый лай. Она в страхе открыла глаза.

— Гиена, мэм-саиб, — раздался рядом голос Мальвы. — Вернитесь, пожалуйста, в поезд.

* * *

В первый день нового, 1920 года Энтон наблюдал восход солнца на старой немецкой дороге в трех милях западнее Дар-эс-Салама. Он сидел, прислонившись спиной к заржавевшему крылу брошенного «даймлера». Сиденья и все, что еще могло служить, растащили, но, прошедший цыганскую школу, Энтон легко уснул в кузове грузовика. Сон, в котором он видел обнаженную Гвенн Луэллин на дне спасательной шлюпки, был прерван шорохом в кустах: там скрывалось какое-то животное. При воспоминании о сцене насилия к

горлу Энтон подступила тошнота. Сон лишил его душевного равновесия.

Чтобы отвлечься, он стал смотреть в ночное небо и, узнав яркую звезду Сириус, припомнил, как в дождливую погоду пропадал в кибитке «фурии» — цыганки-астролога, самой мудрой и почитаемой женщины племени. Низкий потолок, стены и двери ее жилища были облеплены древними астрологическими картами, отпечатанными в Бухаресте. В промежутках висели связки чеснока, кастаньеты и скелет огромной летучей мыши. «Никогда не женись на девушке, которая не умеет готовить чеснок», — говаривала старуха.

Поначалу ее приют казался Энтону неопишимо мрачным, черные стены напоминали тюрьму. Но по мере того как он брал у старой фурии уроки мудрости, учился готовить и убирать, фургон превратился в волшебный шатер, где каждая светлая точка стала добрым другом. Одни имена чего стоили: Кастор, Бетельгейзе, Беллатрикс!..

И теперь, лежа в кузове брошенного грузовика, Энтон вглядывался в южное небо и, ликуя, узнавал своих сверкающих спутников.

— Привет, Феникс, Павлин! — громко приветствовал он их, дружески махая рукой. Вскоре скопления небесных тел сложились в знакомые узоры.

Утром Энтон инстинктивно потянулся за цыганским ножом, который всегда носил за поясом. Ему не доставало привычной процедуры — точить лезвие о сапог. Когда-нибудь он разыщет братьев Рейли и вернет себе чури. А пока нужно как-то отвлечься от голодного урчания в желудке.

Ощупывая пустые ножны и чувствуя тупую боль в руке, Энтон принял решение: двинуться на север, в Британскую Восточную Африку. Там его ждет двуглавая вершина, а в небе парит ястреб-тетеревятник. Он купит винтовку и будет путешествовать по суше, как Селоуз, время от времени делая остановки, чтобы заработать денег, и избегая приграничных городов. У него были только морские документы, и он боялся встреч с представителями власти.

Встало солнце, и Энтон согрелся. Он встал, подвязал больную руку и пошел в сторону, противоположную солнцу. Вскоре за спиной послышался шум громыхающего на ухабах легкового автомобиля. Обернувшись, Энтон увидел грязный, окутанный облаком пыли, «рагби дюран» с багажником, переоборудованным в узкое ложе. Деревянные колесные спицы погнулись и кое-где превратились в щепки. На помятой дверце была изображена огромная кошка, а над ней надпись: «Ферма «Гепард». Из машины вылез мужчина плотного телосложения в серых немецких галифе и потрескавшейся кожаной куртке.

— Немец или англичанин? — зычным голосом поинтересовался он.

— Англичанин, сэр. Я могу чем-нибудь помочь?

— Эрнст фон Деккен. — Владелец «рагби дюрана» обследовал содержимое багажника. — Зайди с другой стороны. Шевелись! Не сможешь подтянуть тросы одной рукой — значит, никуда не годишься. Сможешь — подброшу.

Энтон промолчал. За поднятым капотом ему не было видно, что делает немец. Он изо всех сил натянул трос левой рукой и прищемил немцу пальцы.

— Ах, черт! Чем тебя кормили в детстве, а, парень? Закрепи-ка понадежнее и полезай в машину. Как тебя зовут?

— Энтон Райдер.

— Ты не слишком любишь говорить о себе, а?

— Да, сэр.

— Куда держишь путь? К англичанам?

— К горе Кения.

— Пятьсот миль на север. Как думаешь добираться?

— Наверное, на своих двоих.

— Что ж, это полезно для здоровья.

Эрнст повел машину на северо-запад по целине, поросшей сизалем; в это время года поле было усеяно белыми цветами. Остроконечные мечевидные листья напоминали гигантские артишоки. Каждое из этих растений, просветил немец Энтон, богато самыми прочными в мире волокнами, идущими на шпагат и ковры, канаты и мешковину. Они подъехали к тому месту, где дорогу пересекал ручей. Немец свернул от брода туда, где было глубже, и выключил мотор.

— Пять лет назад, — начал он, обводя рукой заросли сизаля, — мой старик, одержимый мечтой разбогатеть, заказал пару вязальных машин из Билфелда для изготовления мешков из пакли. Их доставили в Дар в четырнадцатом году, за неделю до прибытия вашей проклятой флотилии. Фон Леттов реквизирует все средства передвижения в порту, и их не на чем было перевезти.

— Ну вот, — продолжал Эрнст фон Деккен, — новые машины остались гнить в порту; это отбило у папаши вкус к коммерции. Теперь все, что ему нужно, это потереться о свою черномазую бабенку да в обществе одной лишь двустволки пошастать в буше, рискуя стать добычей льва — если до этого его не сожрут паразиты.

Энтон почувствовал, что скоро умрет от голода.

— Почему вы остановились на глубоком месте?

— Думаю, после четырех лет охоты на англичан под началом у этого психа фон Леттова я заслужил бочонок шнапса и месяц в Баден-Бадене, где местные красотки будут делать мне массаж, а не гнуть спину по четырнадцать часов в сутки, приводя в порядок чертову плантацию.

— Все-таки почему вы остановились посреди реки?

— Пусть спицы пропитаются водой, а то рассохлись. А ты думал, откуда такой грохот?

К полудню они добрались до Халинзе и затормозили возле одного из старых немецких арсеналов. Эрнст объяснил: его построил фон Леттов, чтобы обеспечить быстрое передвижение войск. Теперь это каменное строение было приспособлено под магазин, ресторан и склад.

— Кофе, герр эфенди? — спросил хозяин-араб, кланяясь старшему из посетителей. Он был явно удивлен тем, что немец с англичанином вместе путешествуют.

— Конечно. Каждому по четыре яйца, мясо, пиво, картошка, лук, хлеб. Пиво — немедленно. Убери со стола. И покажи моему неразговорчивому другу твои лучшие ножи. Опасно путешествовать с пустыми ножнами.

Араб вытер стол и принес две бутылки пива.

— За Новый год! — провозгласил Эрнст.

Он залпом, без остановки, опорожнил три первые кружки, рыгая и требуя повторить. Потом вытер рот тыльной стороной руки и с тем же рвением принялся за еду. У него были большие квадратные руки. Надежный, сильный и без комплексов, решил Энтон.

— Что у тебя с рукой? — Эрнст наклонил тарелку и ребром вилки соскреб остатки еды. Потом откинулся на спинку стула и той же вилкой указал на перевязь.

— Кое-кто пытался преподнести мне урок.

— Получилось? — Эрнст подцепил кусочек мяса с его тарелки.

— Не думаю.

В голове у Энтонa пронеслось воспоминание: братья Рейли, их мерзкие рожи. Сейчас они уже далеко. Он закончил есть и подвинул то, что осталось, своему спутнику. А сам направился в магазин посмотреть ножи. Хотелось бы такой, чтобы по размерам подошел к ножнам. Ему приглянулась пара острых ножей из Золингена. Он поднес их ближе к свету и, сняв перевязь, подержал каждый в правой руке.

— Попадешь в баобаб, мой мальчик, заплачу за твой завтрак, — предложил Эрнст, остановившись в дверях и вытирая рот широкой ладонью.

— Куда попаду?

— Я сказал, в баобаб, то есть вон в то высокое, толстое дерево. Понял, дурень? Промажешь — топай пешком.

— Я имею в виду: в какую часть баобаба, мистер фон Деккен?

Эрнст опешил. Энтон метнул нож. Тот дважды перевернулся в полете и вонзился в дальнюю тонкую ветку.

— Одно слово — англичанин! Чуть-чуть не промахнулся.

Второй нож уже взвился в воздух. И воткнулся в дюйме от первого.

— Естественно — с прекрасной немецкой сталью! — проворчал Эрнст. — Ладно, ты заработал завтрак.

На рукаве рубашки, просочившись сквозь бинты, выступила кровь. Энтон вернулся в магазин и купил первый нож. Немец заплатил по счету, и они поехали дальше на север, в Моши.

От лучей восходящего солнца даже пыль на оконном стекле засверкала искрами. Гвенн рано проснулась. Она слышала, как кочегары загружают в топку дрова, поддавая пару для поездки протяженностью в день до Цаво, Киу и Найроби. Грязные, с затекшими руками и ногами, пассажиры вышли из вагонов. По традиции мужчины отошли налево, а женщины — направо. Официанты Назарета разносили горячую воду для бритья в жестяных тазиках. Мужчины устроились в кустах с опасными бритвами. В расчете на обещанный завтрак в Цаво путешественники ограничились крепким чаем со сгущенным молоком и вернулись в вагоны, втискиваясь между сонными ребятами.

Гвенн наблюдала за тем, как красная пыль серела в утренних лучах; стали чаще попадаться безлистые чахлые деревья, подлески с переплетенными ветвями и колючие кусты со смешным названием «подожди немного». Посмотрев поверх головы Анны влево, она различила вдаль, на границе с Германской Восточной Африкой, окутанную облаками горную вершину — скорее всего, Килиманджаро. Мелькнула непрощенная мысль: где-то сейчас Энтон Райдер? Хорошо бы, ему удалось сойти на берег в Дар-эс-Саламе. Гвенн поняла: все это время, не отдавая себе в этом отчета, она думала о нем. А как же Алан?

Преодолев расстояние в тридцать миль, поезд подошел к реке Цаво; ее бурные воды были окаймлены высокими мимозами. Они сделали остановку на окраине маленького городка ради полноценного английского завтрака: теплый хлеб, яйца и свежая колбаса. Пока паровоз пополнял запасы дров, Гвенн наблюдала за тем, как Анна и другие дети бросают в реку камешки.

— Раньше на этом отрезке железной дороги было гораздо интереснее, — посетовал Тони Бевис, когда поезд отошел на пару миль от Цаво и за окнами показались развалины бывшего лагеря железнодорожных рабочих. — Нет ли у кого-нибудь печенья?

Уж не собирается ли он поведать еще одну душераздирающую историю, подумала Гвенн. Точно школьник, старающийся произвести впечатление на товарищей рассказами о привидениях.

— Двадцать лет назад, — начал Бевис, лениво жуя печенье, — львы Цаво пристрастились к мясу индийских кули. Наконец две тысячи этих страдальцев укрылись за баррикадами из листов жести, стройматериалов, веток с колючими шипами. Не соглашались выходить на работу, пока не застрелят двоих людоедов. По вечерам развлекались с девочками из племени лумбва и гибкими арабскими мальчиками с побережья. Бедные кули спали по очереди: либо на деревьях, как голуби, либо в ямах, вырытых под палатками. Сверху спальные ямы заваливали заранее приготовленными бревнами. Дежурные стучали чайниками, поддерживали огонь и поджидали львов.

— Интересно, почему львы так полюбили бедных кули? — Анна подвинулась к Гвенн поближе. — Разве им не хватало животных?

Бевис посмотрел на девочку и ничего не ответил.

Проехав еще сорок миль, поезд начал карабкаться на возвышенность между Чиулу-хиллс и плато Ятта. Растительность здесь выглядела более свежей и зеленой. Мучимый жаждой «болдуин» затормозил подле заправочной цистерны. Однако она оказалась пуста. Кочегары решили проверить трубу, соединяющую резервуар с отдаленным источником воды. Случалось, трубу повреждали звери. Пассажиры неохотно вышли из вагонов, потягиваясь и

ворча из-за опоздания. Взяв в свою компанию Мальву, Анна, Саманта и другие дети последовали за кочегарами. Немного не доходя до поросшей густым кустарником донги ^[4], рабочие остановились заделать пробоину.

Анна взбежала на бугор над ущельем и, обернувшись, обеими руками помахала Гвенн и матери.

— Я нашла воду!

Скользя и шаркая туфлями по пыльному склону, девочка спустилась к источнику и встала на колени перед кустом, чтобы рассмотреть черепаху. Клетчатая юбка покрылась пылью. Девочка протянула руку и погладила твердый панцирь.

Прямо над черепахой, расправив разноцветные крылья, на ветке отдыхала большая бабочка. Анна залюбовалась толстым брюшком и легкими антеннообразными усиками. И вдруг увидела на той же ветке грациозную серую ящерицу. Над рыльцем торчал маленький рог; еще два росли под глазами. Хамелеон — догадалась Анна. Ящерица обхватила ветку длинными когтистыми лапами; голова и туловище медленно подвигались к бабочке.

Прежде чем Анна успела спугнуть и таким образом спасти несчастное насекомое, ящерица молниеносным движением выбросила вперед длинный язык и схватила бабочку за крылышко. Та неистово хлопала свободным крылышком, а хамелеон тащил ее в рот. Секунда — и хищник заглотил крылышко бабочки и потянулся к грудке. На мгновение обе замерли.

Завороженная Анна наблюдала, как с другой стороны ветки к бабочке подкрадывалась другая, более крупная ящерица. Мгновение — и в ее алчном рту исчезло второе крылышко. Между хищными челюстями хамелеонов осталось лишь тельце бабочки; оно судорожно дергалось все время, пока ящерицы боролись за добычу. Более крупная отдернула голову назад и вырвала бабочку. Первая ящерица моргнула и замерла на ветке с испачканными пылью губами. И только теперь Анна почуяла тошнотворный запах. Она подняла голову и всмотрелась в покрытые шипами ветви акации.

Ее взгляд уперся в янтарные глаза льва. Зверь поднялся на длинных лапах. Прямой, как железный прут, хвост задрался кверху. Девочка издала душераздирающий вопль и замахала ручонками.

* * *

Еще затемно Энтон разбудил веселый дуэт тропических сов. Ему захотелось взглянуть на них, и он, дрожа от предрассветной прохлады, голым выбрался из койки и распахнул дверь своего маленького флигеля. Небо начало светлеть. Как-то вдруг, в одно мгновение, на западе заискрилась блестящая серебряная полоска. Энтон впервые в жизни увидел заснеженную вершину Килиманджаро. Постепенно рассвет выявил подножие горы на необъятной равнине.

Второпях, не отрывая глаз от проступающих во тьме контуров вулкана, Энтон натянул брюки и ботинки. Он согнул и прижал к туловищу больную руку, но решил обойтись без перевязи. Наконец-то он волен брести куда глаза глядят по дикой местности! Жаль, нет винтовки. Он потрусил рысцей на запад через ухоженный фруктовый сад. Каждая яблоня была окружена низеньким земляным валом.

Много лет назад Гуго фон Деккен возмечтал перевезти с собой в Африку три атрибута родной Германии: сад, который подарит ему тень, фрукты, шнапс и яблочный пирог, дом и

жену — молодую блондинку. Он распорядился разобрать свою любимую охотничью сторожку. Каждую доску и каждое бревно пронумеровали и морем отправили в Африку. С ними поплыли ящики новых немецких гвоздей, колышки и болты. Пока Гуго фон Деккен добывал слоновую кость, чтобы оплатить счета, Гретхен руководила реставрационными работами. Когда он вернулся, каждый резной карниз благоухал тюльпанами. На стене столовой звонко отбивали время баварские часы с кукушкой. Спустя год на свет появился Эрнст. А еще через год умерла Гретхен — от малярии. Истаяла, словно свечка, прямо на глазах у мужа.

Энтон задержался в саду. Съел три кислых рейнских яблока. Ладонями снял с травы обильную росу и умыл лицо. И побежал вдоль ровных рядов сизаля — культивированного родича сансевьеры, которую Эрнст называл любимым лакомством слонов. Нежный аромат фруктового сада сменился резким запахом дикорастущих кустов. Потеплело. Со стороны Килиманджаро повеял легкий утренний ветер.

Культурные насаждения сменились девственными зарослями. По обширному неводеланному пространству были разбросаны островки терновника и похожих на зонтики хинных деревьев. Под ногами Энтон ощущал пыльную твердую почву. Кривые шипы цеплялись за плотные шерстяные брюки. Приблизившись к водоему, он вспугнул стадо диких свиней — бородавочников. Крупные серые животные отступили ровным строем, задрав головы и хвосты. Трое детенышей нырнули в земляную нору. За ними последовали родители. Замыкал шествие крупный агрессивный боров. На сморщенной коже росли в беспорядке шесть длинных бородавок. В последний раз сверкнув неровными желтыми клыками, зверь скрылся в своем убежище.

Водоем представлял из себя что-то среднее между маленьким озером и большой лужей. Почва возле него была мягче и светлее.

Энтон присел на корточки. Всюду виднелись следы животных — столько видов вряд ли водилось во всей Европе. Приученный безошибочно определять мельчайшие клочки лисьей шерсти на кустах, бусинки кроличьего помета и отпечатки лап барсуков и оленей, Энтон был потрясен их разнообразием. Он обвел следы пальцем, покатал на ладони шарики помета, определяя по степени сухости возраст каждого зверя и гадая, чем же они питаются. Не зная, чьи какие, восхищался отпечатками лап зебры, носорога, леопарда, жирафа, шакала и трех видов антилопы: гну, топи и импалы. А также многими другими — сухими и влажными, застарелыми и свежими. Одни следы накладывались на другие. Энтон узнал отпечатки раздвоенных копыт бородавочника и следы буйвола — намного крупнее его одомашненных сородичей.

Энтон выпрямился. Пора возвращаться. Он предпочел бы полежать в засаде, посмотреть на всех этих зверей, когда они придут на водопой. Но работа на ферме «Гепард» начиналась рано, а Энтон хотел, чтобы от него была польза.

Голодный, он побежал обратно между аккуратными рядами сизаля. Косцы уже вышли на плантацию. Сверкали длинные лезвия. Рабочие пангами обрубали листья у основания и обрезали колючие верхушки. Следом, подобно стрелкам в цепи, двигались воловь упряжки. На телеги грузили кипы листьев. Энтон обратил внимание: работа велась куда аккуратнее, чем уборка сена в Англии.

Он услышал, как заводят двигатель от старенького «бенца». Отрывистое покашливание возвестило: Гуго фон Деккен приступил к работе. Один только этот двигатель и связывал старого плантатора с прошлым. Снятый с развалившегося грузовика, он теперь красовался на

подставке из красного дерева. Одетый в деревянный каркас, вращался десятифутовый вал. Как на рабочем станке сапожника, он приводил в движение четыре ремня из кожи антилопы канны, а те, в свою очередь, вращали колеса, сдиравшие с твердых листьев сизаля белые перистые волокна.

Неподалеку, в поле зрения фон Деккена, двое мужчин были заняты изготовлением новых ремней из антилопьеи кожи. Как с яблока, не отрывая ножа, срезают тончайшую кожуру, так и громадная шкура выходила из станка одной длинной полосой, закручиваясь спиралью. Начав с шеи, мужчины вырезали ремень сужающимися концентрическими кругами, пока не дошли до середины. Потом длинную — порядка шестидесяти футов — ленту туго натягивали на две жерди и зачищали кругляшом из дерева яблони. Через несколько дней кожа станет эластичной и без единой шерстинки.

Гуго фон Деккен взглянул на свои карманные часы, без слов давая Энтону понять, что он опоздал. Рядом с хозяином сидел тощий африканец с пучками жестких седых волос над ушами. Лицо избородили глубокие морщины — как будто он постоянно шурился от яркого солнца. Единственной рукой он смазывал неподвижную часть вала. Сам сморщенный, точно старый слон, фон Деккен посмотрел на гостя слегка слезящимися серо-голубыми глазами. Словно оценивал.

— Вижу, ты уже отметился в буше. Да? Не пора ли надеть нормальную одежду?

— Как вы догадались, сэр?

— У тебя на ботинках свежая красная пыль. И дурацкие английские штаны порваны. Если англичане и научили меня чему-нибудь полезному — всему остальному я сам их научил, — так это носить в Африке шорты. Когда ты в шортах, колочки не мешают ходьбе, да и шума меньше. Кожа — ерунда. Закалится. Я подошлю к тебе девчонку — сшить шорты. С тех пор как умерла Гретхен, я всегда держу девчонку для шитья и всякой такой работы. Африканца зовут Банда, он мой денщик. Старше и мудрее меня.

Энтон с улыбкой протянул руку. Банда сжал ее жесткими пальцами. Юноша повернулся посмотреть, как разгружают первую телегу сизаля. Наблюдал за сменяющимися друг друга телегами, фон Деккен одобрительно кивал, когда Энтон сам брался за деревянные вилы, чтобы подгрести остатки и заправить в декортикатор.

— За каждым растением, сынок, необходимо ухаживать пуще чем за ребенком. После двух лет в теплице оно тебе все еще по колено. Еще через два года его можно срезать. Но настоящей спелости сизаль достигает только к семи годам. Как раз в этом возрасте мальчику дают подержать его первое ружье.

На веранде ударили в гонг. По мере приближения к дому в воздухе все явственнее пахло вкусной едой. Рот наполнился слюной. Сев за стол, Эрнст положил себе закуску и налил кофе и пива. Из-за горы холодной жареной свинины, колбасы, печеных яблок, яиц, толстых ломтей свежего хлеба и жареной картошки с луком было невозможно разглядеть тарелку. В центре массивного деревянного стола стояла корзина зеленых яблок. Точь-в-точь такого цвета, как глаза Гвенн.

Фон Деккен согнул одеревеневшее тело и понюхал картошку.

«Следи за чертовым поваром, Эрнст, чтобы жарил картофель в точности по рецепту твоей матери. Каждый день нужно тратить время на их воспитание! Иначе все полетит к чертям, и наша жизнь не будет стоить ломаного гроша. Сначала тебе чересчур мелко порежут картошку — как сейчас, потом работа остановится — и конец ферме "Гепард"!»

После еды оба немца съели по зеленому яблоку с кофе.

— Освежает дыхание, — объяснил фон Деккен, — и очищает зубы.

Энтон тоже взял яблоко. Вспомнились слова старой колдуньи: яблоко возбуждает женщину, а груша — мужчину.

Потом он помогал открывать ящики с швейными машинами. Гуго фон Деккен наблюдал издали, хмурясь и сложив руки на груди. Эрнст с Энтоном вытащили гвозди и опустили деревянные борта. Всякий раз, когда какой-нибудь африканец останавливался посмотреть, фон Деккен прогонял его обратно в поле.

— Осторожно, не погни! — предостерег фон Деккен, глядя, как Эрнст плоскогубцами выдергивает расшатанный гвоздь. — Доски и гвозди — ценнее, чем эта так называемая техника.

Наконец одна машина освободилась от оков и свободно стояла на дне ящика — черная полированная глыба, прочная, смазанная машинным маслом, точь-в-точь как в тот день, когда ее сгрузили с корабля. По солидному металлическому основанию бежала надпись: «КОХ И АДЛЕР, БИЛФЕЛД». Фон Деккен подошел и пальцем снял немного масла. Растер пальцами и понюхал.

— Превосходная смазка — столько лет, а машина в отличном состоянии! Как это мы проиграли войну?

После обеда, сидя на ступеньках веранды и наслаждаясь кофе и напитками, трое европейцев любовались Килиманджаро.

— Самая высокая гора в Германии, — гордо произнес фон Деккен.

Устало потягивая пиво, Энтон прислушивался к рассуждениям своих хозяев о том, как, по их мнению, британское правительство распорядится оккупированной территорией.

— Может, теперь, после смерти королевы, они вернут Кили Кении, — предположил отец. — Виктория всего лишь подарила ее своему внуку, кайзеру Вильгельму, чтобы у него тоже была своя гора. До меня дошли слухи, будто англичане будут конфисковывать немецкие фермы. Они называют наши земли «собственностью врага».

— Почему бы и нет? Они и так отовсюду свезли в Кению все, что могли. А теперь здесь нашли золото — стало быть, мы на очереди.

Эрнст опрокинул в глотку стакан яблочного шнапса и покосился на Энтон.

— Золото? — встрепенулся тот.

— Сначала англичане контрабандой вывозили луковицы и побеги сизаля. Потом — кофейные деревья. В Китае вы стибрили чайные кусты. Теперь все это благополучно произрастает в Кении, на земле, украденной вами у чернокожих.

Энтон поднялся.

— Я слышал, весь «немецкий» сизаль был вывезен из Флориды тридцать лет назад.

— Ну-ну, мальчики, — вмещался Гуго фон Деккен. — Не стоит снова начинать военные действия. Мы и сами стянули клочок земли. Ради Бога, Эрнст! А ты, парень, иди со мной.

В доме фон Деккен отпер ящик с оружием и вынул из отдельной ячейки с зеленой фетровой подкладкой «манлихер-шенауэр». Старик любовно протер винтовку промасленной тряпкой.

— Моя первая винтовка. Двустволка пятьдесят шестого калибра. Легкая и бьет без промаха. Гретхен всегда предпочитала ее.

Он вернул «манлихер» на место и достал семимиллиметровый маузер и двуствольный «гебрюдер-меркель-450». Набил карманы линялой спортивной куртки патронами. Выйдя из дома, вручил маузер Энтону, оставив себе более тяжелое оружие. Они двинулись вдоль рядов

сизалья. Энтон обратил внимание: в буше старик ступал легче, пружиня шаг. Словно прочитав его мысли, фон Деккен похвастался:

— Знаешь ли, временами я забываю о своем возрасте.

Он зарядил свой тяжелый «меркель» и передал Энтону один патрон для маузера.

— На охоте, если ты не способен поразить цель с первого выстрела, не стоит даже пытаться. Знаешь, как с этим обращаться?

— Вроде бы.

Маузер удобно разместился у Энтона на ладони. Он был в отличном состоянии. Чтобы проверить ствол, Энтон посмотрел сквозь него на ослепительно голубое небо. Оружие было идеально вычищено. Как бывало в английском лесу, у Энтона обострились все чувства. Им овладел азарт охотника — сродни тому, что испытывает беговая лошадь на старте. Заряжая винтовку, он поймал на себе понимающий взгляд фон Деккена.

Некоторое время они шли молча. Энтон поразило разнообразие шипов и колючек, цеплявшихся за одежду. Каждое крохотное растение было чертовски умно и настроено воинственно. Шипы оберегали маленькие белые и желтые цветочки. Фон Деккен винтовкой указал вниз.

— Свежие следы топи, — прошептал немец.

Каждый отпечаток отчетливо делился надвое — похоже на английскую лань. Пройдя еще сотню ярдов, они увидели множество сходных с этими следов, однако помельче.

— Теперь мы ее не найдем, — буркнул фон Деккен. — Проклятая импала!

Энтон сделал небольшой круг и жестом подозвал немца, чтобы тот вновь возглавил преследование. Дул встречный ветер — антилопа не почувствует их запаха.

Через сто двадцать ярдов они увидели топи. Это был крупный одинокий самец, достигавший в холке четырех футов, с лоснящейся рыжевато-лиловой шерстью и крутыми острыми рогами. Фон Деккен положил руку Энтону на плечо и заставил опуститься на колени.

— Попробуй добыть нам ужин.

Энтон терпеливо наблюдал за пасущимся невдалеке зверем. Время от времени топи поднимал голову и бил оземь передним копытом. Изучив повадку зверя, Энтон стал подкрадываться к нему слева до тех пор, пока его и антилопу не разделила акация. Укрывшись в ее тени, совершенно забыв о больной руке, он продолжал ползти, целиком сосредоточившись на своей добыче и подмечая каждый сучок, каждый запах и каждое движение. Пока топи жевал траву, Энтон двигался вперед. Как только зверь поднимал голову и настораживался, он замирал. Он повторял все движения животного, как партнер в танце. Так учил Ленарес.

Когда между ними осталось пятьдесят ярдов, Энтон выскользнул из укрытия и, стоя на коленях, прижав к плечу маузер, стал ждать, когда зверь повернется к нему. Топи сделал шаг и сильно ударил по земле передним копытом. Потом повернулся в профиль и поднял голову. Энтон нажал на спуск и бросился к падающей антилопе.

Фон Деккен осмотрел рану и всю тушу убитой антилопы.

— Глупо подбираться так близко: ты вполне мог его упустить. Зелен ты еще для бонго. Видишь когти леопарда на ляжках? В тот раз топи посчастливилось. Знаешь, зачем он царапает землю копытом? Отмечает свою территорию — приманивает самку. В точности как люди — только вместо денег и уютного дома приманкой служит особый запах, выделяемый из желез у него на ногах.

— А что такое бонго?

— Гигантская ярко-рыжая антилопа, что прячется в лесах у подножия горы Кения. Пугливая, словно призрак. Многие ищут ее всю жизнь, но так и не находят. Убьешь бонго — станешь настоящим охотником. А теперь поспешим домой — пришьем мальчишек за твоим красавцем, пока его не утащили гиены.

Слушая фон Деккена, Энтон проворно распорол ножом брюхо антилопы. Будь у него цыганский нож, получилось бы намного аккуратнее. Он выскоблил свернутые кольцами кишки. Вычистил грудную клетку и полость желудка и отрубил голову. Потом встал и взвалил тяжелую тушу себе на спину. Две ноги антилопы он скрестил у себя на груди и придержал одной рукой, а в другую взял винтовку. И последовал за фон Деккеном на ферму «Гепард».

— Ну и ну! — одобрительно произнес Эрнст, поджидавший на веранде со стаканом шнапса в одной руке и сигарой в другой. — Кажется, нашему юному англичанину сегодня повезло.

— Не знаю, как насчет везения, — возразил его отец, — но лазает мальчишка, как француз в окно борделя. У него отличный нож.

Старик наблюдал, как Энтон обдирает шкуру. Отделяя кожу от диафрагмы и мяса, он не пролил ни капли крови. А когда закончил, поволок тушу на кухню.

— Твое счастье, что этот парень не охотился за тобой на войне, — сказал фон Деккен сыну.

— Нам довелось подстрелить не одного охотника.

Энтон вымыл руки и отправился во флигель. И очень удивился, увидев, что в его комнатухе горит масляная лампа. На кровати лежала африканка в белой униформе прислуги. Завидев Энтон, она села, свесив длинные черные ноги. Не первой молодости, но довольно аппетитна.

— Пришла снять с тебя штаны.

— Что-что? — Залившись краской, Энтон замер у двери.

— Ну, снять. Мерка. Шить штаны.

Женщина сняла одну из висевших у нее на шее веревок и, подойдя к Энтону, обвила веревкой его талию, прижав к его телу тяжелые наливные груди. Он разволновался, ощутив аромат манящего женского тела. Ее пальцы неторопливо ощупали его спину, бока и живот. Зажав в зубах веревку, женщина затянула узел и с улыбкой посмотрела Энтону в глаза. Он еще больше покраснел. Второй веревкой она обвила ему ягодицы, подержала их в ладонях и тоже завязала узлом веревку.

— Теперь я знаю размер. Очень хорошо. Папа Деки слишком стар. — Женщину забавляло его смущение. — А ты, может, слишком молод?

Из ущелья появился Мальва с Анной на руках. Тело девочки висело, как рваная, пропитавшаяся кровью тряпичная кукла.

— Ее загрыз лев! — Саманта Голт с ревом бросилась к родителям.

Гвенн помогла Мальве положить ее на одеяло и внести в вагон. Трясаясь всем телом и причитая, миссис Голт сидела на подножке, вцепившись в Саманту.

— Вам лучше не смотреть на нее сейчас, миссис Голт, — посоветовала Гвенн.

К ней вдруг вернулась спокойная уверенность, граничащая с мертвящей отрешенностью — как во Франции. Вспомнился блестящий от крови пол «скорой помощи» после того, как из нее выносили последнего раненого.

Юбка и блузка Анны были изодраны в клочья. Лицо, волосы и порванная одежда потемнели от пыли. Из-под юбки ручьями текла кровь.

— Тони, — обратилась Гвенн к Бевису, пока Голт успокаивал жену, — попроси у машиниста два ведра воды. Отфильтруй через чистую материю. Пусть Том держит Саманту и ее мать в соседнем купе. Потом собери любые медикаменты, какие найдешь.

Солдатским ножом она разрешила на Анне одежду и осмотрела юное обнаженное тело. Служба в Добровольных санитарных частях приучает ко многому, но ее ужаснули повреждения, нанесенные этому ребенку. Глубокие рваные раны на боках и бедрах были словно сделаны ножом для разделки мяса. Гвенн еще раз процедила ржавую воду из паровоза через марлю и обмыла бесчувственное тельце.

Работая, Гвенн вспомнила свое первое посещение хирургической палаты. Первый месяц работы водителем санитарной машины вообще был ужасен. Но в тот день на перевязочном пункте под Нью-Чапелом каждого, кто не был ранен, заставили помогать. Задуманный как вспомогательный полевой госпиталь для поверхностного ухода за легко ранеными, перевязочный пункт стал первым прибежищем после кровавой бойни, превращавшей деревья, людей и лошадей в черное крошево.

Из палатки вышел молодой врач-англичанин с исполненными страдания запавшими глазами. Его медицинский халат приобрел сходство с фартуком мясника. Он приказал Гвенн и четверем ее подругам помочь ему. У него тряслись руки. Из палатки за его спиной доносились нечеловеческие вопли...

Верхняя часть тела Анны осталась почти неповрежденной, если не считать двух ран на животе от зубов людоеда. Из правого бедра хлестала кровь. Оно было все растерзано когтями хищника — а ведь когти, как было известно Гвенн, — опаснейший источник заразы.

— Как, черт возьми, это случилось? — спросил Бевис проходившего мимо окна вагона кочегара.

— Мы услышали в донге крик ребенка и бросились туда, — ответил черный от копоти индеец и указал на Мальву. — Вон тот человек бросился догонять льва, тащившего девочку в зубах. Слава Богу, лев был тощий, хромым на одну ногу. Этот человек попал в него дубинкой. Лев выронил девочку и убежал.

— Ладно, иди, разведи огонь в топке. — Бевис повернулся к стоявшему рядом машинисту. — Постарайтесь скорее попасть в Найроби.

— На это уйдет минимум девять часов. Впереди гористая местность, а «Болди» уже не тот, что прежде.

Гвенн молча работала в первом купе. Бевис смотрел и оказывал посильную помощь.

Ее и удивило, и обрадовало его молчание. Она промыла рваные раны карболовым мылом и кипяченой водой. В царапины от когтей — среди которых попадались глубокие — попали разлагающиеся частицы плоти предыдущих жертв хищника. Гвенн обработала раны и сделала раствор марганцовки. Опасаясь, что продукты гниения поразят здоровые ткани, она раскрошила между двумя монетами кристаллы перманганата калия и присыпала открытые раны.

— Пока мы не довезем ее до больницы, — сказала Гвенн, — потеря крови представляет даже большую опасность, чем инфекция. Нельзя ли ехать быстрее?

Всякий раз, когда она снимала жгут, из бедренной артерии ударял фонтан крови. Гвенн понимала: здесь требуется виртуозное искусство хирурга, а что может поделаться она сама, да еще когда поезд трясет на стыках? Полностью остановить приток крови к ноге — значит потерять ногу. А если позволить крови течь девять часов подряд, ребенок может умереть. Гвенн надеялась уменьшить кровотечение умеренным прессом на поврежденную артерию. Она наложила на рану тугую повязку.

Спустя час Анна пошевелилась. Гвенн боялась, что, очнувшись, девочка начнет метаться от боли. Поэтому она сделала ей укол морфия и дала подышать эфиром.

Локомотив с трудом карабкался на возвышенность. Приближение к Кибвези — в сотне миль от столицы — вылилось в сплошную борьбу между быстрым скатыванием вниз и трудным продвижением вверх по склону. Как усталый велосипедист, машинист старался набрать побольше скорости на спусках, чтобы облегчить очередной подъем, но эффект оказался совсем небольшим. За восемь миль до Кибвези давление в котле упало. Гвенн беспомощно сознавала: поезд вот-вот остановится. Рядом с ней обивка сиденья пропиталась свежей кровью.

Энергия паровоза истощилась от долгого подъема на холм и собственной тяжести. Перед самой вершиной поезд остановился и заскользил назад. Пронзительно заскрежетали колеса: машинист изо всех сил нажал на тормоза. Поезд скатился в долину. Бевис побежал к паровозу — поговорить с машинистом. Потом он посоветовался с группой отставных военных; те сразу же приняли решение.

Восемьдесят пассажиров вышли из поезда. Остались только дети и сильно покалеченные ветераны. Поезд взобрался на холм, резво скатился вниз и, взобравшись на следующий холм, остановился, поджидая пассажиров. Через двадцать минут все заняли свои прежние места.

Три пассажирских и один багажный вагон отцепили и оставили на запасном пути в Кибвези. В паровоз загрузили дрова, воду и горючее. Бевис передал начальнику станции телеграмму — отправить в Найроби. Несколько семей втиснулись в без того переполненные купе. Большинство осталось ждать следующего локомотива.

— Плохие новости! — крикнул, подбегая к машинисту, сикх — начальник станции. — С телеграммой ничего не получается. Повреждение на линии. То ли жираф, то ли собаки-масаи утащили проволоку на бусы. Если вы не поспешите, можете столкнуться с встречным поездом.

Локомотив, топливный тендер и один вагон мигом вылетели из Кибвези.

Анну, к которой временами начинало возвращаться сознание, успокаивали морфием. Обеспокоенная бледностью девочки из-за большой потери крови, Гвенн наложила на правое бедро жгут. Нога начала синеть.

За четыре мили до Улу (последняя заправка топливом перед Найроби) — новая непредвиденная остановка. Гвенн выглянула в окно — на путях лежал мертвый жираф. Вокруг шеи обвился медный телеграфный провод. Кочегары и все пассажиры спрыгнули на землю. Животное весом не меньше двух тысяч фунтов за ноги оттащило в сторону.

В Улу пополнили запас дров и отправили телеграмму. Гвенн вытерла лицо Анны. Девочка была без сознания. Гвенн вернулась к окну.

Наконец-то восхищенному взору Гвенн явилась та Африка, которую она представляла себе в воображении. По серо-зеленому ландшафту разбросаны островки акации, и повсюду, куда ни глянь, — экзотические животные. По бескрайней равнине бродили страусы, зебры, газели Томсона и всевозможные антилопы. Гвенн мысленно вознесла к небесам молитву: пусть Анна выживет и увидит все это! Сердце девочки еще билось, но с каждым разом слабее.

Уже перед вечером поезд подошел к вокзалу в Найроби. На перроне столпились встречающие. Казалось, все население города явилось на станцию — в фургонах, открытых автомобилях, верхом на лошадях, пешком или на рикше. Подкатила машина «скорой помощи» с белым деревянным кузовом. Врач и две европейские медсестры стояли наготове. Когда девочку подняли, чтобы положить на носилки, Гвенн заглянула под одеяло и ужаснулась: пониже спины виднелся небольшой сгусток запекшейся крови. Еще одна рана.

Потная, в пыли и копоты, Гвенн сошла на платформу и помогла внести Анну в машину «скорой помощи». Она вдруг осознала свой неопрятный внешний вид и нервно оглядела платформу. На нее смотрел высокий темноволосый мужчина в болтающейся, как на вешалке, одежде. Бог мой, неужели это Алан? Он очень постарел и осунулся. После секундного замешательства Гвенн бросилась к мужу. Он двинулся навстречу скованной походкой. Гвенн плача обняла его и ощутила кости. Алан обвил ее слабыми руками. Она закрыла глаза.

— Слава Богу, ты здесь! Ты здоров?

— Как доехала? — спросил Алан.

— Ты не представляешь, что случилось! На эту маленькую девочку напал лев. Она потеряла ужас сколько крови. Я пыталась помочь.

Гвенн подняла голову и всмотрелась в лицо Алана, надеясь отыскать прежние черты своего возлюбленного.

— Гвенни, у нас есть ферма! — жарко прошептал он ей на ухо. — Две тысячи акров на берегу большой реки. Она наша собственная — как ты всегда мечтала! А вот и наша повозка.

— Как же мы будем содержать такую ферму? — удивилась Гвенн и всем телом откинулась назад. Казалось, Алана не заботила пострадавшая девочка. У него изменились глаза: стали глубже, тоскливее. Из них ушла молодость. Должно быть, и она стала другой. Господи, что с ними сделала война!

Гвенн повернула голову и увидела доверху нагруженную, запряженную четырьмя мулами повозку. Сбоку стояли африканец и жирный индеец в роскошной одежде.

— Давай поедem за «скорой помощью» — убедимся, что с Анной все в порядке.

— Один мой новый друг помог с деньгами. Познакомься, Гвенни, это мистер да Суза. А это — Артур.

Алан помог жене взобраться в повозку и усесться на скамейку. Гвенн ответила кивком на поклон индийца. Запекшаяся кровь привлекла внимание Алана к ее пальцам.

— Где твое обручальное кольцо?

Энтон пробудился до рассвета. Протер глаза и издал тихий чирикающий звук. Пришлось повторить несколько раз, пока не получилось как следует. Он позвал сов — сначала спокойно, потом настойчиво. Одна птица ответила. Начался утренний разговор. Вскоре в него включилась другая сова.

Энтон встал и натянул тяжелые шорты, сшитые из старой палатки. «В Африке невозможно достать приличные кожаные шорты, — брюзжал Эрнст фон Деккен. — Из того, что есть, эти — наилучшие». Сам фон Деккен берег свои брюки из серой добротной немецкой кожи (за тридцать лет их ни разу не стирали) для особо торжественных случаев. Сидя в полумраке на крыльце, Энтон надел новые ботинки: слишком короткие и, как ему показалось, чересчур тяжелые, зато прочные. Потом он проверил маузер и побежал к водоему, взяв, по совету фон Деккена, два патрона: один для охоты, а другой — чтоб вернуться домой.

Небо просветлело. Энтон забрался в заранее облюбованное укрытие. Это нагромождение каменных глыб, стволов и веток деревьев было словно специально создано руками великана и служило незаменимым наблюдательным пунктом Энтону и всякому хищнику, ведомому тем же интересом.

Он увидел перед собой на камне вырванный с мясом пучок игл дикобраза — очевидно, стоивший жизни его владельцу. Подобрал одну иглу, Энтон залюбовался ее совершенной формой и правильным чередованием серых и белых полос. Вогнутая, заостренная, легкая, однако очень жесткая, игла подходила для убийства лучше остроконечной медной пули. Энтон засунул пучок в карман рубашки.

Он провел пальцами по камню в том месте, где лежали иглы. На пальцах не осталось ничего, кроме степной пыли. Послюнив палец, он повторил процедуру. На этот раз к пальцам прилипло что-то похожее на запекшуюся кровь. Неподалеку Энтон заметил кучку мелообразного помета. Гиена! Каждый известковый катышек — остаточный продукт переваренных костей жертвы, безжалостно растерзанной хищными челюстями. Однако дикобраз — не самая удобная добыча для любителей падали. Энтон огляделся и обнаружил еще одну кучку катышков меньших размеров. Видимо, кто-то помельче из кошачьих, подумал он, сетуя на скудость информации. Возможно, виверра.

Вот когда он услышал невдалеке от себя шорох. Длинная узкая морда раздвинула ветви акации и повернулась — сначала направо, потом налево. Это была крупная желто-коричневая антилопа-бубал. Успокоившись, зверь побрел к водопою. Странное существо с тупой мордой, широко расставленными рогами и выпуклым, похожим на горб, затылком показалось Энтону на редкость неуклюжим. За ним подошел еще один бубал, потом целое стадо, насчитывающее восемьдесят или даже сотню животных.

Измученный таким изобилием, Энтон мысленно вернулся в Чевит-хиллс в Нортумберленде. Там каждая встреча с животным была событием. Он снова пережил напряжение, испытанное им во время выслеживания, вдвоем с Ленаресом, красного оленя. Их окутала морозная предрассветная дымка, спустившаяся с Шотландских гор близ Колдстрима. Чтобы не привлекать внимания лесничих, Ленарес, как правило, делал только один выстрел из мелкокалиберной винтовки — обычно в узкой ложине, чтобы берега приглушили звук. И никогда — при ясном свете дня.

Окоченев после ночи, проведенной под открытым небом, Энтон с цыганом лежали на подстеленном одеяле среди папоротника и мирта. И вдруг на опушке леса возник красавец-олень с ветвистыми рогами. Он огляделся и осторожно пошел к воде. Они понимали: этот роскошный олень — не для них: королевская добыча. Все равно что дорогие блюда в меню, выставленном на витрине шикарного ресторана.

Молодой самец ступил в воду. Ленарес передал тринадцатилетнему Энтону свое ружье. Тронутый доверием, мальчик взял оружие. И, не сумев справиться с волнением, пальнул вперед и вверх, ранив молодого оленя в загривок. Тот погрузился в поток. На него обрушился Ленарес со своим ножом, стараясь перерезать горло. Человек и животное барахтались в окровавленной ледяной воде.

Наконец олень сбросил охотника и, с трудом поднявшись на ноги, побрел через реку, с цыганским ножом, застрявшим в шее. Ленарес с Энтоном начали палить вдогонку. Они преследовали раненого зверя до склона горы — бежали по камням, скользили на опавших листьях. Запыхавшись, остановились на гребне, пристально оглядывая местность. Все углубления и впадины затопил утренний туман. Наконец они заметили оленя на фоне просеки; ног не было видно, казалось — он плыл в облаке тумана. Потом остановился — на трех ногах — и стал безнадежно вскидывать голову, чтобы избавиться от ножа. А затем, прихрамывая, побрел в частный лес. Энтон с Ленаресом пошли по кровавому следу. Занималось утро; туман рассеялся. На севере виднелись отдаленные холмы, поросшие темными елями. Ленарес, сильно нервничая, бежал, низко опустив голову и не отрывая взгляда от земли, горя желанием довершить убийство и вернуть свой нож, пока не пробудились окрестные деревни. Они еще раз увидели оленя в отдалении — тот двигался медленнее; рукоятка ножа стала длиннее: очевидно, лезвие уже не так крепко сидело в ране. Лес поредел и стал похожим на парк. Со старых дубов и тисов были аккуратно срезаны засохшие сучья; под ногами не было завалов из валежника, где обычно скрывается мелкая живность. Двое охотников — взрослый и мальчик — продолжали преследование. Всякий раз, когда они выходили на поляну, Ленарес начинал нервничать.

Внезапно он предостерегающе поднял руку и в тот же миг, увлекая за собой Энтон, припал к земле. Тело цыгана напряглось. Он положил между ними свое ружье и зашептал Энтону на ухо:

— Больше нельзя стрелять. Если что-нибудь случится, не думай обо мне — беги за оленем с винтовкой. Запомни: пока меня не взяли с оружием, все не так страшно. Иначе — тюрьма.

Послышались приближающиеся голоса.

Хромающий олень развернулся и пошел прямо на них. Очевидно, услышал голоса и почуял человеческий запах. Из загривка по передней ноге струилась кровь; всякий раз, когда оленю случалось остановиться, там образовывалась алая лужица. Нож Ленареса едва держался в ране. Острое, как бритва, лезвие влажно блестело и покачивалось из стороны в сторону. Подойдя к рощице, олень остановился и резко мотнул головой. Нож взвился в воздух. Завороженный этим зрелищем и одновременно расстроенный муками животного, Энтон видел, как клинок упал в кучу желудей и листьев. Ленарес вскочил на ноги и схватил его. Олень на трех ногах метнулся прочь.

— Вот он! — раздался громopodobный голос. — За ним, ребята!

Ленарес бросил Энтону нож. Лезвие по рукоятку вонзилось в дерн, в каких-нибудь нескольких дюймах от левой руки Энтон. Мальчик лежал, неподвижный как изваяние,

сжимаемая в другой руке винтовку. На какой-то миг в прогалине над землей мелькнула голова Ленареса — лиса, выбирающая путь к спасению. Энтон отполз поглубже в чащу. Прежде чем зарыться в ворох опавшей листвы, он успел сунуть нож за пояс.

На поляну выскочили трое мужчин. Лесничие. У одного был топор, у другого — резак дровосека с длинным кривым лезвием. Самый молодой — рослый, богатырского сложения парень без оружия — продолжил погоню за Ленаресом.

— Гони, Руп, если поймаешь, ставлю выпивку! — прокричал «дровосек» вслед стремительно удаляющейся фигуре. Старшие лесничие удобно расположились на траве и вытащили из карманов теплых твидовых курток глиняные трубки.

— Опять эти чертовы цыгане, — проворчал человек с резаком. — Так и нороят что-нибудь стибрить. Не знают, что такое честно работать. Давно пора вышвырнуть их из страны к чертовой матери.

До Энтона донесся слабый запах табака. От страха он весь покрылся липким потом; его била дрожь. Вот когда Энтон понял: всякий раз, выходя на охоту, сам становишься объектом охоты.

Спустя несколько минут вернулся Руп, подгоняя Ленареса мощными ударами кулаком по голове и плечам. Из ссадины под глазом цыгана текла кровь. Тонкое черное пальто было порвано; служившие пуговицами монеты вырваны с мясом. В руках он держал свои ботинки — больше не убежит. Энтон только сейчас заметил, как он мал ростом и тщедушен.

Самый крупный мужчина отдал свою трубку лесорубу и приблизился к цыгану.

— Вот тебе за то, что ранил молодого оленя и оставил умирать от потери крови! — проревел он, впечатав тяжелый кулак в живот Ленареса. Тот охнул и сложился пополам.

Энтон крепче вцепился в винтовку, страстно желая помочь другу, но не представляя, как это сделать. Если он выскочит из кустов и пригрозит им винтовкой — успеет ли Ленарес выпрямиться и убежать? Он вспомнил наказ Ленареса, а также то, что угрожать людям оружием тоже считается преступлением.

— А это — за осквернение наших лесов! — Лесничий отвесил Ленаресу две здоровенные оплеухи. — За то, что не даете честным людям покоя!

Ленарес рухнул на землю, поджал ноги к животу и в тот же момент взвыл от сильного удара в бок. Энтон закрыл глаза. До ушей доносились звуки ударов по ребрам и ногам цыгана. Тот непрерывно стонал. Наконец удары перестали сыпаться. Энтон открыл глаза.

— Убирайтесь из наших мест — с вашим воровством и колдовством! — Мужчина припечатал левую руку Ленареса каблуком. Тот издал дикий, протяжный вой. Двое других лесничих оттащили своего разошедшегося товарища от полумертвого цыгана. И все трое скрылись в лесу.

Плача от жгучего стыда, Энтон подбежал к другу. Сидя на земле, тот стонал и зажимал правой рукой два сломанных пальца левой. Энтон натянул ему на ноги ботинки. Они молча побрели к табору.

Сегодня, волнуясь подумал Энтон, мой первый день самостоятельной охоты в Африке. Нужно сделать все чисто.

Пока бубалы утоляли жажду, он присматривался к самкам и их детенышам, стремясь усвоить их повадки и чем они отличаются от других антилоп. Потом выделил крупного самца, одиноко чесавшегося о грубую кору дерева.

Энтон выстрелил. Самец упал. Остальные антилопы разбежались. Энтон перезарядил винтовку и бросился к водоему. Там он склонился над агонизирующим бубалом — и вдруг

услышал в кроне у себя над головой почти неуловимый шорох. Он поднял голову и увидел пятнистый хвост. Гибкое тело леопарда изготовилось к прыжку.

Их взгляды встретились. Глаза громадной кошки злобно сверкнули. Юноша вскинул винтовку. Леопард обрушился на маузер как раз в момент выстрела. Энтон, маузер и зверь свалились на землю. Быстро придя в себя, хищник пополз к человеку — обнажив клыки и грозно рыча. Из раны хлестала кровь.

Энтон заметил позади леопарда африканца. Тот, не теряя ни секунды, вонзил в зверя копьё.

Леопард дернулся; копьё вошло в него подобно шомполу. Он схватил темнокожего за бедра и повалил на землю. Хищнику мешало копьё; он отчаянно махал когтистыми лапами и изгибался, чтобы дотянуться до лица и шеи человека. Энтон молниеносным движением вырвал копьё. Леопард повернул к нему голову с жутким оскалом. Зеленые глаза угрожающе сверкали. Энтон что было сил вонзил копьё в горло зверя.

Внезапно все стихло. Копьё воткнулось в горло леопарда до шейного позвонка. Небольшая круглая голова безжизненно повисла. Левая рука Энтон до плеча была в крови — частично его собственной. Он склонился над африканцем. Тот сидел на земле, стиснув зубы, и рассматривал свои раны. Вырванный с кожей пучок волос — скальп — свесился на одно ухо. Правое плечо и грудь были разорваны до костей; кожа и мясо исполосованы, словно ножом мясника. Из глубоких порезов на животе сочилась кровь. Энтон помог ему подняться, и они побрели к озерцу. Африканец окунулся. Однако кровь не унималась.

— Спасибо тебе, — сказал Энтон, разрывая на себе рубашку и бинтуя африканцу плечо. — Ты спас мне жизнь. Давай я отведу тебя на ферму.

Африканец кивнул.

— Меня зовут Энтон.

— А меня — Кариоки. Кариоки Китенджи, — ответил африканец по-английски.

Они с трудом преодолели пару миль до плантации. Одной рукой Энтон поддерживал Кариоки, а в другой нес винтовку и копьё. Когда они вошли в заросли сизаля, африканец снова упал. Энтон поднял его за плечи. Пришлось бросить копьё. Пошатываясь, Энтон дотащил Кариоки до своего флигеля и, положив на кровать, побежал в дом хозяина.

— Похоже, ты и впрямь познакомился с Африкой, — пошутил Эрнст. Он сидел за столом с толстой сосиской в руке. Гуго фон Деккен внимательно изучил три глубокие окровавленные борозды у него на предплечье. Крикнув повару, чтобы принес кипятку, Эрнст направился к флигелю с походной аптечкой.

— Этот получил сполна, — легко произнес Эрнст, осмотрев раны Кариоки. — Хотя с черномазыми трудно знать наверняка. На вид — могучий дикарь. Подержи-ка ему голову, пока я зашью вот тут. Ничего страшного — обыкновенная штопка. По крайней мере, если выкарабкается, мне будет не стыдно на него смотреть.

Горя желанием помочь и стараясь не выказать отвращения, Энтон обеими руками зажал голову африканца. Из-за пота, крови и липкой грязи она так и норовила выскользнуть. Он вытер ладони о шорты и снова зажал голову Кариоки. Тот слабо пошевелился. Энтон вспомнил цыганское правило: человек не должен рождаться или умирать в помещении — только на свежем воздухе.

— Отлично, — удовлетворенно произнес Эрнст, делая стежок за стежком, пока Энтон с фон Деккеном держали раненого.

Энтон удивило беспечное поведение обоих немцев. Они словно набивали трубку или

резали хлеб. Война, что ли, приучила их так легко смотреть на вещи? Или Африка?

Эрнст быстро пришел скальп, а затем — широкую полоску кожи и мышц возле ключицы. Взяв перочинный нож, обрезал концы прочной хирургической нити.

— Я сделал ее из сухожилия гепарда. Получается отличная тетива. Если бы такой ниткой пользовались в Берлине, пузатым бюргерам не было бы сносу.

— Прямо скажем, недурно получилось, — сказал Эрнст, полоща руки в ведре. И снова подошел полюбоваться своей работой. Потом вцепился Энтону в предплечье и начал быстрыми, ловкими движениями обрабатывать порезы. Энтон прилагал бешеные усилия, чтобы не застонать.

— Он не похож ни на кого из наших, — проговорил фон Деккен; тем временем его сын рыскал по карманам шорт защитного цвета, в которые был одет африканец. — Это английские армейские штаны.

Эрнст выудил покореженную медную пуговицу и несколько пустых гильз от винтовочных патронов.

На пуговице был выгравирован лев, а чуть ниже — буквы: К.А.С.

— Так этот черный ублюдок воевал с Королевскими африканскими стрелками! Знал бы — я бы зашил его несколько иначе.

Потом фон Деккен повел Энтон и Эрнста на веранду — выпить шнапса. Энтон почистил винтовку и рассказал о случившемся.

— Ты совершил две ошибки, сынок, — сказал фон Деккен, втирая ему мазь в поврежденные места. — Никогда не смотри леопарду в глаза. Посмотришь — а тем более если ранишь, — непременно нападет.

— Понятно, — отозвался Энтон, вертя в пальцах иглу дикобраза. — А что еще я сделал не так?

— Сосредоточился на чем-то одном — и стал слеп и глух ко всему остальному. У тебя на родине сосредоточенность действительно приносит успех. Но только не в Африке, где опасность подстерегает со всех сторон.

— Что-нибудь еще? — без малейшего раздражения спросил Энтон.

— Да. Ты взял иглы дикобраза. Это приносит несчастье.

Воспользовавшись разрешением уйти, Энтон побрел в свою хибару. Мысли вертелись вокруг цыган — их суеверий, чрезмерного увлечения такими понятиями, как счастье и удача. А еще ему по-прежнему не давали покоя воспоминания об охоте на оленя с Ленаресом, когда он не смог защитить друга.

* * *

— Много лет назад, — сказал однажды вечером старый фон Деккен, отдыхая на веранде и глядя в сторону Килиманджаро, — я мечтал нажать в Африке состояние и вернуться домой богатым, как принц. Купить большое поместье на берегах Рейна и танцевать на балах с дамами. Как ваш Клайв Индийский. Только он сэкономил время, грабя магараджей. Или я ошибаюсь?

— Нет, вы правы.

Энтон вспомнил свои собственные мечты: свобода путешествовать, охотиться в незнакомой стране, чувствовать собственную землю под копытами собственной лошади. Ну,

может, еще найти золото. Он сидел на верхней ступеньке крыльца, прислонившись к колонне из кедра и уставившись в ночь.

Эрнст устроился рядом — толчок в скорлупе кокоса кусочки сахарного тростника и карболового мыла. Когда припарка была готова, он передал ее Энтону и посоветовал:

— Если хочешь и дальше приносить пользу, парень, намажь этим свои гноящиеся от шипов раны. На войне мы называли это бальзамом Леттова.

— К счастью, мне так и не удалось скопить достаточно денег для возвращения домой, — продолжил фон Деккен. Он вытащил из кармашков для патронов спереди на рубашке три темные сигары и передал две молодым людям. — Наконец я понял: деньги ничего не значат. Даже очень большие деньги не делают человека свободным. Он всегда будет хотеть еще, еще — и постоянно дрожать над ними, как банкир. Так что я предпочитаю выходить в вельд ^[5] с моим другом-«меркелем». Правда, когда Эрнсту исполнилось двенадцать лет, я послал его учиться в Германию, чтобы из моего маленького дикаря вышел настоящий пруссак.

— Когда я понял, как это противно, — подхватил Эрнст, — было уже поздно. По ночам я лежал на своей узкой кровати и мечтал об Африке. Закрою глаза — и почувствую запах кустов после дождя. Учителя читали нам истории о животных. Мои товарищи были в восторге. А я уже в девять лет карабкался на акацию и наблюдал за тем, как пара львов рвет на части живого буйвола. Помнится, он храпел, брыкался — однако был слишком молод, и рога еще не выросли. В конце концов львица вспрыгнула ему на спину, а лев лапой придавил морду и сломал шейные позвонки. Какие уж тут «школьные истории о животных»?

— Когда я был мальчишкой и жил в Германии, — вновь перехватил эстафету отец Эрнста, — Черный лес казался мне сказочными непроходимыми джунглями, сказкой, населенной дикими вепрями и оленями. А приехав туда после нескольких лет жизни в Африке, я как будто навестил свою старую классную комнату. Даже зверье было — сплошь мелюзга, к тому же весьма малочисленная. После вельда самый большой лес в Европе казался парком.

В тот вечер фон Деккен много рассказывал о слонах и шурился в темноту, словно высматривал серых колоссов. Наконец Эрнст не выдержал — взял свой шнапс и отправился в библиотеку. Устроившись поудобнее, старик отвечал на вопросы Энтон о прошлом Восточной Африки, когда доктор Карл Петерс добыл изрядный кусок для Германской империи благодаря тому, что дробил племена и искусно подталкивал англичан двигаться на север, в Кению.

— В 1890-м мне довелось встречать последних охотников на слонов — старой закваски. Африканеров и англичан — Хартли, Финоти и других. Эти люди знали первозданную Африку — какой она была, прежде чем мы ее испохабили.

— Какими они были? — спросил Энтон, стараясь не показать своего отвращения к крепкой сигаре.

— Это были крутые парни, знавшие, как выстоять в одиночку. Они всю жизнь следовали за громадными слонами на север. Сначала Трансвааль и Бечуаналенд, затем Земля Машона и Ньясаленд и, наконец, Восточная Африка, Уганда, Судан. Никто не умел так убивать и никто не любил слонов так, как они. А в итоге слоны убили их — так или иначе. Затоптанные посева. Самовзрывающиеся винтовки. Буйволы. Малярия. Змеи. Одиночество.

— Расскажите, как вы с ними охотились, — попросил Энтон, втайне радуясь тому, что осилил сигару.

— Африканеры повстречались со мной в лесах на реке Руфиджи. В их глазах я был прокаженным. Они вели себя как ревнивые любовники: Африка принадлежит им и больше никому. Но я все-таки не был британцем. Мало-помалу мы подружились — во всяком случае, со мной можно было поговорить. Со временем я стал таким же, как они. В каждом новом белом видел захватчика, собирающегося оттяпать у меня кусок Африки.

Старый плантатор покинул кресло из ротанга ¹⁶¹и медленно сошел с веранды. Светящийся нимб седых волос выделялся на фоне иссиня-черного неба. Фон Деккен выбросил окурок и, положив руки на плечи Энтона, впился в него глазами.

— Представляешь, сынок, каково это было — провести здесь молодость в те давние времена? Целыми днями мы ходили и бегали за этими чертовыми буйволами, а то и от них. Двадцать, двадцать пять миль в дремучих зарослях. Мы брали с собой только наши великолепные винтовки; шипы рвали на нас одежду. В конце охоты мы разбивали лагерь там, где падали слоны. По ночам, сняв сапоги, сидели у костра, натирая песком мозоли. Мы вырезали палки из терновника и поджаривали свежие ломтики слоновьего хобота. Уже сам запах дарил ощущение праздника. Всюду валялись части слоновьих тел — и казались почти живыми. Ноги. Сердца. Хоботы. Темные, застывающие лужи крови. Мы сами казались себе почти зверями. Слоновые бивни — в пять, шесть, семь футов длиной, весом до сорока фунтов — складывали в тени, подстелив брезент. Некоторые высасывали сладкое содержимое лобной кости. Оруженосцы чистили винтовки, остальная молодежь пировала у костра. Старые пираты буша пьянствовали, курили и делились секретами своего ремесла. Господи, как они тосковали по тем временам, когда еще не было правительств!

От мертвой хватки фон Деккена у Энтон болели плечи. Саднили раны. За спиной старого охотника, как призраки его молодости, трепетали на ветру белые волокна сизаля, развешенные на веревках для просушки.

— Мы выходили затемно, — продолжал фон Деккен. — Охотились по берегам рек и водоемов. На родине всякие идиоты твердят: лев — царь зверей. Но когда старый слон приходит на водопой, звери знают, кто — царь. Все они — лев, буйвол, носорог — линяют в кусты, чтобы не мешать ему напиться.

Постепенно слоны начали заранее узнавать о нашем приближении, даже в другой стороне. С каждым годом их — особенно крупных — становилось все меньше, а охотиться — все труднее. Мальчишки-оруженосцы следовали за нами по пятам, чтобы не спугнуть зверя. Их были десятки — ополоумевших, как мы, одержимых слонами и такой жизнью. Они приходили и оставались с нами ради мяса. Каждый тащил по бивню, завернутому в шкуру антилопы, затолкав в отверстие табак и амулеты. Мы возвращались домой либо до смерти исхудавшие от лихорадки, либо могучие, как боги. Мальчишки шествовали по деревне, словно на параде, разукрашенные, как черти, с перьями страуса в волосах, шатаясь под тяжелой ношей — слоновой костью. Нет, Африку открыли не жалкие миссионеры, не солдаты и не торгошники. Африку открыл слон.

— Жалко, меня здесь не было, — проговорил Энтон. — Вы помните своего лучшего слона?

Гуго фон Деккен ухмыльнулся.

— Слоны как женщины. Самый лучший — тот, на которого ты будешь охотиться завтра. Но скажи мне одну вещь, сынок. Моя сладкая черномазая, которая дарит мне тепло, утверждает, будто ты ее оттолкнул. Это правда? Или ты испугался, что старый папа Деккен сойдет с ума от ревности?

Энтон залился краской.

— Не знаю, сэр. Я растерялся.

Перед тем как уединиться в своем флигеле, Энтон подошел к костру, где Кариоки вел беседу с оруженосцем фон Деккена. Молодой африканец поправлялся быстрее, чем Энтон мог себе представить. Неровный розовый шрам вдоль ключицы ярко выделялся на блестящей черной коже. Сейчас Кариоки говорил о возвращении домой, к подножию горы Кения. Фон Деккен предупреждал: если Энтон надумает двинуться на север, прежде нужно подыскать надежного спутника.

— Это добрых триста-четырееста миль на своих двоих — и можно наткнуться не только на леопарда. Кариоки — именно тот, кто тебе нужен. Ловкий и живучий. Не ожидал от кикуйю. Если я правильно понял, его освободила ваша армия, и он как раз направлялся домой. Он здесь не задержится. А пока что я попрошу старого Банду научить его присматривать за тобой.

Присев на корточки у огня, Энтон первым поздоровался со старшим из мужчин.

— Джамбо, отец Банда. Как дела у моего друга?

— Намного лучше. Но вы, глупые мальчишки, должны оставить скверную привычку играть с леопардом. На подобную глупость не способны даже грязные масаи. Перед смертью леопард обязательно покалечит: чтобы помнили.

— Этот глупый мальчишка, Тлага — Зоркий Глаз — спас мне жизнь, — сказал Кариоки.

— Нет, это он спас меня. — Энтон сжал руку африканца.

— Если я тебе когда-нибудь понадобится, свистни в этот свисток, — Кариоки вручил Энтону пустую гильзу.

— Знаешь, отец Банда, — сказал Энтон, — мы с Кариоки скоро уйдем отсюда.

— Да, но мой бвана сказал — сначала мы устроим небольшое сафари — чтобы вы, молодежь, кое-чему научились.

Энтон усмехнулся и встал. Кариоки тоже поднялся.

— Если ты хочешь идти вместе, Тлага, должен предупредить. Сперва мы пройдем через владения врагов моего народа — вонючих масаи. А когда наконец придем в деревню моего отца, возле отеля Большого бвана-лорда, там меня будет ждать дьявол. Он очень маленький, Чура Ньякунда, но злой. И хитрее леопарда.

Гвенн с Аланом провели неделю в палаточном военном городке в пригороде Найроби. И вот наконец наступил последний день перед их отъездом в Наньюки и дальше — на берега Эвасо-Нгино.

Они проверили список вещей, проштудировали буклеты о выращивании кофе и льна и вступили в Ассоциацию ветеранов.

Гвенн каждый день наведывалась в больницу для европейцев. Алан дважды сопровождал ее — мерил шагами коридор, пока она сидела у постели Анны, держа девочку за руку. По вечерам Артур готовил пищу, и Гвенн с Аланом ужинали на свежем воздухе.

Между ними не было физической близости. Изможденный и безучастный, Алан противился проявлениям нежности. Не позволял смотреть на себя, когда раздевался. Как-то утром она заметила шрамы у него внизу живота. Алан сослался на ранение в области таза. Ласки жены не вызывали в нем ответной реакции. Сначала Гвенн запаниковала, но потом вспомнила, как по-разному относились солдаты во Франции к своим увечьям. Некоторым дисгармония тела и души доставляла адские страдания. Гвенн пришлось смириться. Очевидно, им нужно время.

В первый же день в честь новоприбывших устроили чаепитие на лужайке позади «Солсбери-Хауса», под навесами, приберегавшимися для празднования Дня империи и дня рождения монарха. Это мероприятие застигло Гвенн врасплох. Прямо с поезда и после посещения больницы они оказались втиснутыми в колонну транспорта на грязной дороге перед резиденцией губернатора. Между двумя телеграфными столбами висел транспарант: «БВА приветствует солдат Ее Величества!» Гвенн знала: БВА — это Британская Восточная Африка. Когда они добрались до места назначения, подошел африканец и придержал их мулов. Из грузовиков, повозок, фермерских фургонов и старых машин повысыпали люди. Дамы из организационного комитета, украсив одежду цветами Британского флага, встречали гостей. Гвенн покосилась на свои грязные руки и бурые пятна на одежде.

— Хотите умыться перед чаем, дорогая? — спросили рядом по-английски. — Меня зовут Флоренс Деламир.

Гвенн соскочила с повозки и представилась. Потом вынула из саквояжа чистую одежду и последовала за Флоренс.

— Так лучше? — с улыбкой спросила она Алана по возвращении.

— Просто замечательно, — ответил муж и после секундного замешательства взял ее руку в свои и, подавив стон, поднялся.

После краткой приветственной речи губернатора слуги сдернули с накрытых столов полотнища, и поселенцы изумленно воззрились на горы крошечных сэндвичей, печенья и микроскопических пирожных. Пока они приходили в себя, над столами проворно порхали морщинистые, коричневые — точь-в-точь как у африканцев — руки, по-свойски управлявшиеся со снедью. Фермеры, правительственные чиновники, торговцы уплетали все подряд.

— Налетай, Гвенн, а то старожилы все разметут, — предупредил возникший из толчеи Тони Бевис с горкой сэндвичей на тарелке. — Министерство колоний редко распахивает двери перед гостями, но уж если оно раскошелилось, спешите набить брюхо.

— Нельзя ли мне получить обратно мое кольцо? — напомнила Гвенн.

— Вообще-то это не слишком удобно. Оно слишком тесное. Джилл никак не может его снять, даже с мылом. Не представляю, как она ухитрилась его надеть.

Гвенн начала раздражаться. Вдобавок она чувствовала на себе взгляд Алана.

— Девушка всегда сумеет надеть обручальное кольцо. Но, боюсь, вам придется купить другое.

Гвенн соскребла с нескольких сэндвичей масло на край тарелки.

— Извини, Джилл, позволь, я помогу тебе снять кольцо.

Джилл протянула левую руку и, поджав губы, уставилась на кольцо. На глаза навернулись слезы. Двое мужей молча наблюдали за происходящим.

Гвенн взяла руку Джилл в свои и, намазав маслом ее безымянный палец, стала равномерно, однако с каждым разом все настойчивее, поворачивать золотой ободок. Джилл закусила губу. Гвенн резко дернула кольцо. Джилл Бевис ойкнула. Жирное кольцо соскочило с пальца. Гвенн вытерла его уголком скатерти и надела.

— Что здесь делает эта пиявка, дерьмовый ростовщик? — послышался голос Джеймса Хартшорна. Он стоял рядом с Луэллинами, с тропическим шлемом под мышкой.

— Не так громко, Губка, — предостерег его товарищ. — Старый клоп может услышать и удвоить проценты.

Гвенн обернулась — к ним приближался да Суза.

— Добрый вечер, ваше превосходительство, — приветствовал он Хартшорна, натянуто улыбаясь и благоразумно воздерживаясь от рукопожатия.

— Здравствуй, Суза. Не беспокойся, скоро я с тобой свяжусь.

— Без сомнения, ваше превосходительство. Позвольте представить вам мистера и миссис Луэллин.

Хартшорн кивнул Алану и восхищенно уставился на Гвенн.

— Повезло вам, да, Алан? Ведь ваш участок — у реки?

— Да, кажется.

Пока мужчины беседовали, да Суза отвел Гвенн в сторонку.

— Мистер Луэллин немного ослаб, а на ферме очень много работы. Держите меня в курсе, дорогая миссис Луэллин. У меня есть друг, который сможет вам помочь. Мистер Оливио Алаведо из Наньюки. Это в ста пятнадцати милях севернее Найроби и всего в тридцати милях от вашей фермы. Смело обращайтесь к нему по любым вопросам. Я и сам всегда буду помнить о мистере и миссис Луэллин.

В отсутствие губернатора и сэндвичей вечеринка выдохлась. Поселенцев предоставили самим себе. Многие отправились пополнять запасы продовольствия и снаряжения, полагаясь — насколько это было возможно — на излишки, распродаваемые Комитетом спасения. Алан сказал жене, что да Суза уже закупил почти все необходимое, по минимальной цене. В то время как остальные поселенцы переплачивали за каждую лопату и каждый колышек, да Суза водил Алана из лавки в лавку, немилосердно торгуясь, раздуваясь от возмущения и заставляя торговцев сбавлять цену.

По пути в военный городок Луэллины заехали в больницу, узнать, как там Анна. Алан остался ждать в фургоне. В палате Гвенн застала миссис Голт, без сил сидящую на стуле. Она подняла на Гвенн воспаленные глаза и тихо выговорила:

— Нужно бежать отсюда — всем нам. Мы не созданы для жизни в Африке.

Анна лежала без сознания, с маленьким бледным личиком. Гвенн перевела взгляд на нижнюю часть ее тела под простыней и похолодела от ужаса. Потом наклонилась и,

поцеловав девочку в щеку, стремительно бросилась в приемную — поговорить с медсестрой.

— Что с ней сделали?

— Пришлось ампутировать правую ногу. Но это еще не самое худшее. Лев прокусил ей позвоночник. Доктор считает, что она останется парализованной ниже пояса. Он все удивлялся, как это вы довезли ее живую.

В лагере Гвенн и Алан немного посидели на складных брезентовых стульях, пока Мальва с Артуром ставили палатку. Алан по-прежнему держался отчужденно. Неужели это тот человек, за которого она вышла замуж?

— Надеюсь, небо услышит наши молитвы, Гвенни, и все будет хорошо. Ничего, если я прилягу? Я все еще немного не в себе.

В палатке их узкие койки стояли рядом. Гвенн не спалось. Снаружи слышались смех и возбужденные голоса: другие супружеские пары готовились к ночным приключениям. Гвенн вспомнила бессонные ночи в доме родителей в Денби. Поев хлеба с бульоном, она все еще бывала голодна; рядом, свернувшись клубком, спала младшая сестренка. Под стук дождя Гвенн представляла себе другие, солнечные дни — цветастые юбки, качели, романтические воздыхатели! А за дверью, ведя спор с дядей, кашлял наглотававшийся угольной пылью отец.

— Уезжай в Новую Зеландию! — уговаривал отец своего младшего брата. — Займись разведением овец. Сделай это, пока молод: женишься — будет поздно. Станешь рабом шахты. Конченным человеком, как я, вынужденным кормить детей. И никогда не узнаешь свободы.

Гвенн погладила мужа по руке. Он застонал во сне. Гвенн вызвала в памяти уроки военного времени. Ее сильно тревожило его ранение. Судя по непрекращающейся боли, у Алана могут быть задеты нервные окончания, ведущие от позвоночника к пенису. А это чревато импотенцией. Неужели они больше не смогут быть близки? Но если нервные окончания только задеты, а не мертвы, через несколько месяцев мужская сила может вернуться. Плохое питание только усугубит положение.

Бывало, девочкой она не раз стояла у окна, носом рисуя на запотевшем стекле сердечки и высматривая, когда Алан пойдет в школу. Она всегда выделяла его среди прочих мальчишек — стройного, с изящной головой художника или джентльмена. А теперь она чувствует в своей руке его исхудавшую руку, в которой еле теплится жизнь. Ладонь Гвенн скользнула по его боку, но муж так и не проснулся.

В последний день перед отъездом Гвенн проснулась на рассвете. Надела длинную юбку и тяжелые туфли и пригнулась, чтобы выйти из палатки. Сидя на корточках у костра, Артур кипятил чай. Мальва кормил мулов. Это просто удивительно, как легко и естественно двое африканцев распределили между собой обязанности. Они ничего не требовали, кроме пропитания и малой толики денег — шиллингов или рупий.

Час спустя они уже заново сложили вещи в фургон, меняя центр тяжести. Мешки с семенами, сельскохозяйственный инвентарь, запас провизии. Личные вещи Гвенн — чемоданы и несколько сумок — поместились в серой цинковой ванне.

Заметив вдалеке пробирающегося к ним сквозь скученный лагерь мужчину, Гвенн замерла и вгляделась внимательнее. Она узнала эту массивную фигуру и содрогнулась от чувства омерзения.

Ненависть сковала все ее существо. Охваченная одним желанием — убить его, Гвенн не проронила ни слова, когда Мик Рейли приблизился и предложил свою помощь. Он по-

приятельски хлопнул по плечу Алана.

— Как дела, старый вояка? — осведомился Рейли, помогая Мальве водрузить ящик на место. Сделав шаг назад, он на мгновение задел Гвенн. Ее передернуло от брезгливости. Рейли подмигнул ее мужу.

— Хорошо тебя заштопали, приятель?

Побледнев от натуги, Алан собирал силы для ответа. Гвенн обвила рукой талию мужа.

— Артур, — обратилась она к слуге, — помоги, пожалуйста, мистеру Луэллину забраться на сиденье. Мальва, сложи оставшиеся вещи в мешок и привяжи сзади.

— Все еще дуешься, любовь моя? — Рейли осклабился, показывая гнилые щербатые зубы. — А ведь нам придется часто видеться. Вместо того чтобы поддаться золотой лихорадке, мы с братом решили поработать на эту португальскую шишку — мистера Фонсики. То есть, прибрать к рукам несколько участков, где есть вода.

Гвенн на минуту оставила работу. Выпрямившись, она уставила взгляд в похожие на изюм в пудинге, близко посаженные глаза Мика Рейли и вновь ощутила гадливость и гнев, как тогда, когда он, пыхтя и отдуваясь, подмял ее под себя.

— Если ты еще хоть раз заговоришь с моим мужем или со мной, — ровно проговорила она, — я упеку тебя за решетку, Майкл Рейли. Чего бы это ни стоило. А потом тебя отправят на родину и повесят за твои злодеяния. Не забудь, у меня есть свидетель.

— Это не свидетель. Я видел, как ты таскалась с ним на пароходе. Хочешь, чтобы я сказал Алану? Пусть только твой слюнвявый хахаль сунется в эту страну, мы его так отделаем, что он уже никогда никому ничего не скажет. Мы уже проучили его там, на судне. В следующий раз я убью его.

Гвенн пошла садиться в фургон. Рейли как ни в чем не бывало улыбнулся.

— Вот увидишь, любовь моя, ты ко мне еще привыкнешь.

Артур повел мулов через суматошный, перенаселенный лагерь. Мальва шел позади, помахивая дубинкой. Алан держал поводья. Гвенн примостилась рядом с ним. Из головы не шел Рейли с его угрозой. Это из-за нее они преследуют Энтона. Значит, они таки избили его, а он ей ничего не сказал. Это не должно повториться.

Проезжая по окраине Найроби, они миновали отель «Норфолк». На веранде пили кофе и курили несколько мужчин. Завидев новых поселенцев, один поднес руку к шляпе и крикнул:

— Желаю удачи!

— Она им чертовски понадобится, — ухмыльнулся его товарищ.

* * *

Оливио радовался почте, как возвращению блудного сына. Ее каждый вторник и каждую пятницу — по железной дороге или в почтовой карете — доставляли из Наньюки. На одной стороне брезентового мешка красовалась королевская эмблема — буква V над изображением льва и единорога, а на другой — устрашающий профиль белого носорога. Небольшой висячий замок оберегал содержимое мешка от любителей сунуть нос не в свое дело.

Для гостей и хозяина «Белого носорога» получение почты было самым обычным делом. Каждому свое. Зато карлик считал всю почту своей собственностью. За восемь лет работы в

отеле Оливио научился судить о содержании корреспонденции по внешнему виду мешка — подобно тому, как фермер в момент рождения ягненка с первого взгляда определяет его достоинства. По весу и конфигурации, по звуку, с которым мешок плюхался на прилавок, он судил о ценности сведений. Иногда ему даже не нужно было читать письмо. Конверт, его объем, марка, поведение адресата говорили о его содержании больше, чем сами строки.

Этим утром почта обещала праздник. Карлик отпер замок своим ключом и, разложив содержимое мешка на стойке, начал сортировать корреспонденцию. Лорду Пенфолду почта, как всегда, не сулила ничего хорошего. Кроме счетов от двоих торговцев, ему пришли два письма от банкиров — одно из Найроби, другое — из Лондона. Плюс объемистый конверт от управляющего его поместьем в Уилтшире. Одно письмо — от недавнего постояльца — предназначалось для леди Пенфолд и было отправлено из Флоренции. Ясно, она не заинтересована в том, чтобы оно попало на глаза мужу.

В одном случае адресатом был он сам, а отправителем — Р. да Суза из Найроби. А вот и сочная слива в пудинге — тяжелый коричневый конверт на имя «сеньора Васко де Кастаньеда-и-Фонсека». А перед пометкой «конфиденциально» и подавно было невозможно устоять. Автором письма оказался некий Антонио Гама из Лиссабона, нотариус. Что еще могло случиться? Карлик вспомнил фотографию Фонсеки и еще одного мужчины.

Он спустился по лесенке и вышел в коридор, чтобы разложить письма по специальным ячейкам. А проходя мимо зеркала, остановился и стал почтительно изучать свое отражение.

Безупречные кожаные сандалии, нарядный плетеный кушак, девственно белая униформа и, главное, голова. Вот именно! Голова идеально круглой формы! Карлика охватило приятное возбуждение — он даже вспотел. Перед его мысленным взором встало изображение приземистого священника на фотографии. Это же он сам! Много ли еще в мире таких голов? И многие ли их обладатели носят имя Фонсека? Наверняка архиепископ — его дедушка!

Карлик взял себя в руки и вновь направился к стойке. В холле он с раздражением отметил на покрытом лаком полу пыльные отпечатки босых ног одного из мальчишек. Взобравшись на стремянку, он распечатал письмо от своего банкира, написанное аккуратным почерком на почтовой бумаге с гербом Гоанского института в Найроби.

«Дорогой Оливио Фонсека Алаведо!

Шлю вам хорошие новости. Хотя дела подвигаются медленно и понадобится много лет, прежде чем земля станет нашей, наши деньги работают. К счастью, всю черную работу за нас сделают другие. Простые англичане, миссис и мистер Алан Луэллин, поднимут целину и подготовят землю для настоящих хозяев.

Вышеупомянутый мистер Луэллин пострадал на войне, но, похоже, очень терпелив и готов приложить все усилия. Не знаю, насколько серьезна его болезнь. Зато жена кажется крепкой. Вам следует подружиться с ними и позаботиться, чтобы дела на ферме шли как можно лучше. Если они ее угробят, мы не увидим ни денег в кармане, ни земли под ногами.

*Остаюсь вашим преданным другом,
Раджи да Суза».*

На седьмой день Гвенн почувствовала себя в Африке как дома. Она шла впереди, рядом с Мальвой, замороженная необозримым простором вокруг. Ей было важно самой, путем непосредственного контакта, открывать для себя каждый новый пейзаж, а не любоваться им, сидя в фургоне, выглядывая из-за подрагивающих ушей непокорных мулов.

Гвенн не думала, что может быть такой климат. Она представляла себе обжигающий зной колонии — в противоположность пронизывающей сырости Уэльса. А вместо этого нашла теплые солнечные дни и прохладные вечера. Воздух вокруг светился. Легкое дуновение ветерка доносило свежие ароматы дикорастущих цветов и трав. После тесных, замкнутых лоцин Уэльса с каждого нового склона открывался неохватный, как океан, ландшафт. Пологие холмы тянулись на многие мили. Горизонт казался почти недостижимым для взора.

Однако дорога была трудной, и продвигались они крайне медленно.

Вся в глубоких рытвинах, покрытая на шесть дюймов сухой красной пылью, она понижалась к центру, а с боков была обрамлена высокими насыпями. Вынужденные постоянно напрягаться, мулы натерли холки.

Гвенн остановилась и улыбнулась Мальве, когда он указал на пасущегося на соседнем холме самца антилопы. Они постояли, поджидая отставший фургон. Наметанным глазом Гвенн тотчас определила, что Алану хуже, чем он пытался показать. Пальцы судорожно вцепились в край деревянной скамьи. Он закрыл глаза. Для него эта поездка была тяжелейшим испытанием. Фургон съехал на обочину и остановился. Гвенн с Артуром помогли Алану сойти. Она старалась не замечать, что у мужа спереди мокрые брюки. Он сел отдохнуть, прислонившись к твердому красному муравейнику.

— Прости, старушка, я правда в порядке, — пробормотал Алан, гадая, что о нем думает жена. Он стал совсем беспомощным! — Что, уже пора ужинать?

Артур собрал хворост. Гвенн достала винтовку мужа. Алан показал ей, как заряжать «энфилд», и обратился к Мальве:

— Ты старый солдат, почему бы тебе не научить миссис Луэллин стрелять?

Спустя час они вернулись. Гвенн несла винтовку, а Мальва — переброшенную через плечо маленькую газель.

— Здорово, Гвенни! — немного окрепшим голосом произнес Алан. Артур заухмылялся и захолопал в ладоши.

— Нет, это Мальва. У меня пока не получается. Вблизи они слишком красивые. Я ждала, чтобы они пустились бежать. А когда начало темнеть, отдала винтовку Мальве.

— Мэм-саиб недостаточно голодна. Когда как следует проголодается, сразу попадет.

Мальва занялся газелью, а Артур — палаткой. Вскоре в котелке на трехножке уже тушились ломтики мяса, лук и картошка в мундире. Артур куда-то пропал, а когда вернулся, в руках у него были маленькие хрупкие веточки с серо-зелеными листочками. Он смял и растер листья пальцами и бросил в котелок. Гвенн узнала запах дикого розмарина.

Наблюдая за тем, как тушится мясо, Алан ожил. Даже начал рассказывать о том, как они с Раджи да Сузой делали покупки. «Если покупать котелок, — советовал грузный гоанец, — так на трех ножках: он не перевернется и вы не лишитесь ужина».

— Когда доберемся до Наньюки, нужно будет повидаться с его другом, мистером Алаведо, — сказала Гвенн и пошла в палатку за шалью.

— Неужели и впрямь оленина? — донесся до них бодрый голос, явно принадлежащий англичанину. Из темноты вышел рослый прихрамывающий мужчина в коричневых бриджах

для верховой езды. Он вел под уздцы лошадь и, приподняв коричневую фетровую шляпу, поприветствовал Алана и африканцев.

— Здравствуйте. Я — Адам Пенфолд. Если у вас найдется закуска — у меня есть виски.

— Присоединяйтесь к нам, — предложил Алан.

— Адам! Добро пожаловать! — воскликнула Гвенн, выбегая из палатки и от радости хлопая в ладоши. — Как я рада! Мы задолжали вам ужин. Алан, это тот добрый человек, что уступил мне свою комнату в Момбасе.

Гость расседлал лошадь. Ласково погладил лошадиную морду. Снял уздечку и повесил на ветку. Достал из седельного вьюка горсть овса и скормил Рафики. Потом нашел зеленую полянку и, почистив лошадь, пустил пастись на длинном поводке.

Мужчины-европейцы сделали по несколько глотков из серебряной фляжки Пенфолда. Некоторое время все молчали.

— Самая вкусная еда, какую мне приходилось есть! — воскликнула Гвенн.

— Да, мадам, прекрасное жаркое. К нему бы еще чуточку мармита ^[7]. Будете в Наньюки — непременно поужинайте с нами в «Белом носороге». Говорят, у нас лучшая кухня от Найроби до Хартума.

— В «Белом носороге»?

— Да. Это мой отель. Мой последний заскок, как выражается супруга. Все остальное я уже перепробовал. Перья страуса, кору акации, антилопы шкуры, скот, земляные орехи, ячмень. Хорошо, что я уже стар и слаб для добычи золота.

— Наш участок — на берегу Эвасо-Нгино, — сообщил Алан. — Что бы вы посоветовали разводить? Лен? Кофе? Или овец?

— Вот мой совет, молодой человек: не слушайте моих советов, — с улыбкой ответил Пенфолд, передавая Алану фляжку. — Но, возможно, вам покажется, что ваша ферма расположена слишком низко для кофе, слишком высоко для льна и слишком далеко от железной дороги для баранины и шерсти. А сейчас мне пора на покой, и Рафики тоже. Нам рано двигаться в путь. Надеюсь, еще увидимся. — Заметив, как посерело от усталости лицо Алана, Пенфолд заключил: — Старайтесь, чтобы гора Кения все время была справа от вас — и мимо «Белого носорога» не проедете. Спокойной ночи, мадам, и благодарю вас за чудесный ужин.

* * *

— Господи, это же собака! — воскликнула Гвенн на второй день пути, вглядываясь в еле ковыляющее через буш лохматое существо. Мальва с Артуром разгружали фургон, чтобы устранить поломку.

Гвенн подняла «энфилд» и пошла навстречу собаке. А приблизившись, увидела в вышине грифа. Птица терпеливо парила над предполагаемой добычей.

Собака заскулила и, высунув язык, свернулась клубком у ног женщины. Левый глаз налился кровью. Из растерзанного уголка глаза стекала кровь, попадала в рот. На плече открылась старая рана. Черная морда собаки была разодрана посередине; ноздри раскрылись, словно темная раковина. Под разорванной верхней губой обнажились десны.

Гвенн взяла не оказавшую сопротивления гончую на руки и, вернувшись к своим, положила собаку на одеяло в тени фургона.

— Помоги мне, Мальва, — попросила она, доставая из груды сваленных на землю вещей аптечку.

Алан, держась за бок, сел на землю отдохнуть.

— Мальва, поддержи ее туловище между ног и крепко зажми руками голову.

Гвенн приготовила кривую хирургическую иглу, губкой смыла с собачьей морды грязь и вытерла полотенцем. Отец и военный хирург в разное время дали ей один и тот же совет: если нужно сделать что-нибудь неприятное, делай это как можно быстрее.

Как только собачья морда оказалась, словно в железных тисках, в руках африканца, Гвенн вонзила в нее иглу и сделала несколько аккуратных стежков, соединяя ноздри.

Она оставила собаку рядом с мужем, попросив время от времени выжимать ей на язык мокрое полотенце. Тем временем Артур с Мальвой выгрузили последние припасы. Работа спорилась.

Все дело оказалось в разбитом шплинте. Когда фургон затрясся по камням, ржавая заклепка треснула и правое переднее колесо соскочило с оси. Фургон завалился на бок. Напуганная грохотом, Гвенн обернулась. И не зря: Алан упал на землю.

— Почти как на войне, мэм-саиб. Фургоны то и дело ломаются. Скоро починим. Не волнуйтесь, пожалуйста, — утешал ее Мальва.

Когда повозка опустела и стала легкой, они с Артуром подтащили под накренившуюся ось ящики, как домкрат. Приладили колесо. Мальва скрылся в зарослях с топором и вскоре вернулся с охапкой толстых сучьев.

— Железное дерево, — объяснил он и начал обрабатывать твердую древесину пангой, придавая ей форму сломанного шплинта.

На следующее утро, идя впереди фургона, Гвенн на минуту задержалась на развилке, чтобы изучить запыленные указатели. Слева лежал Наньюки, справа — отель «Белый носорог». Она повернулась и махнула Алану, чтобы поворачивал направо.

Ранним утром они вышли из дома. Путь лежал на север, по краю болота у подножия Килиманджаро. Эрнст с Энтоном держались вместе. Банда с Кариоки ушли вперед — искать слоновьи следы. Позади брел Гуго фон Деккен в окружении повара и шестерых слуг с провизией. Горя желанием отведать свежего мяса, африканцы ступали легко, несмотря на тяжелые вещмешки.

Время от времени охотники, не сговариваясь, собирались вместе и тщательно исследовали землю. Впервые увидев слоновьи следы, Энтон затрепетал. Он присел на корточки и потрогал затвердевшие отпечатки. Необыкновенно круглые, не похожие ни на какие другие.

— Как по-твоему, каковы ее габариты? — спросил Эрнст и сам ответил: — Что-то около семи футов в холке. Умножь обхват передней ноги на два. Передние крупнее, потому что на них приходится тяжесть головы и бивней. Видишь, как аккуратно она ставит задние ноги в следы от передних?

Кариоки опустил на колени рядом с Энтоном. Когда Эрнст отошел, он сказал:

— Их несколько, Тлага. И они умны. Ставят ноги в следы впереди идущего. Четыре-пять, полагаю.

— Как по-твоему, давно они прошли? — продолжал Эрнст экзаменовывать догнавшего его Энтон. Тот снова припал к земле. Он заметил на следах нетронутый росистый узор. Кое-где появились крохотные песчаные холмики, сделанные муравьями. Природа трудилась над приведением тропы в прежнее состояние. Энтон поднялся и прошел по следам вперед. На тропе валялась кора акации и сломанные ветки; листья уже засохли. Янтарная смола, выступившая из ран, затвердела.

— Я бы сказал, вчера вечером.

— Неплохо для англичанина. Обращай внимание на слюну на ветках и стручках акации. Слоны останавливаются пожевать. Если слюна влажная, готовь винтовку: они совсем близко.

— Здесь только самки с детенышами, — продолжил Эрнст. — Взрослые самцы держатся вместе с самками только в брачный период. Бивни растут до самой смерти. Самцы с самыми ценными бивнями слишком стары для игр и предпочитают одиночество — или общество других ветеранов. Зато молодые самцы сбиваются в небольшие стада и дерутся в периоды полового возбуждения — ни дать ни взять студенты Гейдельбергского университета. Потом стадо распадается: каждый выбирает себе подругу.

Кариоки подобрал засохшую кучку слоновьего помета с прилипшими грубыми волокнами и щепками. Он разломил ее — словно разбил яйцо — и показал Энтону темную, влажную сердцевину, где, среди роскошного удобрения, гнездились семена акации.

— Посмотри, Тлага, — начал Кариоки.

— Это старая корова, — уронил Эрнст, словно не слыша его слов.

Африканец бросил помет и отвернулся. Энтон понял состояние Кариоки, слишком знакомое ему самому.

— Пища не до конца переварилась, — продолжал немец, — из-за искрошившихся зубов — хуже, чем у моего предка. Как правило, если слон не станет добычей охотника, он погибает, когда износится шестой комплект коренных зубов — примерно в

шестидесятилетнем возрасте.

— Как думаешь, — обратился Энтон к Кариоки, — сколько это пролежало?

— Два часа.

— Устроим привал на краю болота, — предложил Эрнст. — Пока не подойдут остальные, заляжем у воды.

Смеркалось. Спрятавшись в зарослях травы и камыша, Энтон с Гуго фон Деккеном затаились в ожидании на крутом берегу реки, пересекавшей болото. Немец, словно дитя, баюкал свою винтовку. Энтон распростерся на животе с ружьем Эрнста фирмы «Зауэр и сын». Это была винтовка с двумя стволами, расположенными один поверх другого. Не такая устойчивая, как «меркель». Непривычное, тяжеловесное оружие — как сам Эрнст. Как-то оно себя поведет?

Всякий раз, беря в руки двустволку, Энтон поражался ее совершенству. Немного громоздка, но все подвижные части идеально подогнаны друг к другу. И долговечна — тысячи мощных взрывов внутри стволов не оставляли ни малейшей царапины. Разбирать их — и то удовольствие! Энтон осторожно переломил оба ствола пополам и большим пальцем сдвинул рычажок, чтобы проверить два латунных патрона, удобно разместившиеся в специальных углублениях. Мягко сработала пружина — Энтон вернул стволы в прежнее положение. Он ощутил под рукой приятную гладкость металла и слегка выщербленного приклада из орехового дерева. Просто чудо — по сравнению с примитивным оружием его юности.

Перед его глазами тянулись ввысь остроконечные лезвия жесткой болотной травы. Каждое растение росло обособленно — как хутор. Подле длинного стебля лилии покоилась белая, как слоновая кость, раскрытая раковина улитки, величиной с его кулак. В воздухе разлился аромат желтых цветов. Энтон увидел, как спиралеобразная верхняя створка раковины превратилась в подобие лестницы для крохотных красных муравьев, которые двигались по ней живой нескончаемой лентой. А вот и предмет их вожделий — скопление личинок на верху раковины. Тонкая полупрозрачная оболочка вряд ли способна служить им защитой от жал маленьких хищников. Энтон сощурил глаза, чтобы не пропустить момент штурма.

Раковина качнулась. Показались два далеко отстоящих друг от друга подергивающихся усика. Следом возникло узкое черное рыльце, затем два длинных трехколенных щупальца и круглая голова. Дальше оттуда же, из раковины, выполз крупный черно-оранжевый жук и устремился вверх по стеблю лилии. Когда он остановился, чтобы отгрызть кусочек стебля, Энтон узнал его — не зря все свободное время на ферме «Гепард» рылся в библиотеке! Это долгоносик, травоядный жук — его еще называют железным!

Энтон поднял голову. В тридцати ярдах от него, на другом берегу реки, стоял слон — водный поток заглушил шаги. Зверь медленно хлопал ушами; когда они шлепали по плечам, поднимались облачка пыли. Не спеша, явно не слыша подозрительных звуков, слон поднял хобот и повел загибающимся кончиком сначала вверх, а затем вниз по реке — нет ли непривычного запаха? После чего двинулся к воде. Энтон был потрясен: вместо дикой грации он наблюдал настоящее врожденное величие. За первым самцом вереницей последовали другие — живые монументальные глыбы, горделиво выступавшие в торжественном марше.

Крупные самки по колена вошли в воду и стали окунать хоботы, а затем выпускать изумительной красоты фонтаны. Потом они напились. Между ними, путаясь под ногами,

бродили детеныши — взбалтывая воду и экспериментируя с тонкими, точно рожки, хоботами. Энтон осторожно положил винтовку на траву и уставился на слоненка, который только что поскользнулся на илистом берегу у кромки воды и беспомощно барахтался, не в силах подняться. Острая мышьяная морда потемнела от грязи. На помощь пришла молодая самка. Обвив своего отпрыска хоботом, она бесцеремонно, как табуретку, подняла его в воздух и поставила на все четыре ноги. Малыш попытался напиться, но вода вытекала прежде, чем он успевал донести до пасти свой тонкий хобот. Мать сама напоила его, обдала мощной струей воды и вытерла хоботом. Утолив жажду, слонята начали резвиться, брызгаясь и барахтаясь, как щенки. Самки постарше обливали водой свои спины, чистились и освежались, не обращая внимания на детскую возню под ногами.

Начало смеркаться. Внезапно Энтон ощутил позади себя движение. Под ним задрожала земля. Он осторожно повернул голову и увидел в пяти ярдах справа от себя фон Деккена. Старый охотник предостерегающе поднял руку, давая понять: не делай резких движений! Стрелять было уже поздно.

Энтон оперся на правое плечо и незаметно повернул голову назад. И увидел сквозь траву гигантскую, надвигающуюся на него серую стену. То была вереница слонов, простирившаяся до тех пор, пока хватало глаз. То ли сорок, то ли пятьдесят особей. Передние выступали бок о бок, по нескольку в ряд, задрав хоботы и чужая воду. На реке затрубили их напившиеся собратья. Приветствуя или объявляя войну?

Энтон лежал неподвижно, как бревно, готовый либо стрелять, либо кубарем скатиться в воду. Он так тесно прижался к земле, что золотое кольцо цыгана на кожаном шнурке больно впилось в грудь. Первый слон остановился слева от него — всего в двенадцати ярдах. Огромная черная глыба на фоне закатного неба. Энтон двигал только зрачками. Он вспомнил совет Ленареса: хочешь остаться незамеченным — не смотри на зверя. Животное, подобно человеку, чувствует, когда на него глазают. Энтон опустил взгляд. Слон протопал мимо; каждый шаг громом отзывался у Энтон в ушах. Наконец животное вошло в воду.

Река кишела слонами. Вновь прибывшие легонько стучались бивнями с уже напившимися, переплетали хоботы и издавали трубные звуки. Две молодые самки засунули кончики хоботов друг другу в рот.

Сгустились сумерки. Гуго фон Деккен еле слышно окликнул Энтон. Они ползком, не проронив ни звука, добрались до дороги в лагерь.

— Такое чувство, будто я побывал у истоков мироздания, — нарушил молчание Энтон. — Хорошо, что мы не стали стрелять.

— Темновато для стариковских глаз, — ответил фон Деккен, — да и не по душе мне убивать самок. И все-таки завтра мы возьмем свою слоновую кость. А молодежь угостится мясом.

На рассвете охотники вернулись к реке. Они пошли вверх по течению — туда, где река распадалась на несколько неглубоких озер. Банда обнаружил группу слонов. Охотники залегли в засаде на берегу под темно-зелеными кронами фиговых деревьев. Фон Деккен достал из сумки горстку пепла и развеял в воздухе.

— Если я подам знак, стреляй первым, — обратился Эрнст к Энтону. — Запомни: метиться нужно в сердце. Череп новичку не пробить. Правда, мозг у слона побольше твоего: примерно с буханку черного хлеба, — зато спрятан так, что ты вовек не доберешься.

Не успел Энтон ответить, как к воде подошли три самца. Лежа справа от Энтон, Эрнст показал на него пальцем, а затем постучал по своим зубам. Энтон стал выискивать

экземпляр с лучшими бивнями.

Напившись, два слона устроили поединок. Поставили торчком уши и сделали несколько обманных движений. Соприкоснулись хоботами, потом отступили и опять наскочили друг на друга. Застучали бивни. Борьба шла ожесточенная, но не насмерть. Более крупное животное теснило сопротивляющегося противника назад. По обеим сторонам головы выступила густая темная влага. Это особый секрет, предупредил Эрнст, вырабатываемый железами слона в брачный период, когда он особенно возбужден и опасен для охотника.

Слон покрупнее поцарапал своим бивнем бок соперника. Энтон поднял винтовку. Меньший слон взвыл и обернулся. Юноша снял предохранитель и спустил курок. И вдруг услышал шум с той стороны, слева от себя, где находился Банда.

Энтон увидел огромного гиппопотама с разверстой пастью. Выставив чудовищные клыки, зверь ринулся на Банду, но промазал и, вместо того чтобы проткнуть, подмял его под себя. И тотчас метнулся к воде. В мгновение ока оказавшись на ногах, Эрнст взмахнул винтовкой. Стрелять он не мог — боялся угодить в Энтон. Гиппопотам с поразительной для своих габаритов быстротой плюхнулся в воду. Энтон выстрелил из второго ствола. Пуля попала зверю позади уха в последний миг перед тем, как он ушел под воду.

Бросившись к Банде, Энтон вспомнил о слонах и обернулся.

Двое самцов взобрались на противоположный берег. Третий и самый крупный тяжело передвигал ноги. Бок был весь в крови. Дойдя до подъема, слон поднял ногу и яростно затряс головой; хобот беспомощно болтался из стороны в сторону. Самец, его недавний противник, вернулся и дотронулся до него хоботом. Третий присоединился к ним. Упершись головой в бок раненого товарища, он подталкивал его до тех пор, пока тот не ухватился хоботом за дерево и не взобрался на кручу. И они удалились; раненый — посередке.

Энтон, Кариоки и фон Деккен склонились над Бандой.

Ниже пояса тело африканца превратилось в кровавое месиво из мяса, клочков одежды и раздробленных костей. Единственной рукой со сжатым кулаком он прикрывал глаза. Губы беззвучно шевелились. Энтон затошнило от острого чувства бессилия. Фон Деккен подложил руку под голову умирающего и лег рядом, пытаясь разобрать его шепот.

— Зато мы преподали этим глупым мальчишкам урок — не становиться на пути у гиппопотама, — еле выговорил Банда. — Буду ждать вас, бвана, у нашего следующего костра.

Юноши отвернулись. Фон Деккен обнял мертвого слугу. Рубашка и шорты пропитались кровью.

Наконец фон Деккен поднялся. Энтон хотел помочь, но старик сам поднял покойника и отнес к фиговым деревьям. У него покраснели глаза. По щекам бежали слезы.

— Помоги мне выкопать могилу в тени, Кариоки, — попросил фон Деккен. — Только поглубже, чтобы не почуяла гиена. А англичанину с Эрнстом предстоит довести охоту до конца. Отправь четверых парней на подмогу.

Энтон и Эрнст переходили с одной отмели на другую, высматривая в наиболее глубоких местах гиппопотама. На другом берегу Энтон замешкался, охваченный ужасом. Но они все-таки взобрались на кручу и пошли по широкому следу из сломанных сучьев и смятых кустов. В одном месте Эрнст остановился и окунул пальцы в слоновью кровь.

— Видишь пузыри? Ты попал в легкое. Будь осторожен: они узнают о нашем приближении.

Примерно с час охотники шли быстрым шагом, храня молчание. Крови стало больше.

Она забрызгала ветви и собиралась в грязные, похожие на алую кашу, пузырящиеся лужицы. Выйдя из буша, мужчины ярдах в шестидесяти впереди себя увидели слонов.

Животные шли, тесно прижавшись боками; здоровые самцы поддерживали раненого. Он первым почувал людей и остановился. Самый маленький слон сделал шаг навстречу и покачнулся, словно от нерешительности. Он высоко задрал хобот и поднял уши. Оставшись без поддержки, раненый самец рухнул на колени. Энтон выстрелил и попал ему в лоб. Слон беззвучно завалился на бок. Его младший товарищ бросился вперед, с поразительной скоростью продираясь сквозь колючие кусты, широко расставив ноги и пронзительно трубя. Эрнст пальнул в землю у его ног. Однако это не остановило разъяренное животное — оно продолжало нестись вперед. Эрнст выстрелил из второго ствола. Пуля угодила слону меж глаз. Он свалился в пяти ярдах от охотника. Третий слон издал одинокий трубный звук, развернулся и убежал в кусты.

Через несколько минут подоспели слуги. Эрнст сел на землю и закурил сигарету, а африканцы принялись отрубать слоновьи хвосты и бивни. Шкуродеры вспороли брюхо старшего слона и вырезали сердце и печень. Несмотря на гибель Банды, люди работали с воодушевлением, шутили и пересмеивались.

На ночь они устроились под фиговыми деревьями. Повар с фермы «Гепард» подал Эрнсту тарелку со слоновьим мясом и клецками. Кариоки решил приготовить мясное блюдо для себя и Энтон по особому рецепту. Остальные африканцы пировали у второго костра.

Кариоки соорудил из собранных на берегу камней подобие круглой плиты. Уложил на раскаленные камни длинные ломтики сердца и печени слона, накрыл дикой травой и присыпал пеплом. Энтон порезал лук с фермы; Кариоки бросил его на сковороду с краю плиты, где уже шипел картофель. Они досыта наелись.

Только старому немцу кусок не лез в глотку. Он беспрестанно ходил к реке и обратно, отказываясь от помощи Энтон и собирая камни для надгробия.

Поздно ночью, завернувшись в одеяло, Энтон размышлял о Банде и слоне, впервые не испытывая никакого удовольствия от удачной охоты.

В мозгу то и дело вспыхивали воспоминания. Как раненый слон опирался на своих товарищей. Их безграничное терпение — несмотря на преследование. Не многие люди в такой ситуации проявили бы столько мужества и самоотверженности. В памяти всплыл эпизод из прошлого, когда он не сумел защитить Ленареса от жестокой расправы. Перед тем как забыться сном, Энтон успел подумать: охотник и объект охоты — одно и то же. Как леопард. Как егеря в Большом Виндзорском парке. Пока ты ведешь охоту, за тобой тоже охотятся.

Утром он застал фон Деккена сидящим на могиле Банды. Энтон принес ему кофе в жестяной кружке. Старик вымученно улыбнулся. На лице явственно проступили прожитые годы.

— Ну вот и все, мой мальчик. Пора возвращаться на ферму. Если не хочешь тащить тяжелые бивни, я приму твой подарок.

— Конечно, мистер фон Деккен. Я в любом случае собирался предложить их вам.

— Прими и ты два подарка. Вот первый. — Фон Деккен протянул Энтону свой «меркель» и коробку с патронами. — Пусть они принесут тебе удачу и почаще напоминают о старом охотнике.

К горлу Энтон подступил комок. Он молча взял оружие, понимая, что старый немец больше не будет охотиться. И что сам он никогда не выстрелит в слона.

Перед завтраком все искупались в реке.

Ниже по течению качалась на волнах туша гиппопотама, время от времени наталкиваясь на камни. Пока повар готовил завтрак, африканцы вырезали два крупных нижних зуба. Энтон и Кариоки готовились к путешествию на север. Каждый взял с собой одеяло и немецкий вещевой мешок — полинявший и с многочисленными латками. В мешки положили кофе, табак, засоленное слоновье мясо, маис и сахар. Эрнст взял у отца и вручил англичанину небольшой сверток.

Энтон ел не торопясь: ему хотелось продлить последнюю трапезу с друзьями. А закончив, достал свой немецкий нож и поточил о ботинок. На одном из клыков гиппопотама он вырезал свои инициалы и эмблему британского флага. Потом они с Кариоки забросили за спину вещмешки и попрощались с остальными. Эрнст крепко пожал юноше руку.

— Удачи тебе, англичанин. Не давай клинку затупиться.

Энтон взял свою новую винтовку и подошел к фон Деккену.

— Спасибо вам за все, сэр. Прошу принять памятный сувенир. — И он вручил старому немцу клык гиппопотама.

— Жалко, я не могу тебя проводить. — Фон Деккен крепко, с невесть откуда взявшейся силой обнял Энтон за плечи. — Пусть кикуйю прикрывает тебя со спины. Держите курс на северо-запад. Сейчас мы как раз на границе. Ты найдешь дорогу.

До ушей карлика донеслось ржание лошади. Он выглянул наружу и увидел своего хозяина, неловко вылезавшего из седла.

— Добрый вечер, милорд.

Оливио хлопнул в ладоши, подзывая конюха.

— И тебе добрый вечер, Оливио Алаведо.

Пенфолд повесил поводья на перила. Оливио подал хозяину бамбуковую трость.

— Наконец-то я дома. Оставался ли ты преданным мне, как Евмей Одиссею?

— Я веду ваше хозяйство как свое, ваша светлость, — с поклоном ответил карлик, гадая про себя: это еще кто такой — Евмей?

— Как мое войско?

— Каждый отважный воин на своем месте, милорд. Вчера вечером я собственноручно стер с них пыль.

— Португальцы еще здесь?

— Да. Сеньора Фонсека внизу. Ее брат пьет кофе в своей комнате, номер четыре, с двумя компаньонами. Говорят о делах. Комната увешана картами. Сеньор Фонсека заставил своих друзей ждать. Этот джентльмен не из тех, кто встает рано, милорд.

— Не сомневаюсь. Даже фон Леттову не удавалось в рассветный час вытащить этого дьявола из постели. Помогите мне снять сапог, ладно, Оливио? Потом принесешь горячих «самоса» и холодного пива. Эта сволочная нога не действует, пока не выпьешь.

Пенфолд заметил в дальнем конце веранды Анунциату. Она грациозно устроилась в некрашенном плетеном кресле с широкими подлокотниками. На ней было льняное платье в складку цвета слоновой кости. Левая нога с коленом в гипсе покоилась на обитом жестью ящике из-под чая. Пенфолд доковылял до нее и поцеловал в смуглую щеку.

— Что с ногой?

— Упала, катаясь верхом с твоей благоверной. Для женщины ее возраста она слишком увлекается быстрой ездой.

— Верно, — пробормотал Пенфолд. Его терзало подозрение: неужели Сисси проделала это нарочно? — Мне очень жаль.

— Совсем как в старые добрые времена, мой милый лорд. — Анунциата дотронулась до его трости своей. Ее глаза потеплели.

— Надеюсь, твоя палка скоро не понадобится.

Адам Пенфолд с покорностью школяра взирал на прекрасную португалку. Явился Оливио в сопровождении слуги в длинной белой тужурке. Тот принес настольный комплект оловянных солдатиков и несколько пузырьков с разноцветной эмалевой краской. Лорд Пенфолд встряхнул один пузырек. Ему не терпелось продемонстрировать свое искусство.

— Кто эти неотразимые атлеты с длинными копьями? — полюбопытствовала Анунциата.

— Македонцы. С одной такой фалангой плюс несколько десятков тракийских метателей копья наш друг фон Леттов запросто завоевал бы всю Африку. — Пенфолд окунул кисточку и умелыми движениями нанес на фигурку несколько слоев серебряной краски. — Что задержало вас с Васко в нашем захолустье?

— У Васко какие-то планы насчет северных участков. Сроду не видела, чтобы он

столько работал. Говорит, это сделает нас миллионерами.

Оливио осторожно подсматривал за ними сквозь планки жалюзи и, прислонившись к стойке, вертел в пальцах кожаный стаканчик от костей для игры в триктрак. От него не ускользнуло мерное колыхание груди красавицы. Он вспомнил Кину и стиснул кулачок.

Он слишком долго ждал. Три года назад цветущая, пышущая здоровьем восьмилетняя Кина впервые привлекла его внимание. Она была ростом с него и ходила практически обнаженной; от нее веяло свежестью, а кожа у нее была гладкая, как ни у одной африканской девушки. Годами он наблюдал за тем, как она ходит по деревне, и время от времени угощал мятными шоколадками ее светлости, пользуясь случаем отечески положить руку на плечо или бок девочки. Кина обладала великолепной осанкой и аппетитным, но высоким и тугим задиком; пару раз Оливио удалось до него дотронуться. В девять лет у нее сформировались грудки — пышные, однако гордо торчащие вперед и широко расставленные, так что он видел их даже со спины.

Кто еще проявил бы столько терпения?

Нужно спешить, пока эти дикари не сделали Кине обрезание и не свели на нет его мечту: подарив девушке наслаждение, сделать ее своей рабыней. Время на исходе: ведь к двенадцати-тринадцати годам ее сверстницы обычно уже замужем. При первых же признаках половой зрелости девушкам племени делали обрезание, чтобы маленькие шлюшки были верными женами. Без клитора — какое уж тут удовольствие?

Большинство мужчин, к которым женщины так и липнут, занимались сексом для собственного удовлетворения. Оливио, чтобы удержать женщину, не мог позволить себе руководствоваться своими эгоистичными интересами. За тридцать лет, прошедших с тех пор, как он впервые познал женщину, карлик научился ублажать каждый уголок, каждую клеточку женского тела. В этом он уподоблялся бедному крестьянину, который старается извлечь максимальную пользу из каждого квадратного дюйма земли. Или мяснику, который, разделав тушу, тщательно сортирует куски мяса, чтобы использовать каждый по назначению.

Некоторые неглупые мужчины искали путь к телу женщины, апеллируя к ее душе, а Оливио, наоборот, находил путь к душе через тело. Вместо того, чтобы, добившись своего, оставить женщину терзаться множеством мелких обид, часто сопутствующих соитию, карлик дарил им чувство изумления: сколько же нового они узнали о себе с его помощью! Он называл это «открыть в себе другую женщину».

От всех этих размышлений дыхание Оливио участилось. Следуя за взглядом, мысли перенеслись на другой объект. Он представил себе португалку обнаженной.

На любой другой европейской женщине кремовое льняное платье выглядело бы старомодно, даже безвкусно. Но в данном случае его холодноватая строгость только подчеркивала жар скрытого под ним тела — как снег на склонах дымящегося вулкана. Несомненно, Анунциата была фронтовой подругой хозяина. Что здесь такого? Только корысть или любовь к извращениям способны заманить мужчину в постель леди Пенфолд. Неудовлетворенный лорд разделял лишние всякой утонченности вкусы английского плебея. По наблюдениям Оливио, англичане занимались любовью только в подпитии. Зато в Анунциате он распознал родственную натуру.

Ее тело говорило на понятном ему языке. Эта сочная, медово-смуглая женщина принадлежала к той же расе, что его дедушка. На какие-то несколько минут карлик забыл о Кине. Вдруг португалка — его кузина? Что ж, тем лучше.

Даже вернувшись в отель после несчастного случая — с грязным, мертвенно-бледным

лицом, по которому струился пот, — сеньорита Фонсека была воплощением соблазна. Когда слуги внесли ее в номер, Оливио размечтался. Прикованную к кровати красавицу будет нетрудно приручить. Сначала он коснется ее руки, ставя на кровать поднос с едой. Потом ее тело одеревенеет от долгого лежания в постели — предложение легкого массажа окажется весьма кстати. Анунциата согласится, считая его абсолютно безобидным.

Сейчас португалка не видит в Оливио мужчину. Но как только по ее гладкой коже запорхают его чуткие пальцы, она поймет, что они — из одного теста. Ей передастся его страстное желание. Она будет корчиться в сладких судорогах; он измучает ее сначала смягченными кремом пальцами, потом языком и, наконец, — рукой.

И что же? Анунциата сразу встала на ноги — заковыляла по «Белому носорогу», время от времени отдыхая на веранде или оживляя бар сиянием карих глаз.

Между тем Оливио приходилось присматривать за этой скотиной, ее братом, пока тот пил и резался в карты. Почему он так часто выигрывает? Ему все время шла хорошая карта. У Фонсеки была отработанная система: выигрывать наличные и проигрывать в кредит. А когда дело доходило до уплаты долга или чаевых, он становился мелочнее любого шотландца. Цеплялся за самую мелкую монету. Зато расписки сыпались в его карман, точно рис в мешок. Никогда, с тех пор как он покинул Гоа, Оливио не сталкивался с таким наглым высокомерием. Заказывая выпивку, этот тип смотрел сквозь тебя, словно ты не человек.

Пора подавать обед, напомнил себе бармен. Пенфолды, разумеется, будут обедать с гостями. Оливио прошел на кухню, в смешанное царство Африки, Индии и Англии.

На простых, неотшлифованных деревянных полках громоздились корзины батата и зимних дынь, связки бананов, груды мохнатых кокосовых орехов, банки с измельченным карри. Оливио заглянул в приоткрытую дверь кладовой. Там поваренок крепил к двери отодранную от ящика с чаем свинцовую пластинку — она должна была оградить кладовую от набегов крыс и разных вредных насекомых. До потолка высились поставленные одна на другую банки бламанже и концентрата заварного крема. Оливио с отвращением уставился на любимые маринованные овощи хозяина — «Пан Ян», сухой бульон «Боврил», уостерширский соус и копченую селедку.

На отдельном столе красовались продукты из огорода его светлости. Элитные англосаксонские сорта в Африке принесли невиданный урожай. Превышающая все мыслимые размеры морковь, невероятно крупная фасоль и настоящее дерево брюссельской капусты ждали своей очереди быть сваренными на английский манер — кипеть в кастрюле до тех пор, пока совершенно не разварятся.

Почувствовав за спиной присутствие карлика, повар-кикуйю напрягся и отступил в сторону, давая Оливио подойти к плите. Толстые самодельные кирпичи обрамляли прямоугольную выемку, заполненную раскаленными углями. Крышка была сделана из металлической дверцы старого «форда». Благодаря хромированной ручке, верх сдвигался. Оливио поднял крышку кастрюли и с наслаждением вдохнул ароматные пары. У него потекли слюнки. Ноздри расширились и затрепетали. Он взял обеденную тарелку и помешал варево пальцами, чтобы затем обсосать и снова запустить в кастрюлю, выбирая и складывая на тарелку кусочки мяса газели.

— Оставишь это для меня.

— Оливио! — послышался оклик лорда Пенфолда. — У нас гости!

Карлик вышел из кухни. Повар выругался и смачно сплюнул в тарелку с карри.

На веранде бармена ожидало неприятное зрелище. Новые английские поселенцы —

голытьба, с которой одна возня и никаких чаевых.

Он увидел допотопный перегруженный фургон, сопровождаемый двумя черномазыми. Один — вероятно, кикуюю — в поношенном английском армейском свитере. В повозке, словно приклеившись к скамейке, сидел тощий англичанин — и молодой, и старый в одно и то же время. Лорд Пенфолд, прихрамывая, подошел поздороваться с более приятной особой. Это была разгоряченная и грязная с дороги молодая женщина — слишком худая, но с соблазнительными щиколотками. На вид ей не было тридцати. В ответ на приветствие она улыбнулась поразительными изумрудно-зелеными глазами.

— Ланселот! — вскричал вдруг лорд Пенфолд с энтузиазмом, который словно нарочно приберегал для собак. Карлик с ужасом увидел на коленях Алана спящую гончую. Последнюю из тех жутких тварей. К счастью, две другие не вернулись из буша. Пропали без вести, как выразился его светлость.

Не обращая больше ни на кого внимания, лорд Пенфолд гладил любимого пса. Тот приподнял морду и лизнул руку хозяина.

— Отобедайте с нами, — предложил Пенфолд, беря собаку на руки. — Оливио, будь другом, дай этим ребятам перекусить. И пусть кто-нибудь позаботится о мулах.

И заковылял на веранду.

На крыльце, стоя спиной к Анунциате и Адаму, Сисси доставала из только что полученной из Англии бандероли новые граммофонные пластинки. Объемистая бандероль заняла большую часть стола; македонцев Сисси бесцеремонно сдвинула на край.

— Ты что, собираешься перепачкать этой дурацкой краской весь отель? — пошла она в атаку, заслышав шаги мужа. И нетерпеливо рванула оберточную бумагу, сломав себе ноготь. Показались пластинки: оркестровые танцевальные пьесы Джека Хилтона. «Красавица как мелодия»... Эту музыку они с Адамом слушали в «Савое»...

— Как насчет того, чтобы поздороваться с Ланселотом? — проговорил Пенфолд. — Наши друзья подобрали его на обочине. Ему здорово досталось.

Сисси крутнулась на каблуках. Три бравых греческих воина запутались в шпагате, которым была перевязана бандероль, и от резкого движения женщины свалились на пол. У одного отвалился изогнутый щит, у другого — голова.

— Хвала небесам! — воскликнула Сисси и погладила бок собаки. Та вздрогнула. — Бедняжка! Но чего можно ожидать в этой ужасной стране?

Под раздраженным взглядом Сисси и восхищенным — Адама Пенфолда Анунциата сильно подалась вперед и подняла обезглавленного македонца.

Ноги налились свинцом. Пять суток Кариоки упорно шагал вперед — по двенадцать, а то и больше, часов без передышки, ожидая, когда белый юноша запросит пощады. Подростком Кариоки не раз побеждал в марафоне с молодыми мужчинами-кикуйю.

— Может, сделаем привал, Тлага, глотнем воды? — спросил он.

— Попозже, Кариоки, — если только ты не устал. Дойдем вон до той гряды.

Они шли почти прямо на запад, зная, что где-то здесь должна быть обширная долина. Местность была труднопроходимой: каменистой и сплошь в колдобинах. Однако временами попадались и ровные, поросшие зеленью участки. Колючий кустарник придавал ей единообразию. В этом засушливом краю он был низкорослым, серым и жестким — любимый корм носорогов и геренуков, или жирафовых газелей. Эти грациозные, с длинной шеей, животные обходились без воды — стоя на стройных ногах, ощипывали деревья. Они были слишком изящны, чтобы палить по ним из винтовки. Когда путники вошли в менее засушливый район, терновые кусты стали походить на деревья. Враждебный — ко всем, кроме слонов и жирафов — ландшафт сменился почти дружелюбным.

Подобно кактусам, терновник был поразительно живуч. Каждая колючка, казавшаяся Энтону совершенным творением природы, была снабжена либо крохотными крючками, либо трехдюймовыми шипами, которые не подпускали одних голодных зверей и запросто позволяли ощипывать свои листочки другим. Постепенно Энтон утратил чувствительность и шел как сквозь струи английского дождя. Ноги и плечи покрылись царапинами. Сначала они шли молча, потом разговорились — на смеси английского, кикуйю и суахили. Вот когда Кариоки пригодились полученные на войне уроки! Чуткое ухо Энтона улавливало в его речи напевы Африки.

Когда им попадались человеческие следы, Кариоки припадал к земле и тщательно их осматривал. Потом презрительно, словно плевок, ронял: «Масаи!» — и уводил Энтон в сторону. Дважды они наткнулись на поляны, вытопанные полчищами парнокопытных, а один раз — на заброшенную деревню за оградой из терновника, устеленную сухими лепешками крупного рогатого скота. Их никто не встретил — одни лишь полчища мух, как утомленные стражи, лениво поднялись вверх, заполняя округу монотонным жужжанием. Энтон заглянул в одну хижину и не обнаружил признаков жизни — только блохи да спертый воздух. Он почувствовал себя взломщиком.

— Нет хуже запаха, чем запах белого человека, — сказал как-то Кариоки, натирая спину Энтон куском влажного слоновьего помета. — Особенно для такого умного животного, как слон.

— Кто научил тебя понимать слонов, Кариоки?

— В детстве я слушал рассказы старых охотников о тех временах, когда здесь еще не знали огнестрельного оружия. Они были вынуждены убивать слонов: ведь те поедали их просо и обгладывали банановые листья. Натираясь пометом и мускусом, люди моего племени сами превращались в слонов и, как леопарды, прятались на деревьях и сверху бросали в слонов отравленные копья. Однажды разъяренный самец сорвал с дерева моего дедушку. Раненый, с торчащим из шеи копьем, слон обхватил его хоботом, швырнул на землю и, придавив к земле, оторвал хоботом обе ноги.

— Ужас! Но разве ты не отомстил бы тому, кто вонзил бы в тебя отравленное копьё?

— Настоящий мужчина убьет всякого, кто нападет на него с оружием в руках.

Энтон сел на землю, чтобы натянуть ботинки. Кариоки ущипнул себя за нос и поморщился. Голые по пояс, но при оружии, они продирались через буш, пока не вышли к водоему — большой луже с мутной водой, среди темных, сплошь в трещинах, скал. Там они залегли под прикрытием трех громадных валунов.

— Здесь водятся змеи? — прошептал Энтон, лежа на животе в тесном укрытии. Липкая, вся в волокнах, слоновья лепешка царапала живот. Мог ли он предположить, что его самочувствие будет зависеть от того, насколько тщательно слоны пережевывают пищу?

— Вряд ли. В этих местах мы опасаемся скорпиона.

У цыган скорпион — знак опасности, вспомнил Энтон.

Разделив поровну последний ломтик слоновьего мяса, они молча жевали. Через четыре дня — 14 февраля, день рождения Энтон. Хорошо, что он утерпел — не развернул раньше времени второй подарок фон Деккена. Этот сверток, да если повезет, роскошная трапеза в обществе Кариоки — чего еще можно желать?

В памяти всплыл другой — четырнадцатый — день рождения. Тогда ему остро недоставало друга. Ленарес погиб, мать скрылась, Энтон остался один в кибитке. Прислушиваясь к шуму дождя, он радовался горячим углям в маленькой железной печке и уютному, тесно заставленному вещами фургону — точь-в-точь каюта на диковинном корабле. Стены украшали шарфы с роскошной бахромой и медные черепки. Со сводчатого потолка свисали приспособленные сатиновые занавески. На стене над лавкой красовался бубен. На одной его стороне был изображен рыцарь Печального Образа, а на другой — сердце, пронзенное стрелой.

Он разогрел на сковороде картошку с кровяной колбасой и наслаждался, слушая, как шипит и постреливает свиной жир. Потом вслух поздравил себя с днем рождения и стал есть — прямо со сковородки. Потом он лежал на своей койке, в тепле и сытости, тихонько напевая себе под нос и читая при свете лампы «Трудные времена».

Его уже почти сморил сон, когда ему показалось, будто кто-то толкает кибитку снаружи. Через несколько секунд она уже ходила ходуном из стороны в сторону. Энтон вскочил и прижался лицом к запотевшему стеклу. Впрягшись в повозку вместо лошадей, группа подростков-цыган раскачивала его жилище. По смуглым смеющимся физиономиям бежали дождевые струи. Увидев его в окне, парни начали скандировать: «Га-у-чо! Га-у-чо!»

Разъяренный, Энтон натянул штаны. На крюке бешено качалась масляная лампа. Книжки и сковородки падали и скользили по полу. Два колеса оторвались от земли. Каких-то несколько секунд кибитка сохраняла равновесие на двух других колесах, а затем опрокинулась. Лампа разбилась о стену, забрызгав кипящим маслом резные деревянные филенки.

Энтон рванул дверь. Ступенек не было. Он завопил: «Пожар!» — и, как был, босиком прыгнул на землю. Тотчас из остальных кибиток высыпали цыгане, неся кувшины с водой. Энтон яростно набросился на своих обидчиков. От всех этих воспоминаний он ощутил холодок под ложечкой.

— Скоро явятся, — прошептал Кариоки, возвращая товарища в сегодняшней день. Тот кивнул. Они продолжали лежать в засаде.

В голове молнией сверкнула мысль: что подумала бы Гвенн Луэллин, увидев его полуобнаженное тело, распростертое на песке среди камней и разрисованное слоновьим пометом? Есть от чего прийти в волнение!

На этот раз Энтон услышал слонов прежде, чем увидел. Приложив к земле ухо, уловил их топот по каменистой дороге. И вдруг почувствовал над собой чье-то дыхание. Огромная, вся в складках, серая нога мелькнула в нескольких дюймах от щели, служившей им наблюдательным окошком. Когда громадная подошва с четырьмя отростками тяжело опустилась на землю, на Энтона пахнуло мускусом.

Слонов было двое. Войдя в мутную воду, они начали забавляться: набирать ее в хоботы и пускать пузыри. Ни один из них не пил. Потом самец приблизился к берегу и, скребя правой передней ногой, сделал в плотно утрамбованном песке что-то вроде рва, который тотчас наполнился просочившейся сквозь песок и поэтому чистой водой. Стоя бок о бок, слоны стали пить, словно парочка в баре, наполняя хоботы водой и выливая друг другу в клювообразные рты.

Самка снова отошла к озерцу и приветливо помахала хоботом. Самец похлопал себя по бокам и наострил уши. Заостренный кончик его хобота скользнул самке в рот. Некоторое время оба стояли как вкопанные. Затем самец вынул хобот и небольно шлепнул им самку внизу живота. Загнутый кверху кончик скользнул к влажному отверстию ее вульвы. Оттуда брызнул густой темный секрет. Самец был примерно на ярд выше самки, достигая двенадцати футов в холке. Он наяр хобот и прижал к мерно колышавшемуся заду своей подруги.

Энтон увидел изогнутый половой орган в четыре фута длиной — на удивление розовый и незащитный. Самец рассчитанным движением взгромоздился на слониху. Он обхватил передними ногами ее бока, основная тяжесть его тела припала на менее массивные задние ноги. Его половой орган скользнул в манящее отверстие.

Под тяжестью в несколько тонн, обрушившейся на ее тыльную часть, слониха вскрикнула, как ребенок. Потом наступила тишина. Животные слились в единое целое. Затем самка рванулась вперед, а самец опустился на передние ноги. Она погладила орган хоботом. Обмякший, роняющий последние капли семени член вернулся в свое укрытие. Слон поднял хобот и погладил лобную кость подруги. Они снова напились и исчезли из поля зрения.

Где, черт побери, Энтон? Куда он запропастился, дрянной белый мальчишка, как раз когда Кариоки отчаянно нуждался в нем?

Кариоки уже мчался во весь дух в предгорьях Лойты, но выносливые масаи все равно наступали ему на пятки. Не поворачивая головы, Кариоки прекрасно представлял себе, как они выглядят.

Предводитель бежал впереди, за ним — группа из четырех дикарей, все тощие и нагие, если не считать страусиных перьев. Их тела с удлиненными мышцами были сплошь в красных пятнах от охры и блестели от пота и прогорклого масла, которым они натирались. Мочки ушей походили на длинные петли: их оттягивали бусины вместо серег и флаконы с нюхательным табаком. Привыкшие пасти скот, воевать и охотиться на львов, во всех

остальных случаях масаи проявляли себя ленивыми и агрессивными дикарями. Мораны — молодые и наиболее воинственные члены племени — бегали, слегка откинув головы назад, без напряжения; сзади развевались сальные волосы, заплетенные в тугие косички. Глаза были вечно выпучены и абсолютно пусты.

В правой руке, не поднимая высоко от земли, каждый моран держал копье. Слишком тяжелые, чтобы бросать на дальние расстояния, эти копья были специально рассчитаны на львов. Один железный конец делали тяжелым, квадратным в поперечнике и тупым. Его втыкали в землю, пока охотник, встав на колени, готовился вонзить его в сердце рычащего хищника. Деревянную рукоятку в центре тщательно полировали. И, наконец, лезвие — в два фута длиной, тонкое, однако способное пробить толстую шкуру зверя. Кариоки знал: если в него попадет такое копье, его грудь или живот словно взорвется изнутри. Потому что, прежде чем метнуть копье, моран специфическими движениями ладони придавал ему вибрацию — пока оно не начинало гудеть. Последним, что предстоит Кариоки услышать в случае попадания, станет песня летящего копья.

Они бежали уже очень долго. Кариоки рассчитывал описать дугу и привести моранов туда, где их встретит Энтон с винтовкой. Парень должен был вернуться в лагерь к тому времени, когда солнце окажется в зените, и этот миг почти настал. Но можно ли положиться на Тлагу? Сумеет ли Зоркий Глаз безошибочно выбрать момент, чтобы выстрелить в человека?

Кариоки вспомнилось то утро, когда немцы пошли на штурм Намакурры. Южноафриканские войска были вынуждены отступить в одну сторону, а португальские — в другую (и как сквозь землю провалились). Немецкие аскар и «руга-руга» (дикари хуже масаи) просачивались в ряды беженцев и устраивали резню. Продержались только Королевские африканские стрелки да фузилеры ^[8] — и то недолго. Устоит ли Тлага, не дрогнет ли при виде человеческой крови?

Кариоки взглянул на солнце, а потом назад — проверить, где сейчас преследователи. Один моран был уже довольно близко.

Мчась дальше, Кариоки спешно перебрал в памяти все, что его дедушка рассказывал о масаи. Из поколения в поколение они совершали набеги на кикуйю — убивали мужчин и угоняли скот и женщин. Но теперь европейцы удерживали масаи на обширной — даже слишком большой и плодородной — территории, часть которой когда-то принадлежала кикуйю. Сейчас он находился в южной части этой территории, где жили самые свирепые масаи.

Кариоки был сильнее любого масаи и гордился своим проворством. Но южные масаи умели загонять людей, как стая диких собак — антилопу. Вожак прямо на бегу вырывал клоч из брюха жертвы, и оттуда начинали вываливаться кишки; ослабленное животное легко становилось добычей всей своры. Спринтер-масаи уже измотал Кариоки и теперь отстал, давая другим завершить погоню. Они убьют его, как убивают льва: пока он будет драться с одним, остальные образуют круг, потрясая копьями, ошалевшие от охотничьего азарта, сообща довершая то, что ни один из них не мог бы выполнить в одиночку.

Не прекращая бега, Кариоки обдумал такой вариант: остановиться и принять бой, драться до последней капли крови. Но их было слишком много. Может, если он затянет гонку, большинство выдохнется и останется всего два-три масаи?

Через плечо у Кариоки висел на кожаном ремне отцовский «сими» — длинный обоюдоострый клинок. Копье, которое он выменял вдалеке от дома после окончания войны,

не слишком подходит для здешних мест. К тому же оно мешает бежать.

Он поскользнулся, не заметив узенького ручья, и стрельнул взглядом назад. Началось! Предводитель масаи сделал резкий рывок, оставляя других далеко позади. У Кариоки закололо в легких. Он сделал над собой усилие и начал бегом карабкаться на холм в надежде увидеть впереди их лагерь и, свистнув в латунный патрон, предупредить Энтон. Но спринтер-масаи дышал ему в затылок. Добежав до вершины, Кариоки резко остановился и обернулся; грудь его вздымалась. Он метнул копье — масаи удалось увернуться, но он споткнулся, и это дало Кариоки возможность увеличить разрыв.

Кикуйю выбился из сил. Его душила злость: в лагере никого не оказалось. В точности как на войне. Разве можно положиться на белого?

Пробегая мимо лагеря, Кариоки зацепился правой ногой о кривой корень дерева. Пока он пытался встать, сверху на него обрушились сразу три дикаря. Он яростно защищался и не понимал, почему он еще жив. Один выхватил его «сими» и начал выводить у него на животе специфический узор из длинных линий и точек. Так масаи клеймили плененных женщин. Итак, ему уготована не смерть, а лютый позор, страшное надругательство. Он попытался вырваться; вожак масаи ударил его по шее тупым концом своего копья. Кариоки затих. Остальные продолжили свое гнусное занятие. Эх, если бы с ним шел не Тлаги, а собрат-кикуйю, такого не случилось бы. Один масаи поднес нож к его лбу. Кариоки обжег вожака полным ненависти взглядом. Тот спокойно стоял одной ногой на земле, а другой придавил колено своего противника. Рукой он опирался на копье.

Внезапно раздался взрыв, и копье выпало из рук вожака. В мгновение ока среди масаи почему-то оказался Энтон. Он оглушил одного дикаря прикладом винтовки, схватил за горло другого и вырвал у него «сими». Тем временем Кариоки прыгнул на вожака масаи и, распластав на земле, сделал у него на лбу две глубоких разреза. Остальные бросились бежать.

— Стреляй, Тлага! — завопил Кариоки. — Убей их всех!

— Нет, мой друг. И этого мы тоже отпустим. Нас ждет долгий путь и целые орды дикарей. Ты в порядке?

Энтон протянул руку, чтобы помочь последнему масаи подняться. Тот предпочел уползти на четвереньках. Над бровями сочилась кровь. Не выпуская из рук свой «меркель», Энтон вернул дикарю копье. Вскинул винтовку. И на глазах у врага выстрелом расщепил пополам ветку дальнего куста. Масаи словно ветром сдуло.

— Ты должен научиться вовремя убивать, — раздраженно произнес Кариоки. — Убить масаи — долг настоящего мужчины.

Ладно, добавил он про себя, парень все-таки не уклонился от схватки.

Кариоки стал яростно натирать раны на животе пеплом от костра, стараясь затушевать позорный знак. Какая девушка захочет клейменного мужчину?

Энтон поднял свои пожитки и пошел дальше на запад.

Много часов спустя, когда зашло солнце, они приблизились к гряде облаков, спускающихся с гор. Энтон указал винтовкой на группу из нескольких деревьев среди огромных валунов. Внезапно один валун пошевелился.

— Антилопа-канна! — прошептал Кариоки. И поразился той ловкости, с которой Энтон пополз по-пластунски в направлении движущегося силуэта. Где он мог этому научиться?

Это и впрямь оказалась гигантская антилопа с остроконечными рогами длиной приблизительно в семь футов. Она паслась себе, преспокойно ощипывая деревья. Ветер дул

от двоих мужчин в ее сторону. Канна подняла голову, принялась и отступила в сторону. Энтон вскочил на одно колено и выстрелил с плеча. Антилопа дернулась и рухнула на землю. Она даже не стонала, а охала, как старик, и дрыгала длинными ногами в воздухе. Кариоки подбежал и перерезал ей горло.

— На этот раз, Кариоки, нам придется тащить костер к животному.

Энтону очень хотелось, чтобы Кариоки его похвалил, и он страшно обрадовался, когда тот одобрительно кивнул. Неважно, что он так и не поблагодарил товарища за спасение от масаи. Главное — на этот раз Энтон вмешался в ход событий, пусть даже с небольшим опозданием. Не так, как в давнем случае с Ленаресом.

Вскоре среди камней на продолговатом уступе запылал огонь. С одной стороны пушистые облака образовали что-то вроде стены из ваты. Энтон приблизился к антилопе с ножом. Его особенно поразили мощная холка, мохнатый подгрудок и великолепные бока с белыми полосками. Только голова казалась непропорционально малой для столь могучего зверя. В открытых карих, почти живых глазах застыло умоляющее выражение. Несмотря на голод, Энтон никак не решался пустить в ход клинок.

Отерев нож пучком сырой травы, чтобы не осталось следов от крови масаи, Кариоки распорол антилопе брюхо. Потом вырезал грудинку.

— Запомни, Тлага, мясо антилопы-канна — лучшее из лучших. Даже поганые, пьющие кровь масаи иногда лакомятся им. Они называют канну «Божьей скотиной» — это единственное, в чем они не ошибаются.

Они отнесли потроха подальше от лагеря — чтобы не привлечь льва или гиену. Для цыган такой проблемы не существовало: дворняжки быстро уминали отходы. Вдвоем разделали тушу. Орудя ножом, Энтон постоянно чувствовал на себе испытующий взгляд кикуюю. Обернув брезентом, они подвесили куски мяса антилопы к дереву.

Кариоки не ожидал от молодого европейца столь бережного обращения с припасами. Он неплохо владеет ножом и когда-нибудь освоится в буше. Уже сейчас он делает поразительные успехи. Но настоящим мужчиной становишься только после первого убийства, мысленно заключил Кариоки.

Энтон бросил на дно оловянных кружек последние кусочки сахара. Сев на корточки, поставил воду для кофе. И пока она закипала, пристально смотрел на языки пламени, метавшиеся на ветру из стороны в сторону. Потом он бросил в кипяток драгоценные кофейные зерна. Помешал прутиком. Какое-то время зерна гонялись друг за дружкой в водовороте. Густой аромат кофе смешался с запахом жареного мяса. Энтон вспомнил другие запахи — костров, оленины, кролика и крепкого английского сидра. Он разлил кофе в две оловянные кружки.

— Кариоки, сегодня — мой день рождения. Девятнадцать лет назад я появился на свет.

— Ну, Тлага! Сегодня тебе положено наесться за следующие девятнадцать! Боюсь, для этого придется убить еще одну антилопу!

Кариоки с улыбкой положил Энтону руку на плечо.

С роскошного мяса антилопы, жарившегося на костре на палочках, в огонь с шипеньем капали жирные брызги. Энтон представил себе всех, кого больше никогда не увидит. Цыган с цыганками, Стоуна, судового врача, Гвенн и Эрнста. Неужели ему суждено всю жизнь расставаться с друзьями?

Он полез в свой мешок и достал аккуратно завязанный сверток — немецкая работа! Под оберточной бумагой оказался слой вошеной, а под ней — четыре изумительно красивые

луковицы сизаля — жемчужины Германской Восточной Африки, запрещенные к экспорту. На этих луковицах можно было нажать состояние. К подарку был приложен большой коричневый конверт. Энтон достал письмо и прочел выведенные готическим шрифтом строки:

«Мой юный английский друг! Пусть эти луковицы принесут тебе богатство, а семена — счастье!»

Кроме записки, в конверте оказался пакетик с семенами яблок. И, разумеется, инструкция.

— Эй, Тлага, посмотри-ка!

Энтон поднял увлажнившиеся глаза и взгляделся в ночь. Сердце замерло. Ветер прогнал облака с иссиня-черного неба. Перевернутый серпик луны осветил землю. Примерно в трех тысячах футов от них подножие высокого утеса утонуло в ночи, и казалось — верхушка плывет по воздуху. Внизу, под океаном звезд, простиралась необъятная долина — то ровная, то каменистая — и уходила дальше и дальше в ночь. Вот он, простор без конца и края, о котором он всегда мечтал! Вот она, свобода!

Сисси была не в духе и раздраженно выговаривала мужу:

— Не понимаю, зачем тебе понадобилось приглашать этих примитивных людишек. У них прямо на лбу написано: «Уэльс». — Она ухмыльнулась и добавила: — А у мужа, плюс ко всему, такой вид, словно он — конченный человек. Я хочу сказать — в постели.

— Он исполнил свой долг, — возразил Пенфолд и тотчас пожалел о своих словах. Правильно говорил отец: «Никогда не спорь с женщиной!» Страшно подумать, во что превратилась бы сама Сисси после нескольких месяцев в Месопотамии.

Пенфолд вздернул подбородок и, не глядя в зеркало, завязал галстук. Его жена облачилась в старинное вечернее платье, надевая его не через голову, а снизу, высоко задирая длинные худые ноги — ни дать ни взять лошадь, переходящая вброд ручей. Дожидаясь у двери, Адам Пенфолд закурил, предварительно постучав кончиком сигареты о серебряный портсигар. Сварливый голос Сисси преследовал его.

— А этот лицемер-португалец с сестрой-потаскушкой? Они наверняка спят вместе. Если бы ты выделил им отдельный столик, можно было бы, по крайней мере, взять с них плату за обед.

В этих словах, произнесенных нарочито бесстрастным тоном, содержался намек на Гималаи нераспечатанных — не говоря уже о том, чтобы их оплатить — счетов.

Сисси подождала, когда муж откроет перед ней дверь бунгало. Оттуда супруги отправились в отель — в гордом молчании. Однако перед тем как войти в столовую, Сисси взяла мужа под руку.

Адаму Пенфолду не привелось обедать в обществе детишек-сорванцов и нежно любящей супруги, которая, как он мечтал в молодости, станет украшением его стола. Правда, жена существовала во плоти, но она не принесла ему ни детей, ни доброты — только нескончаемое брюзжание и леденящую холодность. Последней общей радостью оказалась покупка гончих, а теперь остался один лишь отважный Ланселот. Говорят, будто некоторые мужчины с возрастом становятся похожими на своих собак. Вот и Сисси приобрела сходство с гончей и даже превзошла ее длиной носа и худобой ног. Неужели это никогда не кончится? По крайней мере Анунциата, когда была в соответствующем настроении, помогала ему почувствовать себя молодым. Больная нога начала пульсировать. Пенфолд допил свой джин и разлил по бокалам рейнвейн.

Подняв свой бокал, он обреченно улыбнулся и при тусклом свете сальных свечей окинул взглядом собравшуюся за столом компанию. Анунциата с Васко Фонсекой. Сисси и Луэллины. Совмещение несовместимостей, как выражался его старый учитель.

«Каждому, — вещал сей мудрец в неизменно черном сюртуке, — время от времени доводится чувствовать себя Овидием среди скифов. Вроде бы не один, а поговорить не с кем». Вот когда Пенфолд в полной мере оценил справедливость этих слов!

Молодой паре придется туго, размышлял Пенфолд, а Луэллин — не герой. Алан сидел с потухшим взглядом, в котором Пенфолд подметил столь знакомое ему самому чувство неприкаянности. А тут еще коварный потомок римлян положил глаз на Гвенн. Мало того — португалец явно придумал хитроумный план, как наложить лапу на лучшие участки, выделенные молодым семьям. В Мозамбике, откуда явился Фонсека, уже возродились рабство и распущенные нравы Римской империи. А тут еще среди кикую ходят слухи, будто

этот человек нарушает закон об охоте, гоняясь за слоновой костью к северу от Наньюки. Для таких нет ничего святого. Если уж европейцы не хотят соблюдать законы, чего можно требовать от африканцев?

— За моих друзей — покорителей Африки! — провозгласил Пенфолд, поднимая бокал. — За вас, Гвенн и Алан. За удачное начало. И за край, где мы живем!

От его внимания не ускользнуло, как Сисси передернуло. Ее обычная реакция на любое проявление инициативы со стороны мужа.

— У вас ферма в горах? На Эвасо-Нгино? — дружелюбно спросил Гвенн Фонсека.

«Как, черт возьми, он это узнал? — удивился Пенфолд. — Видимо, от Губки».

— Да, мы как раз направляемся туда. Вы знаете эти места?

— Собираюсь купить там кое-какую недвижимость. Возможно, мы еще увидимся.

Подали плоды авокадо, только что поступившие из Момбасы в ящиках с соломой, словно хрупкие яйца, фаршированные перечным маслом. Пенфолд зачерпнул ложечкой и положил сверху немного мармита.

— Можно спросить, Адам, что вы туда добавляете? — поинтересовался Фонсека.

— Капельку Англии, дорогой Фонсека, всего лишь капельку Англии, — ответил Пенфолд, получая немалое удовольствие от покровительственно-надменного обращения португальца. Он добавил к авокадо еще немного густого темного соуса. — Кто-нибудь хочет попробовать?

— Сомневаюсь, мое сокровище, — процедила Сисси. Алан Луэллин потянулся к соуснику.

— Те из нас, кто во время войны пробовал пирог из крыс и жареные обезьяньи мозги, научились ценить мармит по достоинству, — без малейшей иронии произнес Пенфолд.

Истосковавшись по ласке, он вдруг ощутил у себя на ноге пальцы Аунциаты с длинными ногтями. В последнее время он чувствовал ее охлаждение, но, возможно, усилия Сисси вновь вернут ему расположение португальской красавицы. Все равно как хорек, сам того не зная, загоняет кролика в пасть барсука. В присутствии Аунциаты Сисси держалась напряженно и почти враждебно, и ее трудно винить. Должно быть, это имеет отношение к женскому инстинкту.

Пенфолд поднял глаза и увидел, как Фонсека ухлестывает за Гвенн — с масляной улыбкой, не отводя хищного взгляда от ее искрящихся изумрудно-зеленых глаз. Кажется, между супругами натянутые отношения. Жаль. Бедный молодой человек совсем пал духом.

Где же картофельное пюре к отбивным котлетам? Пенфолд предупредил Оливио, чтобы не забыли подать брюссельскую капусту. Но все равно — какой обед без картошки? А Фонсека неправильно носит смокинг. Все эти выскочки из Южной Европы одеваются дорого, но безвкусно. Если уж тебе приспичило надеть длинный белый сюртук, позаботься, по крайней мере, чтобы ворот был двубортным, тесно облегал шею и был застегнут на все пуговицы, а не нараспашку, как рабочий халат бальзамировщика. Но что с него взять? Поникий Луэллин в уэльском твидовом костюме и то элегантнее!

«А вот и мой верный Оливио Алаведо, человек со множеством неоченимых достоинств. Стоит себе под чучелом бородавочника, присматривая за слугами — лоснящаяся кукла с круглым черепом. Всегда аккуратный и безупречно вежливый, в алом парадном кушаке, черных брюках и коротком белом смокинге. Да, ничего не скажешь, карлик умеет одеваться. И приучает к этому лакеев». Пенфолд не мог не восхититься их белыми накрахмаленными куртками, кушаками и алыми фесками. Увы! Один мальчишка все-таки неправильно повязал

кушак. Хоть бы Оливио не заметил и не задал парню взбучку.

Расправляясь с очередным бокалом, Пенфолд припомнил параграф из Гиббона, где приводится описание Оливио — гораздо более точное, чем если бы это сделала мать гоанца.

«Большая круглая голова, смуглый цвет лица, — описывал автор предводителя гуннов Атилу, — маленькие, глубоко посаженные глазки, приплюснутый нос, жидкие волосенки вместо бороды и короткое квадратное туловище — непропорциональное, однако исполненное живости».

Несколькими минутами позже, наверху, Оливио отпер комнату номер четыре. Самое подходящее время: все сидят за столом. И хозяйева, и гости, и персонал — все при деле. Сразу после того, как подали котлеты из мяса газели Томсона и лорд Пенфолд добрался до своего любимого кларета, карлик беззвучно поднялся на второй этаж. А очутившись в четвертом номере, запер дверь изнутри.

Бармену не составило труда найти письмо из Лиссабона: его кончик торчал из-под открытого флакона с помадой для волос Эразма Уилсона. Флакон стоял на высоком комод, и карлику пришлось подставить стул. Раздраженный таким беспорядком, Оливио закрутил крышку, стараясь не запачкаться прозрачной маслянистой жидкостью. И, вытащив из конверта два листка плотной бумаги, прочел официальное послание от лиссабонского поверенного. Его достопочтенная клиентка, сеньора де Кастаньеда-и-Фонсека, только что скончалась на семьдесят седьмом году жизни, у себя дома, на вилле «Сан-Антонио» в пригороде Опорто ^[9]. У нее не было ни мужа, ни детей. Наследство достанется детям или внукам мужского пола, рожденным от двух ее покойных братьев.

Встав на цыпочки, Оливио снова взгляделся в фотографию, которую Васко Фонсека поставил на трюмо. Прямо-таки впился взглядом в двоих мужчин. Так и есть! Круглый шар головы, маленькие глазки. Властное выражение лица приземистого священника привело Оливио в восторг. Неужели это его дедушка? Карлик придал своему лицу величественный вид и точно так же наклонил голову. Да! Он и Васко Фонсека — кузены! Их дедушки были братьями! Вспотев от волнения, Оливио продолжил знакомство с письмом от лиссабонского юриста.

Старший брат сеньоры де Фонсека, его преосвященство дон Тиаго де Кастаньеда-и-Фонсека, архиепископ Гоанский, естественно, не оставил после себя детей. Таким образом все неделимое имущество сеньоры де Кастаньеда переходит к сыновьям или внукам ее младшего брата, ныне покойного. Судя по документам, ныне здравствует только один внучатый племянник госпожи, проживающий на своей плантации в Португальской Восточной Африке, — сеньор Васко де Кастаньеда-и-Фонсека.

Значит, они не знали, что архиепископ тоже зачал сына, а тот — своего сына! Оливио Фонсеку Алаведо собственной персоной!

На следующей странице приводилась предварительная опись имущества сеньоры де Кастаньеда, включая коллекции кружев и серебра, старинный, нуждающийся в ремонте замок близ Лиссабона, фазенды в Бразилии и Африке, денежные счета в банке «Эспирито Санто», пробковый лес в Коста-Верде и одна из роскошнейших загородных резиденций в мире — вилла «Квинта Кастаньеда» на берегу реки Дору.

И половина всего этого принадлежит ему!

При отсутствии завещания, писал нотариус, по португальским законам для передачи такого богатого состояния потребуется некоторое время, но если сеньор Фонсека напишет нотариусу и пришлет документы, удостоверяющие его личность, тот сразу предпримет

необходимые действия. Естественно, предстоят издержки. Оливио порылся в ящиках стола в поисках карандаша и бумаги, чтобы записать фамилию и адрес нотариуса. Но, выдвинув верхний ящик, заслышал у двери шаги. Он стал задвигать ящик, но тот, как назло, заклинило. Типичная африканская халтура. Оливио с силой надавил на ящик корпусом — и, потеряв равновесие, упал со стула — прямо на кровать. Кто-то с силой задергал ручку. Послушалось грязное португальское ругательство.

В считанные доли секунды Оливио водрузил опрокинутый стул на место, а сам очутился у окна. Повиснув снаружи, цепко держась пальцами правой руки, левой он пытался снова закрыть окно. Однако не удержался и рухнул прямо в розовый куст. А когда отодрал колючки и отряхнулся, увидел, что из деревни на него во все глаза уставилась Кина Китенджи. Карлик собрал остатки достоинства. Даже в столь щекотливой ситуации он не мог не восхититься красотой девушки, ее раздобревшим телом. Оливио ринулся на кухню — смыть кровь с лица. И уже совсем спокойно вошел в столовую с непочатой бутылкой кларета. Сходил в бар за штопором. Фонсека еще отсутствовал.

— Должно быть, не может отыскать свои сигары, — сказал гостям Пенфолд.

В коридоре Оливио украдкой повесил ключ от четвертого номера на крючок. А вернувшись в столовую, услышал раздраженный голос Фонсеки:

— Я не нашел свой ключ. В моей комнате кто-то был.

— Невероятно, — уронила Сисси, наблюдая за тем, как ее муж вполголоса беседует с Анунциатой.

Оливио шмыгнул в коридор и тотчас вернулся.

— Вот ваш ключ, сеньор. Висел на гвоздике третьего номера.

Энтон представил себе: он изгибает крылья, тесно прижимая к бокам восхитительные перья, и бросает взор с высоты две тысячи, три тысячи футов; затем вдруг, прервав полет, выпускает когти, в падении широко расправляет крылья и хватает змею или крольчонка. И снова, так и не коснувшись земли, взмывает вверх, тяжело хлопая крыльями.

В Англии он часто задирает голову вверх, следя за парением в небе ястреба, но, когда тот бросался вниз, быстро терял его из виду. А здесь, стоя на утесе на границе провинции Рифт-Валли, он сам смотрел вниз с высоты птичьего полета, следил взглядом за каждым крылатым хищником, за тем, как они внезапно меняли повадку, переходя от расслабленно-созерцательного состояния к напряженной, несущей кому-то смерть сосредоточенности. Он мечтал, подобно ястребам, разить без промаха и брать только необходимое для выживания — ничего лишнего.

До нового полнолуния Энтон и Кариоки жили в лагере на утесе у Рифта. Пока у Кариоки заживала нога, Энтон в одиночку исследовал окрестности. Они питались роскошным мясом антилопы-канны. Энтон научился спускаться с отвесной скалы, как маленькая горная антилопа. Теплыми вечерами он лежал под высоким терновым деревом на уступе и созерцал игру теней внизу, в долине.

На первых порах ему удавалось разглядеть немного. Глаза еще не были натренированы на ландшафт и животных. Но постепенно он начал различать все разнообразие форм жизни. По мере смещения теней он вдруг замечал пятнистый узор на чем-то, что ранее казалось ему стволом дерева. Наконец это что-то обретало форму жирафа, иногда даже двух, трех жирафов. Когда одни ветви колыхались на ветру, а другие нет, он узнавал в этих последних спиралевидные рога куду — лесной антилопы. А когда ветра не было, припоминал старый совет: вместо того чтобы высматривать очертания зверя, искать движение.

Ленарес был бы от Африки в восторге. Прямо перед Энтоном, на уровне его глаз, парил орел-змееед — так близко, что Энтон различал трепыхание в воздухе коричневых кончиков перьев. Птица высматривала добычу, достойную ее божественного броска. Энтон скосил глаза на татуировку: есть ли сходство?

Когда Кариоки окреп, они стали охотиться вдвоем, с удовольствием делаясь опытом. Естественно, запевалой в их дуэте был африканец. Хотя Энтону грешно было жаловаться на зрение, он пока еще не видел всего многообразия живых существ, которое их окружало. Он ни за что не ожидал встретить человека, чья близость к природе была большей, чем у цыгана, его учителя. Кариоки сам был частью природы. Энтон мечтал достичь такого же совершенства. А еще он мечтал заслужить уважение своего друга-кикуйю и не потерять его, как всех остальных.

Бесценные пули «уттендо» были тяжеловаты для мелкой дичи, а копье — слишком громоздко, поэтому молодые охотники предпочитали капканы, цыганские силки и африканские ямы-ловушки, сочетая опыт жизни в буше с цыганскими хитростями. Кариоки посвятил Энтону в тонкости отношений между животными. Оказалось, что злейшие враги, как правило, обитали по соседству. У леопардов и павианов, змей и мангустов, львов и буйволов была общая территория — один и тот же театр военных действий.

По вечерам Энтон рассказывал Кариоки о звездах. Потом наступала очередь африканца. Он устремлял взор в огонь и воспроизводил древние предания кикуйю: «Как Гиппо потерял

свой рог» или «Почему у Носорога маленькие глазки». Они словно заключали бартерную сделку: меняли рассказы о Стрельце и Скорпионе на «Сказание о Бонго, который забыл спрятаться».

Однажды вечером, повторив на бис любимую африканскую сказку Энтон «Слепой мальчик, который плавал с крокодилами», Кариоки сказал:

— Запомни эти предания, Тлага. В них — жизнь моего народа. Когда рассказывают сказку, каждый, кто когда-либо слышал ее — старик или ребенок, — вновь незримо присутствует с нами у костра.

Цыгане тоже без конца повторяли любимые предания своего племени: о вожаках, старейшинах и колдуньях. А также о травах, заклинаниях, зверях и магических деревьях. В такие минуты Энтону иногда казалось: Ленарес сидит рядом с ним и нашептывает на ушко мудрые советы.

Энтон и Кариоки создали свой язык — смесь суахили, английского и кикуйю. Постепенно из их отношений ушла настороженность: африканец признал Энтон своим другом.

Энтон вспомнил дружбу со Стоуном: как легко им было находить общий язык в лесу и как трудно — в других местах. В лесу и в буше люди равны, и очень скоро понимаешь, на кого можно положиться. Возможно, поначалу он обращался со Стоуном так, как Кариоки — с ним самим: слишком подозрительно, ни на минуту не забывая о социальных барьерах. Может, комплекс неполноценности и есть первопричина многих проблем? Но он все-таки обрел друга.

— Ты уже научил меня очень многому, — сказал как-то Энтон, сидя рядом с Кариоки у костра и вырезая из жесткой антилопьеи шкуры заплатки для ботинок. — Давай-ка теперь я научу тебя читать. А ты научишь меня языку твоего народа.

Энтон достал из вещмешка потрепанный томик и усмехнулся, прочитав на штампе: «Школа в Рагби». Он показал Кариоки иллюстрацию: белого мальчика в коротких штанишках, с широким круглым воротником до плеч.

— Этого мальчика зовут Дэвид. Он научит тебя азбуке. Возьми палочку и черти на песке то, что я буду чертить ножом.

— Что такое азбука?

После секундного замешательства Энтон ответил:

— Это что-то наподобие твоих сказок. Зная азбуку, или алфавит, можно составлять слова, объединяющие людей.

По утрам, во время перехода, они повторяли алфавит. Чертили буквы на земле во время привалов. А вечером выбирали в книжке какое-нибудь слово, и Энтон объяснял, как оно произносится.

Потом он вслух читал отрывки из книги с подзаголовком: «Жизнь, приключения, испытания и наблюдения Дэвида Копперфильда-младшего из Грачевника в Бландерстоне, описанные им самим (и никогда, ни в каком случае не предназначавшиеся для печати)». За знакомыми словами в ночи перед ним вставала Англия. А что они значат для Кариоки?

— Почему этот Урия Гип — такая змея по отношению к Дэвиду? — спросил однажды утром Кариоки, посасывая высушенный на солнце ремешок из мяса антилопы. — Подкрадется — и укусит.

Они шли по открытой местности. Энтон снял ботинки и повесил через плечо — чтобы сберечь подметки и закалить ступни.

— Потому что он трус и завистник. Интриган. Опять же, девушка и ее деньги.

— Однако же Урия умен. Неужели у него не хватает коз и коров — купить себе собственных жен?

Расхохотавшись, Энтон хлопнул африканца по спине.

— За сколько коз девушка могла бы купить тебя самого, а, Кариоки?

— Никаких коз не хватит, Тлага.

Пейзаж изменился. Когда откос остался далеко позади и путники двинулись на восток, к деревне кикуйю, их овеял освежающий ветерок. Над бушем у подножия дальних, окутанных облаками гор Энтон различил темно-зеленую полосу.

— Смотри, Зоркий Глаз — видишь там, где кончается небо, Абердарские горы? За ними находится священная гора Кения, обитель Бога. Скоро ты увидишь деревню моих предков. Но прежде ты должен поохотиться в горах, как Кариоки в детстве. Ты малость староват, но я все-таки покажу тебе, как это делается. Когда ты убьешь самого трудного зверя, Кариоки возьмет тебя в свою деревню.

— Какого зверя?

— Бонго. Иногда подле ручья или соленого камня на опушке леса можно встретить самку или детеныша. Но случается и прожить в лесу много лет: и в Большие дожди, и в сезон туманов, и в период яркого солнца, — да так и не увидишь самца. Он очень сильный, почти красный, с белыми полосками. Его рога черны, как кожа прекрасной девушки. И он неуловим, как тень, пуглив, как Дэвид в раннем детстве.

— Боюсь, что в таком случае нам никогда не попасть в твою деревню. Ты этого хочешь?

— Нет, Тлага. Я горю желанием увидеть костер моего отца и мою сестру Кину.

— Ты говорил, что тебе предстоит встреча с заклятым врагом. Кто это?

— Чура Ньякунда — Желтая Лягушка. Он могуществен и коварен, как Урия. Однажды перед уходом на войну я нигде не мог найти Кину. Обрыскал всю деревню и наконец услышал ее плач, доносившийся из дома этого человека. Я бросился туда и нашел ее. Она стояла перед ним без передника, по щекам текли слезы. Этот человек натирал ее кокосовым маслом — как мясо перед тем, как изжарить — и трогал там, где женщинам нравится, когда их трогают. Моя сестра была слишком мала, ей еще не сделали обрезание. Я сбил его с ног и забрал Кину. Он поклялся меня уничтожить.

— Расскажи мне о твоей сестре, — попросил Энтон. Они вошли в зону густого терновника, и он сел на землю, чтобы обуться.

— Она очень красива, но не может говорить. Ее язык непослушен, как у геренука — жирафовой газели. Из-за этого отец держит ее при себе. У моего народа есть обычай: молодые мужчины покидают деревню и разбивают лагерь в буше. Это помогает им стать воинами. Молодые девушки, еще до того как созреют, чтобы иметь детей, относят им еду и забавляются с ними всю ночь. Только в эту счастливую пору наши девушки способны наслаждаться мужчинами, потому что их тела остаются целыми. А когда они возвращаются в деревню, им делают обрезание — чтобы они стали верными женами. Потом их выдают замуж, они рожают детей и работают в поле. Но мой отец не отпустил Кину в лагерь, потому что старейшины и шаман сказали, что она — особенный ребенок. Так что ей не довелось, подобно другим девушкам, изведать наслаждение. Но теперь уже пора сделать ей обрезание.

— В каком же возрасте, Кариоки, девушки навещают будущих воинов?

— От десяти до двенадцати лет, Тлага. Это пора расцвета.

— В десять лет?!

— Ну конечно, Зоркий Глаз. А сколько лет было твоей первой женщине?

— Ну... мне кажется, Кариоки, десять лет — слишком юный возраст, — ответил Энтон, уходя от щекотливого вопроса. Не мог же он признаться, что еще не знал женщин! — Скоро мы дойдем до твоих гор?

Продолжая путь, Энтон вспоминал детские свадьбы у цыган. Обычно пара обручалась в восемь лет, а в десять цыган и цыганка объявлялись мужем и женой. Но, разумеется, речь не шла о сексе — вплоть до второй церемонии по поводу наступления половой зрелости. К этому времени многие браки распадались, зато остальные длились по семьдесят лет. Муж и жена знали множество способов наслаждаться друг другом — не то что гаучо. Энтон утер лицо красным шейным платком. На память пришел еще один цыганский обычай. Когда парень и девушка впервые занимались любовью, они надевали такие платки — дикло, — которыми потом вытирали друг другу гениталии. После чего оба платка скручивали вместе, и цыганка хранила амулет среди постельного белья. Интересно, у народа Кариоки есть подобный обычай?

Они все шли, а пологие склоны Абердар всякий раз отодвигались вместе с горизонтом. Зато зеленая полоса была уже совсем близко. Энтон ускорил шаг. С тех пор как он покинул Англию, ему ни разу не пришлось наслаждаться лесной прохладой.

Они ступили под душистую сень из ветвей каштана, кедра и камфорного дерева; под ногами стелился ковер из опавшей листвы и хвои. В чаще царило безмолвие.

Потом Энтон услышал плеск воды. Это напомнило ему заповедные леса Англии. На поляне у ручья Кариоки присел на корточки. В воде стояла крупная красновато-коричневая антилопа с белыми пятнами и огромными ушами. Не снимая вещмешка, Энтон вскинул к плечу свой «меркель» и выстрелил. Пуля поразила животное в сердце.

— Это и есть бонго?

— Нет, Тлага, — с усмешкой откликнулся Кариоки, — это бушбок. Мой белый брат еще не готов выйти из леса. Настоящий бонго в три раза больше. Ты узнаешь его, как только увидишь.

Ночью Энтон проснулся от шума дождя. Кариоки продолжал спокойно спать, закутавшись в шкуру бушбока. Энтон поднялся, чтобы поддержать огонь в костре. Из этого ничего не вышло. Утомленный, он оставил эти попытки и, дрожа, вновь забрался под отсыревшее одеяло.

Ночная тьма сменилась предрассветной мглой. Где-то над головой — должно быть, в кроне дерева — Энтон услышал отрывистые крики. Постепенно он различил качающиеся на ветвях белые пятна. Обезьяны! Стаккато их голосов ни на минуту не умолкало, словно назойливый припев. На берегу ручья мелькнули тени четырех или пятерых мужчин, низкорослых и стройных. Он услышал свист натянутой тетивы лука. В небо взвилась стрела. Кто-то испустил жалобный, одинокий крик — и снова воцарилась тишина.

— Джамбо! — весело позвал Энтон. — Доброе утро!

Люди скрылись в лесу. Кариоки подскочил, как пружина.

— Что, Тлага?

Энтон указал на противоположный берег. Кариоки взгляделся.

— Это доробо. Лесные охотники. Они большей частью безобидны — если их не испугать. Доробо известны тем, что превосходно стреляют из лука, собирают мед и пользуются отравленными стрелами.

Энтон опустил на колени перед колобусом — длиннохвостой обезьяной. В ее

массивной грудной клетке застряла оперенная стрела. Древко обезьяна сжимала длинными пальцами. Черная, с белой манишкой и сморщенным лицом, она была похожа на маленького старичка на смертном одре — седовласого, с белоснежными бородкой и бакенбардами. Энтон смутился: обезьяна почти ничем не отличалась от человека!

С мыслью об Англии он спросил:

— Когда пройдет дождь?

— Не скоро. Перенесем лагерь в другое место.

Все утро они шли — вперед и вверх. Лиственные леса поредели, уступая место остроконечным стрелам молодого бамбука. Скользящая, влажная почва была выстлана узкими копьевидными листьями. Трубочатые желто-зеленые и коричневые стебли неудержимо тянулись ввысь, достигая пятидесяти-шестидесяти футов; молодые густо росли из полусгнивших остатков. Сквозь них просачивался загадочный свет сумерек. Под высокими старыми деревьями с раскидистыми кронами земля была чище. Эти деревья напомнили Энтону дубовые рощи Англии. Острые, как бритва, листья оставляли на лицах порезы. Энтон и Кариоки упорно взбирались по склону. Мощные стебли бамбука колыхались на ветру и ударялись друг о друга; казалось, они то ли вздыхают, то ли негромко беседуют под шум капели.

Энтон старался не отставать от Кариоки. Завернутая в одеяло винтовка болталась у него за спиной, и он хватался свободными руками за бамбуковые стебли, как за перила. Один раз он поскользнулся, но успел схватиться за толстый стебель, оказавшийся гнилым; он сломался, и Энтон кубарем покатился вниз, царапая себе лицо.

Наконец они вышли к ущелью. В пелене дождя их глазам открылось небольшое озеро. Справа, низвергаясь со скалы высотой тридцать футов, струился водопад.

— Это — мои места. Сюда Кариоки навевался в юные годы, — сказал кикуйю, и Энтон почувствовал: ему оказали большое доверие. — Здесь он может охотиться с закрытыми глазами.

Кариоки дважды полоснул двусторонним «сими», расщепляя крепкие стволы бамбука. Получилось что-то вроде крюков, на которые они повесили рюкзаки.

— От хомяков, — объяснил африканец и срезал верхушки еще с двух стволов, оставляя пни высотой в пять футов. В каждом он сделал выемку и уложил поперек одну из отрубленных верхушек. Потом прислонил к горизонтальному стеблю по диагонали верхушку поменьше. Энтон срезал несколько виноградных лоз, и они крепко связали шесты вместе. Соорудили навес из разлапистых листьев, напоминающих листья папоротника. Энтон каблуком продавил в земле канавку по периметру шалаша — чтобы стекала вода.

Шалаш был развернут на водопад. Кариоки подобрал щепки у входа и вытер о внутреннюю поверхность шкуры. Сложил их в кучку и взял у Энтона восковые спички.

— Бамбук горит даже в дождь. Запомни, Тлага: охотник должен уметь обходиться одной спичкой.

Однако бамбук только чадил. Спичка догорела.

— Может, Дэвид нас выручит, — сказал Энтон, вырывая чистую страницу.

Возясь с костром и жаря куски антилопы, он вспоминал традиционный английский завтрак. Яичница с ветчиной, гренки, толстая кровяная колбаса и крепкий чай. Как он соскучился по чаю!

Кариоки притащил охапку крапивы — той самой, что немилосердно обжигала Энтону голые ноги, пока они взбирались по склону.

— Табаи, — уронил он и, оборвав листья, бросил в кипящую воду. Они подкрепились жареным мясом антилопы и запили отваром из крапивы. Энтон подумал: похоже на шпинат. Недурной напиток — особенно если проголодался и продрог. Не чай, конечно, но помогает согреться.

Вечером, лежа в укрытии, Энтон взгляделся сквозь пелену дождя в туманное озеро и увидел огромного черного борова — в два-три раза больше суффолкского. Он схватил Кариоки за руку. Из просеки в бамбуковых зарослях вышли и направились к озеру десять, двадцать, тридцать животных. Энтон замер, стараясь не обращать внимания на крапивную сыпь. Молодые серые кабанчики, похрюкивая, рыли берег забавными пяточками. Взрослых животных почему-то больше не было. Энтон беззвучно вскинул на плечо винтовку и пальнул из одного ствола. Довольно крупный хряк свалился на землю. Перед глазами Энтон проплыл роскошный завтрак: колбаса, ветчина, свиные отбивные.

Страстно мечтая поохотиться на бонго, Энтон стал нетерпелив. А Кариоки не спешил покидать лагерь и, казалось, не замечал, как один за другим проходят дни. По ночам до ушей Энтон доносилось похожее на кашель отрывистое рычание леопарда; в мокром лесу разносилось эхо — словно звук спиливаемого дерева. На рассвете он дрожал от холода. Убийственная сырость Нортумберленда стала казаться благодатными солнечными днями. Энтон начал тосковать по Англии. По ее деревьям, нежно-зеленым холмам, мерцанию серебрястой форели в воде ручья.

— Когда будет готова наша одежда, — сказал Кариоки, сидя у костра и обрабатывая сваленные у ног звериные шкуры, — мы пойдем охотиться на твоего бонго.

Сшитые вместе на манер цыганской шали, шкурки выдры и белохвостого мангуста перемежались с обрывками шкур бушбока и длиннохвостой обезьяны. Из шкурок более мелких животных охотники сшили себе плащи и жилеты — мехом внутрь, чтобы удержать тепло. Энтон подметил: любимая одежда Кариоки — из мягкой, легко поддающейся обработке шкурки древесного дамана [\[10\]](#).

Эти пушистые зверьки величиной с кролика — пухлые и коротконогие — по ночам выдавали себя визгом. Запомнив направление, на рассвете Кариоки отправлялся обшаривать дупла. Он брал с собой бамбуковый шест с расщепленным в виде вилки концом и осторожно погружал его в дупло до тех пор, пока палка не упиралась в мягкую шубку. Тогда Кариоки надавливал и протыкал дамана, а затем вытаскивал шест вместе с добычей.

Однажды утром Кариоки остался у костра — выделывать шкуры и шить одежду, — а Энтон отправился на охоту. Он шел по просеке, образованной в густых, высоких — до двадцати футов — зарослях бамбука каким-то крупным зверем. Энтон полностью сосредоточился на следах небольшой южноафриканской антилопы; все чувства обострились. Внезапно его слуха коснулся высокий, пронзительный звук — охотничий сигнал доробо. Охотнику тотчас ответили двое соплеменников, словно предупреждая об опасности.

Раздался крик человека. Энтон опустился на колени, держа наготове винтовку. Как спички, затрещали толстые стебли. В просеке перед ним мелькнуло что-то черное. Прямо на него, как пушечное ядро, раздвигая бамбуковые заросли рогами и могучими плечами, несся огромный кейптаунский буйвол. Энтон выстрелил из обоих стволов и в тот же миг сиганул вбок. Последним, что он видел, были налитые кровью безумные глаза зверя, белая пена из ноздрей и стрелы, торчащие из массивного загривка.

Энтон очнулся у ручья, куда его принесли два доробо. Грудь раздирала боль. К нему подбежал Кариоки.

— Банда был прав, Тлага: нельзя становиться на пути у зверя. К счастью, это оказалось детеныш. Я не должен был отпускать тебя охотиться в одиночку. Этот лес слишком опасен для моего белого друга.

Ощупав грудную клетку, Энтон понял: сломано три ребра. Плечо было зверски исполосовано. На животе — длинная резаная рана. Мышцы рядом с ней омертвели. Над Энтоном, энергично жестикулируя, склонились доробо; от них пахло лесом. Их почему-то не интересовали сломанные ребра и плечо — все их внимание было приковано к ране на животе.

— Ты ранен отравленной стрелой доробо, выскочившей из плеча кейптаунского буйвола. Они смочили кончик стрелы в самом сильном яде, — объяснил Кариоки. Энтону не понравилось выражение его глаз.

— Насколько это серьезно?

— Если яд оставить в ране, Тлага умрет. Этим можно свалить слона.

Один доробо обмакнул бамбуковый шест в грязь. Кариоки уложил Энтон на спину. Вторым доробо расширил рану, а его товарищ провел по краям шестом, смазывая их грязью. Он проделал это трижды. Энтон изо всех сил вцепился зубами в кусок антилопьеи шкуры. Рана начала гореть; края побагровели. Доробо промыл рану водой из озера. Другой наклонился и стал высасывать яд, время от времени сплевывая и прополаскивая рот. Из крохотной тыквы, подвешенной к мочке уха, африканец высыпал в рану несколько кристаллов каменной соли.

Кариоки видел, как Энтон стискивает зубы и сжимает кулаки, и дивился тому, что он ни разу не вскрикнул.

Несколько минут спустя один доробо вымыл из раны соль, а тем временем другой собрал с бамбуковых стволов древесный гриб — киранги — и затолкал в рану прозрачные пластинки. Его товарищ докрасна раскалил на горячих углях нож и, стянув края (гриб остался внутри), прижег рану.

— Получилось, Кариоки? Яда больше нет? — прошептал Энтон, страдая от сильной пульсирующей боли в животе.

— Поживем — увидим.

Гвенн заметила: после трех дней пребывания в «Белом носороге» Алан и мулы значительно окрепли. В этот последний день ей хотелось избежать встречи с Фонсекой. Однако пылкий португалец, держа в одной руке типичную для плантатора шляпу с широкими полями и поминутно отирая пот со лба, проводил ее до фургона и помог взобраться на сиденье. На нее пахло запахом сигар и одеколona.

Как они все добры, думала она. Слуги Пенфолда отремонтировали фургон и укрепили раму. Адам лично проверил ноги и зубы мулов и научил Алана распознавать симптомы лихорадки и гниения копыт. Даже смешной любопытный бармен настойчиво твердил, чтобы в случае нужды они сразу обращались к нему. Скоро на северной дороге откроется новый магазин, и он лично позаботится о том, чтобы Луэллины всегда пользовались там кредитом.

С веранды, прихрамывая, спустился Пенфолд с плетеной корзиной в руке.

— Ланселот посылает вам гостинцы в дорогу. Здесь есть кое-что интересное — от одного ветерана другому.

Где же Мальва? Гвенн огляделась и увидела его чуть поодаль рядом с красивой африканской девушкой. Она от всего сердца желала Мальве добра, но в конце концов ей все же пришлось его окликнуть. Африканец подбежал к фургону и повел мулов вдоль подъездной аллеи. Гвенн обернулась — бросить прощальный взгляд на отель «Белый носорог» и его обитателей. На веранде стоял карлик, впившись взглядом в махавшую Мальве девушку.

Дорога шла в гору — то утопая в пыли, то через чахлый кустарник. Они миновали заброшенный огород, длинные ряды кофейных деревьев, сломанную изгородь и несколько полей, которые медленно, но верно возвращались в исконное состояние. Однажды им попала чайная плантация с жалкими увядшими кустиками.

Вечером они разбили лагерь у подножия высокой, похожей на горб скалы, возвышавшейся среди буша. Они уже неплохо освоились. Алан распряг мулов. Мальва натянул палатку, а Артур собрал хворост и приготовил обед. Гвенн с винтовкой отошла на некоторое расстояние от лагеря. Если она хочет выжить в Африке, нужно научиться охотиться. Опустившись на колени, она произвела несколько пробных выстрелов, целясь в какой-то плод с твердой кожурой, висевший на баобабе. И, разумеется, промазала.

Они уже проделали добрых двенадцать — четырнадцать миль, прикинула Гвенн, изучая геологическую карту провинции. Не завтра, так послезавтра доберутся до Эвасо-Нгино. «Мутная вода» — такое обескураживающее название дали реке масаи, но Пенфолд авторитетно посулил им прекрасные пастбища и тьму-тьмущую носорогов и крокодилов. Луэллины сделали исключительно удачный выбор — лучше многих других поселенцев — и найдут участок в полном порядке, с указательными столбами по периметру. Как бы ей хотелось в это верить!

Алан случайно задел жену рукой, и она ласково погладила эту руку. Он едва не отпрянул. Почему он избегает прикосновений? Она ведь не чужая. Вернутся ли к нему силы? Удастся ли им основать здесь ферму? И создать семью?

Этим вечером «гостинцы» лорда Пенфолда избавили их от необходимости готовить ужин. Еды вполне хватало на четверых; правда, Артур и Мальва ограничились сэндвичами. Обоих чрезвычайно удивило приглашение на ужин. Гвенн обнаружила в корзине пару

жареных цесарок, сэндвичи из хлеба домашней выпечки с помидорами и огурцами, жареное мясо импалы и газели Томсона и — от одного ветерана другому — кувшин мармита.

Когда они легли спать в палатке, пристроив в головах винтовки, Гвенн услышала тьявкующие, похожие на кашель, звуки, а потом — раскаты отдаленного грома, эхом прокатившегося в низине. Лев! Ее кольнуло воспоминание об Анне Голт. Она соскочила с койки и опустилась на колени, чтобы прошептать молитву.

* * *

— Животные чувствуют раньше человека, — сказал Мальва, шагая рядом с Гвенн. Впервые за все время мулы неудержимо рвались вперед. — Река близко.

Гвенн покосилась на Алана. Прикрыв глаза и немного наклонившись вперед, он безучастно сидел на скамейке. Похоже, до его реки еще далеко. О чем он думает? Неужели его пугает жизнь в Африке?

Они взобрались на высокий холм, оказавшийся крутым берегом. Внизу извивалась Эвасо-Нгирос, шириной приблизительно в тридцать ярдов. На берегу крохотные, окруженные идеально отполированными камнями, озера чередовались с песчаными склонами. Мальва помог Алану сойти с повозки.

Гвенн обняла мужа за талию. Они стояли, молча взирая на зеленую долину на противоположном берегу, плавно переходящую в предгорье. Рощи сменялись полянами, поросшими сочной свежей травой. В низинах густо зеленел терновник — признак наличия подземных вод. Сзади дул освежающий ветерок с горы Кения, унося их запах туда, где паслись сернобыки, зебры и газели Гранта. У Гвенн захватило дух.

— Оставим здесь фургон, — негромко предложил Алан, — посидим немного у воды.

Он помог слугам распрячь мулов. Гвенн продолжала любоваться открывшимся видом.

— Осторожно, — предупредил Мальва, — в озерах водятся крокодилы.

Алан повел животных к воде. Артур отнес туда пару походных стульев, чайник и свою пангу. И начал разводить костер.

Гвенн наконец-то распаковала коричневый пузатый чайник для заварки от Рокингема. Любовно подержала его в руках. Вспомнила, как он согревал ее студенными вечерами в Уэльсе. Потом сполоснула его в реке и отдала Артуру. Умылась. Вымыла ноги в мелком озерце и босиком села пить чай. Она ждала, что Алан подойдет и сядет рядом. Но он завозился с фургоном и пришел, когда чай уже остыл. Гвенн натянула носки.

За их спинами мирно паслись мулы; длинные веревки, которыми их привязали к акациям, не слишком ограничивали свободу передвижения. Неподалеку, среди хинных деревьев с плоскими вершинами, лопотали бабуины. Обезьяны поменьше шныряли вверх-вниз по стволам, раскачивались на сучьях, цепляясь то одной, то другой конечностью, и играли с бурыми стручками и розовыми цветками. Один крупный бабуин ковырялся в своих ярко-розовых деснах и длинных желтых зубах. Молодые самцы несли вахту, переминаясь с ноги на ногу и время от времени качаясь на руках.

Внезапно бабуины-«охранники» пронзительно заверещали и заметались. Шерсть на затылках встала дыбом. Они миглом вскарабкались на высокие деревья. Все четыре мула в панике заревели. Они вставали на дыбы, как необъезженные жеребцы, и наконец, оборвав веревки, бросились к реке. Минута — и они исчезли в буше на другом берегу.

Мальва ринулся за ними. Вода в реке доходила ему до пояса. Гвенн собралась последовать его примеру.

— Оставайся здесь, Алан! — сказала она мужу, видя, что он хочет подняться на ноги. По его лицу пробежала тень унижения и обиды. Гвенн ласково дотронулась до его руки и понеслась к воде. Ее удивили сила течения и многочисленные ямы. Когда она выбралась на берег, на ней не осталось ни одной сухой нитки. Махнув Алану, она бросилась догонять Мальву.

Без мулов на ферме можно ставить крест. Они с Мальвой загонят обезумевших от страха животных обратно. Будут кружить, тесня их к кромке воды, а там и через реку. Без обуви, в одних носках, Гвенн заставляла ноги ступать по сухой красноватой земле и колкой траве меж терновыми кустами.

Наконец она различила знакомые очертания. Животные удалялись от нее, черные от пыли, помахивая длинными тонкими хвостами. Гвенн вошла в буш и бегом описала широкую дугу, как бы заключая в нее взбунтовавшихся мулов. Потом взобралась на высокий муравейник и увидела их примерно в двухстах ярдах впереди себя. Где же Мальва? Гвенн побежала дальше.

Она снова потеряла мулов из виду! Окончательно выбившись из сил — к тому же ее подташнивало, — Гвенн опустилась на валун и уронила голову на руки. Потом учинила беглый осмотр своих изодранных носков и порезов на ногах. Она только сейчас почувствовала боль и спазмы в животе. И вдобавок ко всему поняла, что заблудилась.

Главное — выйти к Эвасо-Нгиру! Тут на Гвенн повеяло мертвечиной, и она заметила на земле бурые пятна крови и следы волочения.

Судя по отпечаткам копыт, жертвой была зебра. Не ее мул — потому что трупный запах был крепок. И тут она увидела другие следы, которые невозможно спутать с другими. Круглые кошачьи следы льва.

Гвенн вспомнила Анну Голт, и ее прошиб пот. Господи милосердный, взмолилась она, пусть буш окажется ко мне милосерднее, чем к этому бедному ребенку! Она повернулась и бросилась бежать. Только бы ноги каким-то чудом вынесли ее к реке!

И вдруг она услышала свое имя. Измученная, в неверном свете сумерек увидела три мужские фигуры: Алана, Мальвы и Артура. Мальва держал в руках винтовку. Артур вел под уздцы мулов. Гвенн взмахнула рукой и без сил опустилась на землю. Алан как только мог спешил ей навстречу.

— Леопард, — сказал Мальва. — Мы обнаружили следы под деревьями, где раскричались бабуины. Должно быть, мулы учуяли запах.

Лев, леопард — пронеслось в голове у Гвенн. Она беспомощно огляделась, ошеломленная дикостью открывшейся панорамы. Ни заборов, ни каменных стен, которые служили защитой крестьянам в Англии.

Вернувшись к костру, Алан откупорил бутылку бренди. Гвенн вымыла ноги.

Утром Алан встал первым. А когда вернулся в палатку, чтобы разбудить Гвенн, его голос показался ей немного более энергичным. Она села и протерла глаза. Так он больше походил на уэльского парня, за которого она вышла замуж.

— Гвенни, я нашел первый межевой столб. Номер восемьдесят восемь. Это наш участок! В трехстах ярдах вверх по реке! Следующая вежа должна быть ниже по течению.

Целых пять дней Гвенн и Алан знакомились со своей землей. Их царапали ее шипы, освежали ее ручьи, пачкала ее пыль. Они вдыхали всевозможные запахи, менявшиеся с

переходом от утренней сырости к погожему дню и вечерней прохладе. Растирали меж пальцами образцы почвы: от песка до суглинка. На высоте почти шесть тысяч футов днем по-прежнему было тепло, а то и жарко, но ветер нес прохладу. По вечерам на них веяло прохладой с далеких гор.

На северной границе участка, где ручей перешел в заросшее папирусом болото, они обнаружили разрушенную ограду заброшенного краала [\[11\]](#). Шесть круглых хижин почти полностью вросли в землю. Различные оттенки смешались в один — серый. Покосившийся забор потерял форму. С ветвей осыпались пыль и птичий помет — как разложившаяся плоть со скелета.

— Самбуру, — процедил Мальва. — Противнее, чем их родственники — грязные масаи. Когда-нибудь они вернуться — с копьями и голодными козами.

— Они нападут на нас? — спросил Алан.

— Нет, бвана, вас и мэм-саиб не тронут. Только коров и других животных.

Каждое утро их будил аромат свежего хлеба — его выпекали в жестяной коробке на горячих углях. Они умывались в своей реке, пили крепкий чай и ели холодное мясо с теплым хлебом; с ломтей капал темный дикий мед. Потом оставляли Артура в лагере с мулами и дробовиком. Гвенн и Мальва брали винтовки, а иногда и лопату. Алан шел с общей тетрадь. Иногда Гвенн помогала Мальве копать ямки для проверки глубины плодородного слоя.

Время от времени они с Аланом присаживались отдохнуть на валун. Алан записывал результаты измерений или разворачивал карту провинции. Положив руку на плечо мужа, когда он разглаживал ладонями мятую бумагу, Гвенн старалась не замечать невероятной худобы и слабости его пальцев.

С востока и юга участок огибала Эвасо-Нгино. Далеко на востоке простиралась Лолдайкская возвышенность. На севере холмы переходили в плато Лероги. На западе, уже вне пределов видимости, буш пересекали Эвасо-Нарок и другие реки, а за ними тоже вздымались холмы, ведущие к открытым пастбищам Лайкипии.

К своему изумлению, Гвенн нашла охоту увлекательным занятием. Вынужденная изучать повадки животных и разбираться в них, она ощутила странную близость к тем существам, которых должна была убивать.

— Мэм-саиб скоро станет заправским охотником, — сказал Мальва, глядя голодными глазами на только что добытую ею газель Гранта. С гордой улыбкой и ни о чем особенно не думая, его хозяйка коричневыми от загара руками перезарядила «энфилд».

Ближе к вечеру, когда Гвенн охотилась, Алан отдыхал, набрасывая в общей тетради, которую он стал называть журналом, подробные карты каждого уголка их земли: с ручьями, колодцами, скалами, деревьями, красной почвой, засушливым бушем, оленьими тропами. Он носил журнал в своем вещмешке.

Гвенн не могла припомнить, когда еще чувствовала себя такой молодой. На рассвете она поднималась, радостно возбужденная, словно юная девушка, собирающаяся на первый в жизни бал. Промозглая сырость Уэльса, кровавая мясорубка на полях сражений во Франции, позор и ужас на борту «Гарт-касла» — все это осталось далеко позади, в какой-то другой жизни.

Она никогда не получала такого удовольствия от еды, как в эти первые дни в лагере. Каждый кусочек жареной цесарки или газели Гранта был несравненно вкуснее рождественского барашка в Денби. Гвенн возвращалась домой в сумерках, ступая по своей

земле, проголодавшаяся, мечтая о еде. Ее бесконечно радовал приветственный рев мулов. За терновыми кустами весело потрескивал и манил к себе костер, разведенный Артуром для приготовления пищи. За чашкой чаю у огня Гвенн с Аланом изучали его записи и наброски и выбирали самое подходящее место для постройки дома. Даже обсуждать это — и то было счастьем, невообразимой роскошью.

Наконец они выбрали место на полдороге вверх по высокому холму, откуда открывался самый живописный вид. Этот холм располагался на небольшом полуострове у излучины Эвасо-Нгиро. Алан приволок четыре крупных речных камня — отметить углы. С одной стороны будущего дома, словно зонтик, раскинуло плоскую крону хинное дерево. На ровной площадке за домом они разбили сад; скалы и крутой склон горы защищали его от ветра. У подножия горы они обнаружили родник и провели желоб до реки. Просто идеальное место, подумала Гвенн. Ясным солнечным утром отсюда была видна заснеженная вершина горы Кения.

Этим вечером они засиделись у костра. Смотрели в сверкающую звездами ночь и мечтали — о бунгало, об урожае, о будущем. Впервые за все время пребывания в Африке они с Аланом поцеловались, как влюбленные.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Гвенни. — Алан завладел ее рукой и подался вперед. Ей стало страшно. — Я не уверен, что мы сможем иметь детей. Врачи сказали, мне понадобится какое-то время для восстановления.

Гвенн не проронила ни слова. Подтвердились ее худшие опасения. Она откинула голову и поморгала, чтобы удержать слезы. Потом встала и поцеловала мужа в щеку.

— Пора ложиться.

В палатке она лежала без сна, не слыша звона цикад и кваканья древесных лягушек. Она протянула руку и нащупала худую, холодную как смерть руку Алана. Всю последнюю неделю она с ужасом считала дни. Задержка все увеличивалась. Гвенн все чаще вспоминала пророчество Энтон Райдера:

«Но сначала вас ждут страдания».

Энтон лежал в шалаше почти без движения. Рана на животе от отравленной стрелы доробо словно обуглилась — покрылась черными струпьями. Две ночи подряд он бредил. Боль была повсюду, она напухала в нем, жгла внутренности. На шестой день осталась только боль от ожога; однако стоило ему пошевелиться, как напоминали о себе сломанные ребра.

В последующие дни он уже мог читать — вслух или про себя — любимые главы. «Глава 9. Памятный день рождения». «Глава 11. Я начинаю жить самостоятельно, и это мне не нравится».

Иногда они с Кариоки возобновляли занятия. Или он просто лежал и думал. Слушая шелест дождя и громкий шум водопада, размышлял об Англии, цыганах, девушке из спасательной шлюпки, Гвенн Луэллин и о привольной жизни в Африке. Что ждет его в Кении? Встретит ли он еще Гвенн Луэллин? Хорошо, что он поцеловал ее. Энтон не мог забыть ее глаза, волосы и теплую гладкость кожи. И ее ладонь в его руке во время гадания. Вспоминает ли она о нем?

Два африканца-доробо навещали его каждый день — приносили еду. В первый вечер они принесли полый стебель бамбука, наполненный кровью буйвола. Кариоки вылил содержимое стебля в кастрюлю, посолил и разогрел на костре.

— Выпей скорее, Тлага: в тебя вольется сила черного быка. — С этими словами Кариоки поднес к его губам вкусный темный бульон. Никогда прежде Энтон не знал такой заботы.

Доробо приносили мед, лесные ягоды и свежее мясо. Чтобы ускорить его выздоровление, они заставляли Энтон есть толстые медовые соты, в которых иногда застревали неповоротливые пчелы. Вместо ложки записывали липкую животворную массу ему в рот щепочкой бамбука.

В этот предвечерний час, оставшись один и слушая шум дождя, Энтон отложил книгу и сделал то, от чего его настоятельно предостерегали все гадалки.

Он сложил ковшиком ладонь и стал изучать понятные любому предсказателю бугорки и линии. Что он прочитал бы на этой широкой, мозолистой ладони, если бы она принадлежала постороннему человеку? Линия жизни сильна, но еще не вполне оформилась. Этого человека ждут путешествия. Женщины. Два брака, двое детей и неплохой шанс разбогатеть. Но вот эта прерывистая ломаная линия неопровержимо свидетельствует о насилии.

Кариоки частенько садился у входа в шалаш, поддерживая огонь и укрывая Энтон от холода. Однажды рано утром Кариоки взял копье и ушел, оставил в пределах досягаемости Энтон винтовку. Вернулся он уже в сумерках, с чем-то, завернутым в бамбуковые листья и перевязанным так называемой лесной травой — тонкой, но прочной. Энтон развернул сверток и обнаружил шарики желеобразного животного жира.

— Это жир муравьеда, гигантского пожирателя муравьев, — объяснил Кариоки.

Он часто удивлялся: почему на белых все так долго заживает? На войне он не раз наблюдал, как молодые офицеры умирали от ран, которые уложили бы африканца в постель на какие-нибудь сутки, не больше. Но, по крайней мере, этот белый — хороший ходок, когда здоров, и не скулит, как баба, если ранен.

— В моей деревне старики употребляют жир муравьеда для крепости рук и ног.

Благодаря ему мы поставим тебя на ноги раньше, чем эти знахари-доробо успеют тебя прикончить. Когда выздоровеешь, посмотрим, кто такой Тлага: охотник или заблудившийся в лесу мальчонка. И под силу ли тебе убить бонго.

По утрам Кариоки натирал плечи, грудь и живот Энтон жиром муравьеда. А вечером клал ему руку на плечо и начинал нашептывать, и смеяться, и возвышать голос от возбуждения, рассказывая сказки о юном Копперфилде, охотящемся у подножия горы Кения.

— Я уже рассказывал тебе, Зоркий Глаз, о том, как Дэвид отплясывал с дикими кабанами?

Однажды поутру Энтон затошнило от собственного запаха; он встал и немного скованной походкой направился к озеру. Скинул меховой плащ. С неба сыпался мелкий морозящий дождь. Энтон вошел в воду — прямо в грязной рубашке и шортах. Прохладная свежесть утра придала ему бодрости. Он разделся догола и, забросив одежду на берег, поплыл к водопаду. Мышцы в воде расслабились; тело больше не было напряженным.

Он подплыл туда, где вода низвергалась с последнего уступа, и взобрался на него. Вода выдолбила на площадке гладкое углубление. Энтон забрался туда и лег на спину. Сверху на него низвергались радужные струи.

Наконец он поднялся, дрожа от холода, и снова прыгнул в озеро. У подножия водопада дно было особенно глубоким. Энтон нырнул и открыл под водой глаза, чтобы как следует рассмотреть песчаное дно и ступенчатое подножие скалы. Потом он с шумом вынырнул на поверхность и поплыл обратно. На уровне его глаз стелился туман. Энтон вспомнил, как он, зажав в зубах кепку с голубыми яйцами цапли, переплывал озеро в окрестностях Рагби. Как однажды увидел на берегу Стоуна.

Его окружал собор из высоченных деревьев. Дождь еще шел. На дальнем берегу озера Энтон заметил сквозь туман карликовую антилопу с короткими рожками. У нее была каштановая шкура с красноватым оттенком. Не та ли это африканская антилопа, которую он упустил, когда на него напал буйвол?

Неужели это тоже Африка?

Энтон выбрался на берег близ водопада — нагой, но чистый и наконец-то здоровый. Обеими руками стряхнул с себя воду. Потрогал темный рубец на животе и застарелый след от ожога на сгибе локтя. Провел пальцами по груди и нащупал то место, где срослись и уже почти не причиняли боли три ребра. Ущипнул шишку на переносице.

* * *

— Вот теперь ты похож на мужчину, Зоркий Глаз, — с гордостью произнес на следующий день Кариоки. Он открыто любовался Энтоном — тот был в серых пятнистых шортах, потрепанной рубашке, жилете из кожи дамана и обезьяньем плаще. — Но стоит мне закрыть глаза, как я чувствую запах белого человека. Хуже водяного козла. Перед тем как охотиться на бонго, нужно будет смыть с тебя этот запах. Ну, а теперь — в путь.

Забросив вещмешки за спину, они обогнули озеро и двинулись сквозь бамбуковые заросли в ту сторону, где вставало солнце. Густая, непроходимая чащоба, которая оттолкнула его в первый раз, теперь представлялась Энтону если и не садом, то лесопарком — с тайными тропами, хитроумными охотниками, медом, пением птиц, белками-летягами, летучими мышами, барсуками и еще какими-то не известными ему существами.

— Скоро Тлага увидит обитель Нгаи, — торжественно сообщил Кариоки, бросая свой плащ и вещмешок на опушке бамбуковых зарослей. — Вот зачем нужно было дожидаться конца сезона дождей.

Золотые лучи восходящего солнца разогнали туман и глубоко проникли в открывшуюся их глазам обширную долину — с сочной зеленой травой, пересекающими ее во всех направлениях ручьями и банановыми рощами. Здесь пахло вереском и ранней альпийской весной. На опушке леса паслись два черных носорога — длиннорогая самка и детеныш.

Энтон вытащил из вещмешка и отдал товарищу несколько угольно-черных свиных отбивных. Они сели перекусить и одновременно полюбоваться очищающимся от туч небом. На горизонте высились две вершины. Слегка ослепленный ледяным блеском двух пиков-близнецов, Энтон узнал гору Кения.

Набрав горсть земли, Кариоки поднялся и, беззвучно пошевелив губами, бросил ее перед собой в направлении горы. Потом развернул шкуру и угостил Энтон куском медовых сот, которые уберег от насекомых. Но прежде чем начать лакомиться, уронил на землю несколько капель меда.

— Это для Нгаи, — ответил он на невысказанный вопрос друга. — Надо бы мне научить тебя почитать Бога.

— Видишь ли, Тлага, — сказал Кариоки, когда они подошли к ручью, — отсюда, со святой горы Нгаи, пошли люди. Сначала Бог сотворил Кикуйю — высокого и могучего. Потом Мамби — главную жену, мать девятерых крутобедрых дочерей.

Энтон сложил руки ковшиком и напился из ручья. Никогда он не пил такой чистой и свежей воды!

— Из их чресел вышло девять кланов моего народа, — продолжил Кариоки. — Потом, немного расслабившись, Нгаи создал зверей, масаи и — в последнюю очередь — белого человека.

* * *

Когда они вернулись за вещевыми мешками, с оставшегося куска сот поднялось облако маленьких белых бабочек.

Они шли вперед по заболоченной долине; под ногами чавкал и прилипал к ботинкам зеленый мох. Наконец Энтон и Кариоки немного поднялись по склону и вошли в лес. Здесь было гораздо суше, чем на месте предыдущего привала. Характер леса постепенно менялся. Поначалу преобладали продолговатые островки бамбука — словно болото тянуло вверх хищные пальцы. Выше пошли густые заросли древовидных папоротников. Потом лес начал редеть; стали чаще попадаться зеленые поляны. Залитые солнцем прогалины поросли горной травой и незнакомыми лилово-розовыми цветами с удлиненными лепестками. Путешественники устроили лагерь у подножия скалы под раскидистой кроной дикого инжира; массивные серые ветви свисали чуть ли не до земли.

— Переночуем здесь, Тлага: священное дерево моего народа принесет нам удачу.

Вверху затрещали сучья. Подняв голову, Энтон увидел карликовых обезьян, лакомившихся крохотными плодами на коротких черенках — фигами. Отведя в сторону ползучие лианы, Кариоки прижался лбом к гладкой коре дерева.

— Не будем разводить костер. Пусть твое ружье молчит до тех пор, пока ты не отыщешь

отца всех бонго.

Кариоки разбудил Энтон затемно.

— Раздешься, Тлага, и натри этим свою вонючую кожу.

— А ты, Кариоки? — любопытствовал Энтон, втирая в кожу что-то вроде слоистого табака.

— Даже в темноте, Зоркий Глаз, твое тело до неприличия бело — словно брюхо у крокодила. Взгляни на мое. Черное, как рога бонго, и безукоризненно гладкое, если не считать тех мест, где твой немецкий друг поставил на него заплаты — все равно что слепая старуха пыталась починить плетеную корзину. Ну вот. Наконец-то от тебя пахнет лесом. Оденься и возьми с собой винтовку и кусок мяса — больше ничего. И довольно разговоров. Голос белого человека еще противнее его запаха, а у бонго большие чуткие уши.

Кариоки окинул Энтон критическим взглядом и подавил в себе желание рассмеяться.

Он допоздна водил друга по лесу. Не обращая внимания на прочую дичь, переходил от ручья к ручью и от скалы из каменной соли к водоему, выискивая на земле отпечатки раздвоенных копыт бонго. Кого только они не встретили! Гигантских лесных кабанов, носорога, небольшое стадо южноафриканских антилоп и дикобраза. Перед наступлением темноты они наткнулись на круглые отпечатки слоновьих ног. Чтобы заглушить звук шагов, Энтон начал ставить ноги в отчетливые слоновьи отпечатки.

— Так мы никогда не найдем бонго, — упрекнул Кариоки. — Всем известно: ходить по следам слона приносит несчастье.

На четвертый день свежее мясо кончилось, и они перешли на ягоды и сухие ломтики копченого мяса бушбока. Их путь пролегал через густой темный лес, где все — и деревья, и воздух — пропиталось сыростью. Приходилось ползти по земле, прячась под поваленными стеблями бамбука. Им попался мелководный ручей, с водой, достающей до колен. Энтон и Кариоки пошли по воде. Она смыла следы и приглушила звук шагов.

Холмистая местность понемногу выровнялась, а ручей влился в маленькое озеро. С трудом передвигая окоченевшие ноги, Энтон выбрался на сушу. Кариоки присел на корточки и стал изучать застарелые следы на мягкой траве. Наконец он поднял вверх два пальца одной руки, потом один, а другую низко над землей, ладонью вниз. Все это означало: самка с детенышем. Энтон впился глазами в овальные, чуточку вогнутые с внутренней стороны отпечатки копыт. Кариоки указал на куст с частично обглоданными листьями. Энтон внимательно изучил оголенные побеги, определяя по длине засохших концов время кормления.

Он достал из кармана щепотку золы, чтобы определить направление ветра. Кариоки одобритительно кивнул. Путешественники вновь вошли в воду и прошли примерно тридцать ярдов против течения. Выйдя затем на берег, юноши залегли в подлеске, откуда хорошо просматривалось озеро. Энтон беззвучно молил Бога, чтобы самец бонго явился на водопой. Направление ветра изменилось.

Всю ночь они пролежали на животе. Плащи из шкур задубели на ночном холоде. Время от времени до их ушей доносился рев бушбока или трубный клич слона. На заре лес огласился птичьим пением. Обезьяны с красными спинами и белой оторочкой вокруг шеи выглядели почти элегантно и, качаясь на ветвях, устроили оживленную переключку. Энтон вырыл в земле ямку и, бесшумно перевернувшись набок, облегался.

Кариоки проснулся, но целый час лежал без движения. Потом они встали и молча зашагали по берегу ручья, в сторону верховья.

Примерно через час охотники наткнулись на свежий помет двух бонго. Они долго шли по следам — пока те вдруг не пропали под свежееопавшими листьями бамбука. Юноши бросились описывать круги, прочесывая лес, и нашли следы, однако те привели к воде — и снова исчезли. Пошел дождь. Энтон и Кариоки вырыли яму и залезли туда на ночлег, накрывшись вывернутыми мехом внутрь шкурами.

Энтон проснулся в тревоге. По его левой ноге под плащом из обезьяньей шкуры кто-то полз — медленно и щекотно. Время остановилось. Энтон подавил желание вскочить на ноги. Его словно коснулось большое мокрое бревно — только живое, потому что оно ритмично раздувалось и сжималось. Прикосновение было очень легким, почти неуловимым — даже в момент разбухания. Потом Энтон и вовсе перестал что-либо чувствовать. Он по-прежнему не двигался — зато в голове с лихорадочной быстротой проносились мысли. Он понял, что это такое. Гигантская змея.

Слева от него, в каких-нибудь двух-трех футах, спал Кариоки.

Невидимое существо — возможно, привлеченное исходившим от юношей теплом — снова зашевелилось. Энтон ощутил его прикосновения сразу в нескольких местах: у сгиба левого локтя, возле лица и в области лодыжки.

Такая длинная и толстая змея могла быть только питоном! Он вспомнил иллюстрацию к одной из книг из библиотеки фон Деккена. Восемь африканцев шествуют гуськом; каждый, словно полено для костра, несет на плече обрубок туловища питона. А неподалеку на земле валяется огромная голова и футов пять туловища; из чудовищной разверстой пасти удава, как из тугого воротника, торчит голова молодого бушбока. Две пары мертвых глаз производили жуткое впечатление. Только рога жертвы помешали удаву, вслед за переломанными ногами и туловищем бушбока, сожрать голову. Два ряда загнутых назад зубов вонзились бушбоку в шею. Текст под картинкой гласил: сам по себе укус питона не смертелен, но оказывает парализующее действие.

Когда змея снова затихла, Энтон прикинул: ее голова — величиной с голову маленького осла — должна находиться на уровне его собственной.

Ему удалось справиться с паникой. Все было тихо, только капли дождя барабанили по их меховым плащам. Три головы лежали в ряд. Спят ли те двое?

Энтон понимал: винтовка здесь не поможет. Он начал медленно — ужасающе медленно и осторожно, чтобы не шевельнулись остальные мышцы — высвободить правую руку из-под тяжести тела. Потом точно так же освободил от ножен свой нож. И замер.

Минуты казались вечностью. Энтон не знал, способен ли питон ощущать страх, как другие животные. Или тепло. Может быть, дождь и запахи мертвых шкур притупили его обоняние?

Рядом что-то дернулось. Энтон вскочил, ничего не видя в темноте и боясь пустить в ход нож, чтобы не ранить друга.

— Тла..! — только и успел выкрикнуть Кариоки. На берегу ручья разгорелась схватка. Человек и питон барахтались в месиве из грязи и опавших листьев. Понимая, что он может помочь Кариоки, только разделив опасность на двоих, Энтон набросился на вздымающуюся массу.

К этому времени питон успел дважды обвиться вокруг торса Кариоки и прижать одну его руку к боку, а другую захватить челюстями.левой рукой Энтон скользнул вдоль тела питона, но, не дойдя и до середины, ощутил мощные спиралеобразные движения колец, подбиравшихся к шее жертвы. Кариоки с силой взбрыкнул, и все трое свалились в ручей. Три

тела сплелись в один тугий комок, стали как бы одним существом. Голова Энтоня очутилась под водой. Гигантская змея обвилась вокруг его ног и сжала так, что он перестал их чувствовать.

Энтон задержал дыхание и вонзил в питона нож — в том месте, где он обвился вокруг спины Кариоки. По твердому, толстому, как ствол дерева, телу змеи пробежала судорога. Питон изогнулся над водой и выдернул Энтоня на поверхность, а тот, вцепившись в него одной рукой, продолжал неистово орудовать ножом, словно пилой. Он боялся, как бы у Кариоки не сломался позвоночник.

Нож прошел сквозь тело питона и ранил Кариоки. Только узкая полоска кожи и мышц еще соединяла две части туловища омерзительной гадины. Яростно изогнувшись, питон разорвался надвое. Нижняя часть содрогнулась — и умерла. Хвост питона больше не держал ноги Энтоня мертвой хваткой.

Отчаянно работая руками, Энтон выбрался на берег и стащил с себя мертвые кольца. Но не успел он встать, как на него обрушились Кариоки и верхняя, еще живая часть змея. Пытаясь ощупью найти в темноте шею питона, Энтон наткнулся на твердую приплюснутую голову. Он вонзил в нее нож. Змея разомкнула челюсти и отпустила руку африканца. Энтон продолжал кромсать. Кариоки вскрикнул от острой боли.

Энтон почувствовал, как отсеченная голова питона скользнула вдоль его торса. Несколько секунд, показавшихся Энтону вечностью, оставшаяся часть туловища — что-то около десяти футов — еще жила: билась и изгибалась, то ослабляя хватку, то с новой силой стискивая Кариоки. Энтон продолжал полосовать ее, спасая друга. Наконец все стихло.

Оба юноши рухнули на берег, под дождем, дрожа и задыхаясь. Страх уходил медленно, постепенно. В свете занимающегося утра стало видно: рубашка на Энтоне разодрана; вся грудь — в омерзительно розовой слизи. Охотники искупались в ручье. Энтон окинул взглядом то место, где только что разыгралась кровавая схватка. Развороченный, словно по нему прошелся плуг, берег являл собой месиво из сломанных веток, шкур убитых животных и окровавленных кусков питона; чешуя оливкового цвета переливалась в рассветных лучах. Хищная голова наполовину покоилась в воде. Обрывки кожи и раскромсанной плоти обрамляли ее кроваво-красным воротником.

Энтон не был ранен, только ребра вновь напомнили о себе. Зато Кариоки стонал и прижимал ладонь к лицу. Уже находясь при последнем издыхании, питон повредил ему левый глаз. Энтон зажал лицо друга ладонями — как в тот раз, когда Эрнст «штопал» его на ферме «Гепард» — и большими пальцами разлепил веки. Энтон всмотрелся в глаз. Зрачок остался круглым, но нижняя часть роговой оболочки покрылась царапинами и помутнела.

Кариоки промыл глаза. Энтон оторвал от того, что было его рубашкой, один рукав и, тщательно прополоскав, забинтовал левый глаз Кариоки.

— Следуй за Тлагой обратно в лагерь, Кариоки, — произнес Энтон, подбирая копье, винтовку и то, что осталось от их одежды. — Завтра мы отправляемся в деревню твоего отца. Оставим бонго до следующего раза. Этот лес слишком опасен для моего чернокожего друга.

В лагере Кариоки лег на берегу ручья и опустил голову в воду. А когда поднял, обратился к Энтону с вымученной улыбкой.

— Вечно твоя помощь немного запаздывает, Тлага. — Энтон так и не понял, шутит Кариоки или говорит серьезно. — Ну, а теперь тебе придется поискать особый древесный гриб — киранги. Он растет только на старых стволах бамбука. А я пока разведу огонь.

День уже клонился к вечеру, когда Энтон подошел к самому большому островку

бамбука, на который он обратил внимание неделю назад, когда они вошли в лес. Инстинкт подсказал ему передвигаться как можно тише; он шел, пригибая голову, под сломанными стволами, стараясь сохранить равновесие, ступая по скользким упавшим веткам, и безотчетно избегая опираться на стволы: они могли оказаться гнилыми. Голова его то и дело подпрыгивала и ныряла, как у дятла: он боялся поранить лицо об остроконечные побеги.

На краю просеки стояло несколько очень высоких бамбуков, задыхающихся в цепких смертоносных объятиях виноградных лоз и лиан. Энтон вспомнил наставления Кариоки — искать самые старые деревья.

Он нашел древесный гриб у основания самого высокого дерева — сначала в виде похожей на тончайшее кружево плесени, а затем — в виде губки. И, прислонив «меркель» к поваленному стволу, достал немецкий нож.

Уже собравшись соскоблить «губку» на кусочек кожи дамана, который он носил в кармане шорт, Энтон услышал на другом конце поляны треск ломаемых сучьев. Взявшись одной рукой за винтовку, он осторожно выглянул из зарослей бамбука.

Он застыл, как вкопанный. Сначала в бледных лучах заходящего солнца блеснули янтарным блеском кончики рогов. Наконец показались и сами великолепные черные рога длиной около трех футов, закрученные спиралью. Два больших овальных уха подрагивали, прислушиваясь к тому, что не дано слышать человеку.

На поляну вышел роскошный самец винторогой антилопы.

Бонго оказался куда массивнее, чем представлял себе Энтон, — с крутым, словно горб, загривком, могучей шеей и сильными задними ногами. На лоснящихся густо-каштановых боках отчетливо выделялись двенадцать вертикальных белых полос. Животное повернуло голову в сторону бамбуковых зарослей. Энтон увидел на каждой щеке по два больших белых пятна и еще одно — меж глаз животного. В голове мелькнуло: «Отмеченный Богом».

Бонго легко повернулся на черно-белых ногах и стал ошипывать высокие кусты. Энтон вспомнил другое животное, которое так же мирно лакомилось листочками, — старого зайца в Виндзорском парке. Того самого, из-за которого он очутился в Африке.

Гигантский самец продолжал есть. Энтон убрал нож в ножны. Приноравливая свои движения к мерному постукиванию друг о друга бамбуковых стволов и шороху листьев, поднял винтовку. Зверь глубоко погрузил величественную голову в крону дерева. Энтон снял предохранитель. Гуго фон Деккен был бы доволен. Идеальный выстрел в сердце с расстояния в сорок ярдов.

Бонго повернул голову в профиль и потряс тяжелыми рогами. На янтарных кончиках рогов еще мелькали отблески заката.

Он был слишком прекрасен, чтобы его убить. Энтон опустил винтовку.

Все четверо сидели на веранде, наслаждаясь выпивкой и горячими индийскими пирожками с горохово-луковой начинкой. По подъездной аллее приближались две атлетические фигуры в плащах из обезьяньих шкур.

— Алан Квотермейн собственной персоной! И Амбопа, будь я проклят! — воскликнул Пенфолд, обращаясь к жене и Васко Фонсеке с сестрой.

На рабочем столе рядом с креслом Адама Пенфолда ждали пузырьки с разноцветной эмалевой краской и пять оловянных фигурок, среди которых четверо были персидскими стрелками из лука, а одна — греческим воином. Богато инкрустированный щит грека уже почти высох. Скоро он сможет воевать.

— Кто это — Алан Квотермейн? — поинтересовалась Анунциата, не отводя глаз от приближающейся фигуры англичанина в плаще из звериной шкуры. — У него такие же плечи, как у этого?

— Квотермейн — отважный герой «Копей царя Соломона», — ответила Сисси. — Этакая романтическая чушь, привлекающая английских мальчишек в Африку. Адам обожает такие вещи. Правда, мое сокровище?

— Истинная правда, дорогая. — Пенфолд перевел взгляд на Анунциату и стряхнул с кисточки из шерсти импалы немного бронзовой краски.

— А Амбопа был негром, слугой Квотермейна. Расхаживал в чем мать родила.

— Вообще-то Амбопа был сыном короля и верным другом Квотермейна, — нехотя поправил Пенфолд, сознавая бессмысленность своей попытки. Он взгляделся в двоих мужчин. — Кажется, этого чернокожего дикаря я уже встречал — не припомню, где.

Не доходя до отеля, мускулистый африканец с кожаной повязкой на глазу свернул с аллеи и устремился в деревню.

— А по-моему, белый — тоже дикарь, — лениво заявил Фонсека, стряхивая с мятого белого пиджака сигарный пепел. — Он практически босой. Копыта моей лошади — и то чище.

— Почему бы тебе не спросить у него самого, дорогой братец?

Анунциата пристально разглядывала рослого молодого человека с потрепанным вещевым мешком и начищенной, без единого пятнышка, двустволкой.

— Здравствуйте, — сказал Энтон, приподнимая коричневую шляпу.

— Приветствую вас, сэр, — живо откликнулась португалка, выпрямляясь в плетеном кресле и рукой поправляя блестящие черные волосы. — Мое имя — Анунциата Фонсека. Мой брат, присутствующий здесь Васко Фонсека, жаждет выяснить: вы случайно не дикарь?

— Возможно, мэм, но предоставим ему самому судить об этом — после того, как он задаст мне соответствующий вопрос, — беззлобно ответил Энтон, наслаждаясь их обществом после затянувшегося пребывания в буше. — Меня зовут Энтон Райдер.

— Добро пожаловать в «Белый носорог». Я — Адам Пенфолд, — представился владелец отеля, ощущая некоторую неловкость из-за перемены в Анунциате. Тем не менее, он с дружелюбной улыбкой протянул Энтону руку. — Похоже, вам не мешаает выпить. Оливио! Оливио!

— Может, присядете? — предложила Сисси, указывая на свободный стул рядом с собой. — Отобедайте с нами. Если, конечно, не боитесь скуки.

— Спасибо, мэм. — Энтон опустил на пол вещмешок, повесил на перила меховой плащ и сел на ступеньку. — Если здесь есть где умыться и переночевать, буду счастлив составить вам компанию.

— Вечно ты весь выводишься в краске! — попрекнула Сисси мужа. — И все кругом пачкаешь.

Энтон смотрел, как Пенфолд закручивает крышки на бутылочках, и вспоминал Зебру.

* * *

У женщин нет ни стыда, ни совести, думал Оливио, стоя на своем посту под барсучьей головой с перекинутым через руку полотенцем и время от времени шепотом отдавая приказы официантам.

На его глазах хозяйка с Анунциатой на все лады изощрались перед молодым англичанином, соперничая между собой, как две мартовские кошки. Уже нарядившиеся к обеду, после появления парня они рванули в свои комнаты — наводить красоту. Но одной это не пошло на пользу.

Румяна на щеках леди Пенфолд ничуть не омолодили ее, а лишь подчеркнули лошадиную форму головы. Зато Анунциата — с замиранием сердца подумал карлик — распахнула врата ада. Шелковая кремовая юбка вздымалась, как волны вокруг корабля. Ворот был расстегнут на одну пуговку больше, чем обычно. Если бы Анунциата была бутылкой шампанского, пробка так и вылетела бы в потолок.

— Из какой вы области Англии? — спросила Сисси Пенфолд, вперяя в молодого человека манящий взгляд. Обычно ей не составляло труда установить это по выговору. Опять же — предлог для привлечения внимания.

— Отовсюду понемножку, мэм.

«Что только эта стерва о себе воображает?» — мысленно возмутился Оливио, наполняя бокал хозяина и вытирая горлышко бутылки. Если этому огородному пугалу удалось попользоваться его собственными милостями, она уже возомнила, будто способна заарканить такого парня!

— Называйте меня Сисси, — жеманно улыбнулась леди Пенфолд, от чего сухая кожа на ее физиономии натянулась еще больше. Запах — вот чем ее всегда привлекали молодые мужчины! От этого пахло медом. Так и хочется всего обнюхать! — Вы ездите верхом?

— Да.

— Чудесно! Участвуете в сафари? Или в соревнованиях?

— Скорее в загородных ярмарках, — туманно ответил Энтон. Ему было неловко и немного смешно от такого ажиотажа.

— Понимаю, — начала Сисси, но Анунциата не дала ей договорить.

— Кататься с нашей хозяйкой — незабываемое приключение! А вы бы не поучили меня обращаться с вашей замечательной винтовкой? Скажем, сегодня вечером, когда станет прохладнее?

— Конечно, мэм. — Энтон скопил глаза на пшеничный пудинг и тушеные плоды манго, только что поставленные перед ним официантом.

Сисси поджала губы. С одной стороны, ее шокировала подобная наглость, а с другой — может, эта сучка отстанет от ее мужа?

«Стыд-позор! — негодовал Оливио. — Обе сделали стойку на этого мальчишку. Похоже, он из тех, кто ловит без удочки».

— Боюсь, нашему юному другу Райдеру так и не дадут отдохнуть, — произнес Пенфолд, страшно огорченный интересом Анунциаты к молодому человеку. — Как по-твоему, Фонсека? Хоть бы поесть дали.

Самое разумное — отступить. Если он хочет, чтобы она когда-нибудь вернулась, нельзя обнаруживать свою ревность. «Лучший забор — никаких заборов», — говаривала одна его старинная приятельница.

— Этот край понемногу становится бойким местом, — продолжил Пенфолд. — Всех потянуло на север. Как-то там дела у Луэллинов? Хотите мармита, молодой человек?

— Если вы будете так добры. — У Энтона подпрыгнуло сердце. — Вы сказали «у Луэллинов», сэр?

Он почувствовал на себе пристальный взгляд Анунциаты.

— Прелестный дикий цветок по имени Гвенн таскает за собой по нашей дикой земле своего увядшего мужа, — пояснил Фонсека, отставляя свой стул и при этом безбожно царапая пол. Он вынул из кармана конверт и, не поворачивая головы, протянул карлику. — Время сиесты. На вот, отправь письмо.

Оливио поклонился.

— Конечно, сеньор.

После кофе он пристроился на кухне, за бочкой любимых маслин хозяина. Во внутреннем кармане кушака лежало письмо Фонсеки лиссабонскому адресату. Оливио сжал ладони и растер между ними сухие шершавые листочки — получился замечательный порошок зеленого цвета. И вдруг увидел в окне ненавистную фигуру Кариоки, устремившуюся к бунгало хозяина. Еще одна неприятность! Неужели ему никогда не удастся покончить с врагами?

Оливио вспомнил тот вечер, когда Кариоки застал его, невинно забавляющегося с маленькой Киной. Кроме этого дикаря, только два человека на свете посмели поднять на него руку. При мысли о такой беспримерной жестокости Оливио крепче стиснул ладони. Всякий раз, стоило ему, благодаря смекалке и огромным усилиям, чего-то добиться, как какой-нибудь обидчик напоминал о его физическом несовершенстве. Первые двое мучителей — главарь банды уличных подростков в Индии и английский офицер, застигнувший его за актом шпионажа, — уже заплатили.

На коврике в углу заскулил Ланселот. Отвратный звук напомнил Оливио о его намерении. Он добавил к ядовитому порошку щепотку жженого сахара. Глядя в окно на хижину Китенджи, карлик размышлял о том, как бы свести счеты с другим своим врагом. Ответ мог быть только один: Кина.

Он повернулся к жалобно подвывающему зверю. Худобой Ланселот уже перещеголял свою хозяйку. Оливио нагнулся к нему и принялся. Чуткие ноздри уловили запах гниения и близкой смерти. Он положил адскую смесь в собачью миску.

Что, кроме мести, может дать человеку столь сильные и острые ощущения? Любовь? Видал он любовь — не раз наблюдал за тем, как она всходит и заходит быстрее зимнего солнца! Но месть — о, месть передается из поколения в поколение, иногда даже из века в век. В воспоминаниях Оливио заново пережил свой первый опыт мщения.

Два года молодой Рамшан издевался над ним — над его маленьким ростом, смешением рас в его крови, даже над круглым черепом. Другие мальчишки учились выпрашивать

милостыню, красть и совершать набеги на темные аллеи и шумные базары Гоа, но Оливио не был допущен в их компанию. Он был слаб, медлителен, не умел как следует играть, драться или удирать от погони. Но однажды он предложил им хитроумный план ограбления — более соблазнительный и менее рискованный, чем прежние. Предполагалось свалить вину на мальчишек из других шаек. При этом новом способе даже его маленький рост становился преимуществом.

Однажды вечером, перед закрытием, карлик спрятался под столом в лавке медника. Выждав сколько нужно, он отпер дверь и впустил Рамшана и остальных. Но когда парни удирали, прихватив светильники, тарелки и кастрюли, один из них зацепился за порожек и упал. Поднялась тревога. Попался один Оливио. Оказавшись перед выбором: подвергнуться порке или получить вознаграждение, — пятнадцатилетний карлик выбрал второе. Он выдал Рамшана. Спустя неделю разъяренный хулиган нашел его.

Весь в синяках и ссадинах после порки, Рамшан заставил Оливио влезть в мешок и, затянув веревку, потащил в док, волоча по разбитым, в навозе, улицам. Наконец мешок разорвался, и показался Оливио — весь в порезах. Никогда ему не забыть пережитого в тот ужасный день!

Он услышал возбужденный гул голосов — собрались мальчишки. Оливио снова запихали в мешок и сбросили в какую-то вязкую жидкость, которая быстро впиталась в мешковину. Карлик принялся. Оливковое масло. Но прогорклое — не то ароматное оливковое масло, которое он обожал.

Потом парни бросили мешок на каменный пирс и разрезали. Схватили Оливио. Поднесли к открытой бочке. Там плаваладохлая крыса со вспоротым животом и распухшими внутренними органами.

Парни сорвали с карлика одежду и окунули в бочку вниз головой. Они измывались над ним несколько часов подряд: заставляли играть с крысой, высмеивали его имя, вынуждали пить масло и есть протухшие оливки. Под конец они вывалили его в красном порошке карри и пустили по улице, где промышляли проститутки.

К счастью, в Индии месть — плевое дело! Оливио понадобилось полгода, чтобы, поработав массажистом в борделе, собрать нужную сумму. Опять же, там он постиг искусство интимного массажа, стал подлинным мастером сурьмы и киновари — чернил женщинам веки, красил губы и обводил карминной краской соски. Он научился пользоваться своим толстым языком, когда приходилось каждую ночь трудиться над увядшими прелестями индийской мадам — и представьте, даже ее удавалось привести в чувство!

В отличие от Африки, где все делается кое-как, в Индии и Гоа над удовлетворением любой человеческой потребности трудятся профессионалы, у которых за спиной — опыт многих поколений. Каждая каста и подкаста занимается своим ремеслом. Уголовный мир тоже имеет свой устав и приверженцев.

Однажды утром Рамшан сидел, скрестив ноги, на воровском рынке — надеялся обменять на что-нибудь подходящее рулоны краденого хлопка. Над ним склонился какой-то человек и предложил большой кувшин масла для лампы. Сообщник этого человека подкатил запряженный волами фургон странствующего кузнеца. В глубине повозки на массивных цепях держалась переносная печь; горели угли, и калилось железо.

Одно колесо повозки нечаянно наехало Рамшану на правую ногу, раздробив тонкие кости. Парень завопил. На него так же нечаянно опрокинулся кувшин с маслом, а затем

открылась печь; на Рамшана посыпались раскаленные угли. Масло воспламенилось. Последним, что сохранилось в памяти Оливио, наблюдавшего за спектаклем из соседнего закоулка, была огненная фигура, которая силилась подняться на одной ноге и бешено размахивала руками, что делало ее похожей на пылающий крест. Совсем как фейерверк, удовлетворенно подумал Оливио, устраиваемый португальскими моряками в день их святого.

Вот какие воспоминания пронеслись в голове у карлика, пока он подсматривал за вышедшими из убогой хижины Китенджи и его сыном Кариоки. На этот раз старый мошенник опирался не на посох, а на плечо сына. Он собрал вокруг себя жителей деревни. К сожалению, Оливио не мог слышать их разговор, но с отворачиванием наблюдал за почестями, воздаваемыми сыну вождя по случаю его возвращения.

К собравшимся подбежала Кина; пухлые голые груди стояли торчком. Вот что значит молодость! Оливио облизнулся. Кариоки отстранил других и обнял сестру. Как можно так бесстыдно обниматься — пусть даже с братом? Безобразие! Пора вырвать ее из лап этих собак!

* * *

— Я правильно держу? — спросила Анунциата, лаская Энтонна взглядом больших карих глаз. Она стояла рядом с ним на коленях на дне высохшей речушки. Крутые берега поросли терновником и маленькими желтыми цветами с пурпурной середкой.

Анунциата оперлась локтем левой руки на колено. К правому плечу она приставила тяжелый «меркель».

— Покажи еще раз.

Энтон опустился рядом на корточки и заглянул в оба подрагивавших ствола, остро ощущая близость ее тела. Волосы женщины коснулись его щеки. Он затаил дыхание, упиваясь ароматом ее духов. Пульс участился. Только бы она не заметила!

— Положите левую руку вот сюда, чтобы сместить центр тяжести. Крепче прижмите оружие к плечу. Вот так.

Португалка откинулась назад. Они оба свалились на землю.

Лежа на спине, Энтон смотрел вверх, в смеющиеся глаза Анунциаты. Ее грудь прижалась к его торсу.

— Какие у тебя глаза! — Она провела языком по его губам. Энтон зашевелился: его беспокоило то, что винтовка валяется на песке. — Лежи тихо.

Она села на него верхом. В вышине трепетали листья акации; сквозь них и сквозь волосы Анунциаты просвечивало голубое безоблачное небо. Энтон разволновался — но волнение было приятным.

Анунциата приблизила свои губы к его губам.

— На природе — слаще всего! — словно в забытьи, прошептала она и взяла левую руку Энтонна. Он почувствовал прикосновение острого кончика ее языка к своим пальцам. Потом она провела его рукой по своей груди.

— Вот так. Теперь другую. Так-то лучше, Синеглазик.

Она расстегнула пуговку, и Энтон поразился: под блузкой было голое тело. Отвердевшие соски уперлись в льняную кремовую материю. Анунциата откинула голову

назад. Она тяжело дышала и, прикрыв глаза, наслаждалась его прикосновениями.

Потом ее острые ногти поползли вверх по его животу и груди. Он весь напрягся. Соски покалывало.

— Откуда у тебя это уплотнение? — Спросила она, целуя то место, где у него срослись сломанные ребра.

— Подрался с буйволом, — глухо ответил Энтон.

Сбросив блузку, Анунциата наслаждалась его восхищением. Потом отодвинулась немного назад. Бежевая юбка в складку закрывала бедра.

— Я буду твоей первой женщиной?

— Надеюсь. — Его плоть отвечала на призыв ее плоти.

— Мой брат был прав: ты — молодой дикарь. Пора тебе кое-чему научиться.

Она поднесла его руки к своим грудям и заставила крепко сжать их. У Энтона захватило дух.

— Не будем мять юбку.

Анунциата расстегнула серебряную пряжку, сняла и, вывернув наизнанку, аккуратно сложила юбку.

Энтон смотрел на нее в изумлении. Шелковое нижнее белье Анунциаты было цвета слоновой кости и контрастировало с оливковой кожей слегка выпуклого живота. Она положила руку на его тугий живот и стала покачиваться из стороны в сторону. Энтон жаждал очутиться у нее внутри.

Сначала неловко, потом все более страстно, он начал знакомиться с ее телом. Сжал и поласкал груди. Погладил шею, плечи, талию. Анунциата выпрямилась и запрокинула голову. Потом наклонилась и, подложив руку ему под голову, приподняла так, что он уткнулся лицом в ее груди.

Ошалев от медового тепла ее кожи, Энтон зажмурился; по телу прошла невероятно мощная и сладкая судорога; все завершилось взрывом. Анунциата упала на землю рядом с ним.

Прошло несколько минут, прежде чем он почувствовал на себе ее спокойный взгляд. Он лежал на спине; веки трепетали; сердце грозило выпрыгнуть из груди. Нижнее белье женщины валялось неподалеку.

Страшно смущенный, думая, что все кончено, Энтон простонал и попытался взять себя в руки. Он выставил себя на посмешище! Это должно быть по-другому!

Анунциата стащила с него запачканные шорты и стала, как кошка, лизать его.

— Я научу тебя думать не только о себе. Видишь ли, Синеглазик, англичанину нетрудно завоевать женщину, но чтобы удержать ее, нужно действовать не так, как они.

Ошалев от ее прикосновений, Энтон не мог сосредоточиться на словах. В нем снова шевельнулось желание. Выгнув спину и запрокинув голову, Анунциата уселась на него верхом и начала медленную скачку, время от времени заводя руку назад, чтобы легонько провести коготками по его ноге. Энтон отчаянно заморгал. Небо вспыхнуло искрами и заходило ходуном. Вселенная покачнулась.

Наконец-то он внутри женщины! Им овладело никогда прежде не испытанное чувство полноты жизни.

Подняв сухую ветку терновника, Анунциата провела ею по его животу. Энтон подавил стон: боль напомнила ему о действиях татуировщика. Не прекращая плавных движений вверх и вниз, Анунциата залюбовалась двумя длинными, алыми полосками.

— Сосредоточься, — приказала она, делая еще одну царапину.

Энтон судорожно плотнул воздух. Анунциата напряглась. Что она собирается делать? Она отбросила ветку и погладила его израненный живот.

— Сейчас я покажу тебе путь к сердцу женщины.

Она со вздохом скатилась с Энтона и легла рядом, так что ее колени оказались на уровне его головы. Бережно взяв в ладони лицо Энтона, она прижала его к себе. Энтон вдохнул удушливый запах мускуса и отдернул голову. Этот запах был ему знаком по приключению на «Гарт-касле». На мгновение в голове мелькнул образ другой женщины.

Смочив два пальца в любовной влаге, Анунциата погрузила их Энтону в рот. Он вспомнил двух слонов у озера и удивился неожиданной сладости у себя во рту.

— Поцелуй меня, Синеглазик.

Анунциата легла на спину, поверх его рубашки. Энтон покорно встал на колени. Разведя ноги, она засунула внутрь себя его большой палец, а среднему дала попутешествовать в нежных складках плоти, пока он не приблизился к отверстию. Завороженный, Энтон стал пощипывать и массировать тонкую, разделяющую оба пальца, мембрану. Анунциата застонала и издала звук поцелуя. Руками она вцепилась юноше в волосы и направляла его голову до тех пор, пока он не начал — сначала неловко, потом все более уверенно — ласкать ее языком. Она тоже ласкала его, приводя в готовность.

— Puta! Puta! [\[12\]](#) — раздался сверху грубый мужской голос.

Энтон вскочил — в одних ботинках, с мокрыми щеками и горящими глазами, прикрывая ладонями причинное место. С берега на них взирал Васко Фонсека, сжимая в руках винтовку. Потемнев от ярости, он кричал сестре что-то по-португальски. Энтон сделал шаг к своей винтовке, однако ничуть не смущенная Анунциата спокойно и твердо положила ладонь на его «меркель».

— Пошел прочь! — крикнула она брату.

Фонсека сплюнул и, еще раз выругавшись, исчез в буше. Растерянный, не в силах произнести хотя бы слово, Энтон стал трясущимися руками натягивать шорты.

Анунциата приподнялась и привлекла его к себе. Они обнялись. У Энтона голова шла кругом.

— Теперь ты никогда не забудешь меня, Синеглазик, — пробормотала Анунциата.

Энтон улыбнулся и уже новыми глазами посмотрел на нее. На обнаженной женской груди искрились песчинки. Он расстегнул шорты и медленно провел рукой у нее между бедрами.

Оливио поспешил к небольшому, крытому соломой флигелю, служившему ему домом. В потайном кармане его кушака лежало письмо Фонсеки. В одной руке он нес чайник с кипятком — пар так и рвался наружу.

«Дворец Тюдоров в буше», — окрестил этот маленький коттедж лорд Пенфолд, любясь прямоугольными кедровыми бревнами, которые пошли на углы, ниши и подоконники. Пока не построили «Белый носорог», во флигеле жили сами Пенфолды, а затем он достался Оливио, как бы подчеркивая привилегированное положение карлика. Вот только кто они такие — Тюдоры?

Оставив сандалии за дверью, Оливио вошел в гостиную. Деревянный пол был сплошь устелен плетеными индийскими циновками, поверх которых красовались изумительные бенгальские коврики. Подле каждой из стен расположились вышитые подушки. Вокруг низенького медного стола были расставлены расшитые бисером пуфики. На столе стояла фотография в рамке.

Карлик заглянул в спальню — чтобы в очередной раз прийти в восторг от поистине королевской кровати. Он привез ее из Гоа. Вырезанная из сандалового дерева, эта вместительная, высоко поднятая над полом кровать могла принадлежать только в высшей степени достойному человеку. На одной подушке, рядом с аккуратно сложенным номером «Англо-Лузитано» — гоанской газеты, выходящей в Бомбее, — лежало распятие. Где еще подобает следить за ходом мыслей португальского консула о гоанском представителе в Совете общины Момбасы? Или за перипетиями соревнований по крикету между командами железной дороги и Гоанского института? Или прочитать беспримерный по наглости проект заменить белыми тысячу гоанцев на государственной службе в Кении — он несомненно будет отклонен, потому что труд европейцев ценится гораздо дороже?

На стенах спальни висели зеркало и яркая картина: трое всадников-конкистадоров ведут караван с добычей — слоновой костью и невольниками; шея каждого раба прикована к тяжелому деревянному ярму. Первый всадник держит на плече громадный крест. Сдвинутый назад защитный шлем сверкает на солнце.

Карлик уселся на круглую кушетку в гостиной. Водружая на стол чайник, взглянул на фотографию. Старинная сепия выцвела, как память о давнем сне. На ней были изображены фасад и выщербленные ступени колледжа Св. Павла сиротского приюта в Гоа. Здесь Оливио провел счастливейшие годы своей юности. На лестнице застыли в неестественных позах учащиеся, наставники в сутанах. В переднем ряду сразу бросался в глаза один мальчик — маленького росточка, с круглой как шар головой и без всякого выражения на лице. Маленькие, глубоко посаженные глазки равнодушно уставились в объектив. Оливио вспомнил, как специально для съемки надел ботинки на самых высоких каблуках. А когда фотограф нажал на спуск, поднялся на цыпочки.

Скоро он сможет сделать новое перечисление на банковский счет колледжа Св. Павла для сирот смешанной расы. Настанет день, и на табличке с именами жертвователей выгравировуют: «ОЛИВИО ФОНСЕКА АЛАВЕДО». Его имя будет жить в веках.

Карлик поднес уголок конверта к носику чайника, откуда выходил пар. И вдруг, не оборачиваясь, почувствовал чье-то присутствие. Вождь Китенджи, вонючий вор-кикуйю!

— Что тебе нужно в моем доме?

— Я пришел просить вас, Баба, почтить своим присутствием торжества по случаю возвращения с войны моего сына Кариоки.

— Как? Ты являешься ко мне с пустыми руками? Разве я разрешил поднимать шум в вашей крысиной норе? Беспokoить гостей его светлости? Ну так послушай, я тебе кое-что скажу!

— Но, возлюбленный Баба, господин лично разрешил нам устроить праздник. — Стоя в дверях, вождь Китенджи неуклюже опустился на корточки.

— Хозяин еще не знает обо всех преступлениях, которые вы совершили в его отсутствие. А также о преступлениях гнусного отродья, которое ты зовешь Кариоки. До сих пор я заступался за твою семью, старик. Но теперь ты заплатишь сполна. Завтра на рассвете твоя дочь Кина станет моей служанкой. Никаких ей торжеств! Будет на этой циновке!

— Мой сын не совершил ничего дурного, великолепный Баба. А моя дочь не может говорить.

— У нее хватит других достоинств. Я и так слишком долго ждал. Ей уже двенадцать. Кто еще проявил бы такое терпение? Завтра же с восходом солнца ты приведешь ее ко мне, или я раздавлю твоего единственного сына, как зерно между жерновами.

— Я вижу, вы вскрыли конверт, — проговорил вождь после длительной паузы.

— Выбирай, что тебе можно видеть, старик! Если я увижу в хижине твоего сына вещи, украденные из отеля, он живо очутится в английской тюрьме. Убирайся! Ступай, скажи Кине, какое счастье ее ждет. Пусть приготовится.

Выпроводив бедного старика, Оливио развернул письмо Васко Фонсеки лиссабонскому поверенному, где Фонсека подтверждал, что является единственным внучатым племянником покойной донны Кастаньеда. Несомненно, писал Фонсека, сеньор Гама получит вознаграждение за сложный и кропотливый труд по передаче наследства многоуважаемой тетушки в руки законного наследника. Но уже сейчас, требовал автор письма, поверенный должен изыскать способ перевести крупный аванс в «Стандарт-банк Южной Африки» в Найроби, так как Фонсека собирается вложить деньги в покупку земли здесь, в Британской Восточной Африке.

Оливио запечатал конверт крохотными капельками расплавленной канифоли, переписал адрес и вернулся в «Белый носорог» — распорядиться насчет ужина.

Он бесшумно вошел в столовую и, пристроившись под чучелом барсука, осмотрелся.

Прекрасно знакомый с кое-какими потребностями своей хозяйки, он моментально понял, что леди Пенфолд сгорает от неудовлетворенного желания. Из бирюзового платья с огромным вырезом выпирали костлявые ключицы. Когда она вставала, казалось — платье вот-вот свалится с нее, как с вешалки. От карлика не ускользнуло, что под столом она злобно сжимала кулаки. Вот бы вложить ненасытную похоть леди Пенфолд в организм другой женщины! То, что внушает отвращение в леди Пенфолд, было бы неотразимо в другой.

— И почему эти дебилы кикую не способны хоть что-нибудь делать как следует? — возмущалась Сисси. — Даже не могут разогреть подливку. Вон как загустела — жир плавает сверху!

— Нет плохих солдат, — пробормотал Пенфолд.

— Это еще что значит?

— Старая полковая поговорка, дорогая. Нет плохих солдат, есть плохие генералы.

— Ты не слушал, что я сказала, — заявила Сисси, кладя конец дискуссии. Ей вдруг бросились в глаза морщинки у нее на руках. Господи, как страшно стариться!

— Попробуйте, Райдер, надеть мои старые сапоги, — предложил тем временем ее муж — больше для того, чтобы сменить тему разговора. На душе было скверно: он снова потерял Анунциату. Но разве можно обижаться на юного Райдера? Пусть берет сапоги, впридачу к любовнице. Пенфолд продемонстрировал гостю блестящие темно-коричневые «веллингтоны». — Они старше вас, мой мальчик, но при надлежащем уходе им не будет сносу. Мне, с моей больной ногой, они вряд ли понадобятся.

— Вы очень великодушны, сэр, — сказал Энтон, изо всех сил стараясь поддерживать разговор. Анунциата ласкала пальцами ног его ступни. Хоть бы карлик не заметил! На мгновение перед его мысленным взором встала картина: обнаженная Анунциата седлает его, лежащего на песке. Ему не терпелось снова ласкать ее. В то же время он спрашивал себя: как бы это было с Гвенн?

— Как ваши уроки стрельбы из винтовки? — спросил Пенфолд Анунциату.

— Кажется, я была слишком нетерпеливой, — ответила она, останавливая взгляд бархатных карих глаз на Энтоне. — Но я уверена — наш юный охотник научит меня своим правилам. Да, мистер Райдер?

— Сделаю все от меня зависящее, мэм. — Энтон с трудом отвел глаза от ее пышного бюста. Хорошо бы кое-что попробовать. Может, сегодня ночью она впустит его в свою комнату?

Оливио бесстрастно наблюдал за этой сценой.

Кажется, леди Пенфолд что-то подозревает. Неужели она права и эти двое согрешили в буше? Вполне возможно. Ревнивая стареющая женщина безошибочно определяет такие вещи.

В самом деле, за ужином молодой человек держался несколько рассеянно. Делал вид, будто не обращает внимания на знойную красавицу. А Анунциата кажется еще увереннее, чем прежде. Но как же вопиющая разница в возрасте? Португальская богиня как минимум на десять-двенадцать лет старше своего избранника.

Карлик выскользнул из столовой. Бесшумно отпер чулан, где хранились ружья. Там, на полке из камфорного дерева, среди оружия его светлости он обнаружил винтовку Энтона. Прижал к дулу чуткие ноздри. Нюх никогда не подводил его! Он втянул носом воздух. Никаких следов выстрела! Никаких запахов, кроме запаха хорошо смазанного оружия. Из винтовки ни разу не стреляли! Новая ложь! Что делать честному человеку в этом гнезде воров и лицемеров?

После ужина его помощник отнес на веранду кофе и бренди. Сисси покрутила ручку проигрывателя. Ее муж, стоя на крыльце, курил сигару. Анунциата подошла к нему.

— Прости, Адам. Но ведь ты женат.

— Я понимаю, — ответил Пенфолд, стараясь не выдать глубокой грусти. — Должен признать, он славный юноша. Налить тебе бренди, дорогая?

* * *

— Закрой дверь, мой дикий цветок, и встань рядом со мной на коврик, — ласково молвил Оливио, когда Кина вошла в его бунгало. Она упорно смотрела в пол. Руки опущены и сжаты в кулачки.

— Это мой дом, ты можешь надевать один фартук или юбочку, как в деревне. Сними

это безобразное английское платье. Оно годится для отеля или для церкви.

Дрожа от страха, девочка стащила платье через голову. С обвивавшего талию шнурка свисала крохотная кожаная юбочка. Карлик приблизился. Его рот находился на уровне ее пупка. Оливио поднял глаза и изобразил улыбку. Потом обошел Кину кругом. Он пришел в восторг от мускулистых рук и спины девочки, от ее длинной шеи и неправдоподобно пышных грудей. Он прижался носом к ее коже и принюхался. Кина вздрогнула. Оливио снова втянул ее запах.

— Ты чистоплотна для кикуйю, — был вердикт. Он приложил ладонь к немного выпуклому животу девочки. У нее напряглись мышцы. Ни единой складки жира! Только мускулы — как у здорового дикого животного! Карлик зашел сзади и, приподняв юбочку, взвесил на ладонях ягодицы. Он столько ждал!

— Встань на колени, — приказал он, — и не двигайся.

Со стороны деревни сквозь жалюзи проникал раздражающий карлика шум. Деревня готовилась чествовать ее брата. Теперь, когда Кина опустилась на колени, их лица оказались вровень. Торс Оливио был длинноват для ног, но он рассчитал, что, если встанет на табуретку, Кина сможет ублажать его французским способом. У нее как раз подходящие груди.

Он приподнял ее лицо за подбородок так, чтобы их взгляды встретились. В деревне ударили в барабан. В глазах Кины загорелись искры. На каких-нибудь несколько секунд Оливио утонул в опасной глубине этих черных глаз.

— Не слушай этот дикий шум. Здесь, со мной, у тебя будет другая жизнь. С Оливио Фонсека Алаведо тебе не грозит ужасная церемония, когда у тебя отрежут драгоценную часть твоей женской плоти и швырнут шакалам, чтобы ты никогда не изведала наслаждения. Ты не будешь спать в провонявшей дымом лачуге, ненавидимая старшими женами презренного варвара — твоего мужа. Тебе не грозит через пять лет состариться, и твои груди не станут похожи на вымя масайской коровы, потому что ты будешь каждый год приносить по детенышу. Твой стан не согнется от непосильного труда на кукурузном поле, в то время как мужчины будут лакать спиртное. Нет. Здесь ты станешь ученицей Оливио Фонсеки Алаведо и его королевой.

Схватив со стола ножницы, карлик разрезал нитки, на которой держались желтовато-красные бусы, висевшие у нее на шее, предплечьях, запястьях и щиколотках. Все они были сделаны из скорлупы яиц страуса или засушенных ягод и плодов инжира. Когда эти сокровища посыпались на ковер, глаза Кины наполнились слезами. Оливио вцепился ей в мочку левого уха, чтобы, причинив минимум боли, вырвать медный обруч.

Потом он взял ее порванное ухо в рот и пососал, чувствуя привкус крови. Не обращая внимания на слезы в глазах девушки, он проделал то же самое с ее правым ухом. Наконец-то она избавилась от варварских украшений своего племени!

Там, за окном, бой барабанов становился все громче. Это еще не оглушающий грохот, доводящий до исступления, а мерные, монотонные удары. Кина затрепетала, но Оливио не мог сказать, на что она реагирует — на него или на привычную музыку? Настал момент сделать ее своей женщиной. Если он не подчинит ее своей воле сейчас, это уже никогда не случится.

Он сунул руку во внутренний карман своего кушака и достал зеленый шелковый платок. Медленно, один за другим, отвернул уголки, и взору девушки открылась пара сережек из старинного серебра и слоновой кости. Он взял их у одного постояльца «Белого носорога» в

виде платы за ужин.

— Когда мы будем здесь одни, малютка, можешь носить эти драгоценности.

Оливио подержал серьги на ладони, давая Кине как следует полюбоваться. Шелковым платком вытер ей глаза. Потом отдал ей драгоценности и снова поласкал губами мочки ее ушей, да так, словно ласкал заветные местечки женского тела. Продел серьги ей в уши. Слоновая кость и серебро составляли изумительный контраст с темной кожей девушки. Оливио бросил к ее ногам вышитую подушку.

— Встань сюда коленями.

За окном сгустились тени. Грохот усилился. Должно быть, дикари затеяли свою варварскую пляску, как в те времена, когда здесь еще не было белых. Мужчины оголили зады, размалевали ноги и туловища яркими полосами, увенчали головы перьями и встали в круг.

Оливио зажег масляную лампу и повесил над ней маленькую тыкву. Угостил Кину ирисками. С благодарностью вспоминая уроки, полученные в гоанском борделе, налил на ладонь немного разогретого пальмового масла.

Он начал массаж с затылка и постепенно добрался до ложбинки между ягодицами. Под его руками тело девушки трепетало и вздрагивало в такт музыке. Какое счастье, что он вырвал ее из рук дикарей! Божья милость.

Кина зажмурилась и, запрокинув голову, издала низкий горловой звук. Оливио зашел спереди и сунул ей в рот палец. Это вывело девушку из транса. Она пососала палец. Он почувствовал бугорки ее неба. Девушка с силой стиснула его плечо. Оливио освободился и задул лампу. Смазал ей пупок и стал массировать весь живот. Кина покачнулась. Он сделал шаг назад. Она вновь обрела равновесие.

Когда Оливио вернулся с новой порцией разогретого масла, флигель ходил ходуном от грохота барабанов и диких воплей. Еще не успев прикоснуться увлажненными пальцами к соскам Кины, карлик увидел, что они напряжены и блестят. Рядом с одним рос крошечный волосок. Нужно будет о нем позаботиться. У Оливио пересохло в горле.

Он дотронулся до Кины и почувствовал, что начинает возбуждаться. И вдруг Кина обеими руками, точно куклу, подняла карлика и бросила на подушки.

* * *

— «Таскер», пожалуйста, Оливио, — попросил Энтон.

Его привели в восторг точные движения карлика, когда тот, пританцовывая, вытер бутылку полотенцем и повернулся к полке на стене за стаканом. Но почему у него исцарапано лицо? И глаза запали. Как будто он перенес сверхчеловеческие нагрузки.

Энтон вспомнил о своих приключениях с Анунциатой и посочувствовал карлику, лишенному радостей жизни.

А еще при виде Оливио Энтон всякий раз вспоминал о бродячих лилипутах, прибывавшихся к табору, чтобы под защитой цыган посещать ярмарки и участвовать в деревенских развлечениях. Он подсаживался к их костру, и они делились с ним едой. Лилипуты не знали полутонов и либо бурно веселились, либо впадали в мрачное уныние. И всегда умирали молодыми. Однажды, когда мать его бросила, Энтон два месяца провел в фургоне лилипутов. По утрам, во время тренировок, он вместе с ними отрабатывал

акробатические номера. Но напрасно он старался развить быстроту и ловкость — ему так и не удалось достичь такого же совершенства.

— Если бы ты научился, как мы, управлять каждым дюймом и каждым фунтом своего тела, — подбадривал его старший лилипут, — с тобой не сравнится бы ни один мужчина в Англии.

— Спасибо, Оливио.

Бармен замер от изумления.

— Как? Вы говорите на хинди?

— Извините, я задумался. Так говорят цыгане. И вы знаете, этот язык в самом деле пришел из Индии. Родственник хинди.

Маленькие серые глазки Оливио засветились изнутри.

— Так у нас — общее прошлое?

Энтон припомнил цыганские истории о древних связях с Индией, о том, как цыгане переняли у индусов их «презренные» занятия: дрессировку животных, азартные игры, танцы и предсказания судьбы.

— Бармен! Два двойных виски! — крикнул какой-то англичанин. — Одна нога здесь, другая там!

Где же Анунциата? Энтон повернулся к игральному столу, где ее брат играл в покер с четырьмя фермерами (и, как всегда, выигрывал).

— Подумаешь — нет наличных! — сказал Фонсека одному игроку. — Черкни на клочке бумаги: мол, ты уступаешь мне акр-другой земли.

Энтон с Оливио заинтересовались игрой. Португалец подозрительно Часто выигрывал. Мухлюет? Энтон перестал следить за картами и впился взглядом в руки игрока. Он не забыл реакцию Фонсеки, когда тот застал его с Анунциатой. Хорошо, что ненависть уступила место глухому раздражению.

— Невезение хуже засухи, — буркнул фермер, складывая карты.

Энтон наострил уши: Фонсека начал сдавать. И снова различил этот звук. Не глуховатый стук карты, падающей на стол сверху колоды, а легкий шорох, как будто одну карту вытаскивают из положения между двумя другими. Этот тип — шулер, сдает из середины колоды. А верхнюю карту — скорее всего туза — придерживает наверху, чтобы потом сдать себе.

Энтон шагнул к игрокам.

— Можно присоединиться?

Он сел справа от Фонсеки. Хорошее место: мало того что он последним делает ставку, так еще и удобно следить за руками Фонсеки. Он вспомнил сцену в балке и решил, что это не должно повлиять на игру.

— Ну, если у тебя есть деньги, — процедил Фонсека. — Хочешь шикарную сигару — «Антильский крем»?

— Нет, спасибо. Простой покер? Мистер Оливио, нет ли у вас нераспечатанной колоды?

Один фермер снял новую колоду. Энтон играл медленно, как бы неуверенно, зная, что глубоко посаженные глаза Оливио следят за каждой картой. Положение начало выравниваться. Перед Энтоном на столе выросла горка выигранных денег. Другой фермер, у которого осталось всего несколько монет, вышел из игры.

Вошел Пенфолд с блюдом горячих «самоса» с начинкой из козьего мяса и, угостив

игроков, устроился неподалеку с двойной порцией джина. Он платил за выпивку для проигравших. На столе перед Фонсекой лежали золотые карманные часы, проигранные им португальцу в немецком лагере военнопленных.

Настала очередь Фонсеки сдавать. Он обвел игроков тяжелым взглядом, на мгновение задержав его на Энтоне. Потом сдал каждому по одной карте вниз лицом.

Энтон внимательно следил за большими пальцами Фонсеки: от них в первую очередь зависело счастье шулера. Левый, короткий и толстый, был прижат к центру колоды. Энтон обратил внимание на необычно широкое седло дьявола — изгиб между большим и указательным пальцами.

— Прошу прощения, мистер Фонсека, — сказал он, — это не та карта.

— Что? — прорычал португалец: руки застыли над столом. Он стрельнул взглядом в сторону — в бар только что вошла Анунциата. Подойдя к Энтону, она ласково потрепала его по затылку.

— Будьте добры пересдать, — сказал Энтон. — По-моему, вы подменили карту.

— Какого черта?!

— Вы подменили карту. Пересдайте. Что тут такого — ведь никто еще не видел ни одной карты. Как по-вашему мистер Амброз?

Оливио подивился мудрости молодого человека: заручается поддержкой другого игрока.

— Если он сжульничал, — резко откликнулся Амброз, откидываясь на спинку стула, — мне мало пересдачи. Он уже оттяпал у меня полфермы.

— Ты обвиняешь меня в мошенничестве, щенок?

Лицо Фонсеки побагровело; он тяжело оперся обеими руками о стол.

— Я сказал, что вы сдали вторую сверху, — ровным голосом уточнил Энтон. — Возможно, по ошибке.

— Успокойся, Фонсека, это всего лишь игра, — примирительно проговорил Пенфолд. — Почему бы тебе не пересдать?

— Это дело чести!

— Если вас действительно волнует честь, — Энтон начал медленно подниматься из-за стола, — обсудим этот вопрос на улице. Но у меня есть более спортивное предложение. Если верхняя карта — туз, вы отдаете мне свою ставку. Если нет, я отдаю вам мою. Или так: мы делим все имеющиеся в игре деньги на четверых и идем играть в дартс.

Фонсека бросил на Энтон испепеляющий взгляд, но ничего не ответил.

— Отличная идея, — оживился Амброз. Видя, что второй фермер кивнул, он быстро раздал деньги и двинулся к доске для метания дротиков. Португалец превратился в соляной столп; лицо застыло, как маска.

— Послушай, Фонсека, — раздался голос Пенфолда, — знаешь, как самбуру наказывают того, кто ворует мед?

Фонсека по-прежнему не шевелился.

— Подгибают ему руки и ноги и крепко привязывают к телу кишками дамана. К тому времени, как кишки сгниют, человек уже не в состоянии разогнуться. Мне как-то довелось встретить одного такого бедолагу в буше: он передвигался на локтях и коленях, собирая корни и ягоды.

Энтон предложил Фонсеке три дротика.

— Хотите бросить первым?

Тот наконец-то разлепил губы.

— Игра для плебеев.

Он собрал свою часть денег и собрался уходить. И вдруг шагнул назад и приблизил свое лицо к лицу Энтона, так что на того пахнуло табачищем.

— Ты мне заплатишь, сосунок. С процентами!

Гвенн лежала на боку между двумя кустами остролистой сансевьеры и ждала, когда на поляну выйдет газель Гранта.

Она устала. Пять месяцев, прошедших с того рождественского дня, когда она сошла на берег в Момбасе, были невероятно трудными. Ее тело изменилось, вытянулось, приспособившись к новым условиям. В то же время она не утратила женственности. Грудь и бока пополнели. Новая жизнь вызревала в ней.

Поначалу, догадавшись о своей беременности, Гвенн испытала отвращение. Ребенок Рейли показался ей монстром. Она пришла в ужас от того, что связь с этим человеком продолжается, будет продолжаться всегда. Лучше бы этот ребенок умер! Все, что угодно, лишь бы очиститься от скверны — Рейли и его отродья! Начать новую жизнь и, если потребуется, убить обоих — отца и ребенка! Но со временем ею овладели другие, более сложные чувства. Сколько женщин тщетно умоляют небеса послать им ребенка! Сколько сыновей и мужей полегло на войне! Над нею довлел страх, что Алан никогда не сможет дать ей ребенка. И она смирилась. Отвращение сменилось тайной радостью. Чувство материнства забирало все большую власть над всем ее существом. Она пыталась представить себе будущего ребенка: каким-то он будет? Только бы он ничего не унаследовал от своего отца!

Гвенн пристрастилась к свободной одежде, особенно старым армейским рубашкам. Но временами ее удивляла и раздражала слепота мужа. Он абсолютно ничего не замечал. Очевидно, ее тело больше не входило в сферу его интересов. Ее больно ранила холодность мужа. Пусть даже им недоступна физическая близость — разве они не нуждаются в простом человеческом тепле? Иногда они по нескольку дней не дотрагивались друг до друга. Неужели у других супругов такие же отношения?

Гвенн старалась не ложиться на живот и говорила себе: нужно открыть Алану глаза. Однако день за днем откладывала и благодарила провидение за то, что ее беременность не слишком заметна. Она дорожила каждой настоящей минутой, зная, что потом все изменится. Алан никогда по-настоящему не почувствует себя отцом этого ребенка, а может быть, и она — матерью. Сможет ли Алан жить с этим — или еще безнадежнее укроется в своей каменной уэльской крепости? Побрезгует когда-либо прикоснуться к ней?

В нескольких футах перед ней, возле заброшенного муравейника, мелькнула тень. Какой-то зверек юркнул в вентиляционное отверстие. Затем появились мордочка и два крошечных умных глаза. Изящные полукружия ушей не портили силуэт. Зверек медленно вылез из норы и встал на задние лапы, стройный и гибкий, как змея. Возможно, это мангуст? Бдительный, как часовой, зверек осторожно водил глазами слева направо и обратно. Потом пригнулся к земле и замер. То была неподвижность стрелы, готовой в любой момент сорваться и поразить цель.

Не шевелясь и почти не дыша, Гвенн отчаянно вращала глазами в попытках разглядеть предмет внимания зверька. И наконец разглядела. Это оказалась пестрая, в серых и красных пятнах, ящерица, с треугольной головой и толстым брюшком. Спит она, что ли, или тоже охотится? Пока Гвенн любовалась ящерицей, мохнатая стрела взвилась в воздух и впиалась когтями в туловище рептилии, вонзая ей в горло острые клыки.

После короткой схватки мангуст потащил еще дергающуюся добычу в щель между камнями. Но перед этим гордо встал на задние лапы и пронзительно взвизгнул. Мокрая

красная мордочка блестела. Тотчас из своих нор повылезали еще девять или десять мангустов и заторопились на пиршество.

У Алана были свои занятия. Это началось в первые же дни их жизни на Эвасо-Нгино. Превозмогая боль и усталость, он брал ружье и шел на дальний конец их участка. Подобно древним языческим жрецам-друидам, он собирал камни — иногда вытаскивая их из реки, но большей частью выворачивая из земли. Подняв камень, он руками стряхивал с него грязь, а затем либо выбрасывал, либо тащил туда, где уже собралась целая куча. Если требовалось, Алан мыл камни в реке. Особенно тщательно он укладывал основание круглой пирамиды. Аккуратно клал слой за слоем, подыскивая подходящие по размеру булыжники и обломки скал. Гвенн дивилась: откуда столько энергии? Наконец выросла почти идеальная пирамида в виде конуса, высотой четыре фута. То и дело отбрасывая со лба длинные темные волосы, Алан без конца осматривал ее, заменял отдельные камни, проверял свой шедевр на устойчивость. Когда пирамида была готова, он бросал оставшиеся камни обратно в реку. И так — несколько раз подряд. Каждую новую пирамиду он отмечал на карте.

Гвенн не забыла, как влюбленными они отмечали каждое свидание, добавляя по одному камню к пирамидам, отделявшим одно пастбище или один горный участок Уэльса от другого. И до них — особенно во времена пограничных войн — многие поколения отдавали жизни за право построить такую пирамиду. Алан утверждал: это — единственный рукотворный памятник, не оскверняющий землю.

«Мой друид» — вот как она его называла. Но теперь работа практически подошла к концу. Еще одна пирамида — и вся ферма окажется в каменном ожерелье.

За три с половиной месяца они добились многого. И все-таки это только начало. Их бунгало было, в сущности, не чем иным, как однокомнатной мазанкой. Временной крышей служили ветви и солома, скрепленные ремнями из шкуры зебры. Полom они были обязаны белым муравьям. Это из их муравейников люди добыли клейкое вещество, надежно цементирующее красную пыль. Мальва знал, в каких пропорциях развести его в воде, чтобы лучше держалось. Гладкий утрамбованный пол было удобно подметать. К тому же он давал прохладу.

Артур готовил пищу под открытым небом, позади хижины. Плитой ему служили какие-то особенные плоские речные камни, на поиск которых он потратил несколько дней и которые считал «даром Нгаи»: ведь их омывали воды Эвасо-Нгино, берущие начало в горных потоках, низвергающихся с вершины священной горы Кения. Если камни слишком толстые, объяснял Артур, они будут долго разогреваться, а если слишком тонкие — не будут удерживать тепло. Если есть трещины — жди неприятностей.

Овощи — Гвенн воспользовалась драгоценными семенами из подаренных бабушкой пакетиков — орошались при помощи узких канавок, идущих от источника. Выбирая место для постройки дома, Гвенн вооружилась киркой, лопатой и совком и, опустившись на колени, долго переворачивала, рассматривала и растирала в ладонях первый комок красновато-коричневой земли, очищая ее от мелких камешков и веточек терновника. Она удобряла землю навозом мулов и не могла дождаться, когда у них будет свой лук, репа, картофель, капуста и горох. На очереди были помидоры, ревень, чеснок и зелень. Когда Гвенн немного освободится, она посадит под фруктовыми и лимонными деревьями несколько грядок клубники.

На склоне холма, возле заводи, они разбили опытный участок, где посадили чай, кофе и лен. А удлинив крышу бунгало, устроили веранду с земляным полом и посадили хинное

дереву. По вечерам они с Аланом отдыхали там, делясь впечатлениями за день и строя планы на завтра.

Если бы у них были помощники, сколько они смогли бы сделать до октября — ноября, когда наступит сезон дождей! Но им приходилось рассчитывать только на себя, как на необитаемом острове. Вчетвером они не скоро освоят всю ферму. К тому же Артур увиливал от любых земледельческих работ, ворча, что ему следовало бы вернуться в Найроби и заняться бизнесом. «Это не мужское дело», — неизменно отвечал он на просьбы Гвенн вскопать землю или посеять семена. Скоро придут дожди, а там и конец года.

На высоких кустах, где паслась газель Гранта, затрепетали серебристые листочки. Потом оттуда выпорхнул выводок цесарок. Гвенн подняла винтовку. Ветви раздвинулись, и на поляну вышла упитанная лошадь, неся на себе рослого седока в фетровой шляпе с широкими полями.

— Не стреляйте! — весело крикнул он.

— Вы?! — поразилась Гвенн.

Всадник непринужденно держался в седле. Его сапоги были мокрыми от росы; рукава закатаны. У передней луки висела двустволка.

— Юноша с парохода? Простите, вы не...

— Энтон Райдер, миссис Луэллин. Как поживаете?

С минуту Энтон разглядывал Гвенн. Она очень изменилась: окрепла и помолодела. Соломенная шляпа не помешала африканскому солнцу покрыть ее лицо бронзовым загаром. Она коротко остригла рыжеватые волосы. Пополневшие груди натягивали ткань армейской рубашки. В одной руке она привычно держала винтовку. От нее веяло уверенностью человека, чувствующего себя дома. Глаза цвета зеленых яблок радостно улыбались.

Энтон спешил и снял шляпу. Гвенн словно онемела — даже не ответила на приветствие. Он возмужал и стал таким уверенным! Прежними остались только шишка на переносице да опасные синие глаза.

— Спасибо, — пробормотала Гвенн, принимая от Энтона цветы. Их руки соприкоснулись.

После Аунциаты Энтон решил, что никогда больше не будет чувствовать себя скованно в обществе женщин. Однако теперь к нему вернулась прежняя застенчивость.

— Джамбо, — поздоровался он с подросшим Мальвой и добавил несколько слов на кикуюю. И вновь повернулся к Гвенн. — Следом за мной едет в фургоне ваш друг Адам Пенфолд. Он застрял у реки — ищет брода. Идемте, поможем ему.

Гвенн отдала Мальве свой «энфилд» и взобралась на лошадь впереди Энтона.

— Как зовут вашего жеребца? У меня такое чувство, будто я его где-то видела.

— Рафики. На суахили это значит «друг». Он наполовину абиссинской породы и легче переносит укусы мухи цеце. — Энтону очень хотелось, чтобы Гвенн оценила его познания.

Он пустил лошадь в легкий галоп и уверенно положил руку на талию Гвенн. На берегу Эвасо-Нгиро они обнаружили Пенфолда, тщетно пытавшегося заставить мулов перейти реку. Пенфолд сам вошел в воду и что было сил натягивал поводья. Однако мулы заупрямились. Один сделал резкий рывок назад. Пенфолд поскользнулся на раненой ноге и упал.

Энтон направил Рафики в воду. Он по-прежнему крепко прижимал к себе Гвенн. Вместе они перебрались на другой берег.

Прикосновения Энтона странным образом успокоили Гвенн. Намокшая от речных брызг рубашка прилипла к телу, отчетливо вырисовывая линию груди и живота. Подъехав к

фургону, они спешили. Она почувствовала на себе испытующий взгляд Энтона.

— Мулы боятся крокодилов. Может, почуяли их на берегу, — сказал Пенфолд, подпирая правым плечом повозку. — Нужно как-то перетащить это на другой берег. Гвенн, если вы сможете двинуться вперед на Рафики, они последуют за вами. А мы с Райдером будем подталкивать сзади.

* * *

Впервые в жизни Кина лежала на кровати. Она сосала испачканный в шоколаде большой палец и, запрокинув голову, любовалась своим отражением в зеркале. Свет от нескольких зажженных свечей отражался в ее серебряных сережках, посылая волшебные блики по всей комнате. Она вдыхала нежный аромат пенджабского ладана и время от времени издавала вздох блаженства или уютное мурлыканье. Ее лицо в легкой испарине казалось угольно-черным по контрасту с кремовыми льняными наволочками Оливио. Трудясь под простыней, он хотел, чтобы она почувствовала: это — постель джентльмена!

Даже круглые плечи девушки, черневшие на фоне безупречной материи, доводили его до исступления. На шее у Кины красовались четки Оливио — пятьдесят девять бусинок. Распятие из слоновой кости доставало до райской долины — ложбинки между ее грудями. Сами груди, не прикрытые белоснежной простыней, казались двумя спелыми черными дынями на фарфоровом блюде.

Кина в последний раз облизала пальцы и, сунув руку под простыню, погладила круглую, как шар, голову карлика, подрагивавшую у нее между ног. Оливио пришел в восторг и стал с удвоенной энергией расточать ей знаки внимания.

И вдруг он почувствовал что-то не то. Когда Кина ущипнула его за ухо, ее ладонь оказалась липкой. Не может быть! Эта юная дикарка посмела вывозить его постель в шоколаде!

Круглая голова Оливио в мгновение ока вынырнула из-под простыни — мокрая, покрасневшая, с открытым ртом и высунутым языком. Он был взбешен, прямо задышался от возмущения.

— Ах ты свинья! Испоганила мою постель!

Обеими руками он схватил ее левое запястье и устоялся на замазюканные пальцы. Потом, вне себя от ярости, впился в эту руку зубами. А почувствовав во рту смешанный вкус шоколада и крови, окончательно озверел и укусил еще сильнее.

Кина вскрикнула и запустила правую руку в коробку шоколадных конфет на ночной тумбочке. Оливио, как терьер, вцепился в ее окровавленную конечность. Тогда она вывалила ему на голову липкое месиво из раздавленных конфет; по лицу и туловищу Оливио побежали противные сладкие струйки. Он ахнул и ослабил хватку. Кина схватила его за уши и заставила снова нырнуть под простыню.

* * *

— Лен, Луэлин, вот что вам нужно! Как можно скорее посейте эти семена! — настойчиво твердил Пенфолд после ужина, указывая здоровой рукой в сторону привезенных

им мешков. — После окончания войны у нас на родине острый дефицит тканей. Уже сейчас платят триста фунтов за тонну — и цена все время растет.

Их долг Раджи да Сузе составлял тысячу сто фунтов.

— Что из него делают? — спросила Гвенн.

— Да все, что угодно. Паруса, манишки, постельное белье для моей дражайшей половины и пеленки для карапузиков. Когда я умру, меня наверняка завернут в саван из льна. Он нежнее и вдвое прочнее хлопка. Обязательно засейте поле побольше! Попробуйте также сизаль, если достанете луковицы.

— Мы можем рассчитывать только на троих-четверых, — напомнил Алан.

— Может, юный Райдер протянет вам руку помощи, — Пенфолд покосился на ноги юноши и поморщился, — после того, как почистит сапоги?

Гвенн посмотрела на освещенное огнем костра лицо Энтон.

— Боюсь, что нет, сэр: какой из меня фермер? — со смехом возразил Энтон и тотчас почувствовал, что Гвенн разочарована. — Ну, может быть, временно, пока не приедет Кариоки. Мы собираемся поохотиться.

Ему стало стыдно, что он не позаботился о сапогах — отличных «веллингтонах», подарке Пенфолда.

Как отнеслась бы к нему Гвенн, будучи свободной? Сочла бы слишком зеленым и перекаати-полем?

В смятении Энтон представил себе Анунциату — как она, обнаженная, наслаждаясь риском, крадется по коридору «Белого носорога», чтобы попасть в его комнату. Она являлась как сон и застывала у изголовья, одной рукой глядя свою грудь, а в другой держа бутылку шампанского. На ней не было ничего, кроме шляпы с широкими полями. Она ждала его пробуждения. Лунный свет серебрил обнаженные ягодицы. Энтон просыпался, и вместе с ним просыпалось желание. Анунциата поворачивалась к нему спиной и, положив руки на подоконник, опускала на них голову. Неужели она точно так же ведет себя с другими мужчинами? Долго ли она будет принадлежать ему?

— Ваш друг Кариоки немного грустит из-за сестры, но, думаю, все же оценит радости оседлой жизни в деревне и перестанет рваться на войну или в буш, — предположил Пенфолд, любуясь Энтоном. Вот бы иметь такого сына! — Понимаете, Райдер, кукурузное пиво и женские прелести могут показаться ему привлекательнее мук голода и смертельных схваток с гуннами или питонами. И я его пойму.

— Что случилось с его сестрой? — полюбопытствовала Гвенн.

— Кина теперь прислуживает моему маленькому прохвосту, Оливио, и вроде бы увлеклась. Я бы даже сказал, она от него без ума. Странно, да? В таких случаях никогда нельзя знать заранее.

В глазах Пенфолда, устремленных в огонь, застыло одиночество.

— А как там брат и сестра Фонсека?

— Анунциата по-прежнему царит в баре. Такая же неугомонная. А ее братец гребет к себе всякий клочок земли, на какой только может наложить лапу, в том числе в ваших местах. Ирландцы из его окружения говорят, будто он поклялся отравить жизнь нашему другу Райдеру.

Заметив огорчение на лице Гвенн, Пенфолд решил сменить тему разговора:

— Да, кстати, Алан, когда вы с Гвенн ждете ребенка?

Лежа на койке лицом к стене, Гвенн сквозь дрему услышала, как встает Алан. В голове промелькнули ужасные события этого вечера.

— В сентябре, — ответила она на вопрос Пенфолда, остро чувствуя, каким ударом стал этот вопрос для ее мужа. Он отодвинулся подальше в тень, а потом и вовсе встал и ушел в бунгало. Немного погодя она последовала за ним. И там, сидя на полу и баюкая его в объятиях, шепотом рассказала об изнасиловании на борту «Гарт-касла». Худое тело Алана напряглось и застыло. Гвенн разрыдалась. Алан положил ей на плечо одеревеневшую руку, и они поплакали вместе. Господи, если бы обнял ее, показал, что все еще испытывает влечение! Может, забраться к нему в постель? Но она не решилась.

— Гвенни, почему ты мне раньше не призналась? — после долгой паузы спросил Алан.

— Потому что я люблю тебя, мой друид, — с интимной интонацией ответила она. — Я мечтала, что мы начнем новую, чистую жизнь. Не хотела, чтобы ее что-нибудь омрачило.

Как обычно, с первыми лучами солнца Алан натянул сапоги и вышел наружу. Гвенн повернулась на спину и стала разглядывать травяной потолок. Руки покоились на животе. Несмотря ни на что, жизнь продолжается.

Она вдруг похолодела. Может, это и есть те страдания, которые нагадал Энтон? Гвенн резко села на койке и повела взглядом по комнате. Недоставало общей тетради Алана и его ружья. Гвенн зажала рот ладонью и вскочила. Накинула на себя какие-то тряпки.

Она молнией пронеслась мимо палатки, где заночевали Пенфолд с Энтоном, и метнулась к обрыву. Миновала несколько каменных пирамид. А когда, преодолев неширокую полосу терновника, вырвалась на поляну, до ее ушей донесся отдаленный выстрел. Гвенн добежала до края обрыва и посмотрела на реку. Алан лежал на отмели лицом вниз, сжимая в руке ружье. От его головы расходились алые круги. Гвенн кое-как скатилась с обрыва и опустилась рядом с ним на колени. В воде плавали черные волосы Алана и клочок кожи.

В беззвучной истерике Гвенн прижалась щекой к плечу мужа и закрыла глаза. Это она его погубила! «Алан, мой Алан», — шептала она, баюкая бездыханное тело.

Странное движение в воде заставило женщину очнуться. Она открыла глаза и похолодела.

Энтон уже не спал, когда Гвенн опрометью пронеслась мимо палатки в сторону Эвасо-Нгино. Потом он услышал выстрел. Он вскочил, напялил шорты и с винтовкой бросился на берег.

Гвенн стояла в воде; к ней неслись два упитанных крокодила. Первый уже принял вертикальное положение, изготовившись для нападения. Брюхо наполовину высунулось из воды; он алчно, оскалив пасть, глазел на окровавленное тело. Тут подоспел второй — и ринулся в кровавый водоворот.

Гвенн выпрямилась; концы волос плавали по воде. Энтон выстрелил из правого ствола. Первый крокодил шлепнулся на брюхо. Лязгнули клыки. Хвост бешено трепыхался на

поверхности воды. Энтон боялся снова стрелять: Гвенн оказалась между ним и вторым крокодилом. Хищник вонзил зубы в плечо Алана. Гвенн вскрикнула и нагнулась за камнем. Энтон пальнул из левого ствола; пуля попала крокодилу в шею. Юноша спрыгнул с обрыва и побежал вдоль берега, параллельно с раненым зверем, утаскивавшим добычу туда, где глубже.

Энтон схватил ружье Алана. Крокодил держал труп человека в зубах, как цапля держит в клюве рыбешку. В несколько прыжков догнав зверя, Энтон приставил дуло к его голове, меж глаз, и спустил курок. Мертвого крокодила унес поток. Бездыханное тело Алана качалось на воде.

Некоторое время Энтон безмолвно стоял, держа на руках труп — неправдоподобно легкий, словно тельце ребенка. Гвенн по-прежнему стояла в реке, сцепив руки. Перед и рукава ее рубашки были в крови. Энтон понял: он снова опоздал. В следующий раз он сумеет защитить ее.

Португальцу как всегда везло: то один, то другой фермер расставался с заветными акрами земли.

— Этак ты скоро заграбастаешь всю чертову ферму. — Амброз провел ладонями по багровому обветренному лицу и, заказав порцию джина, бросил кубик из слоновой кости. — Впрочем, от нее все равно одни неприятности. Того и гляди, сгоришь на солнце или, наоборот, утонешь — и, вдобавок ко всему, семьдесят миль до железной дороги.

— Во всяком случае, это не деньги, — буркнул Васко Фонсека и в свою очередь бросил кубик. Потом черкнул расписку и, после того как Амброз ее подписал, небрежно сунул в карман. И повернулся к подпиравшему стойку американскому охотнику. — Сыграем?

— Да нет, эта чепуховина не для меня, — отозвался Рэк Слайдер, грызя деревянную спичку. — Я тут кое-кого ожидаю — со второго этажа. На носу сафари.

— Разве у вас в Техасе не играют в триктрак?

— Слайдеры родом из Оклахомы, — отрезал американец и, повернувшись к Фонсеке спиной, подтолкнул к Оливио пустой стакан.

Бармен рассеяно полировал прилавок. Как вернуть себе контроль над юной наложницей? Но он все-таки время от времени поглядывал на кузена, как стал мысленно называть ненавистного португальца. Еще немного — и Фонсека вчистую разорит беднягу Амброза.

Ему вспомнилось утро после пирушки в честь окончания мировой войны. И как он сам взял у Амброза в счет уплаты документ о переходе в его собственность десяти акров земли. Похоже, Фонсека разделяет его мнение о том, что Амброза даже не нужно обманывать: его разорят собственное слабоволие, пьянство и тугодумие.

Тем не менее, игра представляла для карлика интерес. По словам лорда Пенфолда, ферма Амброза располагалась на Эвасо-Нгино, как раз напротив участка Луэллинов. Скоро в этих краях появятся новые поселенцы из ветеранов. Несколько холостых ирландцев решили объединиться и общими усилиями поднять большую ферму. Еще один крупный участок принадлежал сорока инвалидам; каждый вносил посильную денежную или трудовую лепту. Только англичане, подумал Оливио, способны отдать землю калекам!

Поселенцы прибывали из Найроби и, прежде чем отправиться дальше на север, как правило, останавливались в «Белом носороге». Здесь их встречали Пенфолд и Фонсека. Первый — с советами и предложением дружбы, второй — с выпивкой и картами. Португалец уже выманил приличный кусок земли у близлежащих фермеров, плохо справлявшихся с тяготами жизни на невозделанных землях в буше.

У Оливио был свой интерес, касающийся фермы Луэллинов. Карлик достал из кушака письмо от Раджи да Сузы и перечел то место, где его друг отзывался о докторе Гонсало Баррето как о самом авторитетном лиссабонском адвокате, к тому же близком к «матери церкви» и, уж конечно, не склонном довольствоваться какими-нибудь сапфирами. Но если этот адвокат все же возьмется за дело Оливио Фонсеки Алаведо, претендующего на свою долю наследства семьи Фонсека, овчинка будет стоить выделки. Вот только можно ли ему доверять? Как понадежнее заинтересовать юриста? Сойтись лицом к лицу со столичными интригами и стать их хозяином, а не жертвой.

Мысли Оливио ненадолго вернулись к двенадцатилетней девчонке, ожидающей его во

флигеле, развалившейся среди сверкающих бисером подушек, точно жирная кошка. Чем она занята? Умашает ли груди ароматным пальмовым маслом, как он приказал ей делать каждый день, или бездельничает, рыщет по дому в поисках спрятанных шоколадных конфет?

На веранде послышались неверные шаги хозяина.

— Слушай, Оливио, будь другом, притащи мне пива и блюдо «самоса». И немного лимонного чатни. Это была трудная поездка.

Пенфолд устало кивнул Амброзу и Фонсеке и поправил перевязь.

— У Луэллинов несчастье. Завтра снова еду туда — кое-чем помочь.

— Что там стряслось, Адам? — осведомился Фонсека.

— Луэллин нечаянно выстрелил в себя из винтовки. Если Гвенн не засеет поле до сезона дождей, она рискует потерять участок. А если новые поселенцы не справятся со своей задачей, из этой страны никогда не выйдет ничего путного.

— Боюсь, милорд, у нас в «Белом носороге» тоже плохие новости, — сказал Оливио, глядя на босса распахнутыми, полными ужаса глазами.

— В чем дело?

— Храбрый Ланселот приказал долго жить. — Оливио вспомнил почерневший язык пса, когда тот в последний раз лизал сладкую отраву. — Никаких слов не хватит, чтобы описать его агонию. Он лизнул мою руку, и в тот же миг его душа нас покинула.

«Зато тело досталось гиене», — мысленно добавил карлик.

* * *

Энтон с остервенением вонзил лопату в красноватую грязь, выворачивая последний камень. Работая в одних шортах, он весь вспотел и покрылся красной пылью. Жилы на руках вздулись. Костяшки пальцев выступили, как когти, когда он вцепился в камень и потащил его из земли. Но камень словно врос в землю.

Пошарив руками, Энтон нашел корень растения, удерживавший камень на месте. Он перерубил корень топориком с короткой ручкой и, подняв глаза, увидел Гвенн, сидящей под тамариндом с общей тетрадью в руках. Ему было любопытно, но он старался не подсматривать. Старался не думать.

Гвенн подняла глаза и, встретившись с ним взглядом, попыталась улыбнуться. Он такой сильный и уверенный в себе! А ее бедный Алан изнемог. Но она не имеет права сравнивать! Гвенн вернулась к обнаруженным возле незаконченной пирамиды записям Алана.

Наконец она захлопнула тетрадь, зажав между страницами алый цветок тамаринда с желтыми прожилками. Встала и пошла в бунгало, ощущая тяжесть в животе. Что она скажет ребенку? Неужели она недостаточно любила Алана?

С камнем наконец-то было покончено. Энтон бросил его в кучу. Концы разрубленного корня оливы оказались чистыми и почти белыми внутри. Возможно, корень еще будет жить. Энтон придал яме нужную форму.

Он стоял на краю, выжатый как лимон; по всему телу струился пот. Со стороны реки донесся чей-то голос. Энтон привстал на цыпочки и увидел посреди реки фургон; на скамейке сидели двое — мужчина и женщина. На мгновение ему показалось, будто женщина гладит своего спутника по ноге. Громко понукая мулов и рассекая воду рукоятью копья, Кариоки переводил фургон на другую сторону реки.

Энтон бросился на помощь. Из фургона махали руками Пенфолд и Анунциата. Позади них Энтон заметил гроб и груды полотна. На противоположном берегу осталось пять женщин из племени кикуйю.

— Тлага! — радостно воскликнул Кариоки, и они обнялись посреди реки.

— Вижу, ты привел помощниц для миссис Луэллин?

— Да, чтобы Тлага и Кариоки смогли отправиться на охоту.

— Правильно, Кариоки! — Однако в следующее мгновение Энтон подумал о Гвенн, как тяжело ему будет оставлять ее одну, и его радостное возбуждение угасло. — Но сначала немного поработаем на ферме.

* * *

Гвенн сидела на жестком утрамбованном полу, прислонившись к одному из трех ящиков, на которых лежало тело ее мужа, зашитое в парусину. На коленях она держала тетрадь Алана.

Ночью, оставшись с телом наедине, Гвенн спрашивала себя: что ей делать дальше? Продать землю (вырученная сумма вряд ли покроет долг) и возвратиться в Денби — беременной, бездомной и безмужней? Может, родить ребенка у бабушки и оставить его там, а самой поискать работу?

За два дня, прошедшие после гибели Алана, она много думала об Уэльсе и о матери с отцом. В памяти всплывали то картины детства, то последний день перед ее отъездом в Африку. Особенно часто вспоминалось, как она настежь распахивала дверь, чтобы впустить вернувшегося из шахты отца.

Он всякий раз объяснял, что слишком грязен и ей нельзя его поцеловать.

Образ стоящего в дверях отца, благодаря ее усилиям, приобрел четкие, почти зримые, очертания. Он был человеком подземелья, и с каждым днем в нем оставалось все меньше человеческого. У него не было сил говорить, и он молча раздевался в передней, бросал одежду на постеленную в углу газету и забирался в цинковое корыто. На столе возле корыта ждала стопка чистого белья. Мать носила кувшин за кувшином горячей воды и обливала плечи мужа.

После того как он добрых полчаса соскребал с себя грязь, отец заходил на кухню, кивком здоровался с детьми. Его мучил голод. Он садился во главе стола. Из застегнутого ворота рубашки выпирал темный кадык. На лице и шее, на фоне вьевшейся угольной пыли, выделялись белые борозды морщин. Могильная чернота под глазами, грязь и смертельная усталость сливались воедино. Неужели отец и вправду, как утверждала мама, был когда-то молод и красив? Когда он ел, костяшки пальцев выпирали, словно сквозь дыры черных перчаток. Мама садилась сбоку и смотрела на отца, сложив руки на коленях. Того, что она положила на его тарелку, было явно недостаточно.

Может, все-таки остаться в Африке? Одной создавать ферму и поднимать ребенка в буше? При всей суровой красоте этих мест, смогут ли они когда-либо почувствовать себя здесь как дома? Возможно, некоторые и смогут — например Энтон Райдер. Правильно сделали Голты, что уехали.

Всю первую ночь она проплакала, ощупывая обеими руками округлившийся живот, а если засыпала, то видела во сне ту жизнь, какая могла быть у них с Аланом. Утром она

ждала того момента, когда муж встанет и по привычке начнет искать под койкой свои сапоги.

Сквозь щели в стенах просочился утренний свет. Ей предстояло прожить этот страшный и неизбежный день — первый день одиночества. Гвенн прислушалась к уханью сов на деревьях; снаружи тянуло дымком и свежеиспеченным хлебом.

Она провела несколько часов, изучая записи Алана — это был единственный способ почтить его память. И перед ней, впервые после ухода Алана на войну, со страниц общей тетради предстал тот Алан, которого она любила. Здесь было много набросков — нарисованных карандашом и иногда заштрихованных. Буш и дальние холмы. Костры лагерей и складные походные стулья. Мальва с Артуром. Птицы и антилопы. Скалы, растения, муравейники и — вновь и вновь — ее лицо и руки. Их бунгало на всех стадиях строительства, но всегда — с хинным деревом, словно ангелом-хранителем дома. Карты их участка — чем дальше, тем точнее и аккуратнее. Гвенн дошла до середины и разрыдалась.

Вот он, дом, о котором она мечтала: бунгало на два крыла, одно из камня, над излучиной, с хинным деревом у крыльца. На заднем плане уходили вдаль ряды посевов; одни растения — низкорослые, в цвету, другие — четкие, высокие, как солдаты в строю. Лен, злаки, чай? На необозримых пастбищах паслись на воле овцы и крупный рогатый скот. У костра перед бунгало — три маленькие фигурки. Под рисунком — два слова: «Ферма "Керн"». «Керн» по-уэльски — «пирамида»...

Ей вспомнились узкие улочки родного Уэльса, ряды домов с высокими кирпичными трубами и громадные горы шлака, опоясывающие каждую деревню.

Гвенн вытерла глаза и захлопнула журнал. Мимо мелькнул Артур — торопился встретить лорда Пенфолда с женщинами кикую.

Она вышла на солнечный свет и тепло поздоровалась с теми, кто прибыл разделить ее горе:

— Добро пожаловать на ферму «Керн».

Ближе к вечеру все собрались на берегу, подле свежерытой могилы. Адам Пенфолд отслужил панихиду, причем даже не заглядывая в молитвенник.

Анунциата, набросив на голову шарф, тихонько молилась. Восемь африканцев безмолвствовали, пока трое англичан исполняли сто двадцать первый псалом.

На горизонте ярко-оранжевое солнце тонуло в волнах лавандовых зарослей. Возможно ли, чтобы все оставалось как прежде?

Гвенн подняла с земли один из крупных булыжников, собранных Аланом для последней пирамиды, и водрузила на свежий бугорок. Энтон положил рядом свой камень. Пенфолд и Мальва сделали то же самое, а потом все двенадцать человек продолжали до тех пор, пока не выросла пирамида — не столь аккуратная, как у Алана, но зато на том самом месте, где он хотел ее видеть.

— Идемте выпьем, дорогая, — Пенфолд взял Гвенн под руку и повел к огню. — Мы привезли жареное мясо канны и ящик кларета. Нужно как следует подкрепиться, чтобы завтра взяться за работу.

— Спасибо. Откуда вы знаете службу?

— Лучше бы не знал. Немцы научили.

Гвенн высвободила руку и отошла в сторонку. Друзья медленно, стараясь не мешать, потянулись к дому. Она задрожала всем телом и разрыдалась.

— Сейчас же развяжи меня, или я скормлю твою вонючую бабушку гиенам, как сделал бы твой зловерный отец до прихода англичан!

Ползая на четвереньках вокруг медного стола, Кина проверила, крепко ли затянуты ремни из необработанной кожи, которыми она привязала Оливио к столу, и удовлетворенно захихикала. Она даже подложила ему под голую спину большую плоскую подушку — чтобы не озяб и не поцарапался о шершавую крышку стола. Каждая из четырех конечностей карлика была привязана к ножке. Макушка выходила за край стола.

— Сделай как я сказал, мой дикий цветочек, да поскорее, и твой возлюбленный даст тебе сладкую конфетку!

Девчонка уползла в спальню и затихла. Получив, таким образом, время на размышление, Оливио начал сочинять в уме текст послания доктору Гонсало Баррето, если тот возьмется защищать его интересы. За небольшую мзду Раджи да Суза вытянул фамилию этого видного юриста из начальника канцелярии Гоанского института в Найроби — также весьма осведомленного и делового чиновника, державшего в руках многие ниточки управления португальской империей — можно сказать, он оплел ее паутиной, словно жирный паук.

Но где гарантия, что этот заморский адвокат сделает все от него зависящее? Ответ может быть только один. Миром правит железный закон личной выгоды!

Кина принесла горшок меду и порошок карри на блюде. Она опустилась на колени возле выступавшей за край стола головы Оливио. Глубоко посаженные глаза карлика уперлись в круглые возвышенности ее груди. Где еще найдутся такие сосочки?

Кина обмакнула большой палец в мед и поднесла к губам своего повелителя.

— Я купил его для тебя, моя прелесть, — пробурчал карлик сквозь зубы. — Ты знаешь, я его терпеть не могу.

Он крепко сжал губы. В глазах Кины заплясали задорные огоньки. Она ущипнула его за нос, зажав волосатые ноздри. Оливио задохнулся и открыл рот. Кина тотчас сунула туда свой, густо намазанный медом, палец. Но это было еще не все. Она насыпала ему на язык обжигающий, словно перец, порошок карри. Оливио почувствовал во рту густую, омерзительную замазку.

Стоя на коленях, Кина повернулась к нему задом и, задрвав кожаную юбочку и раздвинув ноги, зажала его голову у себя между бедрами. Его липкий рот оказался прижатым к ее ненасытной вагине.

Он вдохнул опьяняющий запах женщины и вновь погрузился в размышления. Итак, лиссабонский адвокат. Близок к церкви. Наверняка продажен и изобретателен. Какова может быть его цена?

Мысли о португальском деле отвлекли его внимание, и Оливио опередил события. Девчонка заерзала, застонала и еще крепче сдавила мускулистыми бедрами его уши. Оливио было не привыкать к тесноте, но сейчас ему стало нечем дышать. Он вонзил зубы во влажную, мягкую плоть. Вкус женщины смешался с омерзительным вкусом меда и специй. Кина взвизгнула и обернулась; глаза до того расширились, что показалось — у нее нет век. Она больно хлестнула Оливио сначала по одной, а затем по другой щеке. Он застонал. Кина вновь водрузила ему на голову свой роскошный зад и удовлетворенно замурлыкала: на этот

раз Оливио принялся ублажать ее всерьез, со знанием дела.

Вот что он сделает! Отдаст четвертую часть всего, что для него выторгует адвокат, ему самому, а еще четверть — матери-церкви. Нет — лучше по одной пятой. Если уж это не гарантирует преданность до гробовой доски, то и ничто не гарантирует. Прилежно работая языком, Оливио думал: как гордился бы дедушка! Блаженной памяти архиепископ Гоанский не терпел алчности — в ком-то другом.

Если этот дьявол, Васко Фонсека, ищет неприятностей на свою голову, пусть судится со святыми отцами — те пожирали и не таких гадов, как он!

Сладкий нектар из жарких недр Кины оросил его истерзанные щеки.

Со сладострастным стоном Кина всей тяжестью навалилась на его голову, и карлик почувствовал, как острый край медной крышки стола врезается ему в затылок. Он снова укусил ее. Может, отдать дворец в Эсториле под приют для престарелых кардиналов? Нет подлости, которую они не совершили бы ради такого подарка!

Девчонка с воплем обрушилась на него. Стол опрокинулся. Карлик грохнулся на пол лицом, но при этом основательно лягнул Кину ниже спины.

Вот уже целую неделю на этом месте, на большой муравьиной куче, появлялся воин-самбуру — моран — с великолепной осанкой и при оружии. Солнечные лучи отражались от металлического воротника, похожего на ошейник.

— Опять он стоит, — с тревогой заметила Гвенн.

«Слава Богу, — подумал Энтон, — что я задержался на ферме».

Из его отношений с Гвенн ушла скованность. Работая, обходя участок или сидя рядом у костра, они рассказали друг другу все о своей жизни в Англии. О шахтерском поселке и цыганском таборе, завалах и лошадиных ярмарках, лесах и горах. Энтон сам удивлялся своей откровенности. Как-то вечером Гвенн, заложив руки за спину и стесняясь, точно школьница, спела ему старинные уэльские гимны.

Интересно, спрашивал себя Энтон, могла бы Гвенн вести себя как Анунциата?

Без малого три месяца он и Кариоки разрывались между работой на ферме и охотой, открывая для себя неизведанные земли. Но как бы далеко ни уводило сафари — на запад, вдоль берега реки Эвасо-Нарок, или на север, где в дремучих лесах водилась антилопа куду, — им все казалось мало. Каждый заход солнца манил Энтон дальше на запад, в овеванный легендами край слонов — Карамоджо Белл — или к истокам Альберт-Нила. Северный ветер приносил с собой дыхание сухого буша, навевая грезы о Судане и Абиссинии.

Тем не менее, возвращаясь на ферму «Керн», юноши выкладывались так, как сами от себя не ожидали. Энтон с ужасом думал о предстоящих пахоте и севе. Зато они ничего не имели против расчистки участка, ремонта инвентаря, отстрела диких зверей ради мяса и ухода за домашней скотиной. Порывшись в памяти, Энтон вспомнил старинные цыганские рецепты — как лечить и обращаться с мулами. Если они натирали шею и в конце дня едва волочили ноги, он отводил их к реке и долго купал в ее водах. Прикладывал к ранам целебную мазь, а при вздутии живота очищал желудки.

По вечерам Кариоки ужинал с женщинами-кикуйю, а Энтон сидел вместе с Гвенн у костра между бунгалом и его палаткой. После ужина он описывал свои приключения. Благодарная за помощь, Гвенн делила его интересы и, прежде чем выложить свои проблемы, неизменно спрашивала юношей об их подвигах и добыче.

Сейчас они вместе наблюдали за неподвижной долговязой фигурой, застывшей, словно часовой на посту.

— Где один самбуру, — предупреждал Кариоки, — там и другие. Стадностью они похожи на белых людей и гнусных масаи — ближайших родственников этого козлиного народа. Если наконечники их копий оголены, Тлага, готовься к бою.

Энтон прислонил их оружие — винтовку и дробовик — к баобабу и повел Гвенн знакомиться с воином-самбуру. Ветер с долины принес душистый запах акации.

Моран оказался крупнее тех масаи, с которыми Энтону довелось столкнуться во время их с Кариоки перехода на север. У него была коричневая лоснящаяся кожа с еле заметным красным оттенком и длинные ноги. Воин стоял в непринужденной позе, держа под мышкой одной руки метательную дубинку, а в другой руке — два копья, достигающие шести футов в длину. Одно копьё — прямое, деревянное — заканчивалось острым листообразным наконечником. Другое было более массивным, с острием из металла. Оба копья покоились в

чехлах из кожи антилопы. Украшением одному копыю служил черный помпон из козьей шерсти, а другому — пучок перьев страуса.

Ниже пояса на самбуру была шкура антилопы, тщательно отшлифованная при помощи глины и жира. Волосы заплетены в пять аккуратных косичек, доходящих до спины, плюс одна короткая — над бровью. На левом предплечье выделялись два алых шрама. В ушах он носил диски из желтоватой слоновой кости. Шею окаймляли разноцветные бусы и то ли воротник, то ли ошейник из медной проволоки. Самбуру безмятежно взирал на Гвенн. Энтон почувствовал, как напряглись ее пальцы, когда она дотронулась до его плеча.

— Джамбо, — поздоровался Энтон и добавил несколько слов на самбуру. В руке он держал мешок с кукурузой. Он ободряюще кивнул Гвенн. Пора ей подружиться с соседями. Он не сможет торчать тут всю жизнь, а она нуждается в поддержке и защите.

Какое-то время моран безмолвно изучал обоих — и вдруг улыбнулся. Темные глаза просияли.

Энтон поставил мешок на землю и развязал веревку. Не глядя на подношение, самбуру свистнул сквозь зубы. Явились две молодые женщины, а потом трое подростков с козой. Женщины обошли Гвенн, дивясь ее сапогам и длинной юбке. Они потрогали ее светлые волосы и обменялись мнениями по поводу зеленых глаз. Гвенн покивала самбурянкам и указала на подарок. Женщины пропустили сквозь пальцы по горстке кукурузных зерен и унесли мешок.

Моран сделал белым людям знак следовать за ним. Он привел их к иссохшему руслу бывшей речки. Там другой самбуру, младше этого, строгал длинную палку. Из песка, словно стебли, торчали два копыя, возвышаясь на шесть футов над землей. Закончив обрабатывать палку, самбуру воткнул ее как можно глубже в песок. Моран наблюдал за его действиями, сидя на корточках.

— Схожу за нашими ружьями, — сказал Энтон. Гвенн присела отдохнуть на большой валун, мерцающий кварцевыми искрами.

Самбуру с копьём поднял голову и улыбнулся. Гвенн пришла в восхищение от его тела: гладкого, мускулистого, с гордой осанкой. Она перевела взгляд на возвращающуюся фигуру Энтон. Никогда прежде она на него так не смотрела. Пожалуй, ему недоставало свойственных самбуру кошачьей грации и постоянной готовности броситься на добычу. Энтон был шире в плечах, с богатырскими предплечьями; движения и походка отличались размахистостью. Если бы не перебитый нос, его можно было бы назвать красавцем. Вот только молодость... Что он смыслит в любви?

Самбуру быстро-быстро завертел деревянный шест в ладонях, покачивая из стороны в сторону и расширяя дыру в бывшем дне реки. Потом он медленно вытащил шест. Конец — примерно пять дюймов — блестел от влаги. В солнечных лучах сверкнули капли воды.

Самбуру передал палку Гвенн; та поднесла ее к губам. Вода была сладковатой и прохладной. Она вернула шест. Подошла полная женщина с тыквенной бутылкой. Гвенн вытащила пробку и вдохнула острый запах козьего молока. Отпив глоток, она хотела отдать бутылку, однако женщина мотнула головой и указала на ее округлившийся живот.

— Она права, — произнес Энтон. — Пей.

Выпив молоко, Гвенн взяла его под руку, и они побрели к дому через буш и засеянное поле. Смеркалось. Энтон наслаждался теплом руки Гвенн и нежным запахом ее волос.

О чем толкуют эти свиньи?

Стоя босыми ногами на подушке, брошенной на пол третьего номера, Оливио ждал, когда глаза привыкнут к темноте. Нужно быть очень осторожным. Уж он-то знал, как скрипят в «Белом носороге» полы и как тонки стены.

Он достал из-за кушака полотенце и тщательно протер хрустальную чашу леди Пенфолд для полоскания пальцев — последнюю из набора. Большая часть разбилась при перевозке — то ли в поезде, то ли в фургоне. Остальные пострадали от рук неловких слуг-кикуйю; это всякий раз непостижимым образом совпадало с приступами дурного настроения у леди Пенфолд, когда она вымещала злость на прислуге. Эту последнюю чашу Оливио припрятал для более высоких целей, чем омовение костлявых пальцев хозяйки.

Когда на хрустале не осталось ни пятнышка, он провел указательным пальцем по кромке — стекло завибрировало. Оливио пальцем же остановил вибрацию и, приставив чашу к стене, общей с четвертым номером, приложил к доньшку ухо.

Голоса гремели, как барабан. Оливио знал: другие приставляли к стене стакан, но кто, кроме него, догадался использовать для этой цели чашу для полоскания пальцев?

— Это мои деньги — и расписки тоже! — гаркнул Фонсека. — Так что все будет по моему!

— Мистер Фонсека, мы не в Макао и не на Португальском Западе, — возразил гнусавый голос англичанина. Наверное, это та жирная свинья — мистер Губка Хартшорн. То-то его светлость удивлялся — что привело этого городского франта в Наньюки? — Без поддержки представителя Министерства колоний Его Величества — а если конкретно, то чиновника земельного управления, такого, как я, — никакие сделки с землей не состоятся. Я ясно выразился, мистер Фонсики?

— Фонсека, мистер Хартшорн, Фонсека. Ваша задача — помочь мне набрать как можно больше самой лучшей земли и по самой низкой цене. Все, что требуется, это мои деньги, печать вашего правительства и подставные владельцы — скажем, мистер Рейли с братом.

— Да уж, без нас вам не обойтись, — услышался резкий голос ирландца. — Эту землю отобрали у ниггеров, чтобы отдать нам, ветеранам. Вы, Фонсека, не очень-то смахиваете на покалеченного в бою британского воина, да и на ниггера тоже, хотя некоторых португальцев в темноте можно и не заметить.

— Мы оба — сеньор Фонсека и я — гордимся партнерством с двумя ирландскими джентльменами, — примирительным тоном произнес Хартшорн. — Но давайте посмотрим карту.

Карлик встал на цыпочки и приложил здоровый глаз к дырочке в стене, которую когда-то сам и проделал. Три мужские фигуры склонились над картой. Хартшорн постучал по ней ногтем.

— Главное — вода. В этих краях один год из трех не выпадает осадков. Но если вам посчастливилось отхватить участок на Эвасо-Нгино, вам не страшна никакая засуха. Правда, река — не без фокусов: мечется из стороны в сторону, как сомалийская проститутка. Неделя проливных дождей — и она заливает берега и затопляет балки, иногда меняя при этом русло.

— У Рейли здесь уже есть своя земля, — сказал Фонсека. — Это большая часть бывшей

фермы Амброза, плюс несколько клочков земли в разных местах, согласно выданным мне безмозглыми британцами распискам.

— Эти «безмозглые британцы» прогнали фон Леттова из вашего паршивого Мозамбика, — окрысился Рейли. — Где были вы в это время?

— Ну-ну, парни, давайте играть в одни ворота, — с истеричными нотками в голосе вмешался Хартшорн. — Вот чем нам предстоит заняться в первую очередь. Фермой Луэллинов и той, что рядом. А потом мы оттяпаем жирный кусок земли у калек.

Оливио, который изо всех сил старался не менять положения и не скрипеть чашей по шероховатой стене, подумал о круглой сумме, которую они с Раджи да Сузой ссудили Луэллинам. Каждое зернышко, каждая лопата и сама ферма частично принадлежат ему! Опять этот дьявол Фонсека посягает на его имущество! Но этой собаке невдомек, что Оливио владеет десятью акрами участка Амброза — через реку.

— Теперь, когда она осталась без мужа и денег, — возразил Фонсека, — с участком не предвидится особых хлопот. Мы даже сделаем красотке одолжение.

— Это единственная ферма, где есть своя вода, помимо реки, — объяснил Хартшорн. — Источники и водоемы. Многие даже не отражены на карте. Поэтому я специально отметил, кто выиграл этот участок.

Рейли отвратительно ухмыльнулся.

— Деньги — не единственный ключик. Девочке нужен мужчина, а я близко знаком с ней — еще по пароходу.

— Может, вы прогуляетесь туда вдвоем с братом — посмотрите, что да как? — предложил Хартшорн. — Нужно завершить перераспределение участков, пока никто не знает, где пройдет новая железная дорога.

— Я могу задержаться, — пообещал Рейли. — Познакомлю ее с лучшими образцами ирландской поэзии.

Адам Пенфолд с довольным видом вытянул больную ногу и подвинул Оливио свой стакан.

— С самого бала холостяков в тринадцатом здесь не было такого веселья.

Сказав это, он целиком сосредоточил свое внимание на блюде с горячими индийскими пирожками с начинкой из баранины. Он выбрал самый наперченный.

— Кто тебя так отделал?

— На меня кое-что упало, — туманно ответил бармен, на мгновение представив тугие, влажные бедра Кины. Он налил хозяину двойное виски и обвел глазами переполненный бар.

Несколько плантаторов с севера — усталых фермеров с крутых склонов Абердарского хребта — шумной ватагой устремились к доске для игры в дартс.

— Целую неделю только и делал, что травил мышьяком красных пауков и розовых клещей, — посетовал один, разбавляя виски элем. — Пора и самому отравиться.

— Буйволы топчут оросительные каналы, гусеницы жрут кофейные зерна, а варвары-кикуйю расправляются с кукурузой почище саранчи, — подхватил другой и, встав на цыпочки, метнул дротик в глаз Владимиру Ленину.

Эта газетная фотография с изображением большевистского лидера, выступающего с пламенной речью перед рабочими паровозного депо, сменила на доске для игры в дартс портрет кайзера Вильгельма. Оливио прочитал в «Англо-Лузитано», будто британские моряки (делать им больше нечего!) высадились на российский берег, чтобы помочь свергнуть бородатого возмутителя спокойствия. Выходит, британцы — не такие уж и простаки, во всяком случае некоторые. Россия ведет войну — и, стало быть, лишена возможности экспортировать лен. Неплохой шанс для льноводов здесь, в Кении!

— Чего мне не хватает, так это доброго английского воскресного пикника, — вздохнул один фермер. — Встать на зорьке, кого-нибудь подстрелить...

Чуть поодаль, за спинами метателей дротиков, группа мужчин окружила столик для игры в триктрак. На неудачника градом сыпались советы. Окутанный сигарным дымом, Васко Фонсека ухмыльнулся и заказал выпивку.

На другом конце бара, рядом с вешалкой из рогов антилопы для оружия и портупей, четверо завсегдатаев бросали кости.

В центре бара, за квадратным столом, двое развлекались реслинггом. Они крепко сцепились руками, поставив локти на «экватор».

Каждый из борцов сосредоточил внимание на своей правой руке. Оба пыхтели, стискивали зубы и что есть силы упирались локтями в крышку стола. На обнаженных руках вздулись жилы. Левой рукой каждый, для сохранения равновесия, опирался на внутреннюю сторону бедра. Возле каждого на столе горела свечка. Опускаясь на стол, кисть побежденного неизбежно должна была коснуться пламени. Борцы были настоящими великанами: верзилами с могучими плечами. Волосы старшего посеребрила седина; на войне ему ампутировали правую ногу ниже колена. У более молодого на низкий лоб свисали рыжие кудри.

— Кто еще хочет поставить на Пэдди? Или на капитана Джоса? — выкрикивал другой рыжий — очевидно, тоже ирландец. — Еще не поздно! Ставка два шиллинга! Чья свечка раньше погаснет?

— Ставлю на Джоса! — Один из зрителей бросил на край стола серебряную монету. Рядом группа бывших солдат затянула любимую песню:

«Она была нежной и милой,
Но злая подкралась напасть,
Девчонку навеки сгубила
Эсквайра преступная страсть».

Заслышав песню с «Гарт-касла», Энтон встрепнулся. После четырех месяцев тяжелого крестьянского труда на ферме «Керн» он наслаждался отдыхом в «Белом носороге». Прищурившись, он проник взглядом сквозь густое облако дыма и остолбенел при виде рыжего борца. Тот сидел с перекошенным лицом, сжав одну руку в кулак, а другой упершись себе в бедро.

Это он! Энтон сразу узнал чури — свой цыганский нож. Вложенный в ножны, он болтался за поясом у верзилы. Верный друг, с которым его разлучили на пароходе. Казалось, это случилось много лет назад — хотя на самом деле не прошло и года. Золотое кольцо — подарок Ленареса — обожгло Энтону грудь под рубашкой.

Он весь напрягся; в глазах полыхнул гнев. В одном из болельщиков он узнал другого рыжего ирландца — Мика Рейли. Гвенн! Блудливая лапа Рейли мнет белые груди. Удушливый запах секса. Ногти Энтон впились в ладони. В нем тяжело заворочалась застарелая ненависть. «Спокойно! — приказал он себе. — Сохраняй самообладание!»

Он поставил на прилавок кружку с пивом и взял свою шляпу. В зале росло возбуждение: рука седовласого ветерана клонила к столу и наконец накрыла горящую свечу. Победенный соскребок о край стола налипший на руку воск и кивнул Пэдди, прежде чем взять свой костыль и отойти к стойке бара.

— Не везет вам, капитан Джос, — сочувственно произнес кто-то из болельщиков. — Если бы не та чертова мина, вы бы давно пригвоздили этого ирландского клопа к столу.

— Кто еще хочет попытать счастья? — выкрикнул Мик Рейли.

Надвинув шляпу чуть ли не на глаза, Энтон занял освободившийся стул.

— На что играем? — осведомился Рейли.

— Не на деньги. — Энтон положил в борозду посреди стола свой нож — подарок Эрнста фон Деккена. — Рискнем ножами? Два тура из трех.

Пэдди взял нож и опробовал лезвие на сломанном ногте большого пальца. Потом поднес поближе к глазам и в тусклом свете бара прочел название фирмы.

— Золинген, да? Лучшее, на что способны колбасники. Ладно, поехали.

Он достал из-за пояса чури и положил поперек «экватора». Встал, расправил плечи и, потягиваясь, поднял вверх руки; при этом они достали до перекладины под потолком. Пэдди сел и растопырил пальцы.

— Бармен! Эй, бармен! Свечку! — заорал Рейли.

— Совсем не обязательно кричать, молодой человек, — осадил его Пенфолд. Игра в триктрак прервалась. Фонсека и другие столпились в центре комнаты.

— Ты кто такой? — рявкнул ирландец.

— Адам Пенфолд.

— Спокойно, Мики, возьми, выпей, — примирительно произнес его брат. — Не все

сразу. Кто-нибудь делает ставки?

— Тоже мне палата лордов! Мы здесь затем, чтобы послать подальше все эти дурацкие церемонии!

В душе Пенфолд не мог не согласиться с этим доводом.

Оливио достал свечной огарок.

— Милорд, можно, я приму участие в ставках?

Пенфолд кивнул.

Он зажег огарок и, капнув на стол расплавленным воском, закрепил свечу. И обратился к Энтону с улыбкой, подчеркнувшей морщины:

— Не дай ее погасить, мой мальчик.

Однако в глазах своего молодого друга Адам Пенфолд не нашел ни проблеска спортивного азарта. Вместо этого он прочел в них столь знакомое ему по фронту выражение холодной жестокости — человека, готового убивать.

— Заключайте пари! — агитировал Мик Рейли, окруженный буйной ватагой ирландцев. Одну руку он поместил на спинку стула, на котором сидел Пэдди, а в другой держал пачку расписок. — Ну же, парни, два против одного, что Пэдди поджарит этого цыпленка!

Как бывает на петушиных боях, зрители тесным кольцом окружили борцов. Протиснувшись вперед, Фонсека поставил на верзилу-ирландца. Энтону передалось возбуждение толпы. Он положил руки на стол, давая им расслабиться, в то время как остальные части его тела, наоборот, отвердели. Мясистая, точно окорок, лапа Пэдди поросла рыжей шерстью и была усеяна веснушками. Энтон сфокусировал взгляд на цыганском ноже.

«Выдержка! — услышал он голос Ленареса. — И самообладание. Пусть сила противника обернется против него самого».

В ожидании начала поединка Энтон прислушивался к тихим речам своего наставника и не поднимал головы, чтобы его не узнали.

Пэдди сильнее, прикидывал он, но вряд ли так же ловок. Но главное преимущество Энтона заключалось в том, что он единственный знал настоящую ставку в игре. Он вспомнил еще один урок — тот, что мог бы избавить его от неприятностей на ярмарке в Нидеме. Никогда не показывай все карты!

Пэдди занес над линией «экватора» правую руку и поставил локоть на стол. Энтон сделал то же самое. Ладони соперников сблизилась. По обеим сторонам стола горели свечи.

— Внимание! Старт! — объявил Рейли.

Борцы сцепили руки.

Пэдди сразу повезло. Он схватил руку Энтона чуть выше, чем тот ожидал, стиснув не ладонь, а пальцы. К счастью, Энтон успел напрячь руку как раз в тот момент, когда ирландец начал сдавливать косточки.

Энтон высвободил руку, но потерял инициативу. Он свирепо уставился в крышку стола, стараясь сконцентрироваться. Понимая, что ему не удастся прижать руку соперника к столу, он привел все тело в состояние боевой готовности. Даже пальцы ног скрючились в начищенных до блеска ботинках. Мышцы бедер окаменели. Как у гребца, твердая, словно броня, брюшина послужила точкой опоры для двух плечей рычага — верхней и нижней частей его тела.

Зрители курили, пили, заключали пари и всю подстрекали борцов. Некоторые прямо-таки нависали над их головами. Однако для Энтона они не существовали или существовали где-то очень далеко, например, в Момбасе. И только один образ, одно видение пробивалось

к нему сквозь табачную мглу. Слева от Энтона в воздухе плавало круглое, без кровинки, лицо Оливио — точно полная луна в дымке облаков.

Энтон добился того, чтобы рука жила отдельно от него, как валун, преграждающий врагам вход в пещеру. Все, что теперь требуется, это удерживать камень на месте.

Он уже продержался дольше, чем Пэдди мог ожидать. Их руки по-прежнему были сплетены в тугий комок, покачивающийся то в одну, то в другую сторону. Правда, больше в сторону Энтона. Рука его противника вспотела.

Пэдди поводил ее туда-сюда. Это привело к тому, что локоть Энтона, обтянутый рукавом рубашки, чуточку сдвинулся. Рука от пота противника тоже стала липкой. Пэдди перенес захват ниже, с пальцев на ладонь. Энтон поздно понял его маневр.

Вскочив со стула, ирландец всей своей тушей навалился на его клонившееся к крышке стола запястье. Рука Энтона с шумом опустилась на свечу. Послышались проклятия и одобрительные возгласы. Борцы встали — размяться.

Оливио подскочил к стойке и быстро налил желающим выпить. Давно торговля не шла так бойко. На прилавок сыпались деньги, в том числе чаевые.

— С тебя пиво и два фунта стерлингов, маленький негодник, — сказал ему Рейли.

Оливио отдал выигрыш. «Этой обезьяне невдомек, — подумал он, — что я тоже имею интерес в деле. Чтобы стибрить мою ферму, ирландским гангстерам вместе с Фонсекой и безмозглым Хартшорном придется иметь дело не только с миссис Луэллин, но и с Оливио Алаведо, и с денежными тузами из Гоа». Он покосился на подсчитывающего свой выигрыш Фонсеку и позлорадствовал, вспомнив о письме, которое отправил лиссабонскому юристу. Посмотрим, что будет делать Фонсека, когда узнает.

— Ваше пиво, сэр, — сказал он Рейли. Чуть поодаль молодой Райдер беседовал с хозяином и одновременно растирал правую руку левой.

Никогда и нигде, кроме как в зеркале, Оливио не видел такого напряженного внимания, как в глазах этого парня во время поединка. Нет, тут дело не в спортивном азарте и не в ножах. Чтобы вызвать у человека столь сильные чувства, требуется кое-что важнее. Даже англичане с их любовью к спорту не относятся к этому так серьезно. Неужели он вправду подметил в прищуренных голубых, холодных, как льдинки, глазах юноши мертвящий огонь ненависти — может быть, даже мести?

— Еще пари, сэр? — обратился он к Рейли.

— Три против одного за Пэдди, если ты хочешь.

Борцы заняли свои места за столом. Пенфолд зажег новый огарок. Энтон вытер ладони красным дикло и снова повязал им шею.

— Может, попробуем левой?

Пэдди ухмыльнулся и стрельнул взглядом в сторону брата. Тот кивнул.

— Почему бы и нет?

Пэдди закатал рукав левой руки и поставил локоть на стол. Энтон последовал его примеру.

— Держись, Пэдди! — весело крикнул Фонсека. — А то я еще разорюсь!

— Извините, лорд Пенфолд, — обратился Энтон к владельцу отеля, когда их с Пэдди руки соприкоснулись, — объявите, пожалуйста, старт.

— Пошли! — крикнул Пенфолд.

Энтон вцепился в пальцы ирландца. Тот побагровел и попытался освободиться.

Энтон по-прежнему смотрел вниз. Опершись правой рукой о свое правое бедро, он

мысленно приказал себе соединить руки. В памяти всплыла сцена в котельной на «Гарт-касле».

Он вновь сконцентрировал внимание на том, чтобы соединить обе свои руки. Сначала неуловимо, а потом все заметнее рука ирландца дала крен. Энтон вспомнил запах горелого мяса — своей обожженной плоти, когда эти сволочи прижали его руку к раскаленной паровой трубе. Жилы натянулись, как провода. Впервые сила его плечевых мышц отдавала энергию рукам. Он почувствовал в правом плече жжение. И с неожиданной силой прижал руку Пэдди к свечке.

У того вытянулось лицо. Он непонимающе уставился на Энтон. Кругом слышались поздравления. Оливио бесстрастно смотрел в пол.

Энтон разжал руку и отпустил соперника. Пэдди отошел к брату, стоявшему возле стойки.

— Бармен, двойную порцию, — процедил Рейли.

— Как вам будет угодно, сэр, но, если вы не возражаете, сначала я хотел бы получить мой выигрыш.

Энтон упорно не поднимал головы. Пэдди сел напротив и потрещал суставами. Чтобы нечаянно не соскользнул локоть, Энтон закатал правый рукав. Обнажилась татуировка.

Каждый из соперников поставил локоть на стол и поднял правую руку. Кольцо зрителей стало еще теснее. Опираясь на трость, Пенфолд встал сбоку и приготовился дать сигнал.

— Погодите, ваша светлость, — процедил Рейли. — Объявим вместе.

— Внимание! Старт! — синхронно выкрикнули он и лорд Пенфолд.

Две руки, схватившись намертво, задрожали от напряжения над линией «экватора».

Энтон услышал шум у двери и, не позволяя себе расслабиться, поднял глаза. В бар вошел новый посетитель — крупный мужчина в потрепанной кожаной куртке и серой войлочной шляпе. Он взял у бармена пару бутылок пива и, встав позади Рейли с приятелями, уставился на Энтон.

— Удачи, мой юный английский друг!

Эрнст! Энтон на мгновение отвлекся; рука чуть не сдвинулась. Но теперь он уже хорошо знал тело своего врага, кислый запах его пота и толстые куски мяса под мягкой кожей рук. Ощущал неуправляемую, почти звериную, мощь этого человека.

Энтон почувствовал на себе тяжелый взгляд Пэдди и поднял глаза. Узнал наконец? Рейли что-то прошептал брату на ухо. У того отвисла челюсть. Глаза сошлись в одной точке — там, где была татуировка в виде ястреба. Потом он перевел взгляд на здоровенный шрам на внутренней стороне локтя. Маленькие пороссячи глазки встретились с ярко-голубыми.

Энтон сосредоточился. Руки обязаны соединиться! Мышцы взбугрились. Над ярко-розовым шрамом набухли бицепсы.

От напряжения у него разошелся шов. Проступили сначала розовые, а затем алые капельки крови.

Словно в трансе, отдавая себе отчет в том, что, кроме них, только Рейли понимает смысл безмолвной драмы, противники слились в единую скульптурную группу. Пэдди привстал со стула и начал энергично вертеть запястьем — искал положение, которое бы дало ему преимущество. Энтон умело пользовался каждой его оплошностью, чтобы хотя бы на один-два градуса приблизить руку соперника к столу. Пэдди уже не нападал, а оборонялся, стараясь вернуть руку в прежнее положение. Энтон не мешал ему изматывать себя в этих попытках. Кровь продолжала сочиться.

Пэдди терял энергию. Движения становились все более судорожными. Энтон понимал: главное, что от него требуется, это терпение. Не поддаваться искушению покрепче нажать. Просто сохранять свое преимущество, и пусть ирландец сам себя доконает.

Энтон на пробу немного ослабил хватку. Пэдди с удвоенной энергией рванул вверх, но Энтон тотчас вернул его руку на место. И так — пять раз подряд. Капли крови стекали на стол. Энтон тоже вымотался, но не так, как Пэдди.

Тот был еще силен, но явно нервничал — словно раненый буйвол. Он потерял контроль над собой. Кажется, это заметили один-два наблюдателя, в том числе Рейли. Фонсека, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, жевал незажженную сигару.

Энтон стрельнул взглядом в сторону стойки. Там на высоком табурете, болтая скрещенными ногами, сидела Анунциата. Она послала Энтону воздушный поцелуй. Каждый мужчина в зале вождедел к ней.

За спиной Анунциаты застыл на своей стремянке карлик — точь-в-точь каменный будда. Его идеально круглая голова отбрасывала на стену гротескную тень. Энтону захотелось заглянуть в глубоко посаженные глаза бармена. Неужели он что-то понял?

Хотя рывки Пэдди затемняли картину, Энтон чувствовал, что может двигать рукой противника по своему желанию. Он еще трижды ослаблял хватку и вновь зажимал руку ирландца, лишая его последних сил.

Пэдди зарычал. Энтон взглянул вверх стола и увидел устремленные на него глаза с красной каймой — как у барсука в капкане. Вот сейчас придет охотник и добьет злобно фыркающего зверя топориком. В его взгляде смешались два чувства, изначально присущих человеку: страх и ненависть.

«Помнишь паренька в котельной? — безмолвно вопрошал Энтон. — Помнишь, как твой брат спросил: "Ну что, он спекся?"»

Энтон уверенно нажал на руку своего врага. До горящей свечи не хватало каких-нибудь трех дюймов. Энтон остановился.

— Еще рано, — сказал он вслух, глядя на Пэдди в упор.

Противно запахло палеными волосами. Густая рыжая шерсть на тыльной стороне руки ирландца съежилась и сгорела. Пэдди ощутил прилив новых сил и рванул руку вверх. Энтон вернул ее на место, а затем опустил чуточку ближе к огню. Он выматывал врага его же усилиями. Потные пальцы Пэдди ослабели. Пухлая белая рука неумолимо приближалась к язычку пламени.

— Давай, Пэдди, ну давай! — завопил Рейли. — Покажи ему! Это же тот ублюдок с парохода!

Столпившиеся вокруг приятели Рейли, видя, как уплывают их денежки, начали суетиться и выражать неудовольствие. Не обращая на них внимания, Энтон задержал руку Пэдди в трех дюймах от огня. Пламя опалило ему ногти. Он вспомнил котельную и, крепко стиснув руку Пэдди, поднял голову. Бычья шея ирландца разбухла, как гнилой фрукт, который вот-вот лопнет. По багровому лицу струился пот. Губы дрожали. Из открытого рта текли слюни.

Мик Рейли выругался и поднял с пола разбитую бутылку из-под виски.

— Nein ^[13], приятель, пусть доведут дело до конца, — прорычал Эрнст и поставил свои две бутылки пива на стол. Рейли все-таки схватил разбитую бутылку. Эрнст вцепился ему в руку и, резко крутанув, бросил Рейли на живую стену из его приятелей-ирландцев.

— Ну, хватит, — решил Энтон и не спеша опустил руку Пэдди в огонь. Когда его

собственные пальцы коснулись расплавленного воска, он отпустил противника и схватил оба ножа. Пэдди отшвырнул свой стул и ринулся за ним, но споткнулся о трость лорда Пенфолда и рухнул на квадратный стол. Тот раскололся пополам.

В мгновение ока помещение бара превратилось в поле боя. Один только Фонсека продолжал следить за побоищем, стоя у стены. Эрнст, после того как раздал несколько увесистых тумачков, рухнул на пол. На него навалились несколько «томми».

Оливио спустил курок. Раздался оглушительный залп из короткоствольного ружья для охоты на слонов — «ригби». Разумеется, в потолок.

Все замерли и повернулись к стойке. Отдача от ружья сбила карлика с ног, но он быстро вскарабкался по стремянке и, заняв прежнее место, поднес к губам медную гильзу. Послышался пронзительный свист. В свете лампы лицо карлика сияло в радужном ореоле.

— Давно в «Белом носороге» не было так весело, — сказал Пенфолд Анунциате, наливая виски.

— Надеюсь, — усмехнулась она, — наверху никто не ложился спать.

Еще одна борозда, и на сегодня хватит. Перед глазами Гвенн тяжелый лемех фирмы «Дир» резал и переворачивал землю. Снабженный специальными приспособлениями, плуг с легкостью уклонялся от камней и пней и легко справлялся с африканской целиной.

Десять волов, из которых шесть поступили совсем недавно и от них пока было мало толку, рвались из цепей. Передняя, глубоко погруженная в землю часть лемеха ровно резала землю. Задняя блестела на солнце.

— Тише, тише, — сдерживал волов Кариоки. — Не надо так торопиться.

Он повесил поводья на плечи и, улыбнувшись Гвенн, поднял вверх обе руки в жесте капитуляции. Хорошо хоть Кариоки здесь, подумала она, скучая по Энтону. Она понимала овладевшую им жажду перемен, но не могла не досадовать. Что он так долго делает в «Белом носороге»?

Два месяца назад она бы выжала все соки из кикую и скота — и, скорее всего, запорола бы плуг. Сегодняшняя Гвенн, так же как и волы, знала, когда нужно остановиться.

Она пошла на край поля — за киркой. Кариоки зашел впереди плуга. Нагнувшись, Гвенн почувствовала прилив крови к голове. В глазах потемнело. Она бессильно опустилась на камень и, закрыв глаза, прислушалась к движениям нового существа. Каким-то он будет, этот малыш? Осталось не более трех-четырех недель. Через две недели она воспользуется приглашением Пенфолдов — рожать в Наньюки. Какая роскошь! Но Гвенн волновалась за ферму. Энтон обещал присмотреть за ней, если еще будет в этих краях. Гвенн знала: он делает это не из любви к земле, а из добрых чувств к ней, как одолжение. Если Энтон не сможет, Пенфолд обещал прислать кого-нибудь из еще не определившихся солдат, оставшихся без земли и не желающих возвращаться на родину.

В голове прояснилось. С реки дул приятный ветерок. Открыв глаза, Гвенн посмотрела на юго-восток, через равнину и невысокий горный хребет Лолдайка — туда, где высилась вдаль гора Кения. Вот уже и август. Проливные дожди кончились, и на фоне кристально чистого неба вулкан показался ближе. На крутых склонах темные пояса из кедровых роц сменялись снежной мантией, питающей Эвасо-Нгино.

Адам предупредил: в скором времени можно ожидать слонов. Они спустятся с гор, перейдут ручьи, где водится радужная форель, пересекут плантации европейцев и маленькие фермы туземцев и отправятся дальше, на равнину. Обычно они путешествуют маленькими группами или семьями, но бывает, что за несколько дней их проходит несколько сотен.

По дороге на северо-запад через плато Лейкипия слоны задержатся на Эвасо-Нгино, чтобы, подобно человеку, освежиться и утолить жажду. Слоны, как примерные ученики, избегали топтать посевы: за этим часто следовала смерть. Но случалось и так, что голодные или испуганные животные за одну ночь уничтожали кукурузное поле. Хорошо бы успеть вернуться до их перехода.

Гвенн окинула взглядом поле. Присланные Адамом Пенфолдом ширококорые волы выносливой африканской породы неподвижно застыли с чисто бурским терпением. Уже сейчас Гвенн могла бы сказать, что волы научили ее большому, чем она их. Каждое утро она помогала запрягать, поправляла упряжь так, чтобы им было удобно целый день вести ровную борозду. Малейшая небрежность — и борозда будет кривой. Гвенн взглянула на свои руки и напомнила себе о необходимости надевать перчатки.

Движимая отчаянным стремлением прижиться в Африке, в первые недели после смерти Алана она поднималась затемно и выгоняла в поле своих помощников. Сбруя то и дело лопалась, а волы худели. Кариоки и женщины-кикуйю ворчали, что даже на злобного карлика Чура Ньякунду работать было легче. По крайней мере, Желтая Лягушка не заставлял их возиться в земле.

Со временем она поняла особый ритм рабочего дня африканцев. Сколько бы она ни давила, как бы поздно они ни приступали к работе, к концу дня результат был один и тот же: один акр глубоко вспаханной земли. Если Гвенн чересчур свирепствовала, все бунтовали: кикуйю, волы, даже сама земля.

Кариоки ждал ее терпеливо, словно старое дерево. Пять женщин-кикуйю, которым было поручено очистить землю от сорняков, камней и веток, болтали в нескольких ярдах позади нее. Никто никуда не спешил — кроме самой Гвенн. К счастью, мужчины-кикуйю не отказывались пахать, потому что даже при их традиционной лени все связанное со скотом считалось мужской обязанностью.

Гвенн встала и отнесла кирку Кариоки. Через пару дней можно будет прокладывать поперечные борозды. Многие новоявленные фермеры не утруждали себя такими тонкостями; Адам тоже допустил такую ошибку. Семена все равно взойдут, но земля не сможет дышать, не будет здоровой и сильной.

И еще — перед тем как переверачивать землю, нужно произвести повторную мелкую вспашку — сначала на шесть, потом на три дюйма глубиной, чтобы разбить крупные комья, оставшиеся после предыдущей вспашки. Лен требует особенно тщательной обработки.

В конце будущего месяца, или в начале октября, первые тридцать акров будут подготовлены к севу. Лучшие двадцать она отведет под лен, а остальные десять — под кукурузу, бобовые и пшеницу. Семена льна нужно вносить поглубже, а не разбрасывать. Пшеница требует меньше влаги. Волы и овцы большую часть года смогут пастись на естественных пастбищах. Но в засушливый период им понадобится силос, запасы зеленого корма — люцерны или южноафриканского маиса с поливных земель. Каждой корове или волу требуется десять акров, овце — три.

Нужно купить еще семян и инвентаря, скота и техники. Раджи да Суза через своего друга Оливио Алаведо предложил ей дополнительный кредит. «Ничего не жалеть для фермы "Керн"!» — так он выразился.

Но, конечно, больше всего Гвенн нуждалась в мужчине — фермере, который разбирался бы во льне и болезнях домашних животных. И тут Энтон ей не опора. Что он будет делать, когда повзрослеет? Осядет ли на земле? Чем станет зарабатывать на жизнь?

Гвенн шла за плугом, проверяя правильность борозды и следя за тем, чтобы Кариоки не попытался облегчить себе и волам работу, приподняв лемех. При неровной или мелкой борозде в октябре и ноябре дождевая влага будет стекать по склону, а не впитываться в почву. Чтобы понизить испаряемость, Гвенн решила после сильного дождя взрыхлить землю.

Закончив последнюю борозду, Кариоки погнал волов домой, сделав остановку у реки, чтобы искупать животных. Он помахал уходящим с поля женщинам. Одна, самая молодая, задержалась и подождала его, Гвенн шла медленно, время от времени нагибаясь, чтобы поднять и отбросить в сторону сучок или камень. Итак, сорок две борозды шириной в шесть футов. Не образец аккуратности, как пирамиды Алана, но лучше ей в этом году не сделать.

Против своей воли Гвенн испытывала горечь и обиду на Алана. Как он мог взвалить на

нее одну тяжкое бремя выживания? Потом она почувствовала себя виноватой за то, что не тоскует об Алане так как следует. И чересчур беспокоится об Энтоне — как бы уберечь его от мести Мика Рейли. Но временами, злясь на себя, Гвенн страстно желала, чтобы Энтон был рядом. Вместе, рука об руку, возвращаться с поля...

Она еще раз наклонилась, и ее вдруг пронзила острая боль. Ахнув, она опустилась на колени и поползла туда, где под тамариндом зеленела трава. Там она повалилась на землю и зажмурилась. Боль возобновилась и не отпускала. Целый час Гвенн пролежала на боку, напоминая себе, что сроки еще не вышли; однако боль то и дело пронзала все ее существо и затихала, давая ей возможность собраться с силами.

У нее отошли воды. Ребенок! Гвенн распростерлась на спине, подняла колени. Тело покрылось испариной. Нужно глубоко дышать. Вспомнить, что делала бабушка, когда ее кузине пришлось рожать без акушерки.

По спине побежали мурашки. Мышцы напряглись. Тело больше не слушалось Гвенн, живя по своим особым законам. Юбка намокла. Гвенн развязала пояс и, поворачиваясь с боку на бок, сняла юбку и подстелила ее вместо простыни. Через ткань спину кололи осыпавшиеся стручки тамаринда. Боль накатила, утихла и вернулась вновь. Над головой шумела листва и ярко светило солнце.

Вдруг в кустах зашуршало. Раздвинулись ветви. Гвенн запаниковала. Господи, как дотянуться до винтовки?

Но было поздно. Оружие слишком далеко. Гвенн с трудом села. Голова перестала кружиться. Она приготовилась к схватке.

— Гвенн-саиб! — воскликнула женщина-самбуру.

— Виктория! Слава Богу! Помоги мне добраться домой!

Виктория бросила пустой мешок и опустилась на колени в ногах у Гвенн. Потом велела ей лечь. Стащила нижнюю юбку из грубого холста. Развела ноги. Потрогала живот и заглянула между ног.

— Не домой, нет. Поздно домой.

Примерно с час Виктория сидела рядом, держа Гвенн за руку. Та лежала с закрытыми глазами. Схватки все усиливались. Боже милостивый, началось!

Виктория снова встала на колени у нее в ногах и, взяв руки Гвенн в свои, с силой потянула молодую женщину на себя, вынуждая сесть. Потом она встала, заставила Гвенн встать на корточки — так, чтобы вес равномерно распределился между носками и пятками. Локти Гвенн она поместила ей же на колени и помогла сцепить пальцы. Встав позади, она потянула Гвенн на себя, давая ей опереться выгнутой спиной на свои ноги.

Мысли Гвенн завертелись вокруг ее новой помощницы и подруги. В свое время ей никак не удавалось запомнить самбурянские имена, и она дала женщине имя Виктория — за необычайное сходство с Ее Величеством. Тот же прямой, открытый взгляд, те же пухлые щеки, полное круглое лицо и величаявая осанка. И надежность.

По телу Гвенн пробежала судорога. Новая жизнь неудержимо рвалась на волю. Виктория схватила молодую женщину за плечи. Гвенн натужилась. Бедра разверзлись. Гвенн дернулась и повалилась на бок. Виктория успела подхватить ребенка. Зубами перегрызла пуповину. Омыла младенца в воде неглубокого водоема, пару раз шлепнула и подставила лучам заходящего солнца.

Чей-то мощный рев привел Гвенн в чувство. Вики передала ей новорожденного, завернутого в грубую мешковину. Полные слез глаза Гвенн не могли разобрать пол ребенка.

Она погладила головку с курчавыми волосенками.

— Богатырь, — одобрила Вики. — Настоящий мужчина.

* * *

— Я заволновался, когда ты не приехала в «Белый носорог», — сказал две недели спустя Энтон, распрягая Рафики. Ему было жаль, что он пропустил миг рождения человека. — Решил вот съездить, посмотреть, как дела. Так хотелось присутствовать при родах! Но я опоздал.

Он опустил на колени и пощекотал младенцу животик. Голенький наследник фермы «Керн» лежал на шкуре импалы, взбрыкивал ножками и разевал ротик. У него были рыжие кудряшки и зеленые глаза.

— Какой красивый! — восторгался Энтон. — Жалко, что меня здесь не было — помочь!

— Ну, от тебя было бы мало толку, — Гвенн всеми силами старалась не показать, что рада его приезду. — Мне помогла Вики.

Руки Гвенн до запястий были молочно-белого цвета. Волосы обсыпаны творожными крошками. «Должно быть, я страшна как смертный грех», — подумала она и украдкой посмотрела на Энтон. Возможно, в «Белом носороге» он встречался с Анунциатой.

— Ты любишь сливочный сыр? — с гордостью спросила она. — Его не так просто сделать, как кажется. Зато перевозить и продавать удобнее, чем сливочное масло. Вот только у нас оно почему-то получается кислым и на удивление белым.

— Тебе помочь? — сам себе ужасаясь, спросил Энтон. Вид кухонного стола поверг его в панику. На одном краю лежала стопка белых промасленных тряпиц. На другом ждали своей очереди пустые жестяные формы. Если утратить бдительность, она сделает из него дояра. Энтон понюхал высокий бидон с молоком. — По-моему, слишком кисло.

— Сыр выдерживают неделю, — с раздражением в голосе произнесла Гвенн. — Потом все, кроме последней ложки, вываливается в сложенный втрое кусок хорошего полотна и хранится сутки. И только после этого добавляют соль.

— Чем плоха последняя ложка?

— Ничем, если не считать того, что на дне собирается твердая масса, которая портит сыр. Разверни, пожалуйста, вон ту тряпку. Соскреби все в середину.

— Как ты назвала ребенка? — спросил Энтон, закатывая рукава и ребром ладони собирая крошки.

— Веллингтон ^[14] — за выдающийся нос. Нет, Энтон. Это делают всей ладонью.

Гвенн накрыла его руки своими и показала, как собрать в центр творожную массу. На мгновение их пальцы переплелись.

— А теперь переложи на чистую материю. Хорошенько загни углы и положи сверху груз — десять фунтов. Через двенадцать часов получится отличный кусок белого сливочного сыра. Энтон, ты не прогуляешься на реку — поищешь камней по десять фунтов?

Он облизал пальцы.

— Веллингтон — неподходящее имя для фермера. По-моему, не хватает соли.

Гвенн откинула со лба волосы и поджала губы. Не хватает соли? В зеленых глазах запрыгали искры.

— Возможно, он станет доблестным воином. Или вторым Энтоном Райдером —

храбрым охотником, который раскатывает по свету верхом на коне и стреляет диких зверей. Когда ты уезжаешь?

— Пойду, поищу камни, — Энтон ухмыльнулся, вспомнив совет лорда Пенфолда: никогда не спорить с женщиной.

«Ну зачем мне понадобилось вредничать? — упрекнула себя Гвенн. — Буду вести себя как старая стерва — он ни за что не вернется».

Энтон притащил три сверкающих речных камня. Гвенн как раз кормила. Из расстегнутой блузки выглядывала полная левая грудь с розовым соском и капельками молока. Веллингтон передохнул и снова припал к груди.

— Спасибо, Энтон. Положи, пожалуйста, груз на творог.

Он подошел к столу.

— Можешь развернуть первую тряпицу — под мешочком с гвоздями — и посмотреть, готово ли. Если да, то, будь добр, разрежь творог на куски и разложи в формы.

Веллингтон оторвался от материнской груди и загугукал. Энтон снял мешок с гвоздями и, достав цыганский нож, всадил в творожную массу. «Знать бы, что мой старый чури будет использован подобным образом, лучше бы я оставил его той жирной свинье», — сказал он себе с мрачным юмором.

— Нет-нет, сливочный сыр нельзя резать ножом. Вон там деревянная лопатка.

— Обещаю никогда больше этого не делать, — Энтон против воли улыбнулся. — Лучше вернусь в отель — помогать на кухне.

— Будешь смешить, — сказала Гвенн, пристраивая Веллингтона к другой груди, — он меня укусит.

* * *

— Золото! — Эрнст фон Деккен зажмурился и откинул голову на спинку стула. — Да, золото!

Его добротные немецкие сапоги остались висеть, привязанные к седлу. Он допил фирменный шнапс «Гепард» и передал Энтону пустую бутылку.

— Вот он, ответ на все вопросы! Хочешь, будем работать на пару? От земледелия никакого проку. А чтобы добывать золото, мне нужен партнер-англичанин, вроде тебя. Немцу не дадут лицензию.

— Золото?

Энтон разволновался. Сейчас ему нечего предложить женщине. Золото — великолепный шанс разбогатеть и все-таки остаться свободным. Тогда у него появится возможность быть с Гвенн и в то же время не заделаться поденщиком на ферме. Всю прошлую неделю Гвенн была холодна и надменна — вряд ли она в нем нуждается. Возможно, после изнасилования и смерти Алана она хочет отдохнуть от мужчин. А эта одержимость фермой — и все вытекающие отсюда сложности!

— Золото? — переспросил он Эрнста.

— В 1867 году его впервые обнаружили в Земле Матабеле. Англичане живо отобрали эту территорию у кафров и назвали Родезией. Потом, в восемьдесят шестом, они нашли золото в Трансваале и отняли его у буров — получилась Южная Африка. И наконец, перед войной мы отыскали золото в Германской Восточной Африке. Вы с Лигой наций тут как тут

— хватаете всю территорию, включая ферму «Гепард», и объявляете Танганьикой. Теперь золото находят даже в этой несчастной стране.

— Мне жаль, что так вышло с фермой. Надеюсь, твой отец в порядке?

— Это его чуть не убило. Но он крепче старого носорога. Подался в Каир — вроде бы выращивать хлопок. Англичане разорили наши фермы. Всех немцев отсылают домой. Но мы еще вернемся, вот увидите. Беда в том, что «Гепард» был настоящим домом. Теперь они распродают немецкие земли и предприятия на аукционе, как «собственность врага». Так что давай, мальчуган, хапнем нашу долю. А потом выкупим ферму на твоё имя.

— Ты не говорил, что там есть золото. Где?

— Совсем недавно обнаружили новые, легкие для разработки залегающие по обе стороны границы, недалеко от озера Виктория. По нашу сторону — в низовьях реки Лупа. По вашу — близ Лолгориена. Говорят, оно там залегаёт открыто — приходи с лотком и мой песок.

— Едем! Только сначала погостим на ферме моих друзей. Я немного помогу в поле, а ты поохотишься. Там водятся замечательные сернобыки и антилопы Гранта. Ты уже покормил лошадь?

— Моя коняга не нуждается в пище.

— А в воде?

— Не в воде, а в бензине. Это старый мотоцикл. Шесть с четвертью лошадиных сил, два цилиндра, коляска, три скорости, свет, насос, инструменты — все как полагается. При желании способен летать. Вырастешь — купи себе такой же.

* * *

— Ав! Ав!

Медленно передвигаясь на четвереньках, Оливио потерся плечом о ногу Кины, словно выточенную из черной слоновой кости. Девушка обхватила его короткую шею и стала щипать там, где кончался старый кожаный ошейник покойного Ланселота. Мерзкая псина! Однако Оливио послушно повторил:

— Ав! Ав!

Он опустил круглую, как шар, голову и, восхищаясь подъемом, лизнул ногу Кины — да не кончиком языка, а всей поверхностью, точно слюнявый щенок. И отметил про себя: после всех ножных ванн и его интимных услуг это дитя природы по-прежнему пахнет чем-то отвратным. Он крепче прижал губы к ноге Кины и ощутил твердые молодые косточки и эластичные сухожилия. А какие сокровища ждут его выше! Оливио аж вспотел от предвкушения.

— Ав! Ав!

Продолжая лизать эту дивную ножку и в то же время думая о своих врагах, Оливио спросил себя: а что ему оставалось? Ему вспомнилась древняя легенда о скале над ущельем. Если до нее дотронется честный человек, она сорвется и раздавит всех его врагов.

Ну что ж, он уже дотронулся до этой громадины. Уже бороздит океан его письмо лиссабонскому адвокату. Скоро пароход встанет на якорь в одной из крупнейших гаваней, откуда четыре столетия назад отплыл в Индию великий Васко да Гама. Мешок с почтой бросят на берег и доставят в столицу. Наутро его послание ляжет на стол юриста, доктора Гонсало Баррето. Собственно, это даже не письмо, а составленное по всем правилам и

заверенное у нотариуса обязательство поделиться богатством с Баррето и матерью-церковью, плюс ссылки на дневники-исповеди покойного архиепископа, хранящиеся в тайном архиве кафедрального собора в Лиссабоне. Там святые отцы найдут все доказательства.

Довольный тем, что наконец-то хоть верхняя часть ступни Кины стала чистой, Оливио прижался щекой к циновке и взял в рот большой палец. Только с большими это и получалось: остальные пальцы юной дикарки были загнуты книзу. Карлик пососал и куснул повыше ногтя. Кина вскрикнула и натянула поводок. Ошейник сдавил ему адамово яблоко. Оливио издал булькающий звук, побагровел и начал хватать ртом воздух.

Указывая тростью на кучу брошенного инвентаря в канаве близ «Белого носорога», Адам Пенфолд со вздохом произнес:

— Остатки былой роскоши. Все, что осталось от моей фермы. Иногда мне кажется, что я с тем же успехом мог бы разводить малину на развалинах Карфагена. Может, мы не созданы для жизни в Африке?

Пенфолд подвел Энтон с Эрнстом к ржавому культиватору.

— Эта свалка — результат пятнадцатилетнего эксперимента — моих попыток стать своим на этой чертовой земле. Каждый кусок металла стоил мне нескольких акров земли в Уилтшире. Я наделал кучу ошибок, а как уедешь? Всякий раз, когда Сисси требует паковать вещи, я закрываю глаза и вдыхаю здешние ароматы. Опять же, работа. Мой отель.

— Ваши английские друзья не постеснялись вышвырнуть меня с моей собственной фермы, — пробурчал Эрнст.

Энтон был настроен на практический лад.

— А это что?

Он потыкал палочкой в груды кофемолок, лущиков и приспособлений для прополки от Резерфорда. Над всем этим богатством возвышался сепаратор «Динго».

— Моя любимая машинка для очистки кофейных зерен. Но после того как гусеница озимой совки сожрала зерна, мы использовали ее для чего угодно, только не по назначению. Кончилось тем, что поварята покорежили лезвия и ее пришлось выбросить. А что касается «Динго», то в хорошую погоду старушка перерабатывала по пятнадцать галлонов в час.

— Нельзя ли тут что-нибудь починить? Может, Гвенн пригодилось бы.

— В коляске нет места для всякого хлама, — буркнул Эрнст.

— Можно отправить ей льнотрепалку «Спидо» и насос от Майерса. Отличная вещь. Я все равно отдаю инвалидам, что ни попросят. Они тут нынче проезжали в своем фургоне — тяжелое зрелище! Марш обреченных. Будет чудо, если у них что-нибудь получится. Они забрали мою гордость — ветряную мельницу. Правда, там не хватает пары лопастей.

Эрнст схватил Энтон за плечо.

— Нам пора ехать. Меня тошнит от этой мертвечины. И потом, я уже не в том возрасте, когда ночуют без палатки, доброго повара и пары молодых бабенок.

Они вернулись в отель. Эрнст проверил свой «эксельсиор». Переднее крыло отсутствовало, но вообще мотоцикл был в полном порядке и блестел как новенький.

Весь день Энтон грезил о Гвенн. Она являлась ему сердитой, с расстегнутой блузкой и крошками творога в волосах.

С веранды сошла Анунциата и приблизилась к нему. Конечно, она все понимает. Энтон все еще тянуло к ней, и он весь напрягся, когда она положила руку ему на грудь, а затем поцеловала, всем телом прижавшись к нему.

— Синеглазик, мой непобедимый рыцарь.

Анунциата оторвалась от Энтон и робко заглянула ему в глаза.

Эрнст оседлал своего железного коня и завел мотор. Энтон кое-как втиснулся в коляску, между двумя немецкими винтовками. Пенфолд подал ему вещмешок. Машина взревела и выстрелила выхлопными газами.

— Без переднего крыла, — громко проворчал Эрнст, надевая авиаторские очки, —

порадуешься, что запасся добрыми немецкими окулярами. А вот для твоих синих глаз у меня ничего нет, мой юный англичанин.

Из отеля вышел Оливио и, быстро перебирая маленькими ножками, приблизился к мотоциклу. За ним поваренок нес дергающийся мешок.

— Куры, — задыхаясь, пояснил Оливио. — Четыре живых цыпленка для дорогой миссис Луэллин. Передайте ей, мистер Энтон, что мы постараемся достать все, что ей будет нужно. Вот документ на кредит в индийском магазине. Это скромный магазинчик, но кое-что у них все-таки имеется.

Оливио привязал брыкающийся мешок к коляске позади Энтон. «Эксельсиор» сорвался с места. Поваренок захлопал в ладоши. Гости «Белого носорога» подняли в воздух стаканы и помахали им с веранды.

— Скажите Гвенн, что она может приезжать в любое время, с ребенком и все такое прочее! Старая колыбелька ждет! — прокричал вслед хозяин «Белого носорога» и с грустью добавил про себя: «Ею так ни разу и не воспользовались!»

— Если из этих цыплят выйдет что-то путное, — брюзжал Эрнст, — я лично их зажарю. Мотоцикл устремился вниз по пыльной дороге.

— Guter Gott ^[15], английские калеки! — воскликнул Эрнст несколько часов спустя. «Эксельсиор» на огромной скорости огибал скалу. За поворотом их глазам открылись широкая река и — всего в нескольких ярдах от дороги — высокий обрывистый берег. Прищурившись, Энтон всматривался в поднятое колесами мотоцикла облако пыли. Он различил мутную воду и сырой песок с разбросанными по нему опрокинутыми фургонами, воловьими упряжками и людьми.

Коляска подскочила, наткнувшись на корень фигового дерева. Эрнст резко затормозил и слетел сначала на берег, а затем — прямо в воду. Энтон вылетел из коляски.

Сидя в мутной воде, он беспомощно смотрел, как течение уносит мешок с цыплятами. Бедные пассажиры отчаянно трепыхались. Какой-то человек схватил мешок и выбросил на берег.

— Небольшая ванна не повредит, сынок, — весело произнес одноногий солдат и протянул Энтону руку помощи. Его костыль глубоко увяз в песке. — Ребята кличут меня «капитан Джос». Я видел тебя в «Белом носороге».

Неподалеку человек двенадцать мужчин ставили «эксельсиор» на колеса. Энтон склонился над Эрнстом — тот выплюнул песок, потрогал правую ключицу и застонал от боли.

— Они таки добились своего. Мне капут. Эти английские свиньи меня достали. Четыре года войны — и все кости целы. И что же? Теперь я ломаю шею, стараясь не раздавить бродячий английский госпиталь!

Энтон перевел его на другой берег, где ждала запряженная четверкой мулов шотландская повозка «скорой помощи» с большим белым крестом на борту. Очевидно, она только что перебралась через реку — как раз перед тем, как опрокинулась первая перегруженная повозка со скарбом инвалидов.

К сиденью врача была привязана клетка с откормленным оранжево-зеленым попугаем. Птица чистила крючковатым клювом перышки. Чуть подальше, между двумя ящиками с медикаментами на носилках лежал человек. Врач — долговязый и тощий как жердь — со вздохом спустился на землю.

— Парад увечий никогда не кончится. Моя фамилия Фицгиббонс, военврач. Второй

Ланкаширский.

Опираясь на плечо Энтона, Эрнст прищелкнул каблуками и вздернул подбородок.

— Капитан фон Деккен, Третий полевой, Германская колониальная армия.

— У моего друга сломана ключица, — сообщил Энтон.

— Если только вы — не дипломированный хирург, юноша, позвольте мне самому поставить диагноз. — Врач взял у Энтона нож и одним махом рассек сзади рубашку. — Выгружайте обе аптечки. Постелите сверху одеяло и положите этого горе-мотоциклиста на его толстый живот.

Энтон подчинился. А потом бросился к реке — вытаскивать из воды винтовки. Кругом барахтались люди и животные. Убедившись в том, что «эксельсиор» благополучно доставили на берег, Энтон вернулся к санитарному фургону. Как-то там Гвенн? Сколько они здесь проторчат?

— Чем я могу помочь?

Острая кость распирала Эрнсту плечо подобно тому, как большой палец выпирает из-под одеяла.

— По-моему, у тебя должно лучше получаться с четвероногими, — проворчал Фицгиббонс, возвращая Энтону нож. На него вдруг напал сильнейший кашель; худая грудь заходила ходуном. Он сел на подножку и зажал рот ладонями.

Наконец приступ кончился. Врач отер рот рукавом и посмотрел на немца.

— Прошу прощения, это ваш горчичный газ. Ну, а теперь, парень, беги к реке и позови Бевиса. Он тут самый опрятный — даром что однорукий. Хоть твой приятель и колбасник, попробуем его починить.

— Держи колбасника! — заверещал попугай. — Держи колбасника!

— Не обращайтесь на Кайзера внимания, — сказал врач. — В его лексиконе всего две фразы.

Эрнст пришел в негодование.

— Как вы посмели назвать мерзкую птицу именем императора?

Фицгиббонс зажал ему рот и нос повязкой, пропитанной хлороформом.

— Пусть Бевис приведет кого-нибудь покрепче. Я хочу сделать твоему приятелю растяжку. Это не совсем то, о чем он всю жизнь мечтал, но все-таки не нож. У него и так не шибко эстетичный вид.

— Под нож его! — заголосила птица. — Под нож его!

Весь вечер, пока врач возился с Эрнстом и другими больными, Энтон помогал инвалидам разгружать тяжелые фургоны и связывать попарно самых крепких волов. Наконец тридцать два вола и дюжина мужчин вытащили из реки и снова загрузили повозки. Офицер из транспортной службы проверил каждую и проследил, чтобы животных накормили. Поставили палатки. Зажгли лампы. Время от времени то один, то другой наведывался к врачу.

Энтон сел на землю рядом с Эрнстом и стал чистить винтовку. Закутанный в одеяло, немец устроился на походном стуле. Левая рука была на перевязи. Голову он откинул назад. Из открытого рта доносились булькающие звуки.

— Повар! — позвал Джослин. — Хорошая новость! У одного мула сломана нога! Заколи его и приготовь жаркое. Смотри только, не попорть шкуру.

— Правильно, капитан Джос. — По лагерю пронеслось эхо одиночного выстрела. — Как быть с мозгами и требухой?

— Нам приходилось глотать и похуже, приятель, — ответил, отрываясь от карт, одноглазый «томми». Огонь костра выхватил из темноты его бледное лицо с черной повязкой. Он пустил по кругу бутылку матросского рома.

— Давайте зажарим цыплят, — предложил кто-кто.

— Извините, сэр, — возразил Энтон, — это подарок для друга. Завтра я добуду вам мясо.

Он с наслаждением вдыхал аромат фасоли, мяса и лука, к которому примешивался запах горящих дров. Ветераны разложили по тарелкам жаркое с гарниром из дикого шпината. По всему лагерю слышался звук ложек, скребущих по дну тарелок. Дальний рык леопарда напомнил Энтону об Абердарах и горе Кения.

Он принес Эрнсту еду. И подергал за здоровую руку, чтобы разбудить.

— А? Что со мной сделал этот мясник — твой соотечественник? Достань чего-нибудь выпить, пока я ем эту бурду.

— Если бы я был мясником, капитан, — послышалось из темноты, — вы бы уже были в кастрюле.

— Там колбасникам и место, — поддакнул одноглазый. — На всех бы хватило.

Он передал Эрнсту ром и, сходя в палатку, вернулся с аккордеоном.

— Подобрал в вашем окопе. Единственное, что не воняло. Спойте с нами — или отдельно. Ребята, что вам сыграть?

— «Вальсирующую Матильду».

И все запели.

Энтон вспомнил цыганские песни под гитару, Ленареса и сказки у костра. Глаза заблестели. Он поймал на себе взгляд Эрнста и подмигнул.

— Твоя очередь, — сказал Эрнсту одноглазый.

— Я знаю только одну песню, — чопорно отозвался немец, застегивая здоровой рукой грязный воротничок.

Энтон поразила грусть в голосе друга. Эрнст оперся на его плечо и со стоном поднялся.

— «Гей, сафари!» — объявил он название любимого марша Германской колониальной армии.

Все в лагере притихли. Английские солдаты молча смотрели друг на друга. Фицгиббонс подавил кашель. Энтон по-прежнему вслушивался в темноту, но рык леопарда смолк, слышалось лишь шарканье мулов да визг древесных даманов. Завтра он увидит Гвенн.

Энтон подхватил песню.

* * *

— Если руки теплые, Гвенн-саиб, корова даст больше молока, — учила ее Вики, подставляя руки под мощную струю коровьей мочи.

Гвенн последовала ее примеру. Потом женщины приступили к дойке.

В двадцати ярдах от них, там, где самбуру нашел воду, вырыли яму глубиной восемь футов и окружили стеной из терновника. Сейчас в яме, по пояс в воде, стоял молодой самбуру и передавал наверх воду в кожаных корзинах. Двое парней выливали ее в узкий деревянный желоб — поилку для крупного рогатого скота, ослов и коз. Два стреноженных

верблюда со снисходительно-терпеливым видом жевали жвачку.

— Настанет день, Виктория, мы заведем на ферме самых лучших коров, — пообещала Гвенн. — Фризской породы. Если повезет, с примесью джерсийской крови. Тогда у нас будет наконец желтое масло. А сливки — такие жирные, хоть ложку ставь. Так говорила моя бабушка. То-то Велли наестся!

Закутанный в старое армейское одеяло, Веллингтон Луэллин лежал под акацией и переводил зеленые глаза с одной женщины на другую. Ему исполнилось два месяца. У него были рыжие кудряшки и две отчетливые ямочки на щеках. Длинный нос подрагивал от запаха парного молока. Он замахал пухлыми ручонками, требуя внимания. Возвращаясь поздно вечером домой — с тыквенной бутылью в одной руке и тяпкой в другой, — Гвенн часто заставляла Энтон играть с Веллингтоном. Он провел на ферме целую неделю, но Гвенн казалось, будто его больше интересовал Велли, чем она.

Она задержалась у порога, чтобы счистить комья грязи с сапог. Из-за кустов доносился звучный голос Энтон, медленно, с выражением читавшего «Дэвида Копперфилда». Гвенн забыла про усталость. Черты лица смягчились.

«Поэзия и история шлют сонмы героев, их величественным полчищам как будто нет конца... вызывая в моей памяти того мальчугана, каким был я сам, когда впервые пришел сюда. Но тот мальчик как будто не имеет ко мне никакого отношения, он остался где-то позади на жизненном пути, я никогда им не был, я просто прошел мимо него, и, кажется мне, это кто-то другой, не я...»

Энтон читал так, словно знал наизусть каждое слово.

Гвенн пошла к ним. Кариоки лежал на боку, закрыв глаза и положив рядом винтовку. Энтон сидел, подвернув под себя одну ногу, а другой упершись в плечо африканца. Спинай он привалился к стволу тамаринда. Веллингтон Луэллин сладко посапывал у него на коленях. На животе у него лежал Диккенс; в кулачке был зажат бобовый стручок.

«Почему так не может быть всегда?» — подумалось Гвенн.

«А где эта девочка, которую я увидел в день моего появления у мистера Уикфилда? Нет и ее»...

Гвенн вышла на полянку и приложила к губам палец. Усмехнувшись, Энтон продолжил чтение:

«Неужели я опять влюблен? Да. Я обожаю старшую мисс Ларкинс».

Странный юноша, подумала Гвенн, в который раз поражаясь синеве его глаз, сверкавших на загорелом лице. Ферма «Керн» словно оживает с его приездом. Скоро он уедет, и она снова останется одна. Ноябрьские дожди на исходе. Эрнст поправился и готов предпринять новое путешествие. Если бы мужчины остались, она довела бы ферму до ума. Но только ли по этой причине все ее существо противится разлуке?

Благодаря заботам Пенфолда и деньгам гоанцев, Кариоки пригнал из Наньюки отару мериносов и породистых фризских коров (впрочем, теперь он проводил больше времени с подругой Викторией Альбертой, чем со скотиной). Даже Эрнст внес посильную лепту: пользуясь одной рукой, посадил на опытной делянке позади бунгало драгоценные луковицы сизаля, подаренные Энтону его отцом. При этом он немилосердно брюзжал и сыпал проклятиями. Каждый день, если не было дождя, Эрнст руководил полевыми работами, зычным голосом отдавая приказы. Сначала африканцы возмущались (как и сама Гвенн), однако потом стали принимать Эрнста таким, как он есть.

В солнечную погоду Энтон помогал Гвенн и ее помощницам-кикуйю сеять лен. А в

дождь обтесывал бревна для коровника. Но однажды она с грустью услышала, как он сказал Эрнсту: «Из меня никогда не выйдет фермер».

Сегодня, впервые за три недели, дождь так и не пошел, но над горой Кения сгустились свинцовые тучи.

Энтон захлопнул Диккенса, оставив закладку — засушенный желтый цветок с темной середкой. Ребенок тотчас захныкал.

— Скоро Велли не уснет без «Дэвида Копперфилда», — пошутила Гвенн.

В горах послышались первые раскаты грома.

— Скоро я научу его бросать камешки.

— Идемте пить чай.

Гвенн взяла сына на руки и прижалась лицом к теплому животу. Велли захихикал и задрогал ножками. Она наслаждалась нежным тельцем, запахом детской кожи. Но иногда приходили непрощенные мечты о других прикосновениях.

Они пошли вдоль Эвасо-Нгино, минуя пирамиды и наблюдая за вздувшейся рекой, почти сравнявшейся с берегами. Возле бунгало стоял Эрнст с винтовкой в руках и мрачно всматривался в противоположный берег. Когда подошла Гвенн, он указал на процессию из автомобиля с поднятым верхом, троих всадников и четверых пеших африканцев. Гвенн похолодела.

— Твои вшивые союзники, — прокурорским голосом сказал немец Энтону. — Шулер-португалец и его ирландские бандиты. Высматривают, у кого бы оттяпать землю. Молю Бога, чтобы они решились пуститься вброд — вон какое течение! Если их не сожрут крокодилы, так искупаются в сомалийских водах.

— Я их не боюсь, — заявила Гвенн. Только бы уберечь Энтон от нового столкновения с братьями Рейли! В ней закипал гнев. — С этой публикой у меня нет ничего общего.

(Вдруг на обратном пути они застанут ее одну? Что делать, Господи?)

Спустя несколько минут маленький отряд исчез из виду.

Гвенн налила мужчинам чаю. Они сидели на веранде с плотно утрамбованным земляным полом и соломенной крышей. Благодаря кольцевому рву, возле дома было сухо. Вдалеке хлынувшие с неба потоки дождя словно стеной отгородили гору Кения. В ушах у Гвенн стояла угроза Рейли в лагере переселенцев в Найроби: «Мы теперь будем часто видаться!»

— Пройдут дожди, — проговорил Энтон, глядя в сторону и одновременно ломая голову, как обеспечить безопасность Гвенн, — съезжу на ферму инвалидов, попрошу кого-нибудь тебе помочь. Хочешь, прогуляемся вместе?

* * *

Гвенн лежала в постели и, дергая за шнур, качала гамак, где спал Веллингтон. От костра доносились мужские голоса:

— Золото... Озеро Вик... Лолгориен... «Эксельсиор»... Анунциата...

«Анунциата? Неужели Энтону нравится эта женщина? Она даже старше меня!»

Гвенн стало стыдно за свою ревность, и она заставила себя слушать дождь, бушевавший в горах. Скоро на ферме будет сухо.

Почему Энтон ее стесняется? Считает старой? Или занудой?

— Тлага, — тревожно произнес Кариоки, — вода прибывает. Мы ничего не оставили в низине?

Гвенн натянула сапоги и надела поверх ночной рубашки длинную юбку. Трое мужчин, стоя на берегу, вглядывались во тьму. Эрнст держал факел — длинную головню. Чуть ли не у самых ног бешено неслась река. Из воды кое-где торчали верхушки затопленных кустов.

В верховьях реки раздался грохот — как будто приближающийся паровоз громыхал на стыках. Шум заполнил собой пространство. Тяжелая вода поблескивала, словно лемех гигантского плуга. Энтон схватил Гвенн за руку и увлек на кручу.

Разверзлись небеса. Факел погас. Все четверо безмолвно внимали реву неудержимой стихии. Энтон сжимал Гвенн в объятиях. Мокрая одежда облепила фигуру молодой женщины. Гвенн не пыталась освободиться — наоборот, всем телом прижималась к нему. Они словно стали одним существом. Гвенн зажмурилась и на минуту забыла о ферме.

— Тлага, за домом!..

За их спинами загромыхало. Энтон выпустил Гвенн, и они, спотыкаясь, бросились к бунгалю. Эрнст выхватил из непогасшего костра другую головешку.

Позади бунгалю несся другой водный поток.

— Мы на острове, — объявил немец. — Река вышла из берегов и затопила высохшую балку — свое прежнее русло.

Река обрела новые берега и понемногу начала успокаиваться. Бунгалю и крохотный клочок земли перед ним возвышались над водой, точно плот.

— Наверное, пора пить кофе? — принужденно улыбаясь, спросила Гвенн.

— Пора пить добрый немецкий шнапс с фермы «Гепард», — возразил Эрнст, доставая последнюю бутылку. — Мы у себя в Германской Африке не привыкли лакать всякую гадость.

Кариоки недовольно ворчал, сажая вместе с Энтоном саженцы яблонь:

— Это работа для женщин, Тлага, — недовольно проговорил. Даже белому мужчине не подобает становиться на колени. — Не для этого я, Кариоки Китенджи, сын вождя, учил тебя охотиться!

— Скоро твоя очередь, старина. Хочу, чтобы после моего отъезда мой брат Кариоки позаботился о миссис Луэллин.

— Ради тебя, Тлага, я это сделаю, но мои руки не коснутся земли.

— Просто позаботься об их безопасности — ее и Велли.

— Это я тебе обещаю. Белый мальчишка нуждается в мужском воспитании, чтобы не быть в буше таким беспомощным, как ты когда-то, и не копать в земле, на коленях, вместе с женщинами. Да и, по правде говоря, здесь следует еще за кое-кем присмотреть. — Он погрозил пальцем проходившей мимо женщине. Та горделиво вздернула подбородок.

— Слава Богу, этим не десять лет.

— Не волнуйся, Тлага, молоденькие тоже набегут сюда с дарами, как только узнают, что Кариоки решил задержаться на ферме «Керн».

— Мужской разговор?

Сзади подошла Гвенн с провизией в корзинке и дробовиком.

Кариоки ухмыльнулся и отошел в сторону.

— Что ты сажаешь, Энтон?

— Сюрприз для хозяйки. Яблони из Германии, высший сорт. Подарок отца Эрнста. Сеянцы еще молоды, но я хочу посадить их до своего отъезда. — Почему она молчит? — Тебе еще надо бы посадить груши и чеснок.

Гвенн не шелохнулась.

— Съездим с тобой к инвалидам, — продолжил Энтон, — а потом мы с Эрнстом отправимся добывать золото.

На душе скребли кошки. Будет ли Гвенн в безопасности? А может, ему просто не хочется с ней расставаться? Может, он, как последний идиот, бежит от того, что ему по-настоящему дорого?

Гвенн без слов опустилась рядом. Она твердо решила не давить на Энтон. Если он решит остаться, пусть делает это по своей воле.

Энтон выкопал во влажной земле еще одну маленькую квадратную ямку. Достал из деревянного ящика сеянец и укрепил как следует перед тем, как засыпать. Он посадил уже целый ряд из восемнадцати будущих деревьев, заботливо укутал основание соломой и окружил низенькой земляной насыпью. Потом огородил весь участок провололочной сеткой для курятника. Рядом, за двойной сеткой (защита от мелких хищников), бегали и сами цыплята. Превосходные красные куры, подарок Оливио, жирные и необычайно драчливые — особенно после появления Адама, петуха леггорнской породы.

— Почему ты копаешь квадратные ямки? — немного раздраженно спросила Гвенн.

— Так учил мистер фон Деккен.

Энтон достал из кармана мятую рукописную инструкцию.

«Непременно делай квадратные ямки, — вслух прочитала Гвенн, восхищенная четким почерком Гуго фон Деккена. — Если они круглые, корни закручиваются внутри круга, а если

квадратные — устремляются в углы и дальше пробивают себе дорогу в земле. Так деревья вырастут более крепкими. Сделай все как положено, сынок, и, если даже ты не станешь фермером, мои яблони будут радовать твоих внуков».

Щеки Гвенн окрасил румянец.

— Пора, — коротко произнес Энтон и выпрямился. Взял свой «меркель» в чехле из шкуры газели и повел Гвенн по наспех сколоченному мосту, соединившему бунгало с остальной территорией фермы «Керн». С одного берега на другой перебросили два ствола высоких хинных деревьев и сделали настил из прибитых к ним гвоздями сучьев и веток.

Утром Энтон в очередной раз обследовал реку. Старое ложе Эвасо-Нгиро уже немного подсохло и начало затягиваться илом. Пока оно не совсем исчезло, небольшое озерцо отделяло дом от земли на востоке. Внимание Энтона привлекла стайка ткачиков, занятых строительством висячего гнезда на суку фигового дерева. Вот из кого вышли бы первоклассные фермеры!

Гвенн сложила брезент, которым был укрыт «эксельсиор», Энтон проверил бензин и зажигание. Гвенн прикрепила к заднему сиденью тушу только что подстреленной импалы — подарок инвалидам. Потом повязала шарфом голову и, надев авиаторские очки Эрнста, забралась в коляску.

Они понеслись на север по необозримой равнине. При виде нового пейзажа Энтон ожил. Его радовал встречный ветер и рев двигателя. Справа от них под дубом завтракала колония бабуинов. Рассевшись, как для чаепития, они аккуратно брали пищу пальцами, не спеша поглощая омытые дождем белые и розовые цветы.

Даже на средней скорости «эксельсиор» нещадно бросало из стороны в сторону, когда Энтон огибал крупные валуны и колючие кусты. Обитатели буша разбегались перед ними, как косяки рыбы перед рассекающим волны носом корабля. В траве прошмыгнула стайка турачей. Метнулись зебры, поднимая пыль, и, отбежав на приличное расстояние, оглянулись — что происходит? Из-под колес выскакивали зайцы и карликовые антилопы — дукеры. Белобрюхие дрофы разбегались, как стаи гусей, и взлетали вверх. Энтон различил невдалеке повернутые в их сторону головы трех любопытных жирафов. Он сбавил скорость и показал их Гвенн. Она с улыбкой кивнула.

Перед ними поднялись в воздух еще две элегантные дрофы с серыми и черными перьями. Они долго, как перегруженные аэропланы, бежали впереди мотоцикла и наконец, набрав скорость, оторвались от земли.

Час спустя они достигли каменистого ступенчатого холма, выступающего из густого буша, как стопка серых тарелок. Энтон притормозил и повернулся к Гвенн. Ее щеки под авиаторскими очками были исцарапаны в кровь. В кожу лица впились колючие шипы.

— Ох, извини, — покаянно проговорил Энтон. — Это я виноват.

Гвенн покачала головой.

Он осторожно, одну за другой, вытащил колючки. В ранках выступила кровь. Энтон вспомнил, как Анунциата исцарапала ему живот. «На природе — слаще всего!»

Он оторвал полу рубашки и, смочив водой, вытер Гвенн лицо. Его поразил откровенный взгляд зеленых глаз.

— Спасибо. — Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

Энтон вспыхнул. Ему страстно хотелось заключить Гвенн в объятия, но она подхватила корзинку и прыгнула на землю. Они вскарабкались на вершину холма. Поднялся ветер.

Волосы Гвенн разметались на ветру. Энтон залюбовался ею, вспоминая, как шляпка

уносила ее к берегу Момбасы.

— Интересно, что там, за горами?

В этом-то все и дело, подумала Гвенн. Она понимала: Энтон хочет быть с ней, но ему не нужна ферма. Ему нужна Африка.

Они перекусили в небольшом песчаном углублении между камнями, вдыхая аромат желтых цветов. Смеялись, болтали о Велли и Кариоки, Оливио и Пенфолде — и ни слова о предстоящем отъезде Энтон или о проблемах на ферме «Керн». И все это время Энтон чувствовал поцелуй Гвенн. Он не был уверен, что понял значение этого поцелуя, но знал: нельзя упускать момент. Он должен к ней прикоснуться!

Он погладил щеку Гвенн, а потом завел ладонь ей за голову и запустил пальцы в волосы на затылке. Она закрыла глаза и запрокинула голову, чтобы полнее насладиться лаской.

Неожиданно снизу послышался шорох. Они подползли к краю углубления и посмотрели вниз.

Там сбилось в кучу семейство длинноногих красных обезьян. Две крупные обезьяны — очевидно, родители — стояли на задних конечностях, для устойчивости опираясь также на отвердевшие хвосты. Они впились глазами в густой кустарник. Самка — чуть ли не вдвое меньше самца — стиснула в руке небольшую ящерицу. Самец отступил к вершине холма и залез на высокий куст акации. Окольцевавшая шею шерсть встала дыбом. Самец продолжал напряженно вглядываться в кусты. Маленькие круглые уши трепетали. Близко посаженные глаза сверкали из-под густых длинных бровей. Внезапно он обнажил клыки и с пронзительным воплем прыгнул вниз. Самка спешно увела детенышей в сторону.

— Наверное, леопард, — прошептал Энтон. В ушах запоздало гроыхнуло предостережение Гуго фон Деккена: правило номер один — никогда не ходить в буш без винтовки или дробовика.

Он осторожно свел Гвенн вниз. Они спрыгнули на песок и услышали жуткий рев со стороны мотоцикла.

Зажав в одной руке нож, а в другой — камень, Энтон подкрался ближе; Гвенн — за ним. Сначала им показалось, будто там пируют гиены. Потом они увидели большие круглые уши и длинные стройные лапы. Дикие собаки! Пять похожих на волков хищников, каждая весом примерно шестьдесят фунтов. Винтовку Энтон вытащили из коляски. Три поджарые собаки с короткой шерстью нещадно терзали чехол из кожи газели. Еще две сорвали брезентовое покрывало с туши импалы. На черных собачьих мордах блестела кровь. Они еще не почуяли людей.

Энтон не глядя протянул руку и на ощупь вытащил из кармана куртки Гвенн четыре патрона. Отдав ей нож, он с громким криком, подбив камнем одну собаку, подскочил к хищникам и прыгнул в коляску, где осталось заряженное ружье Гвенн.

Застигнутые врасплох собаки взвыли и завертели головами в поисках возмутителя спокойствия. Энтон пальнул из обоих стволов; две собаки рухнули наземь. Остальные шмыгнули в кусты.

Пока Энтон перезаряжал «меркель», Гвенн забралась в коляску. На поляне показались еще собаки — целая стая. Некоторые почти добрались до мотоцикла. Энтон включил зажигание.

Когда «эксельсиор» рванул с места, хищники бросились врассыпную. Энтон передал Гвенн свой шейный платок и два патрона. Она перезарядила ружье и повязалась цыганским дикло.

Они понеслись по камням и рытвинам. Там же, где попадалась земля, она поросла колючими кустами и карликовой акацией. Энтон убавил скорость, чтобы мотоцикл не развалился на ходу.

Собаки не унимались. Энтон не видел, но чувствовал: их преследует возбужденная стая. Один раз он позволил себе оглянуться и увидел сорок-пятьдесят диких псов — желтых, коричневых и черных. Его поразила их своеобразная красота. Низко пригнув головы, высунув языки, они неслись на длинных, тонких ногах; за ними по воздуху летели хвосты с белыми кончиками.

Местность стала более открытой. Энтон довел скорость до двадцати пяти — тридцати миль в час. Собаки растянулись в длинную линию; расстояние между жожаками и мотоциклом составляло пятьдесят — шестьдесят ярдов. Хищники стремились измотать свои жертвы. Энтон вспомнил истории о том, как стаи диких собак загоняли льва. Гвенн обернулась. Сильно откинувшись назад, она ножом Энтона отсекала болтающуюся за седлом мотоцикла тушу импалы. Туша выпала из брезента и покатила под ноги хищникам.

Стая разделилась. Первые десять или пятнадцать собак стали рвать зубами антилопу. Еще несколько набросились на пропахший мясом брезент. Остальные продолжили гонку.

Энтон смотрел вперед. Стараясь не угодить в канаву, он отчаянно выворачивал руль мотоцикла и думал, как бы попасть в появившийся впереди просвет между двумя скалами. Старый «эксельсиор» явно устал: к ровному тархтению двигателя добавился пугающий скрежет. Коляска, в которой сидела Гвенн, вихляла и вибрировала, словно мечтая оторваться и пуститься в самостоятельное путешествие. Главная соединительная распорка уже дважды сваривалась; Энтон очень боялся, что она не выдержит.

Он глянул через плечо и увидел, что наевшиеся собаки нагнали передних. От стаи отделилась примерно дюжина диких псов и рванула наискосок, стремясь отрезать людям дорогу к узкому проходу между скалами. Гвенн проверила свое ружье и сняла предохранитель.

Вынужденный снизить скорость перед скалами, Энтон отдавал себе отчет в том, что это дает хищникам выигрыш во времени. Отрыв составлял тридцать — сорок ярдов. Несколько собак стали заходить с правого фланга. Мотоцикл заревел и устремился вверх по холму, громяхая на камнях. Энтон убавил скорость.

Собаки с правого фланга почти догнали их. Самая быстрая бежала вровень с Гвенн; язык свесился набок. Привыкший рвать брюхо удирающей жертве, зверь подобрался ближе и оскалился.

Энтон еще больше снизил скорость. Собака бросилась на мотоцикл — и, отброшенная на камни, размозжила голову. Энтон изо всех сил старался сохранить контроль над машиной. Три собаки, как будто слившись в одно целое, бросились на мотоцикл. Гвенн выстрелила.

Выстрел снес голову одному хищнику. Гвенн еще раз нажала на курок. Две собаки рухнули под ноги своим собратьям; возникла заминка. Энтон тем временем набрал скорость; «эксельсиор» вырвался из каменного плена на равнину с жесткой зеленой травой.

Посреди поля возвышались — верхом на мулах — двое мужчин-европейцев. За их спинами несла свои воды Эвасо-Нгино. Примерно в двухстах ярдах левее виднелись палатки и грубо сколоченные хибары, крытые соломой.

Энтон нажал на тормоза и спрыгнул вниз, не выпуская из рук винтовку. Пуская слюни, хищники потоптались на месте и повернули назад. Энтон снова пальнул из обоих стволов;

ни одна пуля не пропала даром. Две собаки остались лежать на земле; стая растворилась в буше.

— Прокатились с ветерком? — усмехаясь, спросил капитан Джос. Доктор Фицгиббонс, зажав платком рот, кивнул в знак приветствия.

— А ты неплохо управляешься с винтовкой, — похвалил Джос. — Я сам был инструктором, но так шустро у меня не получалось.

— Все было замечательно, — ответил Энтон, — вот только импалу, которую мы вам везли, сожрали собаки. Да старый драндулет малость потрепало.

— Всех нас в Африке малость потрепало, но оно того стоит. — Джос посмотрел на Гвенн. Она сняла авиаторские очки и цыганский дикло. На красном от пыли лице ярко блестели изумрудные глаза.

Гвенн перевела дух и постаралась успокоиться, унять дрожь в руках. Это просто поразительно, как тяжело все дается в Африке — приходится постоянно быть начеку. Гвенн вытерла исцарапанное и исколотое лицо и вспомнила поезд — как Анна рисовала у сестренки на лице.

Она покосилась на Энтона. Он уже вполне освоился и был радостно возбужден, как мальчишка на крикетном поле между подачами. С небольшой помощью, думала Гвенн, я наведу порядок на ферме, но как справиться без мужчины со всеми смертельными опасностями? Здесь никому не выстоять в одиночку — ни мужчине, ни женщине. Она должна думать о Велли и их будущем.

— Мое почтение, мэм, — поздоровался Джос, дотрагиваясь до своей шляпы. Спешившись, он помог Гвенн выйти из коляски. — Примите наши соболезнования по поводу несчастного случая с вашим мужем. Мы можем чем-нибудь помочь?

— Спасибо, мне как раз нужны помощники на ферме.

— Пожалуй, я кого-нибудь подберу. Беда лишь в том, что здесь собрались офицеры — любители отдавать приказы, и ни одного рядового, чтобы их исполнять. Сейчас чуть ли не все заняты преследованием муравьеда. Вечером сварим его вместо импалы.

— Кто это — муравьед?

— Это такой земляной зверь, гигантский пожиратель муравьев. Изрыл нам все поля. Восемь наших парней с утра роют землю — стараются добраться до его норы. Они уже выкопали траншею длиной в двадцать футов и глубиной — в десять, но только и увидели, что огромный рыжий хвост. Пустить бы этих зверюг рыть окопы во Фландрии, сколько сил можно было бы сэкономить!

Ветераны и африканцы собрались в шумный кружок на окраине лагеря. Здесь было несколько женщин и детей — белых и темнокожих. Энтон с Гвенн присоединились к толпе и увидели, как двое мужчин с остервенением орудуют кирками возле входа в нору. Возбуждение нарастало и разрешилось восторженными возгласами при виде рыжего хвоста и двух когтистых лап. Кто-то схватил муравьеда за хвост; двое товарищей ухватились за ноги державшего. Секунда — и он по пояс исчез в норе, однако сразу же задохнулся и выпустил муравьеда.

Утомленных землекопов сменили отдохнувшие товарищи. Снова показались задние лапы зверя. Теперь уже двое ринулись вперед. Они в мгновение ока привязали к лапам веревки. Под ободряющие крики зрителей муравьеда вытащили из норы — словно невод с рыбой из морской пучины. Крупный — пять или шесть футов в длину — муравьед ошалело моргал на солнечном свете. Энтон обратил внимание на форму хвоста — как у кенгуру — и

горбатую холку. Морда муравьеда походила на свиное рыло. Зверь высунул блестящий от липкого мускуса язык. Повернувшись к своим мучителям, он сел на задние лапы, выпрямил спину и замахал лапами с огромными прямыми когтями. Люди отшатнулись. Зверь что было сил вцепился в одну из веревок.

Кто-то выстрелил из ружья. Муравьед дернулся. Дробинки попали ему в шею, однако без особого эффекта.

Сразу несколько человек ухватились за длинную веревку. Африканец саданул муравьеда по лбу увесистой мотыгой. Зверь заревел и, поднявшись на задние лапы, оборвал веревку, сделал сальто и сиганул через все поле; люди пустились в погоню.

Муравьед добежал до следующей норы и нырнул в нее. Снова принялись копать. Одни землекопы сменяли других, выплевывающих песок и глину. Принесли прочные веревки и во второй раз вытащили муравьеда из норы за ноги. Он брыкался и царапался.

— Можно, капитан?

Джос кивнул. Энтон спустил курок.

— Даже мои парни не станут есть эту гадость, — сказал Джос, — но хоть выскоблят шкуру: сгодится на ремни.

— Здесь все на что-нибудь годится, — Энтон вспомнил, как Кариоки лечил его в Абердарах. — Доктор Фицгиббонс, жир муравьеда отлично заживляет раны.

— Опять пытаетесь меня учить, молодой человек? — со вздохом упрекнул врач. — Да я орудовал ножом еще до того, как ты надел свои первые ботинки. Если, конечно, они у тебя были.

— Под нож его! — заверещал попугай. — Под нож его!

— А что, Кайзеру пришла в голову здравая мысль, — прошептал Фицгиббонс и подгреб рассыпавшиеся ветви в огонь.

— Что ты делаешь, Тони? — спросил Энтон, наблюдая, как Бевис вытаскивает из разных мешков семена льна и сыплет на большую, стоящую на раскаленных углях сковороду. — Этого даже мулы не едят.

— Если семена трещат и подпрыгивают на сковороде, значит, они живые и годятся для сева. Как вот в этом мешке. У них нет запаха, и они скачут, как безумные. Они-то и помогут нам разбогатеть. А вот эти сморщились — мертвые, от них никакого толку. Чувствуешь — несет затхлостью?

— Мы тоже — как эти семена, — пробормотал Фицгиббонс. — Только одному из десяти удастся выстоять.

— Здоровые семена или больные — со льном все равно одна морока, — проворчал Джос. — Нужно расчищать участок, сеять, ухаживать, выдергивать из земли, трепать, мочить, сушить, сортировать, убирать в мешки. И так без конца. Да еще требуются склады и фургоны для доставки на железную дорогу. А откуда нам знать, какой в будущем году ожидается спрос на лен в Глазго или Одессе? Может, лучше ограничиться табаком и пшеницей? Если бы мы тут все не были калеками, отправились бы, как этот парень, на озеро Вик добывать золото.

Энтон метнул тревожный взгляд в сторону Гвенн. Ее глаза затуманила грусть.

Утром двое ветеранов отремонтировали мотоцикл. Гвенн и Энтон позавтракали вместе с капитаном Джосом и Бевисами. Наконец они собрались уезжать. Их снабдили провизией в дорогу и пообещали прислать помощников.

— Ты умеешь водить? — спросил Энтон, освобождая для Гвенн место за рулем.

— Да, Энтон. Умею.

Перед ее мысленным взором встала школа «скорой помощи» под Дувром. Поначалу это казалось увлекательным приключением — пока из Франции не стали возвращаться первые водители. Постаревшие на несколько лет женщины с запавшими глазами рассказывали о битве на Марне, о поле боя, сплошь усеянном ранеными и убитыми. Стоны и вопли сливались в шум, похожий на рокот прибоя — рассказывала одна женщина, стараясь подготовить подруг к тому, что их ожидает, и предупредить тех, кто не уверен в своих силах.

Гвенн стряхнула с себя воспоминания и села за баранку.

Она вела осторожно и медленно, щадя мотоцикл. Проезжая по знакомой равнине, они не встретили ни одной дикой собаки.

Подкатив к ступенчатому каменному холму, Гвенн затормозила. Энтон спрыгнул вниз с провизией. Они молча, взявшись за руки, вскарабкались на его вершину. Там они отыскивали прежнее углубление с песчаным дном и желтыми цветами на коротких стеблях. И с минуту сидели неподвижно, привыкая к месту.

— Где я был раньше? — прошептал Энтон, беря в ладони лицо Гвенн. Она зажмурилась и ответила на поцелуй. Потом легла на бок и долгим взглядом посмотрела на Энтона. Он опустился рядом. Они целовались до тех пор, пока их тела не слились воедино.

Потом они лежали, обнаженные, ничком на теплом песке и обсыхали, любуясь расстилавшимся у подножия холма простором. Плечо к плечу, бедро к бедру, нога к ноге. Даже цыганский дикло оказался связанным с шарфом Гвенн. Энтон положил левую руку ей на спину и погладил шею.

Внизу, меж колючими кустами, шныряли песчанки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1921

Американец посмотрел на кости, и на его обветренном лице отразилось крайнее изумление.

— Ну, парень, ты даешь. Сроду не видел чтобы человеку все время везло. Что будешь пить?

— Светлого, если не возражаете, мистер Слайдер.

Энтон лениво повел взглядом по вместительному, задымленному курильщиками бару отеля «Нью-Стенли» в Найроби.

— Рэк, Тони. Я же сказал: зови меня Рэк. Я тебе не какой-нибудь пижон в сверкающих ботинках и с грязными мыслями, как вон та шайка-лейка в углу.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Рэк.

— Кстати, о грязных мыслях. Когда Черные Тюльпаны закончат с твоим приятелем-колбасником, его придется отдирать от стены, как букашку. Рванул наверх, похотливый, как кролик! Впрочем, после того что Тюльпаны вытерпели от грязных ирландских свиней, он покажется им галантным, как герцог Уэльский.

— Что за ирландские свиньи?

— Парочка головорезов с твоего парохода. Особенно один, Пэдди. Здоров как бык и страшен как смертный грех. Он потребовал такое, что непереносимо даже для Черных Тюльпанов. Они пытались улизнуть, но эти гангстеры избили их до полусмерти. Бедные девушки неделю не могли работать. Многим фермерам пришлось задержаться здесь.

— Кажется, я знаю, о ком вы говорите. — Энтон машинально потер шрам на внутренней стороне руки и вспомнил о цыганском чури. В нем снова вспыхнула ненависть.

— Еще бы ты не знал. Говорят, они разыскивают одного шустрого молодого человека, который перешел им дорогу.

Энтон сменил тему.

— Давайте правую руку, я вам погадаю.

— Ладно. Только смотри, нагадай что-нибудь хорошее, — Слайдер повернул руку ладонью вверх. — Имей в виду: это — не моя линия.

Энтон свел пальцы американца вместе и внимательно изучил шрамы и ссадины.

— Ну что, я умру не в своей постели?

Энтон твердо встретил прямой взгляд охотника.

— Да. Но еще не сейчас.

— Хорошего понемножку, — Слайдер выдернул руку и залпом выпил виски. — Почему бы тебе не послать подальше жирного колбасника и махнуть на север охотиться?

— Спасибо за предложение, но мне пора нажать состояние. Вчера я открыл счет в банке и оплатил лицензию на добычу золота — двадцать два шиллинга. Мы продали мотоцикл и купили грузовик и все необходимое оборудование. Завтра отбываем в Лолгориен, на реку Мигори.

— Когда приползешь обратно, малыш, с переломанными костями и трясясь от лихорадки, ты будешь чертовски рад составить компанию старине Рэку. Это все-таки наличные. А женские ножки у костра! Не был бы таким щенком, я бы заставил тебя покувыркаться с Черными Тюльпанами — просто узнать, что это такое. Пора уже тебе завести подружку. Вон идет одна — пальчики оближешь. В самый раз для янки.

Представляешь, что там, под блузкой? — Рэк Слайдер спрыгнул с высокого табурета у стойки и, ослабившись, заломил поля своей ковбойской шляпы. — Могу я угостить вас рюмашечкой, мэм?

— Здравствуй, Синеглазик! — Не обращая внимания на американца, Анунциата обвила руками шею Энтона и поцеловала в губы. — Я соскучилась. Зайдешь ко мне в номер — выпьем по бокалу шампанского?

— Здравствуй, Анунциата, — ответил Энтон. — Это мой друг, мистер Рэк Слайдер. Он предприниматель и обожает покупать шампанское.

Ему хотелось самому подняться наверх, но он знал: это будет уже не то.

* * *

— А сейчас я на минуточку закрою глаза и увижу сон о Ганзеле и Гретхен.

Эрнст надвинул шляпу на глаза и откинул голову на спинку потрепанного кожаного сиденья.

— Гони дальше на северо-запад и буди меня, если что-нибудь случится.

Гордый тем, что он уже в третий раз ведет машину, Энтон осторожно управлял «студебеккером». Этот урожденный родстер ^[16] после столкновения с носорогом превратился в короткий грузовичок с кабиной и открытым деревянным кузовом. Вдоль каждого борта расположились деревянные лавки; к ним привязали ящики с оборудованием и канистры с горючим. Здесь же свалили в кучу кастрюли, топоры, бочонки с сахаром и солью, боеприпасы и сложенные палатки. Погрузка — и та доставила Энтону ни с чем не сравнимое удовольствие!

Он опустил боковое стекло и постучал костяшками пальцев по деревянной панели на дверце со стороны водителя, где собственноручно нарисовал гепарда. Жалкая копия — по сравнению с прежней эмблемой фермы Гуго фон Деккена!

Эрнст спал, широко разинув рот. Его мощный храп заглушал гуденье всех шести цилиндров «студебеккера», карабкавшегося на Нгонг-хиллс. На склонах там-сям виднелись ровные ряды кофейных деревьев. Ближе к вершине, вынырнув из зарослей акации, Энтон увидел черную тушу мирно пасущегося буйвола.

Он затормозил и выключил зажигание. Спрыгнул на землю с полевым биноклем Эрнста. Осмотрел местность. Буйволы оказались целое стадо: двадцать — двадцать пять особей. Бинокль приблизил их настолько, что Энтон удивился: почему он не слышит, как они двигаются? Где буйволы, там и львы...

Он опустился на колени среди дикорастущих цветов и мерно колышущейся травы. Вытер лицо шейным платком — подарком Гвенн.

— Новый дикло для бродячего лудильщика, — пошутила она.

Он снова повязал шею.

С одной стороны гребень холма напоминал костяшки сложенной в кулак человеческой руки в зеленой перчатке. Африка распахнула перед Энтоном свои горизонты. Он чуть ли не физически ощущал запах свободы. Не этот ли бескрайний простор снился ему темными ночами в убогой камерке, которую он снимал в Портсмуте? Он засыпал, положив ладонь на открытую страницу «Африканской охоты» Болдуина. С другой стороны койки лежал «Охотник на львов» Камминга.

Энтон подбросил в воздух шляпу и заорал во всю мощь легких:

— Ура-а-а!

— Чертов молокосос, ты что, спятил? — взвился Эрнст.

На рассвете следующего дня они выехали из захолустного городка Найваша, пополнив свой багаж четырьмя ящиками пива и по-прежнему держа курс на северо-запад. Вскоре перед ними заблестела река Мелава — широкая, но мелководная, так что можно было переправиться вброд. Эрнст снова усадил Энтон за руль.

— Слушай, что я скажу в пользу вашей империи, — с редким великодушием произнес Эрнст. — Она, конечно, распухла, как супоросая бельгийская свинья, но есть две вещи, которые вы, англичане, делаете на совесть в этих треклятых колониях: варите пиво и натаскиваете местных проституток. Наши лежат, как коровы на скотобойне, так что нам, немцам, приходится самим выполнять всю работу. — Эрнст рыгнул и опорожнил вторую бутылку «Таскера». — Зато ваши шляхи вертятся, как потревоженные пчелы, — возьми Тюльпанчиков. Стройные, гладкие, с серебряными колокольцами — так и заглатывают мужика живьем, особенно немца — ваши-то никуда не годятся.

— Потолкуй об этом с Рэком Слайдером.

— Слайдером? Да будет тебе известно: если на свете и есть что-нибудь такое, в чем янки ни бум-бум, так это бабье. Они, видите ли, пытаются их удовлетворить — глухой номер! Женщину можно распалить, привести в бешенство, жевать — но удовлетворить ее невозможно!

Взгляды Эрнста на женщин оставили Энтон равнодушным. Ему хотелось поговорить о чем-то более существенном.

— Эрнст, ты хорошо разбираешься в добыче золота?

— Фон Леттов, юноша, однажды преподал мне урок. Это было, когда я пялился, как он вырезает себе из куска кожи сандалии. В Африке, как только ты берешься что-то делать своими руками, сразу становишься специалистом. По-твоему, фон Леттов всю жизнь работал сапожником?

— Но все-таки — что ты об этом знаешь?

— Что знает голодный о бифштексе?

Изменившаяся дорожная ситуация заставила Энтон временно переключиться на другое. «Студебеккер» подозрительно резво скатывался по узкому горному серпантину, чуть ли не по самому краю отвесной стены Большого Рифта высотой в несколько тысяч футов.

— Тормоза не подведут?

— Сам проверял. Старушка дело знает.

— Да, конечно.

Энтон переключил на вторую передачу. Раздался пронзительный скрежет. Натужно загудел двигатель. В голове Энтон мелькнуло воспоминание: Кариоки, их лагерь в горах и свой день рождения. Как-то его друг справляется на ферме «Керн» — с Викторией, волами и чтением?

«Дэвид Копперфилд» окончательно распался на две примерно равные части — в том месте, где Дэвид признается Доре в любви. Первую часть Энтон оставил на ферме. Гвенн обещала каждый день заниматься с Кариоки. Гвенн... Вспомнилось, как он отирал ее расцарапанное лицо и утонул в зеленом омуте глаз, когда она его поцеловала. Она всегда казалась такой холодной и гордой! А в тот момент Гвенн вся трепетала. Энтон страшно скучал по ней и не знал, правильно ли сделал, что уехал.

— Осторожно! — завопил Эрнст.

Изо всех сил вцепившись в рулевое колесо, Энтон с трудом вписался в крутой поворот. Песчаный край дороги резко обрывался вниз; их немного занесло; посыпалась галька. Передние колеса заскользили к краю обрыва.

К счастью, перегруженная задняя часть перевесила и удержала грузовик от падения.

— Нас спасло пиво, — констатировал Эрнст.

Энтон сосредоточился на вождении.

Преодолевая ярус за ярусом, они почти спустились в долину, когда, нарушая сладкий сон немца, раздался оглушительный скрежет. Отказала вторая передача. Энтон перевел рычаг в нейтральное положение. После того как «студебеккер» набрал скорость на новом спуске и перед очередным крутым поворотом, Энтон нажал на ручной тормоз. Неожиданно в кабине запахло горелым. Новый поворот был не слишком крутым, однако машина рванула напрямик и, сколько Энтон ни выворачивал руль, сила инерции неудержимо влекла ее вперед и вниз. Колеса оторвались от земли. Взбесившийся грузовик лег в воздухе на борт, однако потом все-таки приземлился на все четыре колеса и ворвался в буш. И остановился, врезавшись в гигантский муравейник. Из радиатора валил дым.

— Ну и вонища, — поморщившись, буркнул Эрнст. — Моему юному англичанину пора принять ванну.

* * *

Кариоки почти безразлично наблюдал за тем, как Веллингтон ползет к набитому соломой чучелу теленка. Как может ребенок быть таким ненормально белым? Даже противнее взрослых, захвативших эту страну. Почти совсем бесцветный — если не считать розоватого свечения из-под младенческой кожи, — мальчик напомнил Кариоки сало антилопы канны. Только, в отличие от антилопы, у малыша были густые рыжие кудряшки. Хорошо хоть пухленький, как положено, на локтях и коленках — ямочки. Если не считать колен, ребенок был гладким, как речной камень-голыш. Коленки же у него были практически постоянно покрыты грязью и царапинами, как у любого нормального мальчишки. Придет время, и они с Тлагой научат Веллингтона охотиться.

Велли поднялся на неокрепших ножках и вцепился теленку в шею. В тот же миг оба повалились на землю. Швы лопнули, и чучело рассыпалось.

Привлеченные шумом, Виктория и горбатая дойная корова разом повернули головы: что стряслось? Чучело теленка сделало свое дело — способствовало выработке молока у матери. В возрасте шести дней от роду теленка загрыз леопард. Самбуру сделали из него чучело и приставили к высохшему терновому кусту — словно жертвенного агнца. Чтобы дитя не голодало, корова продолжала давать молоко.

Но вообще-то эти самбуру недалеко ушли от животных, напомнил себе Кариоки. Временами они бывают дикими и опасными, как гиены. Впрочем, у них есть свои достоинства. Старшие из поколения в поколение передают младшим тайны окружающей природы. Они не гонятся за богатством — только бы выжить. Возможно, ему следовало бы познакомиться с этой философией мэм-саиб Гвенн. Но, похоже, женщины-самбуру уже поделились с ней кое-какими премудростями.

Белые фермеры норовят взять от земли как можно больше. Они вырубают леса и

убивают дичь; потом следует неудача с какой-нибудь культурой или породой скота, и они либо ищут более подходящую, либо бросают захваченную и разоренную землю. Теперь они хотят, чтобы кикуйю выполняли за них всю черную работу, с каждым годом заставляя их все больше лезть вон из кожи — с этой целью они облагают кикуйю непомерными налогами. На словах они вроде бы разрешают местному населению работать на себя, но если его племя сажает кофейные деревья, полиция забирает урожай, сославшись на то, что кофе способствует распространению вредителей и болезней.

Гвенн зашла в деревню самбуру за сыном. Теребя сухой стебель, прикидывала, что еще нужно сделать. Будет ли у нее когда-нибудь время для себя? Пока она бьется, спасая кур леггорнской породы от глазных болезней, другие женщины развлекаются на дамских авторалли или в составе женской Восточно-африканской лиги борются за гражданские права женщин.

Она подошла к изгороди, где Виктория и Кариоки играли с Веллингтоном. Как хорошо, что Энтон оставил на ферме друга!

Веллингтон поднял ручки и сделал несколько неверных шажков к матери. Гвенн подхватила сына на руки, покрыла поцелуями, пощекотала носом все его ямочки, а он пищал и, как щенок, дрыгал ножками. От него пахло землей, соломой и парным молоком.

— Вики, я же просила: давай ему только кипяченое, — с досадой произнесла Гвенн, проверяя кудрявую головку сына — нет ли клещей. — Какая же ты вредная!

— Я дала всего несколько капель — чтобы он вырос сильным, как воин самбуру.

— Или болезненным, как житель Уэльса в Африке. Ну ладно. Кариоки, давай отведем Веллингтона домой. Как подвигается «Дэвид Копперфилд»? Повторил вчерашний урок?

— Мэм-саиб, Дэвид такой одинокий! — Кариоки нахмурился и подошел ближе, с ружьем в одной руке и потрепанным томиком в другой. Он ткнул уголком книги Веллингтону в животик. — Для Дэвида наступили тяжелые времена. Этот Урия Гип устроил на него охоту — как шакал в ожидании падали. Надеюсь, у нашего друга Тони дела идут на лад.

— Я тоже надеюсь.

Гвенн посадила Веллингтона на бедро и взяла свободной рукой тыквенную бутылку с молоком. По дороге она несколько раз останавливалась — проверить, как растет лен. Ее беспокоила неоднородность всходов. Одни растения были прямые и здоровые, а вот другие начали чернеть, пухнуть и ломаться. Неужели головня? Вот будет ужас, если смертоносные споры заразят почву!

Дойдя до моста, она решила навестить овец-мериносов, последний дар Адама Пенфолда. Сумеет ли она когда-либо его отблагодарить? Завезенные из Австралии, эти испанские красавцы с роскошной шерстью прекрасно чувствовали себя на богатых сочной травой пастбищах вдоль Эвасо-Нгиро.

Велли нагнулся и ухватил своего любимого меринуса за коричневое руно. Гвенн тем временем осматривала уголки овечьих глаз — нет ли паразитов?

— Мэм-саиб! Скорее сюда, мэм-саиб! — Через огороженное пастбище к ней несся Мальва. — В доме чужие!

Гвенн отдала ему Велли и поспешила к дому. Перебежав через мост, она увидела трех привязанных возле бунгало лошадей. У тлеющего костра на любимом походном стуле Алана расселся какой-то тучный субъект с бутылкой пива.

В дверях коттеджа выросла темная фигура.

— Добро пожаловать домой, детка, — игриво приветствовал ее Мик Рейли, выходя на свет. Гвенн с ужасом узнала его рыжие космы. Она выхватила у Кариоки ружье.

— Убирайся с моей земли! И забирай с собой брата! Я предупреждала, Майкл Рейли: если ты еще раз сунешься, я обращаюсь в полицию!

Но что у него в руках? Журнал Алана с подробным описанием фермы «Керн»!

— Как ты посмел? Немедленно отдай!

Гвенн протянула руку. Ирландец с отвратительной ухмылкой спрятал тетрадь за спину. Гвенн чуть не дотронулась до него грудью. Рейли вырвал у нее ружье и сунул журнал в карман.

Кариоки сделал шаг вперед, чтобы защитить Гвенн.

Пэдди грузно поднялся со стула и швырнул в золу пустую бутылку. На поясе у него болталась кобура. Он с размаху ударил Кариоки по лицу. Юноша пошатнулся, но удержался на ногах. Все его тело напряглось; мускулы отвердели; проступили застарелые шрамы. Он буравил ирландца немигающими кошачьими глазами. Пэдди вытащил револьвер.

— Это становится интересно, — пробормотал Рейли и схватил Гвенн за плечо.

Она дернулась, но он держал ее мертвой хваткой.

Кариоки выхватил из огня тлеющую головню и шагнул к Пэдди. Тот прицелился.

— Стой, ниггер! Назад! Это не твое собачье дело!

— Не смейте трогать миссис Луэллин!

Не обращая внимания на лизавший пальцы огонь, Кариоки сделал еще один шаг к своему врагу. В это время из коттеджа вышел третий мужчина. Ирландцы замешкались.

— Не обижайтесь на моих друзей, миссис Луэллин. Они простые, грубые люди.

Васко Фонсека коснулся своей шляпы и вытер рукавом пот с лица. Вынул изо рта сигару и раздвинул мясистые губы в улыбке.

— Угостите нас чашечкой кофе. А потом мы потолкуем о делах — пока мои партнеры обследуют участок.

— Нам не о чем толковать! Сейчас же убирайтесь с моей фермы — все вы!

— Миссис Луэллин, ваш дом стоит на моем берегу реки. Вы должны его освободить.

— Докажите это земельному управлению!

Гвенн рванулась, пытаясь стряхнуть с себя лапищу Рейли. Кариоки приготовился к прыжку.

Пэдди спустил курок.

— Нет! — закричала Гвенн.

Африканец выронил головню и качнулся вперед. Охнув, схватился за живот. Глаза сверкали, как у леопарда.

— Не особенно чистый выстрел, — бесстрастно констатировал Фонсека, доставая двустольный пистолет с рукояткой из слоновой кости.

— Что вы делаете! — завопила Гвенн. — Вы не имеете...

Пэдди выстрелил во второй раз. Кариоки рухнул на землю. Нижняя часть его туловища и предплечье блестели от крови. Он пошевелил ногами.

Гвенн отчаянно лягала Рейли и молотила кулаками, стараясь освободиться и помочь своему другу. Несчастный африканец силился подняться, но только и смог, что встать на одно колено. Фонсека шагнул к нему.

Истекая кровью и дрожа всем телом, Кариоки встал на четвереньки. Он хватал ртом воздух и прожигал врага насквозь горящими углями глаз. По щекам текли слезы. Фонсека

приставил к его виску пистолет.

Гвенн издала душераздирающий вопль. Фонсека спустил курок. Кариоки упал на землю вниз лицом. Ноги лизал огонь.

Гвенн укусила запястье и наконец-то вырвалась. Подскочив к Кариоки, она потащила его из огня. Ей бросился в глаза торчавший из кармана его шорт потрепанный томик. Она устремила сверкающий взор на португальца.

— Понимаете, миссис Луэллин, — хладнокровно проговорил Фонсека, вынимая пустую гильзу из пистолета, — даже в этой стране нападение негра на белого считается преступлением.

— Вы убили его! — рыдала Гвенн. — Он всего лишь защищал меня! Вы хуже зверей!

Сидя рядом с Энтоном в «студебеккере», Эрнст занимался любимым делом — брюзжал.

— С тех пор как ты сломал вторую передачу, эта колымага ведет себя как французская шляха: или мечется как угорелая, или едва шевелится.

— Яволь, капитан! — весело откликнулся Энтон и посмотрел в окошко с выбитым стеклом. Доказывать что-то немцу — все равно что спорить с горным потоком.

— Как это вы умудрились проиграть войну, а, Эрнст?

— Только не в Африке. Если бы не ваше вероломство, она была бы нашей — несмотря ни на что.

— Как это?

Эрнст угрюмо стиснул баранку.

— Четыре года мы были отрезаны от своих и не получали ни боеприпасов, ни провизии. Жили охотой, как дикие звери. У наших колониальных войск был всего один шанс. В семнадцатом из Болгарии стартовало гигантское воздушное судно — дирижабль. Это была созданная германским гением гондола длиной в семьсот футов, груженная пулеметами и медикаментами. Ее парусиновая оболочка должна была пойти на палатки, емкости с газом — на спальные мешки, а муслиновые чехлы — на бинты. Трапы были обшиты кожей для изготовления обуви. Из проволочного каркаса можно было наделать радиоантенн. Экипаж при полной амуниции должен был заменить наших погибших товарищей. Получи фон Леттов этот дирижабль, ему ничего не стоило бы покорить Африку.

Эрнст умолк и провел ладонью по лицу. Затем выстрелил в Энтон колочим взглядом и продолжил:

— Как гигантский орел, эта штука летела на такой высоте, где она была недосыгаема для ваших паршивых аэропланов. Она пересекла границы Греции и Турции, Египта и Судана. Радиоприемник работал с перебоями, но над Хартумом они все-таки получили сообщение на немецком языке: «Генерал фон Леттов сдался в плен. Возвращайтесь домой». Генерал фон Леттов сдался! Это была дезинформация — козни англичан! Командир экипажа, бывалый моряк, приказал развернуться и лететь обратным курсом. Это был самый длинный перелет дирижабля в истории человечества. И все напрасно — из-за коварства англичан!

Энтон не знал, что сказать.

На горизонте показался частокол акаций. Часом позже они въехали в зеленые заросли на берегу широкой реки.

— Прыгай вниз, мальчуган, и поищи переправу, — подобревшим голосом произнес Эрнст. — Должно быть, это Мигори. Не бойся промочить ноги. Небольшая ванна тебе не помешает.

Он остановил «студебеккер». Энтон отправился на поиски брода. Из-за реки за ними наблюдали несколько африканцев. Энтон дважды входил в воду, но ноги тотчас увязали в иле.

— Ну что ты копаешься? — потеряв терпение, крикнул Эрнст. — По мне, так тут в самый раз. Проскочим на полной скорости!

Энтон мотнул головой и показал в сторону верховья. Эрнст проигнорировал его мнение. Взревел мотор. «Студебеккер» рванул к краю обрывистого берега и полетел дальше. Дверца

со стороны пассажира распахнулась, и грузовик с громким всплеском плюхнулся в реку, как раз посередине. Колеса сделали несколько оборотов и завязли.

Сыпля проклятиями, Эрнст выключил зажигание и открыл свою дверцу. В кабину устремилась вода. На противоположном берегу громко залопотали туземцы, сопровождая возгласы энергичными жестами.

Энтон дошлепал до «студебеккера» по воде. Взяв с заднего сиденья трос, привязал к скрывшемуся под водой бамперу. И отправился на другой берег.

— Джамбо! — поздоровался он с африканцами и потянул за трос. Шестеро африканцев отложили в сторону копья и обтянутые буйволово́й кожей щиты и подошли помочь. Эрнст командовал, стоя на подножке.

«Студебеккер» и не думал двигаться с места. Вода хлестала в одну дверцу и выливалась из другой, прямо через голову нарисованного гепарда.

Африканцы — наверное, нанди, смекнул Энтон — были темнее всех, с которыми ему довелось сталкиваться. Убедившись в непосильности задачи, они моментально бросили тащить и помогли Энтону разгрузить кузов. Тем временем пара ребяташек сбегала в деревню за подкреплением. Эрнст восседал на заднем сиденье, на вещевом мешке: потягивал пиво, осуществлял общее руководство и демонстративно кряхтел от боли всякий раз, когда требовалось помочь — водрузить кому-нибудь на голову полный мешок, да так, чтобы вес распределился равномерно.

Вскоре появился старейшина с обритым черепом. Изборожденное морщинами лицо возвышалось над стройным, молодым телом. В оттянутых книзу мочках ушей виднелись две овальные дырки. В руке он держал посох с набалдашником. С ним пришло человек восемьдесят. У большинства волосы были заплетены в косички. Каждый был вооружен острым копьем. Их сопровождала ватага ребяташек.

— Я — вождь, — объявил пожилой африканец на суахили и указал длинным скрюченным пальцем на свою свиту. — Это мои сыновья.

— Здесь очень глубоко, — после небольшого молчания продолжил он с нотками превосходства в голосе, словно разговаривая с умственно неполноценными. — Это не первый грузовик, застрявший в Кипсоное. Одни были меньше, другие больше. Всякий раз белые люди просили о помощи. Но никто не нуждался в ней так, как вы.

Вождь приблизился к груде выгруженных вещей. Поднял пангу и, потрогав широкое лезвие, презрительно швырнул в сторону. Туда же полетели алюминиевое ведро, табак, сахар, пара лопат и рулон хлопка.

— Вы крепко засели. Потребуется немало нанди, чтобы вас вытащить.

— Жадный паук — по глазам видно, — вполголоса процедил Эрнст, наблюдая за тем, как вождь и бритые старейшины строят своих людей в шеренги по два. — Если бы ты не угробил вторую передачу, мой безмозглый друг, я бы обошелся без помощи этих грабителей.

* * *

— Опять проигрываешь, Пэдди, — упрекнул его второй ирландец. — Иди лучше возьми у недомерка пару пива.

Пэдди с трудом оторвал свое грузное тело от стула и, шаркая ногами, поплелся к стойке. Его портупея с револьвером тридцать восьмого калибра висела на стене. Он с громким

стуком опустил тяжелые ладони на сверкающий чистотой прилавок и открыл было рот, но опешил, натолкнувшись на взгляд Оливио. Но уже в следующее мгновение карлик опустил глаза — чтобы увидеть грязные пальцы с дубовыми костяшками и сломанными ногтями. Одного ногтя вообще не было — вместо него виднелся грубый роговой нарост. Бармен приготовился чистить стойку. Краем глаза он видел, как американский охотник лихо бросает дротики.

— Пару «таскеров», — потребовал Пэдди. — Охлажденных.

Оливио снял с полки на стене две бутылки пива. В ушах звучали непривычные инструкции лорда Пенфолда, последовавшие за гибелью гнусного Кариоки: никакого кредита — ни Фонсеке, ни обоим ирландцам. Они объединились, чтобы отобрать у миссис Луэллин ферму. Оливио провел пальцами по жирным складкам у себя на шее. Нарочно лапая края, снял с деревянных крючков пару кружек.

— Четыре шиллинга, сэр.

— Они же по шиллингу — значит, всего два.

— Другой джентльмен не уплатил за два первых, сэр.

— Запиши на мой счет, — рявкнул со своего места Мик Рейли.

— У вас нет счета в «Белом носороге», сэр.

— Кто сказал?

— Хозяин. Четыре шиллинга, пожалуйста.

— Ты что о себе воображаешь, урод? — завопил Рейли, вскакивая. — Здесь открыт счет для всякого американского педика! Мы что, хуже?

— Может, хуже, а может, и нет, — подал голос Рэк Слайдер. Должно быть, это те самые скоты-ирландцы, которые издевались над Черными Тюльпанами и собираются расправиться с молодым Тони. Слайдер снял с крючка шляпу и нахлобучил на голову.

Ухватив Оливио за руку, Рейли потащил его из-за стойки. Ноги карлика оторвались от полки. Не поворачивая головы, он вспомнил о том, что португеза американца висит рядом, на вешалке из рогов антилопы.

— Сдается мне, коротышка от этого не в восторге. Может, оставите беднягу в покое? — предложил Слайдер, кладя на прилавок дротик. — Не следует поднимать шум в приличном заведении.

— Пошел отсюда, чертов янки! — Рейли рванул карлика к себе. — Когда я надумаю отпустить этого недоделанного, он приземлится далеко отсюда.

Рейли выволок Оливио из-за прилавка. Карлик почувствовал, как в нем пробуждается ненависть. Слайдер потянулся к кобуре. Схватив дротик, Пэдди с силой воткнул его в левую руку Слайдера, пригвозждая ее к стойке. Охотник взвыл от боли и с трудом оторвал от прилавка окровавленную руку. Дротик так и остался торчать между пальцами. Он крутнулся и смазал Рейли по физиономии.

— Мой глаз! — взвизгнул тот, хватаясь обеими руками за лицо. Между пальцами показалась кровь.

Освобожденный Оливио ударился головой о прилавок. Подняв голову, он увидел, что американец держит обоих мерзавцев на мушке.

— Если вы, ублюдки, не уверены, что стреляете лучше меня, выметайтесь, пока я не показал вам, чем заканчиваются такие истории у нас в Элк-Сити.

Слайдер опустил трясущуюся левую руку на прилавок. Дротик все еще торчал из нее. Зато его правая рука твердо держала револьвер. Пэдди вывел брата на улицу. Оливио снизу

не было видно, но он заранее сокрушался: Слайдер наверняка заляпал прилавок кровью.

— Мы этого так не оставим, паршивый янки! — проорал Пэдди с веранды.

— Коротышка, когда сможешь держаться на ногах, — проговорил Слайдер сквозь стиснутые зубы, не спуская глаз с двери и по-прежнему сжимая в руке револьвер, — забирайся сюда и вытащи эту штуку. А потом сбрызни рану самым лучшим виски и дай мне допить остальное.

У него была белая борода и курчавые седые волосы до плеч. Он опирался на длинный черенок лопаты, вонзив лезвие в темную влажную почву с буйной растительностью. Его тяжелые короткие брюки держались на широких кожаных помочах. На шее на двух кожаных шнурках болтались очки и кожаная трубка. Неподалеку на вещмешке лежало ружье с выщербленным прикладом.

— Давай, парень, проходи, — сурово окликнул Энтон золотоискатель. — На этом ручье все занято.

Одной рукой Энтон раздвинул тесно переплетенные ветки, в которых запутались его исцарапанные ноги, а другой поддерживал на плече незаряженную винтовку.

— Но если тебя интересует не золото, а котелок горячего чая, — более дружелюбным тоном произнес старик, — тогда милости просим.

— Я бы не отказался, сэр, ни от одного, ни от другого. Но вообще-то сейчас хорошо бы чаю.

— Меня зовут Грэхем, Шотовер Грэхем.

С трудом передвигая негнущееся тело, старатель повел Энтон вверх по склону, туда, где был расположен лагерь.

Среди дикорастущих фиговых деревьев с бледно-желтой корой стояла просторная, когда-то зеленая, а теперь сильно полинявшая, во многих местах залатанная палатка. На брезентовом полу — ни пятнышка. На складном стуле у костра, недалеко от входа, сидела с книгой привлекательная женщина. В ее позе чувствовалось достоинство. Она была смуглая, однако не африканка, с высокими скулами, широким лбом, ясными карими глазами и — несмотря на возраст (что-то около пятидесяти) — стройной фигурой. На ней были мужская рубашка и брюки на помочах, как у Грэхема.

— Это моя жена Иезавель.

— Очень приятно, миссис Грэхем.

Окидывая взглядом идеально обустроенный лагерь, Энтон пытался по акценту угадать национальность хозяина.

Женщина захлопнула книгу и налила ему чашку чаю из жестяного бидона.

— Мистер Грэхем, вы случайно не из Австралии?

— Упаси Бог, сынок. Мы люди грамотные, из Новой Зеландии. Я занимался разведением овец — пока не подцепил золотую лихорадку. А ты чего это надумал — рыть землю в одиночку, безо всякого снаряжения, кроме винтовки? Здесь нет дичи — только змеи да мухи.

— Я ищу место для лагеря, чтобы начать мыть песок. Мой компаньон с машиной остался в десяти милях отсюда. Я должен разведать дорогу. Еще одной бани грузовик не выдержит.

— Стало быть, новички. Вам придется не легче, чем вашей колымаге. Я мыл песок от Юкона до Ранда, но эта река — та еще шлюха! Так и заводит, так и распалает! Можно месяцами копать, промывать и просеивать, трудиться не разгибая спины — и ничего. И вдруг, когда ты уже готов зашвырнуть лоток в воду, у тебя замирает сердце — вот оно! Адский блеск. Искры богов. Всего одна волшебная песчинка. Первый поцелуй. И ты снова с удвоенной силой моешь песок, делаешь заявку, нанимаешь рабочих и вгрызаешься в берега,

роешь, пока не сдерешь всю кожу с рук — будто перчатки. И — ни зернышка. Ни крупинки. В этом деле или в мгновение ока старятся, или навсегда остаются молодыми.

— Выпейте еще чашечку, молодой человек, — ненавязчиво предложила Иезавель, окидывая взглядом Энтонa с головы до ног. — Мистера Грэхема хлебом не корми — дай потрепать языком.

— В трех милях отсюда, — произнес Грэхем, терпеливо набивая табаком скрученные полоски бумаги, — в прошлом месяце нашли следы золота — и всего-то промыли дюжину унций. Теперь там то ли семьдесят, то ли восемьдесят стоянок на пространстве в шестьдесят миль вдоль по реке. Вкалывают даже африканцы — главным образом за еду, конечно, — перетаскивают песок и носят воду... Оставайся поужинать с нами, сынок, — предложил Грэхем. — Пока жена мешает в кастрюле, я расскажу тебе о нашей профессии. Утром возьмешь с собой нескольких парней из племени кавирондо, сходишь за своим товарищем. Моя жена — маори, лучшая повариха в буше. Только никогда не спрашивай, что в горшке, а то твои волосы станут такими же, как мои.

* * *

— Это не работа для немецкого офицера, — проворчал Эрнст пару дней спустя. Он стоял рядом с Энтонem и Шотовером Грэхемом и брюзжал насчет бешеной активности золотоискателей на обрывистом берегу Мигори. Мимо река несла свои воды, мутные от ведущихся в верховьях работ.

Несколько групп людей, белых и цветных, с корнем вырывали растительность и перекапывали землю. Корчужа и скребя, рыли траншеи и возводили насыпи, безжалостно изменяя ландшафт. Каждая бухта и каждый приток обрастали десятком безобразных каналов. Выше, на берегах и склонах примыкающих холмов, рабочие бурили пробные скважины, ставили указательные столбы и вгрызались в землю.

Вдоль по реке Энтон видел множество людей, трудившихся, словно пчелы в сотах. Одни толкали грубо сколоченные тачки и переносили на плечах увесистые корзины. Другие строили перемычки и гнули спины над длинными деревянными промывочными лотками и корытами с желобами или филенками для отделения драгоценных частиц от песка, ила и гравия.

— Пора приниматься за работу, — сказал Шотовер.

Он сел на корточки и, достав из висевшего на шее продолговатого кожаного футляра, развернул плотный лист бумаги. Подобно картам древних, эта была сделана от руки и являлась чем-то большим, нежели карта. Испещренная крестиками и крошечными рисунками (чаще всего изображениями лопаты), она была окаймлена выполненными карандашом виноградными лозами, листьями и кустами. То там, то здесь встречались чернильные пометки — зашифрованные знаки, указывающие, где находили золото.

— Это тонкое ремесло, — делился опытом Грэхем. — Весь фокус в том, чтобы твои помощники таскали оборудование и выполняли для тебя всякую другую работу, пока не вырисуется картина, смысл которой ты схватываешь раньше них. Я слишком стар, чтобы ворочать землю и таскать ведра с водой, но еще в состоянии пошустрить — было бы ради чего. Нутром чую: золото где-то рядом. И не какая-нибудь мелочь вроде тех частиц кварца, с которыми мы сейчас работаем, а настоящая залежь, жила длиной в тысячу футов. Даже в

Родезии находили не более трехсот футов. — А пока, — Грэхем постучал по карте огрызком карандаша, — на вашем месте, мальчики, я бы копал вот здесь или здесь. Когда ситуация прояснится, найму нескольких человек кавирондо или ватенди — вам в помощь.

— Может, сначала найдем черномазых? — буркнул Эрнст.

Энтон взял винтовку, пангу и лопату.

— Пошли, Эрнст. Ничего с тобой не случится, если ты чуток помашешь лопатой.

— Нет, вы представьте себе, — разглагольствовал Эрнст вечером у костра. — Сначала этот щенок гостит на моей ферме в Германской Африке. Потом я спасаю ему жизнь во время драки с гангстерами. Теперь я лезу вон из кожи, чтобы он разбогател. И какова благодарность? Он сует мне лопату и всячески эксплуатирует в этой забытой Богом дыре.

В ожидании виски Энтон чинил Шотоверу карандаш.

— Эрнст, отдай мистеру Грэхему виски. Завтра рано вставать.

— Я бы разбавил водой, — сказал Шотовер, принимая ополовиненную бутылку «Длинного Джона» и наполняя две маленькие рюмки, — но эту паршивую реку до того взбаламутили, что даже чай стал — жуткая бурда.

Он отпил глоток скотча.

— Вам не понять. Если не считать нескольких старых псов, как я, на этой реке нет ни одного порядочного золотоискателя. Остальные — простые фермеры, покалеченные войной солдаты или перекасти-поле вроде этого немца. Ни один не сумеет снять лопатой корочку с рисового пудинга.

— Давным-давно, — продолжал Грэхем, — когда я впервые бросил овец на произвол судьбы, одна и та же компания переходила с прииска на прииск — с такой же легкостью, как вы пересекли бы вон ту полянку. Австралия, Юкон, Земля Машона. Менялись только туземцы. На каждом прииске один из двухсот богател, тридцать-сорок отдавали Богу душу, а остальные возлагали надежды на следующее месторождение.

— Почему вы нам помогаете, Шотовер? — полюбопытствовал Эрнст, одним глазом косясь на стряпню. Иезавель порезала листья папоротника и заправила жаркое. Возле кастрюли валялись лапки и перышки мелких птиц.

— А потому, молодой человек, что мы можем принести друг другу пользу. Бывает, пожилому человеку не вмоготу в одиночку. Не с кем словом перемолвиться — даже несмотря на то, что со мной — моя прекрасная Иезавель. А твой юный друг умеет располагать к себе, как говорит моя хозяйка. Она бы не прочь, чтобы он остался в лагере — да, Джек? Эти девчонки-маори до смерти не уймутся.

Он взял руку жены в свои.

— У вас есть еще какие-нибудь карты? — спросил Энтон, делая вид, будто не замечает подмигивания Иезавели.

— Сколько угодно. Клондайк. Охотничья Тропа. И сама река Шотовер.

— Река Шотовер? — переспросил Энтон, наслаждаясь запахом жаркого.

— Видишь ли, мальчуган, первой золото находит вода, а не человек. Потом мы узнаем места и копаем до тех пор, пока не найдем жилу. Иногда этого так и не происходит. В сущности, река проделывает ту же работу, что и мы с лотками и желобами: отделяет золотой песок от обычного. Чем быстрее течение, тем дальше оно уносит золотые крупы. И все-таки рано или поздно они оседают. Причем из-за своей тяжести они часто проваливаются под ил.

— Посмотрели бы вы на моего мужа в молодости, — мечтательно произнесла Иезавель.

Шотовер скрутил сигарету почти идеальной формы. Иезавель повернулась к мужчинам с тяжелой чугунной крышкой в одной руке и половником в другой.

Рот Энтон наполнился слюной. Он взял щепотку соли и бросил в пылающие угли.

— Высокий, сильный — как ты и твой друг, только без пуза, — продолжила Иезавель и хлопнула по брюху Эрнста половником. Тот вытер это место и облизал палец.

Энтон склонился над костром. Он больше ничего не замечал, кроме возникающих в пламени узоров. От волнения на лбу выступил пот. Энтон отер лицо новым шейным платком и продолжал вглядываться в языки огня. Не было больше искр. Не было ни голубого, ни красного — перед ним сияла роскошная золотая монета.

— Однажды в Новой Зеландии мой парень взял меня в горы, туда, где мужчины искали в снегу золото, — рассказывала Иезавель. — Это было на Южном острове. Люди моего племени там не живут, и белым приходилось все делать самим. Они так и не нашли достаточно золота и обленились. Решили — пусть река за них работает. Река Шотовер брала начало высоко в горах и протекала сквозь золотые залежи. Один человек, даже красивее моего Грэхема, решил, что, если заставить реку течь по новому руслу, на обнажившемся дне они найдут пляж из сплошного золота. И вот съехались мужчины со всей земли: от Калифорнии и Южного Уэльса — с динамитом, лопатами и мечтами. И мой молодой красавец взял меня туда, и я стала звать его «Шотовер».

— Это длилось два года, — продолжил Грэхем рассказ жены. — При помощи динамита мы проделали в горе туннель в добрую милю и пустили по нему реку. Когда старое русло высохло, мы начали копать. Слабые не выдерживали и погибали, оставляя товарищам обувь, инструменты и секретные карты. Мы то и дело наталкивались на небольшие каменные углубления. Сотни лет там скапливались крупинцы золота — особенно в зимнее время, когда течение ослабевало. Во время дождей галька и большие булыжники закрывали эти впадинки. Нам приходилось перебирать их камень за камнем, зернышко за зернышком. Мы добывали достаточно золота, чтобы прокормиться. Это было высоко в горах. Нам никто не помогал. Мы отогревали дно кострами. Четверо мужчин держали большие медные решетки, через которые мы промывали ил. Сколотив состояние, многие бросали это ремесло. Они, словно боги, спускались с небес, богатые и сильные, как быки, с мешками и маленькими кожаными кошельками, подшитыми к внутренней стороне пояса или спрятанными в подкладке пальто.

После ужина Эрнст добрался-таки до доньшка бутылки.

— Пора спать, если мой английский друг не потерял желания завтра самоотверженно трудиться.

* * *

— Спасибо, мэм, и желаю вам удачного дня, — сказал Энтон, заканчивая точить бритву о сапог и принимая из рук Иезавели кружку, в которую она налила душистого темного чая.

Дымящийся напиток согрел Энтону руки. Вдыхая свежий утренний воздух, он вспомнил, что их лагерь находится на высоте четыре тысячи футов, всего в тридцати милях от озера Вик. Ломота в спине вызвала в памяти первую рабочую неделю грузчиком в Портсмуте. Следом явились воспоминания об оживленных завтраках у другого костра, вместе с Гвенн, Веллингтоном и Кариоки.

Шотовер уже отправился на свой утренний променад. Каждое утро он, с частыми

передышками, осиливал милую-другую вверх по реке. Наблюдал за работой других старателей. Болтал с подсобными рабочими из туземцев. Выменивал щепотку табаку на чашку чаю, когда останавливался поболтать с приятелями. Вернувшись к завтраку, разворачивал карту и делал новые пометки — водрузив на переносицу очки и всю орудя карандашом и резинкой.

Энтон сделал глоток чаю и подтолкнул ногой несколько откатившихся от костра угольков. Нагнулся раздуть огонь. До него донесся громкий храп Эрнста.

— Капитан фон Деккен! — гаркнул Энтон. — Ахтунг! Англичане пошли в атаку!

— Прекрати издевательства! — рявкнул Эрнст. — Из-за тебя я больше никогда не смогу подняться!

Энтон сел с кружкой на корточки у огня. Шотовер уже возвращался. Над рекой поднимались дымки от утренних костров. Энтон натер сапоги салом.

— Хочешь еще? — спросила Иезавель.

Юноша заглянул в кружку. На внутренних стенках образовалась грязноватая пленка. На дне кружки, словно водоросли в реке, плавали чаинки. А между ними в утреннем свете показались четыре или пять ярких блесков.

— Золото!

* * *

— Что ты читаешь, дорогая? — любопытствовал лорд Пенфолд, удивленный тем, что застал жену с книгой.

— «Пятилетний ад в приходе графства», мое сокровище. Преподобного Сайнота из Распера.

Ну, слава Богу. Пенфолд протянул Оливио пустой бокал. Карлик вручил ему «Восточно-африканский штандарт» за прошлую неделю и монокль для чтения в потертом замшевом футляре.

Пенфолд без особого интереса стал листать «Штандарт» с конца. Наконец его внимание привлекли объявления о шляпах для сафари и «стальном муле» от Бейтса. Двадцать пять лошадиных сил, высоченные гусеницы, сделано в Джолиете, штат Иллинойс, ни больше ни меньше.

Вот было бы здорово — купить такой трактор! Может, тогда ему удалось бы воскресить ферму. Но цены!

Пенфолд со вздохом перевернул страницу. «Остановить туземцев, выгоняющих из дома больных и немощных членов семьи, чтобы они умирали под открытым небом!» — требовал один читатель. «Кто хозяин кенийского золота: чернокожие, белые или король?» — страстно вопрошал другой.

— Недурная мысль! — воскликнул Пенфолд, обращаясь к жене. — Знаешь, как туземцы борются с бабуинами, уничтожающими их кукурузу?

Сисси и не подумала оторваться от книги. Пенфолд продолжал:

— Один парень из Трансвааля рассказывает: они поймали одну обезьяну, остригли наголо, окрасили в голубой цвет и отпустили. И все. Больше в округе не видели ни одного бабуина. Что ты об этом думаешь?

Сисси не удостоила его ответом.

Пенфолд пробежал заголовки. «Кампания против сумасшедшего муллы в Сомали». «Городские крысоловы применяют капканы «Брейк-Бэк Ниппер». «Индийцы крадут страусиные яйца для мечети». «Выборный комитет по сексуальным посягательствам туземцев на европейских женщин распущен за отсутствием инцидентов».

И почему законодательное собрание в Найроби подняло такой шум вокруг билля против колдовства? А возня вокруг колоний строгого режима и телесных наказаний? Впрочем, на родине еще хуже. Безработица. Забастовки шахтеров.хлопоты с розовыми социалистами. В Ирландии неспокойно. Немцы не хотят платить военные репарации. Копят силы для реванша? Несомненно. В последнее время от них все больше неприятностей. Эти никогда не изменятся, подумал он, вспомнив, как фон Леттов снял сапоги и три недели топал по бушу босиком, потому что у многих солдат не было обуви.

— Кажется, у меня опять начинается ангина, — сказала Сисси. — Сейчас все болеют. Проклятая страна!

Пенфолд как раз наткнулся на объявление: тониизирующее средство «Петоген» — от нервов. Как раз то, что нужно, но она не согласится. Или вот — соли «Алки». «Засорение кишок способствует образованию в организме отравляющих веществ». Нет, это тоже не подойдет.

— Почему бы тебе не попробовать пилюли Бичема?

— Ты невнимателен, мое сокровище, — раздраженно заметила Сисси. — Они от запоров и закупорки желчных протоков. Все дело в этом ужасном климате.

— Извини, дорогая. В таком случае прими четыре порошка хинина.

Он посмотрел, какая погода была в прошлом месяце в Лондоне, и отложил газету. Низкая температура и повышенная влажность в Уилтшире...

— Сказать, чтобы тебе принесли ужин на подносе?

— Господи, разумеется, нет.

— Ужин через полчаса, милорд, — уточнил Оливио.

— Отлично. Надеюсь, будет пастуший пирог из импалы? Мне, пожалуйста, несколько маринованных манго на отдельной тарелке и чуть-чуть «Радости джентльмена». С нами кто-нибудь ужинает?

Положение владельца караван-сарая дает определенные преимущества, лениво размышлял Адам Пенфолд. Главное — им с женой редко выпадает ужинать тет-а-тет. Вокруг всегда крутятся гости. Сегодняшний вечер грозил стать исключением. Собак нет — о чем разговаривать? Или это будет один из тех безмолвных ужинов, когда он слышит хруст брюссельской капусты у себя во рту, а Сисси шевелит губами только затем, чтобы пожаловаться на слуг? А как прелестны были эти губы в молодости!

— Еще не разобрал почту, Оливио? — Пенфолд взял один конверт с изображенным на марке трехмачтовым парусником. — Из Лиссабона? Должно быть, для Фонсеки. Надо отдать португальцам должное: у них отличные марки. Каждая нация хоть на что-нибудь, да способна. Извини, Оливио, это тебе. А вот точно такая же марка. На этот раз — для Фонсеки. Я ему сам отдам.

— Хорошо, милорд.

Карлик засунул свою корреспонденцию между складками кушака и спустился по лесенке, досадуя, что от него ускользнуло письмо для Фонсеки.

В своем бунгало он прислонился к притолоке и потянул носом воздух. В гостиной было темно, но из открытой двери спальни лился мягкий свет. Оливио принюхался к курившемуся

там ладану. Слишком приторному — на вкус джентльмена. Кина опять перестаралась. Карлик разделся и снял с низкого крючка возле двери собачий ошейник. Задрав подбородок, надел его на шею. Хорошо уже и то, что она больше не заставляет его носить ошейник Ланселота.

Он зажег керосиновую лампу и, голый, уселся на кушетку. Почесался и распечатал конверт.

«Многоуважаемый сеньор Алаведо!

Мне выпала почетная миссия — уладить ваше дело на предложенных вами условиях — одна пятая часть вашей доли наследства. Пусть даже этой миссии сопутствуют определенные трудности — на первый взгляд ваши претензии представляются мне вполне обоснованными. В Португальском королевстве и его разбросанных по всему свету владениях незаконное происхождение не может служить препятствием для получения наследства. Церковь и монарх оказывают покровительство каждому, кто родился на территории, находящейся под их юрисдикцией.

Я изложил основные моменты вашего дела секретарю кардинала и удостоился аудиенции. Его преосвященство приветствует, как доказательство истинной веры, ваше намерение пожертвовать церкви одну пятую вашей доли наследства. Но он настаивает на том, чтобы, прежде чем определить размеры вашего имущества, церкви была возвращена золотая табличка, которую покойный архиепископ вывез из монастыря Св. Моники в Гоа.

Секретарь кардинала — набожный и в то же время деловой человек. За символический знак внимания и памяти — который всего лишь даст ему возможность содержать скромную усыпальницу по дороге в его родную деревню и, может быть, достроить фамильную часовню — он несомненно обеспечит достойную организацию дела».

Протяжные стоны из спальни отвлекли Оливио. Он поправил ошейник, с отвращением чувствуя запах псины. Дрянная девчонка — чем это она занимается? Разве он не запретил ей самостоятельно ублажать себя — ведь это его привилегия! Но, возможно, она не в силах сдержаться, думая о нем? Оливио с усилием вернул свое внимание церкви.

«При всем том могут возникнуть трудности с вашим кузеном, Васко Фонсекой. Я уже имел беседу с адвокатом сеньора Фонсеки, типичным агрессивно настроенным консультантом коммерческих кругов. Пребывая в полном неведении относительно существования вашего превосходительства, вышеупомянутый юрист впал в ярость и отверг мое предложение о разделе имущества поровну. Очевидно, он пошлет своему клиенту соответствующие инструкции.

Не отчаивайтесь, сэр, и не теряйте веры в то, что ваше дело — правое и получило благословение самой матери-церкви. Я приложу все усилия для восстановления справедливости.

Ваш преданный слуга, доктор Гонсало Баррето».

Итак, в ближайшее время Фонсека узнает о притязаниях родича! Оливио вернулся было

к началу письма, но стоны и вздохи из соседней комнаты оторвали его от этого занятия. Дрожащими руками он вложил листок бумаги в конверт и спрятал под соломенным тюфяком, чтобы позднее перепрятать в несгораемую шкатулку под кроватью. Оливио затянул широкий кожаный ошейник так, как ей нравилось, и встал на четвереньки.

Не давая Энтону с Эрнстом немедленно броситься на реку, Шотовер воскликнул:

— Ни в коем случае!

В одной руке он держал кружку; между чайниками блестели золотые точки.

— Если поднять шум, не успеем мы зачерпнуть лотками воду, здесь уже вырастет лес заявочных столбов. Отсюда вам видна только одна партия из дюжины человек, но на Мигори работают еще четыре сотни белых золотоискателей. Прежде всего, Джеззи, скажи, когда и где именно ты брала воду, девочка моя.

Иезавель указала на громадную бочку.

— Две недели назад. Я хорошенько вымыла бочку и наполнила ее на Крокодильей стрелке, вверх по реке, где вода свежее. Каждое утро я хожу туда стирать, а на обратном пути зачерпываю ведерко — долить бочку.

Шотовер приготовил четыре лотка. Наполнил каждый до половины водой из бочки — та почти опустела — и, встав, потерев пальцами рубашку Эрнста.

— Как раз то, что нужно. Эрнст, дай мне твою рубашку.

— Это еще зачем? Она у меня парадная.

— Знаю, но, может быть, благодаря ей мы разбогатеем. Кроме того, все, что на тебе висит, заслуживает компенсации.

Энтон хлопнул приятеля по спине.

Шотовер постелил серую рубашку из плотного хлопка на дно пятого лотка. Энтону бросился в глаза аккуратный шов — Гвенн зашила после того, как доктор Фицгиббонс разорвал на Эрнсте рубашку, чтобы вправить ключицу.

Шотовер вылил туда остатки воды из бочки. Процедил и размазал осадок по поверхности мокрой материи. Все безмолвно опустились перед лотком на колени, благоговейно взирая на темную массу из песка, комочков глины, зернышек кварца и крошечных извивающихся живых организмов. Эрнст брезгливо поморщился.

— Такое способны пить только англичане.

Шотовер перенес рубашку на большой деревянный ящик, служивший им с Иезавелью комодом.

— Выпьем по чашечке, пока будет сохнуть.

Все тело Энтона от волнения покрылось потом и натянулось как струна — словно после схватки с буйволом. Он закусил губу и отошел к костру.

— Запоминайте порядок, — сказал Шотовер. — После того как мы выберем место, нужно сразу же получить охранную грамоту комиссара территории. Это десять шиллингов. Как можно скорее оградить участок шестидюймовыми колышками. Потом у нас будет две недели, чтобы решить, где поставить заявочный столб. Каждая заявка охватывает площадь сто квадратных футов и обходится в десять шиллингов. Заявить можно столько, на сколько хватит денег.

— А тем временем придется платить за еду, оборудование, труд рабочих, — задумчиво произнес Энтон, отдавая себе отчет в том, что у него единственного в этой компании есть деньги — поболее нескольких шиллингов. — Нам потребуются еще деньги.

— Вот то-то и оно, мальчуган. Деньги. А тут еще кафры продают яйца по пятьдесят штук шиллинг, не говоря уже о бананах и микроскопических ананасах. Один раз

позавтракать стоит примерно столько же, сколько оформить заявку, особенно если принять во внимание выдающееся во всех смыслах пузо нашего немецкого друга. Придется бедному гансу затянуть пояс.

— Прежде чем начать, внесем окончательную ясность, — сказал Эрнст, с явным удовольствием принюхиваясь к своему грузному, потному телу. Потом он потянулся, почесал белое брюхо. Бронзовая от загара шея казалась от другого туловища. — Делим все на три равные части.

— Четыре, — поправил Шотовер. — Золото наша Джеззи.

— Четыре, — согласился Энтон.

Немец отвернулся.

Часом позже на расстеленной на комодке рубашке осталась лишь малая горстка блестящих зернышек кварца да черных частиц — вроде бы угля. Шотовер протер очки и снова водрузил себе на нос. Затем он склонился над материей и подул. Чешуйки кварца разлетелись по сторонам. Более тяжелые угольные частицы остались.

— Угольная пыль, серый колчедан, — пояснил Шотовер и взгляделся в застывшие лица товарищей. Потом набрал в легкие побольше воздуха и дунул сильнее. Темные частицы поднялись в воздух и отлетели к краю рубашки. Остались одни лишь запутавшиеся в волокнах хлопковой ткани частицы золота.

Энтон поборол волнение. Все бросились обниматься. Джеззи принесла из палатки жестяную коробку от сигарет «Сеньор сервис». Там оказался пинцет. Мужчины напряженно следили за тем, как она собирает в жестянку крупички золота, а затем прячет коробку в карман.

Вечером, у костра, трое мужчин с нетерпением ждали, когда Иезавель откроет заветную жестянку. Наконец она осторожно сняла крышку. Все молча любовались собравшейся в углу золотой пылью. Шотовер еле заметно потрянул коробку, и разнокалиберные частицы заплясали в центре.

— Это только начало, — утомленным голосом молвил Шотовер. — Конечно, нам нужны не эти жалкие пылинки, а их источник — золотая жила, возможно, скрытая в глубине кварцевой породы.

— Как же мы ее узнаем? — заволновался Энтон.

— Узнаем. Это все равно что впервые увидеть прекрасную женщину. Вдруг перестаешь замечать остальных. Кварц, как одежда, показывает ровно столько, сколько нужно, чтобы захотелось ее сорвать. Сколько ухажеров вынуждены были уйти с разбитым сердцем! Зато когда красавица наконец-то капитулирует, это — как дыхание вечной жизни.

* * *

— Работай спиной, парень, — наставлял его Эрнст, наблюдая, как Энтон мучается с киркой среди переплетенных подгнивших стеблей. — Ты никогда не сравняешься силой с черномазыми, если не будешь потеть. — Немец указал ножкой жареного цыпленка в сторону землекопов-кавирондо с лоснящимися черными спинами. — В твои годы я мог работать целый день не разгибаясь.

— Эти корни уходят на три фута в глубину, а потом еще фут чистой земли, прежде чем доберешься до золотоносного слоя. Было бы гораздо лучше, Эрнст, если бы ты взял кирку и

помог. У нас осталось всего пять дней, чтобы подать заявку.

— Нет-нет, только не сейчас. Нужно нанять побольше кафров, а мне хватит с лихвой — руководить этими бездельниками. Ты только посмотри на них. Два шиллинга в неделю, плюс жратвы под завязку, и будь я проклят, если они тотчас не начнут бить баклуши — стоит только отвернуться.

Эрнст обсосал жирные пальцы.

— Чем больше мы будем делать сами, тем меньше понадобится наемных рабочих, — проворчал Энтон. Прошло уже две недели, а они так и не нашли золото.

Он посмотрел на другой берег ручья, где Шотовер, с трудом согнув жесткое туловище, проверял кончик щупа. Землекоп-кавирондо — как Энтон, богатырского сложения — держал перед ним шестифутовый шест. Рядом работало еще несколько африканцев. Каждый погружал свой шест в воду до тех пор, пока он не упирался сначала в илистое дно, а затем в твердый слой гальки и сопутствующего золоту кварца. Шотовер обследовал кончики шестов, решая, стоит ли выдергивать в этом месте водоросли и раскапывать дно.

В тридцати ярдах вниз по ручью, где он впадал в Мигори, стояла на коленях Джеззи, напевая про себя балладу маори и покачивая из стороны в сторону лоток. Потом она вылиwała воду. Джеззи работала самостоятельно, но под вечер бросала это занятие и шла готовить ужин и наводить порядок в лагере.

— Добро пожаловать, джентльмены, — сказал вечером Шотовер и снял очки. — Карты уже ждут.

Энтон поднял глаза от «Дэвида Копперфилда» и увидел троих африканеров [\[17\]](#). Жена Дэвида, Дора, скоро умрет, и он опять останется один.

— Может, молодой человек или немец тоже захотят сыграть несколько партий, — сказал Шотовер гостям. — Познакомьтесь с миссис Грэхем.

Первый африканер скользнул равнодушным взглядом по лицу улыбающейся темнокожей женщины. Он, как и его компаньоны, был одет во все черное — от сапог с толстыми подошвами до круглого котелка. Энтон впервые видел, чтобы кто-нибудь в Африке носил такую тяжелую, неудобную одежду. У африканера было обветренное лицо, изборожденное морщинами. Даже для этой глухомани, где большинство европейцев отпускали бороду, африканер казался на редкость лохматым. Длинная всклокоченная белая борода стояла торчком, словно наэлектризованная.

Энтону вспомнился рассказ Гуго фон Деккена о старых африканских охотниках за слонами.

— Наша фамилия Вегкоп, — по-английски представился бур и, бросив оценивающий взгляд на две колоды карт, кивнул компаньонам. — Это мой брат с сыном. Пусть, пока мы будем играть, племянник почитает у костра Библию и вымолит для нас прощение. Он еще молод для этого греха. Карты, как золото и женщины, — воплощение дьявольских козней на этом свете.

— Вот именно, майн герр, — с угрюмым видом поддержал его Эрнст. — Для того мы и созданы: грешить и каяться.

Вокруг комода расставили стулья и поместили в центр импровизированного стола масляную лампу. Братья Вегкопы покивали головами и уселись. Энтон, Эрнст и Шотовер присоединились к ним, Иезавель возилась в лагере.

— Чашку бульона? — предложила миссис Грэхем после того, как мужчины сыграли немало партий. Она разлила бульон в кружки и протянула одну чернобородому молодому

человеку, сидевшему на бревнышке у костра с раскрытым «Ветхим заветом» на коленях.

Братья взяли бульон и уставились в свои карты, а затем обменялись взглядами и покачали головами. Энтон старался не смотреть на кучку монет возле себя на столе. Все карманы опустели. Рупии и шиллинги, флорины и гульдены, даже два серебряных доллара и золотая канадская монета перешли к нему. Он перевел взгляд на руки братьев Вегкопов. Никогда еще ни у матросов, ни у фермеров или шахтеров он не видел таких натруженных рук. Короткие толстые пальцы и квадратные ладони казались одной сплошной мозолью.

Младший из братьев хотел прекратить игру, но старший не мог остановиться.

— Главное — вера в победу, — убеждал он брата. Из-под прямых широких полей шляпы и седых косм сверкали борозды морщин.

— У нас больше нет денег. На что мы будем играть? Должно быть, это кара, ниспосланная нам свыше.

— У меня идея, господа, — с довольным видом произнес Эрнст, сгребая деньги и передавая Энтону. — Папа учил меня: деньги — дьявольское проклятие. Зато работа — работа сама по себе — главное богатство. Отставим деньги. Вместо монет сыграем на столько-то дней добросовестного труда — на вашем участке или на нашем.

Седой африканер покосился на пузо немца.

— Гульден есть гульден. — В тусклом свете масляной лампы его глаза приняли стальной оттенок, как ружейное дуло. — Если ты проиграешь, сможешь ли ты работать так, как я?

Эрнст, ни разу не моргнув, выдержал недоверчивый взгляд африканера.

— У меня сломана ключица, но, видит Бог, я сделаю все, что в моих силах. К тому же мой друг, этот славный атлет, готов вкалывать за двоих.

* * *

В своем коттедже в Денби Гвенн мелко дрожала, оттягивая тот момент, когда не сможет больше терпеть и разведет огонь в маленькой печурке. В период с октября до марта каждой шахтерской семье бесплатно выдавали шесть ведер угля в неделю. Разведение огня стало для Гвенн первой в жизни обязанностью. Если поспешить, тепло не продержится весь вечер. А если пропустить момент, понадобится больше угля.

Дрожащими негнущимися пальцами она поискала спичку. И вдруг резко проснулась, почувствовав, как что-то шлепнулось ей на щеку. Гвенн хлопнула ладонью по лицу и ощутила твердый гладкий панцирь большого жука. Он дрыгал ножками, больно царапая ей кожу. Она все-таки раздавила жука и сбросила на пол.

По телу прошла судорога. Гвенн потянулась за сползшим на пол одеялом. И услышала.

Над головой в соломе что-то шуршало. Возбужденно пищали летучие мыши. Потом раздался звук быстрых мелких шажков. И наконец, ей на подушку шлепнулся визжащий зверек, а еще один — на одеяло. Полевые крысы! Гвенн вскочила, стараясь не вскрикнуть, чтобы не испугать Веллингтона. Слава Богу, в своем гамаке из ремней, вырезанных из кожи зебры, мальчик в безопасности!

Под босыми ногами Гвенн задвигался пол. Она перебирала ногами, словно в танце, пока крысы, визжа и рыча, искали выход. Сотни острых коготков искололи ей ступни и щиколотки. Она зажгла висячую лампу. Плотный утрамбованный земляной пол был покрыт

живым красно-бурый ковром. Рыжие муравьи!

Через их дом прошло целое войско. Грызуны и насекомые сыпались вниз сквозь солому, выставляя крошечные клещевидные когти. Гвенн увидела у своих ног скорпиона, важно, как паша, восседавшего на спинах двух муравьев. Свисающий хвост без толку жалил насекомых. Рядом упал черный жук-скарабей; лапки облепили рыжие муравьи. Гвенн вспрыгнула на кровать. Ей на плечо опустился жирный паук с облепленными муравьями конечностями.

Муравьи стали карабкаться вверх по ножкам кровати. Самые шустрые уже ползли по одеялу, чувствуя себя немного неуверенно на этой незнакомой территории, шарахаясь то влево, то вправо. К ним присоединились осыпавшиеся со стен. Они были похожи на вышедших из окружения солдат, мечущихся в поисках своей части.

Гвенн съезжилась в изголовье, прижав к груди голые колени. Комната жила своей жизнью. Пронзительно заверещал Велли. Веревка, за которую Гвенн покачивала гамак, превратилась в осклизлый красно-бурый кабель. Мальчик кричал и брыкался.

Гвенн сорвала с него облепленное насекомыми одеяло. Муравьи полезли ей на руки. Велли продолжал надрываться. Его белый пухлый животик потемнел от муравьев. Они проваливались в ямку пупка и вновь вылезали на поверхность. На ножках и шее ребенка пролегли широкие темные полосы — шеренги муравьев. Отдельные экземпляры забрались ему в нос и рот. Мальчик отчаянно чесался и царапался.

Гвенн схватила сына в охапку и по ковру из муравьев бросилась наружу, зовя на помощь Мальву с Артуром. Те сами только что проснулись и вместе с хозяйкой устремились к реке. Гвенн окунула Велли в темную воду. При свете луны очистила его кожу от муравьев. Некоторых пришлось отдирать: так крепко они вцепились в детское тельце.

— Мэм-саиб, это муравьи-солдаты! — объяснил Мальва и побежал за керосином. Вернувшись с канистрой, он натер ребенка. Тогда только муравьи оставили мальчика в покое. Их унесла река. Гвенн еще раз искупала Велли у бережка. Он дрожал и лягался.

Мимо них по мосту шествовало муравьиное войско; некоторые падали в воду. Они заполонили весь остров. Гвенн стояла по щиколотку в воде, прижав к себе малыша. Она велела Мальве развести костер и разбросать угли. За спиной, как будто их режут, квохтали леггорнские куры.

Даже для наших животных, подумала Гвенн, Африка стала злой мачехой. Она села у огня — дала Велли просохнуть. Эта земля не признает их своими хозяевами. Любая вывезенная из дома живность встречала здесь все новых и новых врагов. Блохи. Саранча. Гиены, отгрызавшие у коров вымя. А теперь еще Фонсека и Рейли нацелились на ее коттедж. Как любовно Алан отмечал речными камешками углы их будущего жилища, как корпел над чертежом дома с каменным крылом! Гвенн стоило огромных усилий не разрыдаться.

Но Веллингтон — уже часть этого странного мира. У Гвенн почему-то было такое чувство, будто его поздно увозить в Уэльс.

Однажды в детстве она сидела возле подъемника, ожидая, когда стальные тросы вынесут на поверхность отца. Клеть мучительно медленно карабкалась вверх по стволу шахты — и наконец поднялась. Двое мужчин, похожих на чертей из-за угольной пыли, открыли решетчатую дверь. Гвенн ждала, что сейчас выйдет ее отец с напарниками — в касках с прикрепленными к козырьку фонариками и с пустыми ведерками, в которых они брали с собой в шахту еду.

Однако груз оказался иным. Это был шахтерский пони. Он лежал на боку — мертвый. Его поспешили доставить на поверхность, пока трупный запах не отравил воздух. Передние

ноги были раздроблены, лошадь была черна, как смертный грех. Только свежие раны оказались относительно чистыми. Наконец-то глаза пони вновь обратились к свету!

Гвенн знала: под землей работают сотни лошадей, для них там построена специальная конюшня. Раз в году лошадь поднимали на поверхность — подкрепиться сочной летней травой на горном склоне. Ее купали, но природный цвет было невозможно восстановить. Однажды вечером Гвенн видела таких лошадей пасущимися на холме. Табун прокопченных кастратов жался к краю долины. Лошади имели такой же загнанный вид, как и шахтеры. Сопротивлялись ли они, когда приходило время возвращаться в шахту?

Гвенн поймала на себе сочувственный взгляд Мальвы.

— Сколько обычно длится муравьиное нашествие?

— Если это одно войско, Гвенн-саиб, то один-два дня. А если придут новые полчища, то четыре-пять. Однажды, при жизни моей бабушки, после большого лесного пожара, муравьи-солдаты маршировали по деревне целых семь дней. Обычно они совершают переходы перед дождями.

Мальва вытащил из огня еще пару головешек и рассыпал угли по кругу, защищая горстку людей от муравьев. Гвенн заметила: насекомые двигались узкими колоннами. Живая лента шириной в фут текла по прямой, через дом, оказавшийся у них на пути. При необходимости они просачивались сквозь щели в стенах или под стенами. А преодолев препятствие, воссоединялись и по-прежнему неудержимо двигались на восток, туда, где их приветствовали первые лучи восходящего солнца.

— Мальва, одолжи мне, пожалуйста, твои ботинки.

Она передала Велли Артуру и, надев грубые мужские ботинки с многочисленными латками, побрызгала на них керосином. Вбежала в дом. Кругом копошились муравьи. Кровать кишела насекомыми. Муравьи сыпались ей в волосы. Гвенн схватила свои туфли, ружье и кое-какую одежду для Велли. Собралась было искать журнал Алана, но вспомнила, как Рейли, издеваясь, сунул его в карман и посулил, что будет спать в ее постели. Она гневно сжала кулаки.

Отдав вещи Мальве, Гвенн облила керосином собственные туфли и побежала в яблоневый сад позади бунгало.

Там, за проволочной оградой, сеянцы Энтоня стояли целые и невредимые. Зато от трех леггорнов остались только перья, клювы и когти. Уцелели лишь Адам и одна курица. Петух забрался в дальний угол курятника, под проволочную крышу, и запутался в проволоке — это его и спасло. Он всю ночь провел в подвешенном состоянии. А последняя курица устроилась на ночлег на ветвях тернового куста. Сейчас она методично склевывала муравьев со своих лапок и брюшка.

Гвенн освободила Адама и отнесла обеих птиц к костру. Там она шнурками от ботинок привязала их к походному стулу.

Тем же утром Гвенн перевезла Велли на другой берег. К счастью, винторогие меринсы, за которыми ухаживали кикуйю, остались целыми и невредимыми и еще больше потолстели. Даже зерновые устояли против муравьев, которые все еще маршировали по краю делянки со льном. Карабкаясь по стеблям, некоторые муравьи пожирали желтых гусениц и других, притаившихся под листочками, вредителей. Хотя какая-то польза.

Гвенн взяла пангу и, порубив сухие колючие кусты, выложила из веток что-то вроде моста, ведущего с берега не на другой берег, а в реку. Муравьи-солдаты браво продолжили путь.

Гвенн посмотрела на сына.

Велли сидел с довольным видом на краю одеяла. Потом он переполз на другой край и, низко склонившись над землей, стал изучать кучку рыжих муравьев, а те изучали дырки в земле, из которых время от времени появлялись их черные собратья. Последние вступали с рыжими в схватку, унося добычу в норки. Если несколько рыжих муравьев одолевали одного черного, другие черные устремлялись на подмогу.

Для сына Гвенн, юного африканца, это была игра.

Мальва подпалил кучу хвороста на опушке буша. Дым стелился по земле, окутывая войско муравьев, отважно топающих в реку. Пламя распространилось на «мост»; муравьи лопались и шипели, как сухие зерна на сковороде. Гвенн зажала ноздри и отвернулась.

Может, было бы лучше отдать дом муравьям, подумала она и тотчас устыдилась своего малодушия. Она посмотрела на Велли и приладила руками коротко остриженные волосы. Пора приниматься за работу. Строить новый, каменный дом на своей земле.

Васко Фонсека по-испански воскликнул:

— Не может быть! Я тут двадцать лет надрываюсь, создавая богатство для своей семьи и дожидаясь смерти старой карги, а этот паршивый урод требует половину наследства! Я раздавлю его, как клопа!

Стоя на цыпочках на двух подушках, Оливио подсматривал за ним в дырочку в стене встроенного одежного шкафа. Ухмыляясь, смотрел, как его кузен с перекошенным лицом мечется по комнате, зажав в руке письмо от своего адвоката.

Настойчивый стук в дверь заставил Фонсеку немного успокоиться. Вошли двое.

— Что с твоим глазом, Рейли? — спросил Губка Хартшорн.

— Все та американская сволочь. Теперь глаз гноится. Может, я его и потеряю, но этот ублюдок Слайдер еще заплатит! Костей не соберет!

Оливио так и сяк поворачивал голову, чтобы рассмотреть пострадавшего. В щеку вонзилась заноза. Он приставил к стене чашу леди Пенфолд для омовения пальцев и с наслаждением ощутил прикосновение холодного хрусталя к своей коже.

— К делу, — послышался раздраженный голос Фонсеки. — Пора завладеть фермой Луэллинов. Мы дали ей достаточно времени на размышление. Правительство вот-вот объявит о прокладке новой железной дороги, и земля подскочит в цене.

— Что от нас требуется? — спросил Рейли.

— Теперь, когда река изменила русло, Фонсека должен предъявить права на землю, на которой стоит коттедж, на том основании, что Амброз продал ему все владения на восточном берегу. Тогда мне будет несложно провести через земельное управление нужное решение. Тем временем Фонсека предложит купить у нее остальную землю, а управление подберет ей другой участок.

— Будет артачиться, — вмешался Рейли, — можно устроить на ферме еще одну заварушку. Я лично не прочь нанести дамочке дружеский визит. Я нравлюсь ей гораздо больше, чем она хочет показать.

— Еще одно, — произнес Хартшорн. — На железной дороге можно неплохо заработать. Фонсека должен ускорить строительство завода по производству креозота, о котором мы говорили.

— Какого еще креозота? — удивился Рейли.

— Это что-то вроде древесного дегтя. Все шпалы и телеграфные столбы пропитываются креозотом — для защиты от сырости и термитов. Ваш брат Пэдди с этим справится. Это элементарно просто, а он, с его дремучими мозгами, все равно больше ни на что не годится.

— Вы, чертовы педика, вечно заставляете нас, ирландцев, делать за вас черную работу, — огрызнулся Рейли. — Это мы выиграли войну! Придет время, когда вам, педикам, придется самим таскать каштаны из огня.

Фонсеке наконец удалось вставить слово:

— Может быть, вы, британские джентльмены, как-нибудь потом выясните отношения? Мне еще нужно уладить одно семейное дело.

Опять кузен что-то затевает, с тревогой подумал Оливио.

Удовлетворенный и обессиленный, Оливио лежал, распятый на своем королевском ложе; каждая из его конечностей была привязана к ножке кровати туго натянутой веревкой. На голове красовался белый вязаный чепчик для новорожденного. Отделанный кружевами, чепчик был позаимствован из комода леди Пенфолд, где хранилось так и не пригодившееся детское приданое. Завязки больно давили Оливио на кадык. Прочая детская одежда, перепачканная и изодранная, валялась на полу. С каким удовольствием Кина его наряжала! Как ревновала бы леди Пенфолд, если бы пронюхала! Нагое, сытое тело Оливио в разных местах было измазано шоколадом и любимым порошком какао лорда Пенфолда, смешанным с ореховым маслом.

Голова карлика покоилась в изножии кровати, ниже уровня ног. От прилива крови у него началось головокружение.

Кина спала в гостиной, как щенок, свернувшись калачиком на подушке в углу. Ее прекрасное лицо и паховая область были липкими от шоколада; у ног валялась бутылка знаменитого белого портвейна лорда Пенфолда сорокалетней выдержки.

Оливио потянул носом. Ноздри наполнила смесь всевозможных запахов: ладана, остатков керосина в догорающей лампе, пота и шоколада. И чего-то еще. Дыма. Горящей соломы. Через дверь в комнату вползла слабая струйка дыма и поползла к кровати.

Пожар!

— Кина! — истошно завопил карлик. — Кина! Проснись!

Он сжал крохотную правую ладонь. Из всех сил стиснул пальцы и попытался вытащить руку из веревочной петли. Потом попробовал проделать то же с левой рукой, уменьшая ее в объеме. Послышался треск. Оливио попробовал пошевелить ногами. Но Кина прошла хорошую школу. Он сам учил: чтобы как следует возбудить мужчину, играя на чувстве страха, его нужно надежно связать.

Противоположная стена начала светиться. Висящие на гвозде четки потемнели.

— Кина! — заорал он во всю мощь своих легких. — Кина!

Неужели девчонка так здорово нализалась? Или угорела?

Сверху сильно запахло керосином. Оливио поднял голову. В одно мгновение вспыхнула соломенная крыша. На висящей над изголовьем картине отважные конкистадоры верхом на своих скакунах устремились в огонь. Жалюзи из ротанга, закрывающие близлежащее окно, раскалились и вспыхнули, отворяя перед всадниками врата ада.

В ночной рубашке, закутавшись в одеяло, Адам Пенфолд выскочил из своего бунгало как раз в тот момент, когда Рэк Слайдер начал пинать ногой дверь коттеджа Оливио. Флигель пылал словно факел на фоне ночного неба. В тени притихли группы африканцев; ни один не бросился на помощь, как будто это их не касалось. Пенфолд слышал, как кто-то процедил: «Проклятый Чура Ньякунда» — Желтая Лягушка.

Он ворвался в кухню и намочил в лохани с мыльной водой несколько полотенец. Хромая, выскочил наружу. Из флигеля, пошатываясь и хватая ртом воздух, вышел Слайдер, волоча за ноги бесчувственную Кину. Рубашка на спине американца загорелась, но он не замечал этого.

— Где Оливио? — крикнул Пенфолд, набрасывая ему на спину мокрое полотенце. Обнаженное тело Кины было сплошь в ожогах. Она закашлялась. Вождь Китенджи подхватил дочь на руки.

— Должно быть, в спальне, — еле выговорил охотник.

Пенфолд обернул голову и плечи полотенцем и, вырвав у одного из зрителей пангу,

ринулся в дом. Над ним пылала крыша. Дым вверху был гуще. Пенфолд опустился на земляной пол и пополз в спальню.

Матрас уже начал тлеть. Пенфолд вслепую добрался до изголовья кровати. Нащупал голые ноги Оливио. Потом веревки. Пенфолд рассек их одну за другой и, схватив Оливио на руки, прижал к груди, как дитя. С запястий и лодыжек карлика свисали обрывки пут. Пенфолд рубанул пангой по обгоревшей стене и шагнул в отверстие.

Из толпы выбежал Фонсека.

— Ну как, Адам, он в порядке? Я могу чем-нибудь помочь?

Пенфолд молчал. Волосы и брови были в саже. Он отнес Оливио в бунгало. Положил на свою кровать. Карлик лежал, как обугленная кукла, чернея на белоснежной простыне. К обожженному черепу пристал лоскут от бывшего чепчика из комода Сисси. Пенфолд прильнул правым ухом к его груди. Сердце карлика билось. Адам Пенфолд почувствовал запах горелой человеческой плоти и волос. Как на войне. И почему от горящего человека пахнет жареной свининой?

Пенфолд заметил в дверях Сисси.

— Принеси, пожалуйста, воды и несколько полотенец. И попроси на кухне кастрюлю с охлажденной чайной заваркой. Это поджог. Кто-то облил крышу керосином.

Он начал омыwać тело Оливио. Ожоги на верхней части туловища распространились равномерно, словно человека поджарили в гриле. Сквозь слезы Пенфолд с трудом различал, как обожженная плоть карлика реагирует на его прикосновения. На лице и туловище вздулись волдыри. Между ними отслаивались частички кожи. Пенфолд осторожно снимал их полотенцем.

* * *

— Под нож его! — надрывался попугай. — Под нож его!

Эти крики в приглушенном виде проникали в тот ад, где Оливио корчился от боли. Карлик ничего не видел, но ощущал на своем лице влажное полотенце. Он узнал запах чайной заварки и понял, что жив. Одурманенный опиумом, с пересохшими ртом и глоткой, Оливио прижал к полотенцу разбухший язык и уловил противный запах Кайзера, восседавшего на жердочке в изголовье кровати.

— Пенфолд, что вы дали ему в качестве обезболивающего? — прошептал врач. — Нет ничего болезненнее ожогов.

— О нем позаботился бог Морфей. Я вкатил ему дозу морфия, Фицгиббонс. У меня немного осталось после ранения. Еще немного — и он пристрастится к наркотику, как какой-нибудь чинк [\[18\]](#) в притоне. Опять же, частые ванны. Первые пару дней его рвало, а теперь он делает под себя пи-пи, как престарелый викарий. Что-что, а канализационная система у него в порядке.

— Я осмотрю лицо, а потом мы проткнем самые крупные волдыри и искупаем его в соленой воде. Главное — не допустить инфекции. Каждое утро давайте ему сульфаниламиды и патуку — чтобы моча была ярко-оранжевой. А где девушка?

— Ее только что принесли. Кикуюю вышвырнули ее прочь, как только узнали, что этот маленький дьявол сделал ей ребенка.

— Да ну? Давайте посмотрим, что тут у него, — Фицгиббонс отвернул простыню и

присвищнул. — Вы только посмотрите! Роскошная штука — для такого малыша!

Оливио преисполнился гордости. От двери слышался шум. Несколько мужчин внесли еще одну койку. Оливио услышал, как стонет Кина, и в тот же момент в его бедном теле запульсировала адская боль: кончилось действие наркотика.

Фицгиббонс вздохнул.

— У девчушки останутся шрамы. Зато беби в порядке. А теперь посмотрим, что у бедняги с лицом. Задержите шторы.

Огромным усилием воли Оливио постарался отвлечься от своей агонии. Он вызвал в памяти запах керосина над головой. Керосин! При мысли о заклятых врагах боль отступила. Уж не думают ли они, что он не догадывается, чья это работа?

С лица Оливио сняли полотенце. Он попытался моргнуть. Одно веко не поднималось. Другое непроизвольно дергалось. В открытый глаз ударил свет, как будто в голову налили масла и зажгли, как фонарь. Голова кружилась.

— Интересно, — протянул врач. — Эктопия. С самой войны не видел ничего подобного.

— Эктопия?

— Да, Пенфолд. Видите, веко вывернулось наизнанку вместе с мембраной? Ну, тут еще можно попробовать что-то сделать. А вот с другим похуже. Изъязвление роговой оболочки. Придется носить повязку. А что до кожи, то навряд ли она когда-либо примет нормальный вид. Во всяком случае, маникюр ему не понадобится.

— Что я должен делать?

— Возьмите тряпку и оботрите его. Перед купанием нужно очистить кожу от мертвых тканей, как змея освобождается от старой чешуи. А потом мы устроим ему походную ванну, как на сафари, — Фицгиббонс указал на стоящее в углу большое корыто, снаружи обшитое дубом. — Вот-вот — именно то, что нужно. А вам, милорд, — произнес врач после небольшого молчания, — не мешает потренироваться. Главная работа — впереди: этак через недельку, когда его тело разберется, что оставить, а от чего — избавиться. Вам придется отдирать мертвые куски и устроить еще одну солевую ванну. И уж тогда его не удержит никакой опиум.

— Вы приедете?

— Разве Господь не дал вашей светлости две руки? С ребятами на ферме не соскучишься. — Фицгиббонс начал задыхаться. — С этим справится любая школьница. Вы тут совсем обленились. Нет на вас колбасников!

— Держи колбасника! — радостно завопил Кайзер.

Держа за руку Веллингтона, Гвенн спросила с порога:

— Можно войти, мистер Алаведо?

Мальчик вытаращил глазенки на две забинтованные фигуры, из которых одна была маленьким мужчиной, сидевшем среди подушек, словно разряженная кукла, а другая — крупной чернокожей леди в кресле у его кровати.

— Конечно, дорогая миссис Луэллин! — отозвался Оливио и отвернулся, чтобы Гвенн не видела его забинтованное лицо. Никогда прежде он не сталкивался с такой адской болью и такой заботой, какой его окружили в последние полтора месяца.

— Это моя невеста, мисс Кина Китенджи, — представил Оливио, стараясь как можно меньше шевелить губами. Любое движение причиняло почти нестерпимую боль. — Как дела на ферме «Керн»?

— Очень приятно, Кина. Овцы и коровы жуют себе жвачку, а урожай кукурузы превзошел все ожидания. А вот лен почти полностью погиб. Чай и кофе тоже пока не приживаются. Говорят, нужно было хранить семена в древесном угле, чтобы повысить всхожесть. Бевисы взялись присмотреть за тем, что осталось.

— В будущем сезоне будет легче, миссис Луэллин. Вот увидите. Что привело вас в «Белый носорог»?

— Хочу оставить сына на несколько дней, пока улажу кое-какие дела в Найроби. Этот негодяй Фонсека претендует на тот участок, где стоит мой дом. Через два дня слушания в земельном управлении. Мы можем все потерять. Я должна повидаться с вашим другом, мистером да Сузой, раздобыть денег и нанять адвоката.

— Я дам вам письмо к сеньору да Сузе. К вашим услугам будут все необходимые средства и лучшие юристы Найроби.

— Надеюсь, мне повезет с адвокатом больше, чем Дэвиду Копперфилду, — пошутила Гвенн. Ей вспомнились слова Урии Гипа: «Хоть я и юрист, мистер Копперфилд, но я хочу сказать только то, что сказал».

— Не знаком с этим джентльменом, — признался Оливио. Он что-то лихорадочно соображал. — У нас с вами крупный счет к Васко Фонсеке. Это правда, что он владеет соседней с вами частью бывшей фермы Амброза?

— Похоже, он заранее знал, где пройдет железная дорога.

— Миссис Луэллин, редкий зверь ходит напрямик. Одно могу обещать: под каждым камнем сеньор Фонсека найдет скорпиона. Это вы, милорд?

— Я, дружище, принес тебе лекарство, — Пенфолд нагнулся, чтобы вручить Велли раскрашенную фигурку вольтыжника. — Я могу быть чем-нибудь полезен?

— На этот раз да, милорд. У меня под кроватью есть такая красивая циновка. Под ней — тайник, а в нем — запертый на ключ металлический ящичек. Ключ висит в баре, под прилавком.

— Хорошо.

— Как дела в баре, милорд? Все блестит?

— Стараюсь, но куда мне до тебя! Ладно, пойду откопаю твой сейф, пока миссис Луэллин научит Кину делать перевязку. Гвенн, перед этим нужно дать Оливио морфий.

После того как женщины закончили, Оливио набросился на свою жестянку. Однако

ключ то и дело выпадал из забинтованных — каждый по отдельности, как сигареты — пальцев.

— Пожалуйста, милорд, вы не могли бы мне помочь?

— Охотно, — Пенфолд повернул ключ в замке и заглянул внутрь. — Похоже на расписку от 1918 года. Тебе передаются в собственность десять акров земли. Боже мой! Это же часть бывшей фермы Амброза! И как раз в центре, на реке! Может, продашь ее Гвенн? Это заставит мерзавца призадуматься.

— Нет, милорд. Извините, но вы не понимаете.

Карлик собрался с духом. Как заставить такого мужчину, как лорд Пенфолд, войти в положение слабого маленького человечка, который может расправиться с могущественным врагом одним-единственным способом — чужими руками? Нужен сильный союзник!

— Видите ли, сэр, миссис Луэллин и так с ним судится. Если я отдам землю ей, от этого ничего не изменится. Я преподнесу Фонсеке более изысканный подарок — нового врага! Такого, который еще ничем здесь не владеет. Соседа, который мертвой хваткой вцепится в эти десять акров. Например, молодого мистера Энтона. Когда-нибудь он возместит мне золотом. А теперь, милорд, если вы не против, сожмите мою руку в своей, чтобы ручка не выпала, я хочу отписать мою землю Энтону Райдеру. А миссис Райдер — я хочу сказать, миссис Луэллин, прошу прощения — передаст документ стряпчему в Найроби.

Гвенн зарделась. Пенфолд достал с полки перо и чернила. Сел на кровать. Положил расписку поверх жестянки. Его худые пальцы стиснули крошечные пальцы Оливио. Вдвоем они составили документ о передаче земли.

После всех усилий Оливио чувствовал себя разбитым. Но в мозгу вершилась интенсивная работа. Мог ли он подумать, что существует такая дружба?

Велли засунул голову под кровать и шумно выражал недовольство по поводу укатившегося волынщика. Пенфолд поставил под документом свою подпись. Гвенн смущенно обратилась к нему:

— Адам, вы не дадите мне адрес, по которому я могла бы связаться с Энтонем? Мне понадобится его помощь в Найроби. Вряд ли в полиции меня станут слушать без свидетеля.

— Лолгориен, почта, до востребования. Туда поступает почта для всех золотоискателей. А в чем дело?

— Хочу, чтобы он дал свидетельские показания под присягой. Я намерена привлечь Майкла Рейли к ответу за изнасилование.

* * *

— Нет, ты можешь себе представить? — возмущалась Сисси, заводя патефон. — Эта дамочка входит в здание Верховного суда в центре Найроби и заявляет, что ее изнасиловали! Каково? Изнасиловали, прошу покорно!

— Почему бы тебе не прокатиться верхом, дорогая?

— Во что они превратили страну! Что о нас подумают африканцы? И за каким чертом она пустилась в путешествие без мужа? Говорят, иногда она даже снимает обручальное кольцо! Вы когда-нибудь слышали об изнасилованной леди?

— Я — нет, не слышал.

— Кстати, сокровище, тебе пора выставить из нашего дома эту черную потаскушку и ее

гнома. От них такая вонища — и эти струпья! Из-за его скулежа я не могу уснуть. Воет и воет, пока у тебя не лопнет терпение и ты не накачаешь его опиумом. И потом — Бог знает, что они вытворяют, когда остаются одни!

Ах вот оно что! До Пенфолда наконец дошло. Сисси сроду не трогали шашни в стенах отеля.

Джаз «Пикадилли» в очередной раз заиграл «Танец в "Савое"». Пенфолд отвернулся и, выдавив на стойку несколько капель ружейного масла, начал тереть тряпкой. В баре было чисто, но не так, как прежде — небо и земля. Почему у него не выходит как у Оливио Алаведо?

Карлик лежал на медной кровати лорда Пенфолда. На душе было легко. Она словно парила в воздухе, отдельно от тела.

Где-то неподалеку забивали гвозди. Он что, снова в Гоа, в квартале каменщиков и плотников? Или это колокола бьют тревогу в древней морской крепости и на него веет свежим ветром с океана на Малабарском берегу? Неужели он вернулся домой?

Нет — неравномерный стук молотка говорит о том, что работает африканец. Оливио открыл правый глаз и, повернув голову к окну, увидел свет и копошащиеся фигуры. Боль вернулась.

Да, точно! Для него строят новый коттедж! По словам его светлости, вспомнил Оливио, он скоро будет готов, роскошнее и удобнее, чем первый. С верандой, детской и отдельной ванной комнатой! Он закажет красную черепицу из Гоа. То-то все удивятся!

— Кина, можно войти? — послышался голос лорда Пенфолда. — Оливио, тебе письмо из Лиссабона — судя по виду, от какой-то важной шишки. И еще одно — от твоего толстого приятеля да Сузы из Найроби. Не то что моя почта. Скоро у нас в Уилтшире не останется никакой собственности, кроме древнего колодца, и тот триста лет как высох.

— Милорд, вы не могли бы прочитать мое письмо?

— Конечно, старина. Вот только спущу на пол Веллингтона. Пусть Кина с ним поиграет.

Очевидно, такая замена Веллингтона не устроила: он потопал к походной ванне и пустил плавать пустые ореховые скорлупки.

Позднее, немного одурманенный опиумом, Оливио с удовольствием почувствовал возле своей ноги заветную жестянку. Все надежно заперто. Ключ под подушкой. Он задумался о своей счастливой судьбе и обо всем, что для него сделали его светлость и Гвенн. Нужно будет перевести дополнительную сумму на счет приюта для сирот смешанной расы в Гоа.

Рядом на кровати сидела Кина. Она сунула карлику в рот соломинку. Он пососал ее. Свежий ананасный сок приятно охлаждал рот. К тому же в него добавили рома. Это напомнило Оливио любимый напиток его народа — фени, из сока гоанской пальмы.

Доведется ли ему когда-нибудь вновь насладиться лучшим на земле напитком — кешу-фени? Перед его мысленным взором встали частные виллы богачей. По прохладным террасам прохаживались важные гоанские дамы. Солнечный свет с трудом пробивался к ним сквозь решетчатые стены, украшенные идеально отполированными ракушками. Ценные деревья кешу охранялись пуще наследника престола. Каждая состоятельная гоанская семья держала мальчишку-садовника из касты хинду, в чьи обязанности входило следить за восемью анакардами ^[19]. Маленькие красные плоды кешу росли прямо над орехами. Если из такого плода выжать сок, да процедить, да выдержать в течение восемнадцати лет в темном месте, получается сказочный напиток.

Оливио проглотил слюнки. Наконец-то паршивый повар из «Белого носорога» научился хоть что-то делать прилично. Но можно ли ему доверять? Вдруг он задумал отравить Оливио? Может, пусть сначала Кина снимает со всего пробу?

Карлик привык копить маленькие радости, чтобы компенсировать все, чего был лишен. Есть масса способов получить удовольствие!

Он почувствовал прикосновение к своему телу чьей-то руки. Откинули одеяло. Темнокожая девушка начала массировать ему пальцы ног и ступни, используя глицерин в качестве болеутоляющего. Это ничуть не хуже содержащегося в чае танина. Полные груди щекотали его бедра. Да что же это такое? Они стали еще пышнее!

Итак, размышлял Оливио, поглаживая забинтованной рукой свою жестянку, первый бой выигран. В письме секретарь кардинала доводил до его сведения, что сам председатель палаты по делам о наследстве признал его прямым наследником его преосвященства, покойного архиепископа Гоанского. На очереди дележ.

В Африке дела шли не столь блестяще. Да Суза получил от своих осведомителей в земельном управлении неприятное известие. Ферма Луэллинов и их капиталовложения — в опасности. Под влиянием Хартшорна земельное управление намеревается передать всю ферму Фонсеке.

Время от времени Кина делала паузу и лизала карлика языком. Она что — хочет, чтобы он обратил на нее внимание? Надо же — не забыла его уроки! Работа мастера! Кина медленно продвигалась вверх, воскрешая ту часть его плоти, на которой не было ожогов.

* * *

— Пора проверить, честно ли эти отвратные буры выполняют свои обязанности, — проворчал Эрнст, кладя себе в кофе лишнюю ложку дикого меда.

— Если бы ты работал как Вегкопы, мы бы уже сейчас были богаче кайзера. — Энтон бросил в деревянную тачку ведро и лопату и взялся за ручки. — Они делают все, что могут.

Он покатил тачку туда, где в реку впадал ручей. Сегодня — их последний день работы на сухом участке частично запруженного русла. Завтра они сломают дамбу и дадут потоку вернуться в привычные берега, а сами возведут плотину в другом месте и начнут раскапывать дно.

Деревянное тело Шотовера отказывалось сгибаться, и он продвигался вдоль ручья с самодельными граблями. Из деревянной перекладины торчали четыре гвоздя длиной в четыре дюйма. Он прочесывал слой ила и глины в поисках сопутствующего золоту кварца. За ним следовал рослый кавирондо с корзиной.

— Беда в том, — произнес Шотовер, заслышав за спиной шаги Энтона, — что эта чертова жила никогда не располагается по прямой. Мечется по всему руслу, как коза. Да и само русло не отличается постоянством. Мы так ничего и не нашли. Но где-то же она есть. Не исключено, что полоса кварца в три фута шириной скрывается в одной из этих складок, между слоями гальки и глины.

Шотовер то и дело останавливался и заставлял себя сесть на корточки, согнув колени и прямо держа спину. Он погружал ладони в дно и растирал пальцами илистую массу. Один или два раза он призывал кавирондо — тот бросал ком земли в корзину и относил к ближайшему желобу для промывки.

Желоба высотой в десять футов были равномерно распределены по всему участку. Возле каждого трудился один из Вегкопов. Мутная вода уносила вниз более легкие частицы. Потом африканцы вываливали в лотки то, что осталось. Под немигающим оком африканеров еще трое темнокожих просеивали осадок. Триста лотков в день.

Время от времени, хотя и не часто, мимо проходила Иезавель, собиравшая редкие золотые пылинки в коробочку из-под сигарет. В конце дня они рассаживались вокруг костра. Шотовер разогревал золотинки и сдувал черную железную пыль. Каждый вечер Вегкопы получали свою долю. Остальное Шотовер убирал в палатку. Пока что набралось только две жестянки. Время и деньги были на исходе.

Энтон закатил тачку на вершину холма. Шестеро ватенди, оживленно переговариваясь, рыли туннель. Перед глазами Энтон встала золотая монета, явившаяся ему в пламени костра.

Старший ватенди со скорбным лицом указал на заброшенную яму в шесть футов глубиной. Там жила пара песчаных змей — туземцы считали их своим талисманом. Энтон встал на колени и заглянул в яму. Дохлые змеи лежали на дне. Большая съела меньшую. Но почему она сама сдохла?

Энтон расчехлил нож и спрыгнул в яму. В памяти мелькнуло воспоминание: питон душит Кариоки. Он зажал змею у основания головы и, сделав надрез, увидел частично переваренную жертву, чья вставшая дыбом чешуя и позвонки застряли в горле крупной рептилии. Неужели — сознательный акт мести?

— В чем дело? — крикнул сверху Эрнст. — Ты проголодался?

— Еда съела едока, — пробормотал Энтон.

По-прежнему держа в руке обеих змей, он поднял глаза и остолбенел. Вдоль стены ямы висела сверкающая лента кварца.

— Нужно скорее позвать Шотовера! — вновь обретая дар речи, крикнул Энтон Эрнсту и провел по жиле рукой, счищая грязь. — Кажется, змеи и впрямь сделали нас богачами!

Шотовер стоял на берегу, опираясь на грабли. Энтон крикнул с вершины:

— Мы ее нашли! Золотую жилу!

Старик устремился вверх по склону — навстречу своим партнерам. К нему как будто вернулась молодость.

Однако он быстро выбился из сил и едва волочил ноги. Тело вновь одеревенело, грабли выпали из рук. Тогда Энтон сам устремился к нему. Шотовер дрожал, словно дерево в бурю. И вдруг обмяк и рухнул наземь, как мешок.

Энтон опустился на колени, чтобы поддержать голову Шотовера. Руки старика безвольно повисли. Глаза выкатились из орбит. В горле булькало. Из рта текла слюна. Энтон держал его до тех пор, пока он немного пришел в себя. Тогда он вытер лицо Шотовера своим дикло и помог пожилому старателю подняться. Иезавель с Эрнстом ждали в лагере. У Шотовера был сонный вид. Тело вновь обмякло. Уложив мужа, Иезавель вышла из палатки.

— Кажется, мы нашли жилу, — сообщил Энтон. — В старой змеиной яме.

Он поставил для женщины стул у костра и налил три чашки чаю.

— Я так и знала, — без тени грусти молвила Иезавель, — что мой старый Шотовер не перенесет удачи.

Из палатки послышался шорох. Смочив в чае платок, Иезавель поспешила туда. Приподняв голову мужа, приложила мокрый платок к его губам. К Шотоверу вернулся голос — поначалу в виде хрипения. Он прокашлялся.

— Как я здесь очутился? Выведите меня на улицу. Я хочу видеть небо.

Мужчины вынесли раскладушку с Шотовером на свежий воздух и поставили под инжиром. Сквозь листву проникали солнечные лучи.

— Так лучше, — слабым голосом проговорил Шотовер и отключился.

Утром старик потребовал, чтобы его отнесли к яме на раскладушке.

— Хватай кирку, парень, и сигай в яму, — скомандовал он, возбужденный, как мальчишка.

Стоя внизу, Энтон передавал Эрнсту и рабочим-ватенди отколотые куски кварца. Иезавель протерла очки мужа, и теперь Шотовер внимательно изучал каждый осколок. У него дрожали руки.

— Мне нужно самому взглянуть. Опустите меня туда.

Энтон бросил вопросительный взгляд на Иезавель. Та кивнула. Энтон положил на дно ямы свою кирку. Встав на колени на краю ямы, Эрнст, как ребенка, опустил Шотовера.

Старый золотоискатель трепетал, как лист на ветру. Он вгляделся в жилу, зажмурился и поводил по отвесной стене ладонью. И вдруг открыл глаза и начал, как безумный, скрести ее ногтями.

— Шотовер Грэхем! — испуганно крикнула Иезавель.

Старик тяжело вздохнул и приблизил свои губы к уху Энтона.

— Мы нашли ее, сынок! Наконец-то! Это она, наша жила! Не скажу, что длиной в тысячу футов, но все-таки это золото. Твои змеи — молодцы. Теперь нужно раздробить кварц.

Голос Шотовера звучал все глуше. Вскоре он уснул.

Наутро Шотовер составил план работы на день. Откинувшись на подушки, он медленно, но внятно давал указания.

Еще через день Энтон помог ему сесть на складной стул у костра. Жена принялась массировать онемевшие конечности. Здоровой рукой Шотовер достал карту и начал объяснять. Эрнст слушал с непривычным уважением и время от времени кивал. Энтон тем временем брил старика своей бритвой.

— Так не пойдет, — заявил немец днем позже, перебивая пространный инструктаж Шотовера. — Нельзя руководить операцией на расстоянии. Слишком много ошибок, напрасной работы. Вы должны быть на месте работ. Так что пусть наш дорогой англичанин покопает с бурами, а я сделаю вам кресло Селуза.

К вечеру кресло было готово. Эрнст прибил к складному стулу два длинных шеста — получилось что-то вроде носилок. На следующее утро два рабочих-ватенди поступили к пожилому старателю носильщиками.

— Пускай старый черт отрабатывает свою долю, — буркнул Эрнст.

* * *

— С днем рождения, юноша! — с улыбкой сказала Иезавель и, привстав на цыпочки, потерлась носом о нос Энтона.

— Спасибо, мэм.

Он с нетерпением ждал утреннего чаепития. Этот день рождения обещал пройти гораздо интереснее, чем бывало в Англии. К тому же, сегодня один золотоискатель должен

был вернуться из Лолгориена с почтой. Энтон надеялся получить весточку от Гвенн.

— А мне потереть нос? — пожаловался Эрнст.

— Тереться носами — обычай моего народа, — сказала маори. — У Энтона нос солиднее, да еще с шишкой. И потом, у него день рождения.

— Работать, парни, — окликнул со своего кресла Шотовер. — Золото не ждет.

* * *

«Дорогой Энтон».

Лежа на своей койке, он теребил пальцами золотую серьгу Ленареса и читал письмо Гвенн при свете масляной лампы.

«Велли и Дэвид Копперфилд по тебе соскучились». А сама Гвенн — разве она не тоскует по нему? Так надо понимать?

«У меня для тебя плохие новости. Брат Рейли и Фонсека убили Кариоки — будто бы в порядке самообороны. На самом деле он пытался защитить меня».

Ошеломленный, Энтон сел и отложил письмо.

Кариоки, его лучший друг! Умер! Покинул его, как Ленарес, и виноват в этом он, Энтон. Он сам должен был остаться и позаботиться о Гвенн. Энтон отер слезы. Беда снова пришла от братьев Рейли!

Что же делать? Бросить прииск — сейчас, когда они нашли жилу и у него появился шанс разбогатеть?

«Я собираюсь подать на Рейли в суд за изнасилование и нуждаюсь в твоей помощи. К женщинам, выдвигающим подобные обвинения, плохо относятся, особенно здесь, к тому же Рейли отрицает, что это было насилие».

Значит, она все-таки решила поквитаться с этой свиньей Рейли? Давно пора. Однако Рейли и его шайка — гангстеры, а дело об изнасиловании может вылиться в грандиозный скандал и повредить репутации самой Гвенн. Обычно женщины держат это в тайне. Энтон ощутил гордость за Гвенн.

Но как это отразится на Велли? Что он станет думать о своем отце? Энтон вспомнил свое детство, вечное одиночество, утрату друзей, жажду путешествий. Кто был его отец? Почему мама никогда не рассказывала о нем? Может, сама не знала? Тяжело придется Веллингтону, когда он вырастет. Но, может быть, здесь на это смотрят проще? А Гвенн — не из тех, кто бросает своих детей. Может, попозже он сам будет заботиться о Велли, как о нем — Ленарес.

«С твоим другом Оливио произошел несчастный случай — если это можно так назвать. Сам Оливио считает, что Фонсека покушался на его жизнь, устроив поджог коттеджа. Оливио говорит, если бы ты приехал и помог мне в деле Рейли, у него есть для тебя подарок».

— С днем рождения, Энтон! — заорали у костра. Он отложил письмо Гвенн и поспешил туда.

Все уже собрались: Эрнст, африканеры, Грэхем, рабочие кавирондо и его собственная бригада ватенди. И золотодобытчики с других участков — несколько десятков человек. Одни принесли с собой рыбу, насаженную на рукотворные вертела, другие — выпотрошенных цыплят, оставалось только поджарить. Ватенди предложили к столу песчаную змею,

нарезанную ломтиками, как хлеб. Запах жаркого смешался с запахами жареных бананов и испеченного Иезавелью пирога с изюмом. «Пятнистый Дик» — так она его называла.

Энтон изобразил улыбку, отвечая на мокрый поцелуй Эрнста и его подарок — последнюю бутылку пива. И вдруг часто-часто заморгал и обвел собравшихся растроганным взглядом.

Опять он, как Дэвид, должен распроститься с друзьями. Ему будет не хватать Эрнста, Иезавели и Шотовера. И ужасно жалко бросать золото.

Позднее, когда угли догорели и лагерь погрузился в сон, Энтон лежал на спине в своей палатке и вспоминал прошлый день рождения, проведенный с Кариоки на Рифте. Друг любил охотиться в окутанных туманом Абердарах.

«Знаешь, Тлага, — сказал он однажды, — когда я умру, мой дух будет возвращаться сюда на охоту».

Мысли Энтон перекинулись на Гвенн. Он должен позаботиться о ней. Как светло она улыбалась ветру, когда шлюпка мчала ее в гавань Килиндини! А разве можно забыть, как его рука забралась ей под блузку на ступенчатом каменном холме — сначала на спину, а потом перебралась на грудь?..

Энтону не спалось. Время от времени он выглядывал наружу, чтобы полюбоваться бескрайним звездным простором. В темноте раздались чьи-то шаги. Он напрягся. Человеческая фигура заслонила звезды. Иезавель опустилась на колени у его изголовья и потерлась носом о его нос.

— Мистер Грэхем просил передать тебе подарок ко дню рождения.

Энтон спешился. После долгого пребывания в седле ноги не очень-то слушались. Абиссинский скакун бил копытом по воде и выдувал из ноздрей воздух, пуская пузыри. Он терпеть не мог мутную, засоренную частицами ила проточную воду и теперь с удовольствием пил из незамутненного озера с песчаным дном.

— Пей, Рафики, это все твое.

Энтон побрызгал водой на лицо и шею. Потом взобрался на невысокую скалу и повернулся на восток. От подножия горы Кения с зеленеющими внизу склонами расстился буш, переходящий в саванну с чахлой растительностью, а дальше — в равнину, уходящую далеко на север. Энтон достал из седельной сумки карту. Как он ни торопился — на своих двоих и на любом попутном транспорте, — путешествие от золотых приисков до отеля «Белый носорог» заняло две недели. Скоро он увидит Гвенн. Только сначала нужно отыскать его собственный участок — десять акров плодородной земли, выкупленной у Оливио за жестянку золотой пыли. Его земля! С дичью для охоты, водой и всей Африкой впридачу!

Напившись, Рафики поднял голову. Энтон вскочил в седло. Рафики встряхнул гривой и поскреб копытом песок на берегу, давая понять, что он мечтает упасть на передние колени и поваляться на теплом песке. Однако Энтон погнал вверх по склону, в заросли акации, над которыми выделяли пируэты грифы.

Ветер дул в лицо. Вдруг Рафики нервно загарцевал на месте: повеяло падалью. Энтон пришпорил своего скакуна и достал винтовку из открытой американской седельной кобуры, предназначенной не столько для защиты оружия от внешних воздействий, сколько для того, чтобы им можно было быстро воспользоваться.

— Думаете, она мне пригодится, мистер Слайдер? — засомневался Энтон.

— Пригодится, сынок? Знаешь, что ответил ковбой с Дикого Запада, когда его девушка спросила, почему он все время таскает с собой в Амарилло револьвер? «Можно прожить на Ручке ^[20]год-другой — и ни разу им не воспользоваться. Зато уж если он тебе понадобится, так понадобится!»

В пыли лежали две разлагающиеся туши молодых слоних. Рядом валялись сломанные сучья и ветви акации с необъеденными стручками. Сморщенная серая шкура была сплошь в пятнах помета грифов и марабу. Вздувшиеся животы были распороты — здесь явно не обошлось без льва и гиены. А потом им на смену пришли грифы. Их головы с длинными шеями и сейчас копались во внутренностях. Нетронутыми остались только хоботы.

Грифы подняли головы; из крючковатых клювов свисали куски слоньего мяса. Но эти хищные птицы слишком отяжелели, чтобы взлететь при приближении человека. Они только сбились в шумный полукруг и злобно шипели. Более трусливые марабу закаркали и улетели. Энтон не мог не восхититься красотой их полета, когда эти важные и чрезвычайно полезные птицы — лучшая защита от саранчи — подобрали длинные ноги и втянули шеи в розовые мешки.

Спрыгнув с винтовкой на землю, Энтон привязал возбужденного жеребца к выступающему высоко над землей корню. Прислонив свой «меркель» к ноге слона, взобрался на тушу, чтобы присмотреться к пяти маленьким дырочкам — явно от пули. Две угодили в голову, одна в область легкого и еще две в лопатку — прямо напротив сердца. Энтон достал нож и разрезал толстую кожу. Вскоре он уже держал пулю, прострелившую

легкое.

Энтон дотошно обследовал пулю и убрал в карман. Вытер руки сухой травой и несколько раз обошел место происшествия.

В семи ярдах от убитых слонов он обнаружил следы автомобильных шин и три стреляные гильзы. Отпечатков ног не было.

Он поехал по следам шин на север — это примерно совпало с его собственным маршрутом. Следы привели к месту прокладки новой железной дороги.

Энтон снова спешил и обследовал лежавшие на земле деревянные шпалы. Этот конечный участок узкоколейки явно предназначался для связи с фермами на самом краю африканских владений Британской империи.

Он провел по шпале ладонью и понюхал. Рука стала липкой; от нее исходил резкий, противный запах. Креозот. Оливио был прав: Фонсека с ирландцами уже развернули на принадлежащей ему земле производство креозота. Сердце кольнуло воспоминание о Кариоки.

Мерно покачиваясь в седле, он поехал дальше, погруженный в тяжелые размышления. Слоны. Гвенн. Ленарес. Увидеть бы его еще разок — у костра, со сверкающими угольно-черными глазами. Потолковать о том, о сем. Послушать сказку. Вместе прислушаться к ночным голосам Африки. Он бы объяснил Ленаресу, какой голос кому принадлежит. И что значит день в буше.

Энтон ехал между рельсами и колеей, проделанной автомобильными шинами. Наконец его внимание привлек штабель из телеграфных столбов, пропитанных чем-то темным и липким.

Два часа спустя он миновал заросли акации и въехал на гребень холма, где высился указательный столб с едва заметной надписью «Амброз». Энтон перевел дыхание и огляделся. Вот она, его собственная часть Африки! Он спрыгнул с лошади и растер в пальцах красный песок. Снизу, от подножия холма, валил густой дым. Энтон хлестнул Рафики по загривку.

— Ты где это раскатываешь? — грозно прорычал Рейли, пытаясь схватить Рафики под уздцы.

Позади ирландца на козлах были установлены два длинных — примерно с железнодорожный вагон — стальных цилиндра. У того, что пониже, подле открытой металлической двери суеилось человек пять африканцев с закрывающими нижнюю часть лица повязками. Вонь стояла невозможная. Очевидно, это и был креозотовый завод.

— Рейли, ты нарушаешь закон об охоте. Стреляешь слонов, молодых самок, без лицензии, из автомобиля.

— Только не я. Должно быть, кочегар. Обожает поохотиться — ночью, с фонариком. А теперь выметайся.

Рейли подал знак группе ирландцев, работавших возле второго, более массивного цилиндра, установленного на высоких козлах — он висел на них наподобие жирного паука, подстерегающего жертву. Из цилиндра горячий креозот закачивался в резервуар поменьше, создавая необходимое для пропитки дерева давление. В верхней части каждого цилиндра Энтон заметил измерительные приборы за особо прочными стеклами: один для измерения давления, а другой — температуры, поддерживаемой на уровне 160 градусов. Мужчины приблизились и обступили его полукругом. Энтон выделил грузную фигуру с замасленным гаечным ключом в руках. Пэдди. И револьвер тоже на месте.

Он вспомнил о Кариоки и почувствовал, как в нем закипает бешенство. Терпение. Только терпение!

— Где я могу найти Фонсеку? — спросил он, не обращая внимания на окруживших его мужчин.

— В дороге. Он переезжает в новую резиденцию — бывшее жилье Луэллинов. Не вздумай его беспокоить. — Рейли почесал больной глаз под повязкой. — Похоже, он решил приударить за моей бывшей подружкой.

— При следующей встрече, Рейли, мы немного поработаем над твоими манерами. Это будет нелегко. А пока лучше бы тебе и твоей команде собрать вещички. Вы здесь не задержитесь.

Пэдди ударил Рафики по голове гаечным ключом. Лошадь взбрыкнула. Энтон ее успокоил. Ирландцы гоготали у него за спиной. Отъехав ярдов на сто пятьдесят, он остановился.

Бандиты все еще смотрели вслед. Молниеносным движением он выхватил из кобуры свой «меркель» и всадил пару пуль в измерительные приборы на резервуарах с креозотом.

— Это послужит им предупреждением, — произнес он вслух и двинулся дальше.

У реки Энтон проверил, нет ли крокодилов, и погнал Рафики вброд. До фермы «Керн» было еще далеко. На другом берегу он пустил лошадь в легкий галоп. Лицо обвевал приятный встречный ветерок. Запахи буша успокаивали. Мимо пронеслись пять жирафов; при виде всадника их любопытство быстро сменилось страхом. Энтон приподнял шляпу, гикнул и пришпорил лошадь. Вскоре они обогнали жирафов. Энтон опьянили стук копыт, ароматы цветов и трав и даже поднимаемая ими пыль.

Он миновал деревню самбуру и вскоре добрался до фермы «Керн». Глаза невольно выискивали признаки перемен. В памяти всплывали чертежи, карты и воспоминания о несделанной работе. Коварство сменившей русло реки стоило Гвенн коттеджа, но земля все еще принадлежала ей. Через прореху в изгороди Энтон въехал на пастбище. Слез с лошади и поправил изгородь. Проезжая мимо пшеничного поля, он заметил горы камней и мусора. Нужно будет приложить руки. Лен действительно имел бледный вид. А на краю поля, у реки, стояло тамариндовое дерево.

Энтон пересек овечий выгон. Возле двух палаток и брезентового навеса трудились человек пять: укладывали камни, возводили стены нового дома. В стороне беззаботно играл малыш.

Вот когда Энтон понял, что значит вернуться домой! Все еще сидя на лошади, он привстал в стремях и помахал шляпой. Возле строящегося дома стояла женщина. Она вдруг выронила камень, Отерла лицо. Откинула назад волосы. И, подобрав юбку, ринулась навстречу.

Когда Гвенн подбежала, задохнувшаяся и счастливая, Энтон нагнулся и одной рукой подхватил ее в воздух.

* * *

Кина стояла на коленях меж колючими кустами и обеими руками рвала сморщенные белые цветы. Наконец она наполнила с верхом одну корзину. На ложе из чабреца и шалфея покоились бледно-лиловые лилии и желтые гибискусы. Сложив ладони ковшиком, она

зачерпнула побольше цветов и поднесла к лицу.

Сидя на своей кожаной юбочке, держа полную корзину на коленях, Кина положила на левую ладонь несколько длинных срезанных листьев. Выщипала из нескольких цветков семена и обернула листьями. Все это она скатала в маленький шарик и растерла между ладонями, высвобождая скрытые ароматы. Понюхала. Улыбнулась и положила в пустую корзину. Извлекла из сердцевины лилий горькие желтые тычинки и скатала новые шарики.

Наконец дно второй корзины покрылось неровными зелеными шариками. Кина понюхала ладони и растерла оставшиеся в первой корзине цветы и листья. К лицу прилипли лепестки; некоторые упали на грудь. Кина опустила глаза.

Почему ее маленький повелитель в таком восторге от ее грудей? Другие девушки считали их слишком большими. Мало ей одного изъяна — немоты! После седьмого ребенка ее груди обвиснут ниже пояса и станут волочиться по земле во время работы в поле. Кина потрогала одну грудь и лишний раз убедилась: она стала тяжелее и тверже. Скоро она будет кормить своего первенца. Девушки вечно смотрели на нее сверху вниз: ведь она не посещала вместе с ними молодых парней-кикуйю в буше. Девушки возвращались оттуда разбитыми, счастливыми и с ворохом смешных историй, а потом начинали готовиться к ритуалу обрезания. Зато теперь она наслаждается всеми радостями жизни. Кина рассеянно поласкала себя и задумалась об удивительной жизни, которую ей предстоит разделить с могущественным мужчиной, который ее любит. Она потрогала шрамы на лице. Чем бы еще его порадовать? Когда-нибудь она добьется того, что он и ее отец станут друзьями.

Кина встала и начала карабкаться на холм. За ее спиной, как могущественная покровительница, высилась гора Кения. Кина искала то, что ей нужно.

Наконец она нашла его — местное дерево, которое африканцы называют мукураве. В пору зрелости его плоская темно-зеленая крона сплошь бывает усыпана роскошными белыми и розовыми цветами. Старухи высоко ценят его целебные свойства. Настой коры служит жаропонижающим. Толченые стручки помогают при расстройстве желудка. Но это деревце — еще совсем молодое, с тонкими густыми ветвями. Как раз подходит для ее целей.

Кина поставила обе корзины на землю и проверила несколько веток: согнула и подергала. Наконец она выбрала один молодой сучок и отрезала у основания. Отсекла мелкие, отходящие от него веточки и обстругала — получила прутик; она взмахнула им и порадовалась пронзительному свисту. Оливио будет доволен.

Кина подняла свои корзины и пошла дальше.

А вот и ее любимое дерево — муго — с двумя стволами, светло-коричневой корой, отмеченной красными вертикальными трещинками, и пышными желтыми соцветиями. Она неуклюже — из-за увеличившегося живота — залезла на дерево и уселась на развилку между стволом и толстым, прочным суком, свесив ноги, как в детстве. Кругом болтались плоды в виде розеток. Кина надломил одну спиралевидную капсулу. Внутри коричневой оболочки было множество семян, каждое — с двумя крохотными прозрачными крылышками, чтобы их разносил ветер. Кина высыпала их на ладонь. Старательно надула щеки и что было сил дунула. Кина просила Нгаи о сыне. Семена улетели.

* * *

— Пора нанести визит твоему другу-ростовщику, — сказал Энтону Тони Бевис и, отдав

Мальве пустую тарелку, отошел от костра. Энтон ущипнул Велли за нос и отдал хихикающего малыша матери.

Бевис с Энтоном переплыли реку и вышли на берег.

— Прочь с моей земли! — заорал Васко Фонсека с крыльца бывшего коттеджа Луэллинов.

Не обращая на него внимания, непрошенные гости проследовали к стоявшему неподалеку «виллису» и вытащили из кузова две скрученные шкуры зебры.

— Вы нарушили границы частного владения! — бушевал Фонсека. — Отойдите от моей машины! Согласно решению земельного управления это моя собственность!

— Мистер Фонсека, познакомьтесь с мистером Бевисом. Он — местный представитель охотничьей инспекции. — Энтон развернул одну шкуру — оттуда выкатились два небольших слоновьих бивня. — Я знал, что вы плутуете в карты, но и представить не мог, что вы охотитесь на слонов на автомобиле.

— Мистер Фонсека, покажите вашу винтовку, — потребовал Бевис, катая на ладони уцелевшей руки стреляную гильзу. — Вашу «джеффри-404».

Фонсека презрительно покосился на пустой рукав Бевиса и сжал кулак.

— Ваша богадельня у меня вот где! Я выкупил закладную. Вы просрочили взносы за несколько месяцев. Так что или вы не будете совать нос не в свои дела, или я вышвырну ваших калек к чертовой матери!

— Мистер Фонсека, пятого числа в Наньюки состоится заседание Департамента по охоте. Там и поговорим. Не забудьте прихватить с собой винтовку. А пока что я конфискую эти бивни и патроны.

— Прочь с моей земли!

Прежде чем уйти Энтон как бы между прочим произнес:

— Кстати, мистер Фонсека, вы построили креозотовый завод на моей части бывшей фермы Амброза. Будьте добры до конца недели освободить его.

Анунциата, надевшая, по случаю свадьбы Оливио, обтягивающее шелковое платье, спросила:

— Неужели, Синеглазик, я и вправду тебя потеряла? Прекрасная фермерша похитила твое сердце?

Энтон замялся. Анунциата прижала к его губам два пальца. В карих глазах притаилась печаль.

— Будь осторожен, мой прекрасный англичанин. Свадьбы — вещь заразная. Что бы женщины ни говорили, а каждая мечтает именно об этом.

На веранде «Белого носорога» показалась Гвенн — в тот самый момент, когда Анунциата, встав на цыпочки, поцеловала Энтон. Одной рукой она забралась к нему в карман брюк и прошептала.

— Оставайся таким, как сейчас.

Когда она отошла, Энтон прочел записку:

«Берегись Васко. Мой брат очень опасен».

* * *

Измученный очередной перевязкой, с пульсирующей в висках кровью и забинтованными щеками и лбом, Оливио в последний раз сел на складной походный стул в спальне лорда Пенфолда. Сегодня он и его молодая жена проведут ночь в своем новом доме. Снаружи будет стоять охранник с копьем.

На карлика напялили бежевые брюки и застегнули ремень. Рубашка осталась незастегнутой; из прорехи виднелась безволосая обожженная грудь. Оливио поднял руки, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу, и чуть не застонал от пронзившей все тело адской боли.

Пальцы не слушались. Некоторые из них — без ногтей, гладкие, словно в резиновых перчатках, еще сохранили чувствительность, однако нервные окончания остались без защиты, и от этого боль была просто невыносимой.

Наконец ему удалось зажать пуговицу между большим и указательным пальцами правой руки. Он сосредоточился и попытался захватить воротничок левой рукой, но она никак не хотела помогать правой. Парализованные нервные окончания утратили способность передавать информацию, и Оливио не понимал, добрался он уже до петли или нет, Зато другие заставляли его судорожно хвататься за материю. Вместо того чтобы служить ему, эти некогда чуткие антенны стали его хозяевами. Оливио повторил попытку. Ничего не вышло. Карлик заплакал. Сердце разрывалось от любви и ненависти.

— Можно войти, старина? — послышался голос Пенфолда.

— Прошу вас, милорд. — Оливио отер слезы. От напряжения он весь вспотел, но чувствовал это только одной частью тела.

В одной руке Адам Пенфолд держал пару бокалов, в другой бутылку шампанского, а в зубах — белую уилтширскую розу. Кремовый полотняный костюм Пенфолда был идеально отглажен, но мешковат и удобен, как старый друг. Галстук в черную и бледно-голубую

полоску свободно болтался поверх застегнутого пиджака. Пенфолд поставил напитки и розу на стол.

— Оливио, если ты не уверен, сейчас самое время сбежать. Твой последний шанс. Рафики под седлом.

Оливио выдавил из себя улыбку, чтобы не выдать свою унижительную беспомощность.

— Давай-ка, я тебя соберу. — Пенфолд, кряхтя, опустился на колено и расшнуровал крохотные белые туфли карлика. Вытащил шнурки, помял, чтобы стали податливее, и снова вдел и завязал. Потом он застегнул на Оливио рубашку и повязал красно-зеленый галстук Гоанского института в Найроби. Конец галстука он заткнул за пояс. И передал Оливио бокал.

— Желаю тебе здоровья. И счастья.

Они выпили.

Между бунгало Пенфолдов и новым коттеджем бармена поставили просторную бело-розовую палатку.

За две недели до этого Адам Пенфолд, в качестве посаженного отца, нанес визит вождю Китенджи и официально попросил у него руки Кины для Оливио Алаведо. Пенфолд принес два кубка из рогов буйвола и тыквенную бутылку «ньюхи». Кина стояла за спиной отца. Пенфолд наполнил оба кубка и предложил один вождю.

— Дочка, — сказал тот, поворачиваясь к ней; в глазах светилась грусть утраты, — должен ли я это выпить?

Кина дважды кивнула, не поднимая глаз. Ее отец с англичанином выпили. Потом эти старые друзья договорились о выкупе за невесту: девять телочек, двухлетний бычок, полдюжины шерстяных одеял, завернутые в банановые листья родезийский табак и нюхательная смесь и двадцать бутылок «ньюхи».

И вот теперь Пенфолд стоял в глубине палатки, рядом со священником, держа в руке кольцо, чтобы выполнить свою обязанность шафера. В другом конце он увидел Анунциату, любезничающую с Рэком Слайдером. Ради такого случая американец даже снял шляпу. Здесь же, заложив руки за спину, стоял Раджи да Суза в чалме. Всякий раз, встречаясь взглядом с лордом Пенфолдом, тучный ростовщик сиял и кланялся.

Пенфолд знал: Сисси не придет. Она уехала на весь день кататься с новым постояльцем, в сопровождении только что доставленной своры волкодавов. Предстоящую брачную церемонию она назвала «смехотворной и неприличной». Зато собаки, кажется, приживутся в Африке. Замечательный гибрид: помесь датского дога с шотландской борзой. Плюс толика крови русской борзой.

Гвенн ждала у входа с букетом для новобрачной. По мнению Пенфолда, медовый загар и великолепная осанка сделали ее еще неотразимее. Из-под соломенной шляпы с широкими полями виднелись светлые кудряшки. Зеленые глаза светились радостью.

Веллингтон таскал за собой игрушечную оловянную пушку и безбожно путался под ногами у матери и африканцев. Официанты облачились в парадную униформу: белые кители, сандалии и кушаки и фески лимонного цвета. Некоторые были босиком, зато в плащах. Из бара сюда перетащили пианино; Джилл Бевис заняла свое место на вращающемся табурете. Рядом стоял доктор Фицгиббонс с неразлучным Кайзером: клетку водрузили на крышку пианино. Любимый мангуст Веллингтона по кличке Нэппи крался вдоль стен, вынюхивая ящерицу. Не зря же Велли прозвали Змеедом — в честь французского тирана.

В Африке все выглядит абсолютно естественным, подумал лорд Пенфолд, чего нельзя

сказать о любой другой точке земного шара. Не потому ли он так ни разу и не съездил домой? Здесь даже католическая церковь терпимее — хотя обращение Кины, крещение и конфирмация обошлись ему в несколько гиней. Старый священник объяснил это тем, что на протяжении четырех веков, с самого завоевания Гоа, португальцы испытывали острую нехватку европейских женщин; приходилось мириться со смешанными браками.

Вдруг все стихло. Вошел Энтон с походным стулом в руках. Черные сапоги блестели. На деревянном сиденье восседал Оливио с белой розой в петлице. Энтон поставил стул между священником и лордом Пенфолдом. Оливио немного подался вперед. Его левый глаз был безжизненно тусклым, зато правый сверкал из-под бинтов, словно лампочка на каске шахтера.

У входа послышался шум. Одетый в плащ из обезьяньей шкуры, появился вождь Китенджи, ведя за руку дочь. Он остался стоять у порога — с бесстрастным лицом, сжимая в руке неизменный посох. Одна щека невесты была обезображена шрамами, но все равно она выглядела на удивление женственно в белом платье из хлопка. Казалось, она робеет. Гвенн дружески подтолкнула ее вперед.

Джилл Бевис ударила по клавишам. Грянуло что-то вроде «Наш Бог — нерушимая крепость». На пальце Джилл красовалось новое обручальное кольцо.

— Извините, падре, — прошептал Пенфолд священнику, — она не знает ничего другого. Пенфолд подал знак. К нему прошествовали две женщины и вождь Китенджи. Он же не мог надивиться на Гвенн. Нет, вы только посмотрите! Будь он хоть чуточку моложе, провалиться ему на этом месте, если бы он не надел кольцо на ее палец! О чем только думает юный Райдер? Чего дожидается? Девушка — первый сорт: искушенная, но не испорченная. Она страдала, но осталась чистой и непобежденной. А что за красotka!

Пенфолд протянул руку Оливио; тот ухватился за нее обеими ручками в белых перчатках. Дрожа от перенапряжения, маленький человечек встал. И зашатался в новых ботинках.

— Во имя Отца, Сына и Святого духа... — зачастил священник.

Он не собирался затягивать церемонию. Произнеся скороговоркой нужные латинские слова, повернулся к Кине. Она в знак согласия опустила глаза. Оливио прошептал: «Да», — а лорд Пенфолд от его имени надел обручальное кольцо на темный палец невесты.

Все было кончено. Пианино выдало «Иерусалим» — не без скрипа, однако весьма торжественно. Потом все выпили по бокалу «пиммс». Восседая на своем троне и не выпуская ладошку Кины, Оливио дружелюбно кивал или тихонько что-то говорил каждому гостю по очереди. Забыв о боли, он упивался знаками уважения.

Раджи да Суза произнес тост. С Пенфолдом в качестве запевалы все хором спели «Потому что он отличный парень». После этого Энтон взял Оливио в охапку и отнес в новый коттедж.

Наконец-то избавившись от одежды (если не считать бинтов на голове и пары мягких перчаток), Оливио сидел на кровати и с разинутым ртом рассматривал свое новое жилье.

Изголовье кровати было сделано из резного сандалового дерева. А в изножье вместо зеркала вставили картину — роскошный дар Гоанского института в Найроби.

Центральное место на ней занимал величественный Дворец инквизиции в Гоа. Стены из известняка, тщательно отшлифованного под мрамор, блестели. Дворец освятили в 1560 году, когда Гоа был одним из крупнейших городов мира — больше Лондона, больше самого Лиссабона!

Прищуривав правый глаз, карлик с упоением вглядывался в каждую деталь. И возликовал, когда понял: картина посвящена первому дню аутодафе — исполнению приговора! Твердо решив разделаться с врагами, церковь превратила церемонию казни еретиков в ни с чем не сравнимое действо. Закованные в кандалы индусы и магометане пали на колени перед членами верховного трибунала. Позади них церковники в капюшонах руководили художественным оформлением помоста и старались сделать костер как можно живописнее.

Вдохновляющий пример! Неужели Оливио Фонсека Алаведо станет подходить к своим врагам с менее высокими мерками, чем церковь его предков?

Карлик вновь, как делал всякий раз, творя утреннюю или вечернюю молитву, напомнил себе о своем долге Васко Фонсеке и его ирландским приспешникам. Эти люди не понимают ничего, кроме алчности и насилия. А как насчет мести? В этом они — сущие младенцы. Дикари. В каком-то смысле, причинив ему адские муки, они сделали Оливио одолжение.

Все. Теперь у него развязаны руки. Он ни перед чем не остановится. Кто именно облил его крышу керосином, кто поднес зажженную спичку — это уже детали.

Оливио не мог оторвать от картины глаз. Разве святые отцы не разводили костры еще до вынесения приговора? Неужели он уступит им в мщении?

Даже если забыть о поджоге, его враги совершили вопиющие преступления. Присвоили его собственность в Португалии и Африке. Издевались в баре. А оскорбительная надменность Фонсеки! Шрамы на лице его невесты!.. Кина! Куда делась его жена?

Оливио услышал голоса в прихожей — Гвенн прощалась с новобрачной — и успокоился. Ну, как там Кина, готова ли она?

Все стихло — за исключением почти неуловимого шороха. Похожими на обрубки пальцами ноги Оливио нащупал маленький комочек из тех, которые Кина разбросала по постели, и поиграл с ним, хихикая, когда становилось щекотно. Чтобы как следует выполнить супружеский долг, Оливио запасся морфием. Во рту пересохло. Губы, язык, даже небо и гортань молили о влаге.

На ночной тумбочке стояла бутылка — свадебный подарок Раджи да Сузы. Карлик взял ее обеими руками. Это наверняка не какая-нибудь дрянь, выросшая и забродившая в Кении, а медовый эликсир Гоа.

В соседней комнате послышался приятный свист — Кина пробовала хлыст. Потом раздался щелчок — она стегнула свою драгоценную плоть — и восторженный визг. Его чернокожий ангел готовит ему новое удовольствие!

Оливио положил бутылку на живот и попробовал передними зубами выдернуть пробку. Ничего не вышло. Он в изнеможении откинулся на гору подушек, усыпанных желтыми цветами. Поморщился от боли и попробовал коренными зубами.

Внезапно бутылка открылась, и на живот Оливио выплеснулась густая жидкость. Амброзия. Не просто пальмовая настойка, нет — драгоценнейший из всех нектаров мира, напиток богов — фени-кешу! От счастья Оливио чуть не потерял сознания.

Однако пробка застряла у него в зубах. Более того — она проникла слишком глубоко, чтобы взять и выплюнуть. Оливио начал задыхаться. Он сунул в рот руку, но лишь закашлялся и причинил адскую боль своим обгорелым пальцам.

Дверь отворилась. Голая, с огромными торчащими грудями над выпуклым животом, с отвердевшими, черными как смола сосками, Кина юркнула в постель с новым хлыстом в руке. Она впиалась в рот мужа поцелуем и высосала пробку, оставив у него на языке терпкий вкус чего-то приторно-сладкого. Шоколад! Господи, подумал Оливио, неужели до этой

девчонки никогда не дойдет? Ее еще воспитывать и воспитывать! Противный запах шоколада смешался с неземным ароматом настойки из плодов кешу. А потом всеми чувствами Оливио завладела его жена.

Втягивая в ноздри крепкий сигарный дым, Оливио решил: «Либо "Сенатор", либо "Антильский крем"».

Облачко дыма вползло в полутемный бар раньше самого курильщика. По крайней мере, карлик не утратил свой нюх, которым очень гордился.

Васко Фонсека швырнул на стол панаму и навис над столом, поставив одну ногу в ботинке на высоком каблуке на стул. Потом вынул изо рта изжеванную сигару и тяжело уставился на Оливио.

Как раз в этот день карлику разрешили снять бинты; его жуткий череп напоминал череп фантастического животного. Он, как яйцо или эмбрион, был начисто лишен пигмента. Вместо волос голову карлика украшали многочисленные рубцы.

Боль и жара сделали свое дело. Лицо Оливио утратило всякое человеческое выражение, сохранив чисто физиологические функции. Левое ухо представляло собой дыру, по форме напоминающую ручку кувшина. Тонкая, туго натянутая на крючковатом носу кожа угрожала вот-вот лопнуть. Бровей не было. Осталось лишь несколько волосков на макушке, да кое-где чудом уцелели реснички.

— Приветствую вас, кузен, — поздоровался Оливио, наполняя два бокала красным портвейном «Фонсека-27».

— Ты мне не кузен! — Фонсека топнул ногой и придавил свою панаму любимым портвейном лорда Пенфолда.

— Мать-церковь придерживается другого мнения.

— За такой куш кардинал не побрезговал бы крестить обезьян. Посмотри на себя, урод!

— Каждый гектар земли, каждая повозка, свинья, оливковое дерево, конюшня, ложка, фамильный портрет и бутылка вина — в Эсториале, Оporto, Мозамбике, Макао и Амазонии — наполовину мои.

— Да я скорее лягу с собаками, чем разделю с тобой хоть одно поместье!

— Если вы не захотите договориться, кузен, мои дети будут танцевать на балах во дворце нашей тетушки. Маленькие такие, черненькие, в пышных одеждах — они будут само совершенство! Весь Лиссабон будет добиваться их расположения.

— Что тебе нужно?

— Я отдаю вам мою половину португальских поместий в обмен на всю недвижимость здесь, в Африке. И еще: вы оставляете в покое моих друзей. Вот документ. Вам остается только подписать.

Фонсека вскочил и шагнул к стойке, буравя карлика глубоко посаженными глазами. Куполообразный лоб покрылся испариной. Он залпом осушил бокал и, выхватив «документ», швырнул вместе с остатками портвейна в лицо Оливио.

Потом он взял свою шляпу и ушел. На прилавке остались осколки. По лицу Оливио текли густые, как кровь, капли красного вина.

* * *

— Плохие новости для Гвенн, — сокрушенно произнес Энтон, возвращая лорду

Пенфолду постановление земельного управления. — Пожалуй, съезжу к ней, может, чем-нибудь помогу. Заодно удостоверюсь, что Фонсека прикрыл креозотовый завод.

— Сначала у нее отобрали дом, — проговорил Пенфолд, беря у Оливио свой утренний стакан с виски. При этом он подумал: когда парня ждет такая девушка, надеюсь, у него хватит ума думать не только о креозоте? — Теперь — весь участок. Я сделал все, что мог, но Хартшорн был прав. Земельное управление проводит политику объединения земли и построек в одних руках, так что все получает Фонсека. Ей предлагают новый участок за озером Баринго, где, кроме слонов, ее никто не увидит.

— Вот что я думаю, милорд, — задумчиво произнес Оливио. — Пожалуй, мне тоже не помешает прогуляться на ферму «Керн». Мне нужно многое обсудить с миссис Гвенн и своими глазами посмотреть, что там творится.

— Лучше бы тебе остаться: дорога трудная.

Пенфолд старался не замечать изуродованное лицо карлика. Оливио налил стакан для Рэка Слайдера.

— Четыреста лет назад, милорд, страдая от жесточайшей лихорадки, Васко да Гама отплыл из Момбасы, чтобы найти морской путь в Индию. Двадцать два дня он шел через весь Индийский океан на судне, длиной в три раза превышающем эту комнату. Рядом с ним на лавке ночевала смерть. — Оливио капнул на пальцы в перчатке из кожи импалы немного ружейного масла и начал не глядя, расширяющимися кругами, натирать стойку. — На двадцать третий день Васко да Гама привел свой корабль в Индию.

— Знаешь что, коротышка, — сказал Слайдер, — забирайся-ка ты вон в ту старую колымагу, а я поеду вперед с винтовкой. Кто знает, что нас ждет. Нельзя допустить, чтобы парнишка угодил в передрыгу.

* * *

— Мистер Слайдер, я посоветовал бы вам укоротить постромки, — сказал Энтон, в то же время помогая Оливио устроиться в фургоне, среди подушек. — Еще свалитесь.

— Эх, мальчуган, да я подвязывал собак, когда ты еще не надел свои первые ботинки — конечно, если они у тебя были. Вы, англичане, понятия не имеете, что такое настоящее седло. Судите с точки зрения мула или какой-нибудь старой телеги.

«Подвязывал собак?» — удивился Оливио. Что американец имеет в виду?

Любимый волкодав леди Пенфолд по кличке Мерлин встал на задние лапы и начал царапать его сиденье. Оливио содрогнулся. Может, предложить американцу денег, чтобы вздернул этого монстра?

Мерлин переменял позу и облегчился на переднее колесо.

Энтон хлестнул мулов, и они отправились. Для Оливио это была первая поездка на север от «Белого носорога». Он оглянулся. Лорд Пенфолд и Кина махали вслед. Карлик уцепился обеими руками за сиденье и в ответ покивал им головой. Наконец-то он совершает настоящее мужское путешествие!

— Не слишком быстро? — спросил Энтон, однако его мысли блуждали далеко отсюда — в Англии, по следам цыганских кибиток. Потом они переключились на Кариоки и все, чему научил его друг. На этот раз ему выпала более трудная задача. Сможет ли он правильно выбрать момент для смертельного удара?

— Может, чуточку передохнем? — взмолился немного погодя Оливио. У него ослабли руки. Громадная, не по размеру, соломенная шляпа царапала лоб. Голова превратилась в пылающий бочонок.

Они остановились под сенью тернового дерева. Слайдер не спеша поехал на Рафики дальше. Карлик облизал пересохшие губы. Энтон дал ему оловянную флягу.

— Что привело вас в Африку, мистер Энтон, так далеко от дома?

— У меня не было дома, Оливио. Я приехал сюда за свободой и богатством.

— Точно так же, как и я! И что же — вы нашли то, что искали?

— Не уверен, — Энтон усмехнулся. — У меня есть сто двадцать фунтов на счету в банке в Найроби и три коробка из-под сигарет, полных золотой пыли. Вот только не знаю, долго ли еще я останусь свободным.

Он вспомнил Гвенн. Кто знает, что она такое, свобода?

— Значит, вы теперь богаче его светлости. К тому же он не свободен. Понимаете, мистер Энтон, для всякой женщины брак — это безопасность, а зачастую — и богатство. А для мужчины — сущее разорение. Интересно, стали бы женщины выходить замуж, если бы было наоборот? Едемте дальше.

Ближе к вечеру они разбили лагерь. Оливио попотчевал их блюдами из кухни «Белого носорога».

— Мистер Слайдер, — сказал он немного погодя, — зачем у вас впереди седла эта шишка?

— Это передняя лука, Оливио. У нас на Ручке Сковороды мы присвинячиваем к ней коров для клеймения.

— Вы жарите коров на сковороде и приправляете свининой?

— Ладно, хватит болтать. Нашему юному другу пора бай-бай. А ты что, никогда не спишь?

— Под открытым небом — никогда. Отдыхайте, пожалуйста, мистер Слайдер, а я постерегу.

* * *

Утром, продвигаясь вперед верхом на Рафики, Энтон размышлял о карлике. Проснувшись на рассвете, первым, что он увидел, была гротескная фигура, закутанная в одеяло и сидевшая у потухшего костра. Как плюшевый медвежонок. Мертвый глаз был похож на пуговку — глаз игрушечного зверя. Зато другой сверкал, как раскаленный уголь. Энтону пришло в голову, что разные глаза выражают сущность Оливио, временами примитивного, как звереныш, а иногда — на редкость живого и чувствительного.

Энтон взобрался на вершину холма. От креозотового завода курился дым. Возле резервуаров копошились человеческие фигуры. Он достал из седельной сумки немецкий полевой бинокль. Его охватил охотничий азарт. Подъехали Слайдер с Оливио.

— Оливио, может, вы отдохнете, пока мы с Рэком спустимся, посмотрим, что они затевают?

Карлик наблюдал за всадниками в бинокль. Боль никуда не делась и не денется, но он не обращал на нее внимания. Мулы остались запряженными, их привязали к нижнему суку хинного дерева.

Оливио понимал: друзья не хотели его обидеть, однако испытал горечь. Как когда-то сверстники в Гоа, его считают недостойным мужского приключения. Хотя некоторые дамы считают иначе.

Он поводит биноклем из стороны в сторону. Облизал губы и наставил окуляры на два длинных стальных цилиндра, штабеля бревен и запыленный «виллис» его кузена. Из сарая вышел Фонсека с деревянными козлами в одной руке. На земле, возле ямы с опилками, валялись две длинные пилы с двумя ручками. Третья, с удлиненными зубьями, была воткнута в бревно. Подъехали Энтон со Слайдером.

— Опять браконьерствуете, мистер Фонсека? — Энтон прыгнул на землю и заглянул в кузов «виллиса», где валялись рога носорога и леопардовые шкуры. — Стреляете из автомобиля?

— Вам, англичанам, только и есть дело, что до животных. Сколько ты хочешь за свой участок?

— Сейчас же сворачивай завод и убирайся. Ты портишь мою землю и отпугиваешь дичь.

— Красавец был молодой носорог, — Рэк Слайдер подержал на ладони закрученный рог. — Это подстрелил кто-нибудь из твоих ирландских головорезов?

— А ну бросай оружие в яму! — В дверях сарая показался Пэдди с наведенным на Слайдера ружьем. — И тебе не советую заикаться о рогах, Райдер, а то я знаю, куда их засунуть.

Энтон напрягся. Цыганский нож словно бы начал тихонько продвигаться к руке.

Наверху холма маленькая человеческая фигурка изо всех сил хлестнула обоих мулов. Фургон покатился вниз. Одно переднее колесо наткнулось на муравьиную кучу, и повозка продолжала путь уже на боку. Обезумевшие мулы протащили ее через колючий кустарник.

— Если ты соскучился по своему другу Рейли, — обратился Фонсека к Энтону, — то знай: он поехал с визитом к своей давней милашке. Миссис Луэллин слишком много времени проводит одна.

Слайдер дотронулся до пряжки своего ремня и подмигнул Энтону. Незаметно поворачиваясь к яме с опилками, американец метнул в Пэдди рог и выхватил револьвер.

Сверкнул нож Энтон. Пэдди выстрелил. Грудь Слайдера окрасилась в красный цвет. Он свалился в яму с опилками. Острый цыганский клинок поразил Пэдди в живот.

Энтон бросился на ирландца. Он успел схватиться за ружье, и вторая пуля пришла в воздух. Бандит ошалело посмотрел на свое брюхо и вытащил чури. Энтон отбросил ружье и атаковал Пэдди. Рыча и истекая кровью, тот встретил его с ножом в руке. Сцепившись, они рухнули на край ямы с опилками. Пэдди напоролся спиной на зубья пилы и свалился в яму; Энтон упал на него сверху.

Из опилок на Энтон смотрели мертвые глаза Рэка Слайдера. Энтон боролся с раненым громилой. Пэдди мертвой хваткой вцепился в левую руку Энтон. Одновременно он пытался схватить противника за горло.

Энтон нащупал в опилках свой нож. Их лица сблизились. В пороссячьих глазках Пэдди горела лютая ненависть — как во время их поединка по арм-реслингу. Лапища ирландца добралась до горла Энтон. У того потемнело в глазах. В мозгу предостережением вспыхнули слова Кариоки: «Тлага, ты должен научиться вовремя убивать».

Энтон вонзил чури в ту же рану у Пэдди на животе и повернул лезвие ножа вверх, к груди. Он вспорол Пэдди, как рыбину. Тело ирландца обмякло, только глаза еще несколько секунд продолжали жить, но и они погасли. Энтон выбрался из ямы. Нужно

торопиться к Гвенн! Но когда он попытался встать с четверенек, Фонсека огрел его бревном.

Гвенн пыталась представить себе переезд. Стоя на берегу реки, под тамариндом, она подбросила камешек к одной из пирамид Алана и устремила взгляд за реку, туда, где на горизонте проступали очертания горы Кения.

Она растерла на ладони и понюхала горстку красной земли. Присмотрелась к своим обломанным ногтям и напомнила себе о необходимости надевать перчатки.

Господи, что может быть прекраснее этих мест? Как оставить ферму, ведь она стала роднее Уэльса! Под этим деревом Велли появился на свет. А под этими камнями покоится прах ее мужа. Каждая борозда оплачена тяжким трудом и борьбой. Уже переезд из бунгало в новый каменный дом оставил глубокий след в ее душе. И потом, новый участок расположен в такой глуши! Все придется начинать сначала. Третий дом, другая земля, непривычные звери и растения. Возможно, новые друзья. А Энтон? Уедет ли он вместе с ней? Увидится ли она еще с Адамом Пенфолдом, Оливио и Викторией?

Сзади слышался плеск воды. Гвенн обернулась — Рейли. В ней тяжело заворочались гнев и страх. Ее обидчик въехал в реку верхом на абиссинском пони. Он явно спешил — то и дело вонзал шпоры в бока животного.

Гвенн вскочила и понеслась по полю к своему новому коттеджу. Компактный, построенный по чертежам Алана, с толстыми каменными стенами, он был ничуть не хуже тех, в которых жили фермеры в Уэльсе. Сердце стучало, как барабан. Гвенн ворвалась в гостиную и побежала дальше — в недостроенную кухню. Не найдя ружья, схватила нож. Всего несколько часов назад она оставила свой дробовик в сарае после того, как прогоняла нахальных скворцов с кукурузного поля. Один ствол еще был заряжен. Она выбежала через заднюю дверь, подхватила юбку и помчалась к открытой двери сарая.

Перемахнув через забор овечьего выгона, Гвенн угодила в гущу мериносов. Рейли уже был на берегу и на своем пони скакал навстречу. Овцы бросились врассыпную. Гвенн добежала до дальнего забора в тот самый момент, когда Рейли, неуклюже сидя на лошади, срезал угол и помчался по диагонали через кукурузное поле.

Задыхаясь, Гвенн вбежала в продолговатое, крытое соломой строение. Ружье стояло в другом конце. На голубовато-серых кончиках стволов играли солнечные блики. Гвенн спотыкалась об инвентарь, горы мешков и вязанки сухих кукурузных стеблей. Она бросила нож и схватила дробовик. Рейли, пытаясь, накрыл ее руку своей.

— Счастлив видеть. А ты?

— Пусти!

— Мистер Фонсека послал меня проверить, освободила ли ты его владения. Все это теперь принадлежит ему. Он у себя на заводе. Если твои друзья попробуют сунуться, уж он постарается их задержать. Тем более что теперь все знают, милочка, как мы с тобой близки, — сама раззвонила.

Свободной рукой Рейли стиснул плечо Гвенн. Она залепила ему пощечину. Рейли осклабился.

— Разве так встречают старых друзей?

Его лапа поползла к ее груди. Одновременно ему удалось вырвать у нее ружье и отбросить в сторону. Гвенн затошнило от его пота и нечистого дыхания. Он завел ее руку за спину и прижал ее к деревянной стене. Гвенн отчаянно сопротивлялась.

— Изнасилование, да? — Рейли рванул на ней блузку — посыпались пуговицы — и запустил лапу между грудями.

— Я убью тебя, Рейли! — Гвенн лягнула его лодыжку. Во второй раз она этого не допустит!

— Это же мой байстрюк гоняет здесь с черномазыми. Да подожди, глупая баба, ты ко мне еще привыкнешь и выйдешь за меня замуж, и ферма снова станет твоей.

Слава Богу, что она отправила Велли в «Белый носорог» вместе с Бевисами!

Рейли сорвал с нее блузку и сунул руку за пояс юбки. Гвенн саданула его коленом между ног. Они вместе рухнули на гору пустых мешков.

Чувствуя на себе его тяжесть, Гвенн сосредоточила все усилия на том, чтобы не дать Рейли засунуть ей руку между бедер. Он разорвал на ней нижнее белье. Она завела руку за голову и стала лихорадочно шарить по полу в поисках ружья, но его не оказалось.

Тогда она расцарапала Рейли физиономию и сорвала с глаза пластырь. Рейли все норовил впиться ей в губы своим поганым ртом. Его щетина колола ей лицо. Рука Гвенн продолжала искать ружье.

Она нащупала цинковое ведро. Запустила руку внутрь и поняла, что там такое. Ядовитый порошок для борьбы с паразитами у овец. Смесь мышьяка и соли.

Рейли откинулся назад и стал расстегивать ремень. Гвенн захватила горсть адского порошка и сыпанула ему в глаза и рот.

Рейли вскочил. Он отчаянно мотал головой и отплевывался. При этом он орал так, будто его режут. Гвенн тоже вскочила.

— Сука! — истошно вопил бандит. — Мои глаза!

Он ухватил Гвенн за плечо, но она вырвалась; на коже остались царапины.

Схватив пони под уздцы, Гвенн, как была, без блузки, вскочила в седло. Только на берегу она позволила себе обернуться. Рейли продолжал реветь, одной рукой держась за лицо, а другой отыскивая оружие. Брюки спустились ниже колен, наружу вывалилось белое брюхо.

— Будь ты проклята!

Гвенн заставила пони войти в Эвасо-Нгиро.

Очутившись на другом берегу, злая и испуганная, она хлестнула пони и помчалась кратчайшей дорогой на юг — через участок Энтонна. Стыдясь своей наготы, низко пригнулась к холке лошади.

Пришло время задуматься над словами Рейли. Что Фонсека и ирландцы замыслили против ее друзей? Конечно, они жаждут смерти Оливио — из-за наследства, а Энтонна потому, что ему принадлежит земля, на которой Фонсека построил свой завод. И потому что он — единственный свидетель изнасилования. Успеет ли она предупредить Энтонна?

Лошадь начала уставать. Гвенн погладила ее и успокоила ласковыми словами. На руках осталась пена. Гвенн присмотрелась к лошади. Она явно не робкого десятка, неприхотливая и выносливая. Как раз то, что нужно в Африке. Гвенн порылась в седельной сумке — может, сыщется какая-нибудь тряпица? Однако нашла только бутылку виски, кусок колбасы и журнал своего мужа.

Они въехали в кедровую рощу. Свежий лесной воздух остудил разгоряченное животное. Гвенн огляделась. Среди прямых, голых стволов кедра стали попадаться камфорные и фиговые деревья. Возможно, когда-нибудь здесь можно будет добывать камфорное масло. Она расправила плечи.

Ее внимание привлекли круглые отпечатки слоновьих следов; кое-где виднелись огромные свежие лепешки — живые, влажные, густо нашпигованные семенами и веточками.

Энтон дал Фонсеке неделю, чтобы тот убрался с его земли. Сегодня как раз истекает срок. Значит, Энтон должен приехать. Нужно его предупредить! Взбудораженная слоновьим запахом, лошадь перешла на рысь. Гвенн ударила ее пятками, заставляя пуститься в галоп.

Энтон лежал без чувств у ног Васко Фонсеки. Тот подошел к краю ямы с опилками и устоялся на мертвые тела Пэдди и Слайдера. Эти двое стояли друг друга! Он плюнул и подбросил в яму опилок. Бросил бревно и вернулся к Энтону.

— Сейчас мы тебе накачаем легкие кипящим креозотом.

Рубашка Энтоната пропиталась кровью его врага. Сверху налипли опилки. По лбу бежала струйка его собственной крови.

Фонсека нагнулся и потащил Энтоната за ноги к цилиндру. Там он зацепил ступни Энтоната за нижнюю ступеньку и выпрямился, чтобы передохнуть. Посчитал ведущие к двери ступеньки. Придется сначала забраться самому, а потом втащить Райдера. Фонсека заглянул внутрь стального цилиндра и увидел на липком полу ружье Пэдди.

Снаружи, у другого конца цилиндра, Оливио подобрался к лесенке, ведущей на крышу, и стал бесшумно карабкаться вверх, представляя себе, будто это его персональная стремянка в «Белом носороге».

Прежде чем нагнуться и втащить в цилиндр Энтоната, Фонсека сам шагнул внутрь цилиндра. Гулко застучали по металлическому полу кованые каблуки его ботинок. Он поднял заляпанное креозотом ружье и выбросил наружу. Провел пальцами по трубе с пробитыми отверстиями, через которую в резервуар поступал горячий креозот.

— Отлично, — удовлетворенно произнес Фонсека по-испански.

Дверь захлопнулась. Он бросился туда.

— Какого дьявола? Проклятье! Кто там? Выпустите меня!

Снаружи дверь заперли на щеколду. Фонсека услышал у себя над головой топот маленьких ног. Сквозь узкое — примерно шесть дюймов в ширину и три дюйма в высоту — смотровое окошко с особо прочным стеклом в цилиндр проникал узкий столбик света. Фонсека протер стекло рукавом и, прижавшись к нему лбом, посмотрел наружу.

За стеклом белело чье-то перевернутое лицо — словно белая, в трещинах, яичная скорлупа. Его взгляд уперся в чужие, странные глаза. Один был мертвым, молочно-серым. Другой — распахнутый, немигающий — глядел на него со свирепым изумлением.

Оливио лежал на крыше резервуара. Он изнемог. После крушения фургона все тело терзала жесточайшая боль. Рубашка была изорвана в клочья. Карлик долго смотрел в полные тревоги глаза кузена. Потом постучал о стекло указательным пальцем и спустился по ступенькам. Добравшись до последней, приблизился к металлическому колесу, прочно запиравшему дверь. Но карлик не мог до него дотянуться. Он вцепился обеими руками в спицы. Кожа на груди натянулась — вот-вот лопнет. Однако ему все-таки удалось повернуть штурвал по часовой стрелке, крепко-накрепко блокируя дверь.

От боли Оливио заскрипел зубами. Но медлить было нельзя. Он спустился на землю и осмотрел бесчувственное тело своего друга. По лбу Энтоната бежала струйка крови. Оторвав кусок материи от своей рубашки, Оливио смочил его в воде из фляжки и отер Энтону лицо. Потом заковылял ко второму цилиндру. Присмотрелся к нехитрому механизму закачки резервуара. Поднял голову и заметил поднимающийся над котлом черный дым. К открывшимся ранам правой руки приклеилась перчатка. Оливио попытался повернуть красный рычаг управления в рабочее положение. В руках совсем не осталось сил. Без спасительного опиума каждый нерв кричал о невыносимой боли. Карлик подавил стон и

предпринял новую попытку. Рычаг не поддавался.

Оливио лег на землю. Впервые в жизни он выполнял настоящую мужскую работу.

Он развел руки в стороны. Фонсека яростно барабанил кулаками по металлическим стенкам цилиндра. Подтянув колени к груди, Оливио уперся в рычаг ногами. Рычаг шевельнулся. Карлик замер. По трубе в цилиндр устремился кипящий креозот. На шкале прибора заметалась стрелка.

Когда температура достигла восьмидесяти градусов, Оливио встал и пошел к первому цилиндру. Приложил руку к трубе и через перчатку ощутил тепло. Потом — сильный жар. Не обращая внимания на боль, Оливио тонко улыбнулся. И снова вскарабкался по лестнице.

На крыше цилиндра он остановился — перевести дух и прочувствовать торжественность момента. Видели бы его сейчас мальчишки из Гоа, лорд Пенфолд, мистер Энтон, мистер Слайдер и Кина! И дедушка-архиепископ. Как бы он гордился внуком!

Оливио лег на крышу, прижавшись к ней голой грудью. Свесил голову. Заклепки на стальной крыше врезались в свежие рубцы. Оливио широко раскрыл правый глаз и прижался к узкому окошку.

На него смотрел Васко Фонсека. Глаза вылезли на высокий лоб. Рот немо кривился. Фонсека вновь забарабанил кулаками по металлическим стенам. Цилиндр затрясся. Карлик приложил ухо к узкой щели между дверями и стальной рамой. Он услышал звериные вопли, усиленные эхом. Снова заглянул в окошко и встретил безумный взгляд кузена. Оливио усмехнулся.

Даже вися вниз головой, он видел, как Фонсеку обступает черная жижа. Он представил себе, как она заполняет ботинки, брюки, рубашку, липнет к коже. Беспомощно подпрыгивая, кузен исполнял танец отчаяния, время от времени отскакивая от окна и лишая Оливио столь приятного зрелища. Чувствуя, как накаляется поверхность цилиндра, Оливио вспомнил несколько недель своего заточения в коконе из бинтов. Вспомнил адские муки и то, как на груди лопалась кожа, как у пережаренного цыпленка. И роскошное, обезображенное тело его невесты. И док в Гоа, где его пытали в бочке с оливковым маслом.

Вдруг Оливио отдал себе отчет в том, что расprostертый на земле Энтон шелохнулся. Рядом стоял верный Рафики, облизывая хозяина. Энтон пошевелился еще раз. Нужно будет, как только он очнется, сказать, чтобы мчался во весь опор к миссис Луэллин.

Цилиндр накалился. Оливио в последний раз приложил здоровый глаз к запотевшему стеклу. При этом он расплющил о стекло нос, как мальчишка у витрины кондитерской.

Голова Фонсеки выступала из густой черной массы, как из воротника. Жив он или уже умер? По глазам не было видно. Рот Фонсеки был открыт; он шевелил губами, словно приветствуя первые глотки маслянистой жидкости.

* * *

Лошадь насторожилась — поставила торчком уши. Гвенн прислушалась. Навстречу им по лесу мчалось крупное животное. Секунда — и на тропе появился Энтон верхом на Рафики: они чуть не налетели на нее.

Две лошади резко остановились и нервно, но дружелюбно обнюхали друг друга от головы до хвоста. Энтон схватил Гвенн в объятия. Испуганная тем, что он весь в крови, Гвенн бросила поводья и обеими руками потянулась к его израненному лицу. К глазам

подступили слезы.

— Ты всегда катаешься в таком виде? — прошептал он ей на ухо.

— Один твой приятель сорвал с меня блузку.

Они спрыгнули на землю и привязали лошадей к кедровым деревьям, подальше от тропы. Энтон отдал Гвенн свою рубашку. Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его.

Невдалеке затрещали толстые сучья.

— Слон, — тихо произнес Энтон.

В кронах заверещали и смолкли обезьяны. Пригибаясь, Энтон повел Гвенн к небольшой полянке меж двумя скалами и высоким кедром. Они легли, подстелив его рубашку. Кругом росли грибы и желтые лесные цветы. Тревожно ржали лошади. Время от времени хрустели сучья.

Потом послышалось громкое бульканье — слон справлял нужду. И наконец они увидели: величаво переставляя колонны ног, слониха вывела на поляну детеныша.

Лежа на земле, Энтон и Гвенн наблюдали за тем, как мать ласкает слоненка хоботом, а он неуверенно перебирает ножками. Слониха засунула ему в пасть свой хобот. Слоненок начал сосать. Из кедровой рощи вышел слон — спокойно и уверенно, как фермер выходит на свою кукурузную делянку.

Энтон перекатился на бок и достал из-за пояса окровавленный клинок. Завороженная синевой его глаз, Гвенн следила за его действиями. Не отнимая другой руки от ее обнаженной спины, Энтон перерезал кожаный шнурок. На землю между ними упало золотое кольцо Ленареса.

Упиваясь запахом горячих пирожков с грибами, Адам Пенфолд резюмировал:

— Душераздирающая история. Да, не повезло португальцу. Стыд-позор, что рядом не нашлось никого, чтобы его вызволить. Не мог же ты сам повернуть колесо, да, Оливио?

— Истинная правда, милорд, — подтвердил карлик, надраивая стойку. — У меня слабые руки.

— Надо будет нам с фон Деккеном прогуляться туда, вытащить беднягу из бочки с дегтем — хотя, возможно, там ему и место. Напомни мне взять кусок старого брезента, чтобы не запачкать фургон. Или попробовать отмыть его в реке?

— Вот что я нашел среди личных вещей сеньора Фонсеки, — Оливио протянул Пенфолду золотые карманные часы с поясным изображением охотника. — Достаточно, чтобы выкупить долговые расписки?

— Разумеется, старина, — Пенфолд любовно завел часы и поднес к уху. — Разумеется. Какое счастье, что он не носил их с собой.

Пенфолд попробовал свой джин и добавил лимонного сока. Прихватив с собой блюдо с треугольными пирожками, доковылял до кое-как склеенного квадратного стола.

— Как насчет горячих «самоса» с тамариндовым чатни? — спросил он троицу гостей. Дамы щеголяли в модных плиссированных юбках и французских туфлях на высоченных каблуках. Их грузный кавалер схватил самый большой пирожок.

— Дам пропускают вперед, капитан фон Деккен, — Пенфолд подвинул блюдо поближе к его очаровательным спутницам.

— Non, merci [\[21\]](#), — поблагодарила одна, тщетно пытаясь открыть круглую коробочку из-под балканского табака.

— Восемь месяцев в буше, когда этот тип был абсолютно беспомощен и нашпигован немецкой картечью, генерал Леттов и я его кормили, — обиженно пробурчал Эрнст и положил себе на тарелку еще два пирожка, — а теперь он так и норовит уморить меня голодом.

— Наши прусские друзья не умеют вовремя остановиться, — парировал лорд Пенфолд, рассеянно наблюдая за тем, как Веллингтон скармливает Нэппи сороконожку. Пенфолд подозвал мальчика и дал ему крутое яйцо.

— Это не последняя война. Вот увидите.

Веллингтон покатил яйцо через весь бар, а сам отошел к стойке, чтобы с помощью Оливио вскарабкаться по стремянке. Он выставил на прилавок пару оловянных вольтников. Карлик вытаращил глаза и в который раз подивился глупости англичан. Как мужчины могут носить юбки, да еще в их промозглом климате? Тем не менее, он внимательно присмотрелся к двум коротеньким юбочкам. Теперь, когда он богат, можно позволить себе купить такую юбку в желтую и зеленую клетку для жены. Короткую, плиссированную. Говорят, под них ничего не надевают. В самый раз для Кины. Нужно будет попросить портного скопировать фасон.

Пенфолд следил за тем, как мангуст мучается с яйцом, слишком крупным, чтобы прокусить скорлупу. Наконец Нэппи подкатил яйцо к стене, сам повернулся к ней спиной и захватил яйцо передними лапами. Потом поместил его между задними конечностями и прижал к стене. Скорлупа треснула. Мангуст слопал содержимое.

После смерти Фонсеки, размышлял Оливио, португальская часть наследства переходит к Анунциате. Это делает ее еще более желанной. Сам же он скоро станет богаче губернатора. Втайне Оливио вынашивал новый план: открыть при колледже Св. Павла в Гоа интернат для сирот смешанной расы имени Оливио Алаведо. Его имя будет увековечено на табличке у парадного входа, и, проходя мимо, студенты — особенно студентки — будут с благодарностью вспоминать о своем щедром покровителе.

Похоже, у немца тоже завелись деньжата, иначе с чего бы этим двум красоткам липнуть к этому мужлану? Что у него в коробках? Карлик заглянул под стол. Одна из дам засунула руку под край шорт тучного немца. Другой рукой она — гораздо с большим усердием — ласкала бедро своей подруги. Оливио облизнулся.

В этот самый момент коробочка открылась и соскочила на пол. На полу образовалась дорожка из золотой пыли — как раз на линии «экватора». Зазвенели сто серебряных колокольчиков — это вскочили Черные Тюльпаны. Проворные, как кошки, пригнулись к полу и начали собирать твердые песчинки на блюдце и в пепельницу. Но им мешали длинные алые ногти. Отдельные песчинки провалились в щели между неровными планками из красного дерева.

— Не волнуйтесь, чернушки, это не мое, — Фон Деккен обсосал пальцы и с восторгом уставился на аппетитные грушевидные зады красавиц. — Половина коробочек принадлежит юному англичанину. Это была одна из них. Пусть роет пол, когда вернется. Он не перетруждался.

Оливио взял чистое полотенце и, смочив белым портвейном из подвала лорда Пенфолда, накрыл золотую дорожку. А когда поднял полотенце, оно было сплошь усеяно прилипшими золотинками. Оливио положил его на блюдо.

— Когда алкоголь испарится, милорд, я стряхну это в ванну ее светлости.

Мысленно он добавил: какое счастье, что там не окажется самой леди Пенфолд!

— Где твоя жена, Адам? — любопытствовал немец.

— На скачках в Найроби. Англичанки обожают лошадей.

— А куда делся мой юный англичанин?

— На сафари — со своей любимой. Давно пора. Они наслаждаются друг другом в передвижном лагере, путешествуя налегке в кедровых рощах на нижних склонах. Хотят полюбоваться переходом слонов от горы Кения до Абердарского хребта.

— Совершенно идиотский способ проводить время — теперь, когда они наконец-то вместе! Ели бы русскую глазунью и купались в шампанском.

Карлик закатил глаза.

— Мы в Африке.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга

способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Бвана — господин, хозяин.

Гунтер — охотничья лошадь.

Рагби — город в Англии.

Донга — южно-африканское название образованного водой ущелья или небольшого глубокого оврага (прим. переводчика).

Вельд — южно-африканская степь.

Ротанг — вид пальмы.

Мармит — острый соус.

Фузилеры — французские стрелки-пехотинцы.

Опорто — город в Португалии. Современное название — Порту.

Даман (жиряк) — мелкое животное отряда млекопитающих.

Крааль — загон для скота.

Шлюха! Шлюха! (португ.).

Nein — нет (нем.).

Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1862), английский фельдмаршал, командовавший союзными войсками в войнах против наполеоновской Франции.

Guter Gott! — Боже милосердный! (нем.).

Родстер — автомобиль с открытым двухместным кузовом, складным верхом и откидным задним сиденьем.

Африканеры (буры) — народ в Южной Африке, в основном потомки голландских, а также французских и немецких колонистов.

Чинк — презрительное название китайцев.

Анакард, или кешу (кешью) — тропическое дерево.

Ручка — сокращенное от Panhandle (Ручка Сковороды), шутовское название американского штата Виргиния. Амарилло — город на Западе США.

Нет, спасибо (франц.).